

ISSN 2077-4877

НАУЧНЫЕ ТРУДЫ

Республиканского
института высшей школы

Философско-гуманитарные науки

Сборник научных статей

Основан в 2000 году

Выпуск 20

В двух частях

Часть 2

Минск
РИВШ
2021

В сборник, включенный ВАК Республики Беларусь в перечень научных изданий для опубликования результатов диссертационных исследований, вошли статьи по политическим, философским и экономическим наукам.

Адресован аспирантам, научным работникам, преподавателям высшей школы.

Р е к о м е н д о в а н о
редакционно-издательской комиссией
ГУО «Республиканский институт высшей школы»
(протокол № 6 от 28 декабря 2020 г.)

Р е д а к ц и о н н а я к о л л е г и я :

пред. редкол., д-р физ.-мат. наук проф. *В. А. Гайсенюк*;
д-р филос. наук проф. *В. Ф. Берков*; д-р ист. наук доц. *Г. Я. Голенченко*;
д-р ист. наук проф. *В. С. Кошелев*; д-р филос. наук проф. *В. В. Позняков*;
д-р филос. наук проф., чл.-кор. НАН Беларуси *П. А. Водопьянов*;
д-р пед. наук проф. *В. Ф. Володько*; д-р пед. наук проф. *В. В. Четет*;
д-р психол. наук проф. *И. А. Фурманов*; д-р психол. наук проф. *В. А. Янчук*;
д-р экон. наук проф. *А. В. Данильченко*; д-р экон. наук проф. *В. А. Воробьев*;
д-р полит. наук проф. *В. А. Мельник*; д-р ист. наук проф. *О. Г. Слука*;
д-р полит. наук, проф. каф. политологии *Л. Е. Земляков*

ФИЛОСОФСКИЕ НАУКИ

Ю. Л. Баньковская

Белорусский государственный аграрный технический университет, Минск

Yu. L. Bankouskaya

Belarusian State Agrarian Technical University, Minsk

УДК 101.8:316.3(043.3)

СОЦИОКОММУНИКАТИВНЫЕ ОСОБЕННОСТИ УРЕГУЛИРОВАНИЯ СЕТЕВЫХ КОНФЛИКТОВ

SOCIO-COMMUNICATIVE FEATURES OF THE NETWORK CONFLICTS SETTLEMENT

В работе отмечается, что необходимость выбора действенных мер противодействия конфликтам и разработки эффективных способов их разрешения в ситуации информационного противоборства является следствием неопределенности и неустойчивости функционирования и развития сети. Коммуникация в ситуации конфликта посредством целерациональной, смыслообразующей деятельности индивидов направлена на обеспечение информационно-коммуникативной поддержки принимаемых решений, конкретизацию представления людей о сущности социальных процессов.

Ключевые слова: сетевые структуры; социальная коммуникация; конфликтное взаимодействие; информация; урегулирование конфликтов.

The need to choose effective measures to counteract conflicts and develop effective ways of its settlement in a situation of information confrontation is a consequence of the uncertainty and instability of network functioning and development is noted in the paper: Communication in a conflict situation through goal-oriented, meaning-forming activities of individuals is aimed at providing information and communication support for making decisions, concretizing people's ideas about the essence of social processes.

Keywords: network structures; social communication; conflict interaction; information; conflict resolution.

Нарастание международной напряженности вследствие разворачивания конфликтов между разными государствами и их коалициями актуализирует необходимость обеспечения национальной и планетарной безопасности. Множественность противоречий, неустойчивость, непредсказуемость и нестабильность развития и функционирования общества приводит к нарастанию социальной нестабильности и конфронтации. Происходит постепенное смещение акцента от непосредственного осуществления воздействия на оппонента при возникновении противоречий в сторону опосредованного информационного влияния. «Современный социум, – пишет Е. М. Бабосов. – это такое общество, социальная структура которого выстраивается вокруг сетей, активируемых людьми. Это осуществляется с помощью, переведенной в цифровую форму информации и основанных на микроэлектронике коммуникационных технологий, применяемых повсеместно – в производстве, науке, образовании, торговле, финансах, культуре, спорте, государственном управлении и военном деле. Многогранный процесс осетевления практически включает в свою орбиту все сферы жизни

общества и жизнедеятельности людей» [1, с. 196]. Сети становятся инструментом, используемым террористами, наркодилерами и иными преступниками. К ним обращаются для распространения информации радикалы и активисты. Воздействуя на общественные мнения и формируя ложные представления, они способствуют обострению наличных противоречий, порождая все новые формы противоборства.

Сетевая коммуникация является универсальным механизмом урегулирования конфликтов. Несмотря на их неизбежность вследствие постоянного наличия противоречий во взглядах и убеждениях людей, плюрализма ценностей и мнений, процесс их разрешения необходим для стабилизации системы и ее дальнейшего гармоничного развития. Противоречия задают условия для изменения и преобразования социальной системы. В то время как вне регулятивного воздействия возрастает вероятность эскалации конфликта, приводящая к невозможности дальнейшего существования сети в прежнем качестве.

Сетевая коммуникация является не только формой передачи информации, но и способом установления и поддержания связей с другими людьми, налаживанию взаимоотношений между акторами как внутри данного сетевого образования, так и с внешней средой. Она направлена на формирование нового социального сообщества, его интеграцию, что создает дополнительные возможности для расширения сферы межличностного взаимодействия. Процессы сетевизации общества увеличивают возможности для коммуникативного обмена представителей разных государств. Разделенные географически, сетевые акторы выполняют совместные определенные действия, направленные на реализацию некоторой задачи. Тем самым, упраздняются пространственные барьеры, мешающие реализации коллективного замысла. Следовательно, увеличивается скорость принятия решений благодаря возможности быстрого реагирования на происходящие изменения.

Р. Паркер полагает, что необходимыми условиями эффективности сетевого управления является наличие коммуникативного взаимодействия акторов, направленного на координацию совместных действий и принятие решений [2, с. 116–123]. Его качество зависит от соотношения прямых и непрямых связей между сетевыми элементами, количества вовлеченных социальных институтов, доверия, общей идентичности, наличия контактов акторов онлайн и офлайн, от уровня информационной культуры, имеющихся ресурсов. Наиболее оптимальной стратегией сетевого взаимодействия является формирование таких условий, при которых бы было возможно частичное совпадение интересов акторов, наличия у них стремления следовать намеченным целям.

Быстрая скорость передачи информации, отсутствие возможности полного ее критического осмысления и рациональной переработки приводит к развитию клипового мышления. «В целом сетевое сознание характеризуется максимальной степенью обобщенности, индифферентности, способностью осмыслить лишь одно-два информационных события, монохромностью оценки (хорошее-плохое), смещением традиционной шкалы моральных и общественных ценностей» [3, с. 26–27]. Результатом подобной ситуации является невозможность критической обработки большого массива данных. Следовательно, происходит увеличение доли манипуляторных действий, ибо поверхностность восприятия проблемы продуцирует повышение уровня внушаемости человека при использовании сетевых технологий. Более того, их массовое применение усиливает

инфантилизм, проявляющийся в снижении уровня критического осмысления человеком своих поступков и действий, в уменьшении адаптивных возможностей и неспособности разрешать проблемные ситуации, что также увеличивает возможности массового воздействия на сознание человека.

Манипуляция сознанием предполагает образование киберсимулякров или «виртуальных личностей, которые симулируют репрезентацию реального сетевого пользователя» [4, с. 3]. Киберсимулякры создаются либо в процессе непосредственного сетевого коммуникативного взаимодействия с акторами, либо с целью формирования у них определенного видения ситуации, либо благодаря искусственному опосредованному оцениванию и поощрению соответствующих действий, реализуемых пользователями сети. Следовательно, сущность, смысл, контент и ценность сообщения определяются «сетевой информационной коммуникационной активностью, которую осуществляют киберсимулякры при взаимодействии с другими пользователями в Интернете, осуществляя при этом совместную выработку коллективных смыслов и мнений» [5, с. 19]. Пропаганда некоторых идей и создание иллюзии их массовой поддержки выступают в качестве условий манипулирования сознанием.

Специфика взаимодействия сетевых элементов обусловлена смешением приватности и публичности. С одной стороны, человек использует технические средства защиты личной информации, с другой стороны, он сам публикует личные данные, тем самым, открывает возможности для их использования в деструктивных для себя целях. Тем самым усиливается рискогенность, обусловленная неправомерными действиями сетевых элементов, что приводит к возникновению противоречий и обострению проблемы социальной безопасности.

Отсутствие надежной системы государственного страхования личной информации, находящейся в сети, неизбежно приводит к возникновению конфликтов, которые сложно урегулировать посредством современных законодательных актов. Необходимо совершенствование механизмов хранения конфиденциальности информации о частной жизни, обеспечивающих сохранность данных от взлома и создающих условия для максимального контроля над предоставляемыми сведениями. Кроме того, многие пользователи не осознают степень риска, которому они подвергаются при сетевом общении, не обладают информацией о собственных правах и мерах, предпринимаемых в рамках информационной безопасности. Человек должен осознавать это и нести полную ответственность за те сведения, которые он предоставляет в сети другим акторам. Следует помнить, что все используемые данные сохраняются. В сети возрастает опасность утечки информации, увеличивается риск невозможности принятия верного решения вследствие ее неполноты, противоречивости, искажения, блокировки. Использование информации как инструмента воздействия на конфликтующую сторону позволяет противнику нанести ущерб без применения имеющихся у него материальных ресурсов.

Подвижные границы информационного пространства не дают возможности осуществления централизованного контроля над информацией, проведения монопольного государственного регулирования всех возникающих противоречий. В том случае, если государство будет в сфере регулирования конфликтов в сети опираться на силовые методы воздействия, осуществляя тотальный контроль над всеми сетевыми образованиями, возникнет недовольство общества.

Подобные меры снижают уровень гражданской свободы людей. А, следовательно, возникает стремление к противодействию. Необходимо отойти от силовых методов воздействия на конфликтную ситуацию. В условиях сложного, нелинейно развивающегося мира, широкой доступности информации силовое воздействие может привести к неконтролируемым последствиям, при которых в зону конфликта будут втянуты внешние по отношению к сети элементы.

Государство, опирающееся на определенные правовые нормы и законы, способно оказывать регулирующее воздействие на процесс сетевого взаимодействия. Оно обладает возможностями для блокировки доступа к информационным ресурсам, имеющим деструктивное воздействие на функционирование социальной системы. «Система социального контроля в своих функциях коррелирует с работой системы обеспечения социальной безопасности, которую, прежде всего, реализует государство. Обеспечение социальной безопасности призвано сбалансировать конфронтационные и другие интересы различных социальных групп ради удовлетворения общих жизненно важных интересов каждой личности, группы и общества в целом» [6, с. 41]. Однако государство не затрагивает все проблемы, возникающие в процессе сетевого взаимодействия акторов. Более того, в ряде случаев невозможно привести в действие управленческое регулирование, так как возможности стабилизации социальной системы ограничены. По этой причине эффективность существующих ценностно-нормативных стандартов находится в прямой зависимости от стремления человека к их соблюдению.

Процесс создания и культивирования ценностей становится значимым фактором формирования сетевой структуры. Ее функционирование невозможно вне ценностно-нормативных стандартов, вырабатываемых в процессе коммуникации и оказывающих регулирующее воздействие на форму акторного взаимодействия и правила поведения. Посредством коммуникации создаются единые сетевые ценности и нормы поведения акторов. Проблема их формирования заключается в том, что до сих пор остаются неразработанными единые правила пользователей. Существует множество норм, соответствующих тем или иным объединениям. При этом отсутствуют общие ценности, которые бы объединили между собой все сетевые элементы. Данные факторы служат причиной возникновения множества противоречий, отсутствия согласованности интересов разных сетевых структур. С целью устранения неопределенности в моделях поведения акторов, неустойчивости существования социальных норм и преодоления фрагментарности знаний человека о функционировании сети необходимо создание специального института, задачей которого явилась бы выработка ценностных аспектов сетевого взаимодействия, способов их освоения акторами.

Можно выявить следующие механизмы регулирования сетевых конфликтов. Во-первых, блокировка сообщений отдельных акторов или удаление контактов с ними. Последствиями данной ситуации выступает, как постепенное затухание конфликта вследствие отсутствия взаимодействия между непосредственными конфликтующими сторонами, так и его продолжение благодаря действиям других субъектов, приобщившихся к противоборству. Во-вторых, угроза исключения субъекта из социальной сети. Однако подобный подход является действенным только в том случае, если сетевое образование значимо для актора, определяет его социальный капитал. В-третьих, одним из наиболее действенных способов разрешения конфликта в сетях выступает цифровая верификация кон-

текста, заключающаяся в проверке цифровых водяных знаков, биометрических данных и координат. Это позволит снизить уровень дезинформации сетевого сообщества, повысить ответственность отдельных акторов за транслируемые ими сообщения. В-четвертых, продуктивному разрешению сетевого конфликта могут поспособствовать посреднические действия акторов, осуществляющих мониторинг ситуации и проверку информации. Данные сведения смогут быть транслированы международному сообществу, которое бы принимало конструктивные меры по урегулированию противоречий.

На основании сказанного можно сделать следующие выводы.

1. Информационное противоборство становится одним из основных способов воздействия на проблемную ситуацию. Оно содействует формированию мнения определенных социальных групп о противоречии, влияя, тем самым, на алгоритмы принятия решений, социальное управление и регулирование конфликтов. Неконтролируемость, анонимность, отсутствие единых ценностных ориентиров и строгой системы контроля за трансляцией информации, многоканальность, гипертекстуальность, интерактивность сетевой коммуникации обуславливают неконтролируемость конфликтов. С целью снижения уровня остроты противоречий должны быть приняты основные меры, регулирующие деятельность людей в рамках информационно-коммуникационного пространства.

2. Тенденции развития сетевых конфликтов диктуют необходимость создания новых или совершенствования уже существующих стратегий и способов их разрешения. Исследование природы противоречий в сетевых структурах практически востребовано в связи с наличием возможности быстрого разрастания конфликта, его деструктивного воздействия на все сферы жизнедеятельности общества. Условием безопасности сетевого коммуникативного сообщества является соблюдение норм и правил использования, обмена и распространения информации. Защита прав и свобод личности должна быть гарантирована соответствующими законодательными и нормативно-правовыми документами.

Список использованных источников

1. *Бабосов, Е. М.* Роль креативности личности в развитии сетевого общества / Е. М. Бабосов. – Минск: Беларуская думка, 2019. – 300 с.
2. *Parker, R.* Networked Governance or Just Networks? Local Governance of the Knowledge Economy in Limerick (Ireland) and Karkskrona (Sweden) / R. Parker // *Political Studies*. – 2007. – Vol. 55. – P. 113–132.
3. *Егорова, А. Г.* Сетевое мышление: деградация или прогресс? / А. Г. Егорова // *Fundamental Research*. – 2014. – № 9. – С. 26–28.
4. *Мухин, В. И.* Формы и способы виртуализации массовых настроений в интернет-пространстве путем внедрения киберсимулякров в информационно-коммуникационные сети / В. И. Мухин, И. С. Рекунов // *Информационные войны*. – 2015. – № 4. – С. 2–4.
5. *Володенков, С. В.* Киберсимулякры как инструмент виртуализации современной массовой политической коммуникации / С. В. Володенков // *Информационные войны*. – 2014. – № 4. – С. 18–21.
6. *Владимирова, Т. В.* Социальная природа информационной безопасности / Т. В. Владимирова. – М.: АНО Изд. дом «Науч. Обозрение», 2014. – 239 с.

(Дата подачи: 16.02.2021 г.)

Е. В. Беляева

Белорусский государственный университет, Минск

E. V. Belyaeva

Belarusian State University, Minsk

УДК 17.026

О СПЕЦИФИКЕ МОРАЛЬНОГО ДОВЕРИЯ И ЕГО КАТЕГОРИАЛЬНОМ СТАТУСЕ В ЭТИКЕ

ABOUT THE SPECIFIC OF MORAL TRUST AND ITS CATEGORICAL STATUS IN ETHICS

Статья посвящена исследованию специфики морального доверия, а также особенностям этического подхода к категории доверия, в отличие от социологических и психологических ее трактовок. Исторические особенности морального доверия в традиционной, современной и современной системах нравственности определяются характеристиками морального субъекта. Моральное доверие как этическая категория фиксирует аксиологический феномен уважения к нравственным качествам другого человека, к его моральной субъектности, к осуществимости моральной регуляции и не предполагает договора о взаимности.

Ключевые слова: доверие; моральное доверие; моральный субъект; категории этики; традиционная нравственность; нравственность современная.

The article is devoted to the study of the specifics of moral trust, as well as the features of the ethical approach to the category of trust in contrast to its sociological and psychological interpretations. The historical characteristics of moral trust in traditional, modern and contemporary systems of morality are determined by the characteristics of the moral subject. Moral trust as an ethical category fixes the axiological phenomenon of respect for the moral qualities of another person, for his moral subjectivity, for the feasibility of moral regulation and does not imply a reciprocity agreement.

Keywords: trust; moral trust; moral subject; ethics categories; traditional morality; morality of modernity.

В научной литературе XXI в. доверие стало активно изучаться в контексте различных гуманитарных дисциплин, приобретая в каждой из них категориальный статус в соответствии с задачами данной области знания. Наиболее значительные исследования данного феномена принадлежат Н. Луману [1], А. Селигмену [2], Ф. Фукуяме [3], П. Штомпке [4]. Экономисты и политологи рассматривают доверие как ресурс для достижения целей, социологи и психологи исследуют механизмы функционирования доверия в современных обществах и у конкретных людей [5, с. 30–31].

Причина внимания к данному феномену коренится в общих характеристиках современного мира, который характеризуется как глобальный и рискованный одновременно. «Доверие есть способ сосуществования с неустранимой неопределенностью» (З. Бауман) [6, с. 226], «доверие и недоверие – это способы справиться с неясным будущим» (П. Штомпка) [4, с. 325], оно связано с риском и случайностью современного мира (Э. Гидденс) [7, с. 150]. «Потребность в долговечных, стабильных и обладающих всеобщим признанием структурах

доверия коренится в фундаментальном индетерминизме социального взаимодействия» (А. Селигмен) [2, с. 8].

По этим авторитетным свидетельствам доверие является ответом на изменившееся положение человека в современном мире, выступает формой его «онтологической безопасности» (Э. Гидденс) и в целом рассматривается как свойство сложной социальной системы, необходимое для обеспечения ее устойчивости и саморазвития. Проработка проблемы достигла такой глубины, что стали возможны междисциплинарные исследования проблемы доверия, в которых, однако, этическая составляющая остается во многом периферийной. Поэтому определение специфики морального доверия и пояснение его категориального статуса в этике заслуживает самостоятельного рассмотрения.

В докладе «Доверие в моральном пространстве», сделанном в 2017 г. [5], П. Штомпка рассматривает социальные измерения морального пространства, то есть трактует мораль исключительно как социальное явление и предмет социологии. В этике же мораль предстает как духовное явление, которое не редуцируется к социальной регуляции как целостный приоритетный предмет анализа, в структуре которого доверие обретает специфические черты и категория морального доверия может обрести особый статус.

Вопрос состоит в том, стоит ли в рамках этических исследований рассматривать доверие как нравственную ценность или нравственную норму, как тип нравственного отношения, как добродетель (качество личности), как нравственный идеал, к которому нужно стремиться? Либо же доверие не имеет в этике категориального статуса и является не более, чем общеупотребительным гуманитарным термином? Целесообразно ли говорить о «моральном доверии» как чем-то специфическом по сравнению с другими видами доверия, либо следует рассуждать о «доверии в морали» и таким образом переносить в этику общие характеристики феномена доверия? В последнем случае самостоятельной этической категорией оно не является, так как выступает аспектом других нравственных явлений. Как считает Т. И. Пороховская: «тема доверия – это особый ракурс рассмотрения многих уже известных проблем, таких, как солидарность, справедливость, взаимность, легитимация и др., – рассмотрение их с точки зрения индивида» [8, с. 62]. В. Ю. Перов, назвав статью «Проблемы морального доверия», в сущности, точно так же переносит в область этики достижения социологии: «моральное доверие (доверие в этическом значении) – отношение, способствующее обеспечению устойчивых совместных (солидарных) взаимодействий, осуществляемое посредством возложения (передачи) полномочий по осуществлению значимых функций на других» [9, с. 155]. Автор не поясняет, какие именно моральные полномочия могут быть переданы другим людям, тем более что наиболее значимое из них – это сама способность быть моральным субъектом, и она в принципе не может быть возложена на другого.

Для того, чтобы доверие могло обрести статус этической категории, необходимо охарактеризовать специфику феномена морального доверия, понять, какую собственно этическую проблематику оно центрирует.

П. Штомпка указывает, что «существует шесть моральных связей, которые составляют основу морального пространства (лояльность, взаимность, солидарность, уважение, справедливость и доверие)» [5, с. 37], т. е. рассматривает доверие как самостоятельную нравственную ценность, а не средство для достижения стабильности, консолидации и пр., хотя его содержание пересекается

со всеми перечисленными понятиями. Иногда создается впечатление, что данные параметры «морального пространства» весьма схожи и их перечисление является умножением сущностей сверх меры, подлежащим бритве Оккама. Однако в гуманитарной области популярным является как раз множественность терминов, обозначающих разные аспекты одного явления, флуктуация тематики из одной предметной области в другую. Если понятия отражают сущности, то их действительно умножать не следует, но если речь идет о феноменах, то их специфические проявления не должны сводиться к единообразию и, соответственно, их именованию следует разнообразить. Поэтому сопоставление доверия с другими сходными явлениями, выявление специфики морального доверия по сравнению с доверием в других контекстах, представляется важным.

Во-первых, моральное доверие проявляется как фундаментальное отношение к Другому как к хорошему человеку «с глубокой уверенностью в том, что большинство людей разделяют общечеловеческие ценности и потому достойны доверия» [9, с. 170]. Еще в советском «Словаре по этике» давалось общее определение доверия как «отношения к действиям другого лица и к нему самому, которое основывается на убежденности в его правоте, верности, добросовестности, честности, искренности» [10, с. 79]. Как полагает П. Штомпка, доверие проявляется «как ожидание добродетельного поведения со стороны других по отношению к нам» [5, с. 37]. Кроме того оно функционирует именно как нравственный феномен: доверие – «это механизм, способствующий организации коллективной жизни при отсутствии внешних источников управления и принуждения, таких как государство и закон», – отмечает С. С. Шушпанов [11, с. 9]. Подобная установка предполагает не только веру в добрую природу людей, но и общую веру в мораль как особую реальность человеческих отношений. И наоборот: отсутствие доверия и сознательный отказ от него – это косвенное поощрение безнравственности. Доверие к людям начинается с доверия к морали, а потому получает положительную моральную оценку и может рассматриваться как нравственная добродетель в противовес недоверчивости как подозрительности не только к конкретным людям, но и к морали в целом.

Во-вторых, моральное доверие – это аксиологический, а не гносеологический феномен, он проявляется не в познавательной деятельности, а в нравственных поступках. Поэтому целесообразно соотносить его не с верой и уверенностью (как, например, в словаре Брокгауза и Евфрона [12, с. 455]), а с верностью, справедливостью солидарностью. В отличие от истинности знания как предмета доверия в познавательном процессе, предметом морального доверия выступает неразглашение доверенных сведений, выполнение обещаний, возможность для слабого довериться чести сильного. Соответственно, разрушение доверия переживается не как сомнение, скепсис, критический взгляд на вещи, а как предательство.

В-третьих, моральное доверие надо отличать от договорных форм взаимодействия и социального обмена, к которым сводят доверие многие экономисты и социологи (например, Н. Луман). Для этики ближе позиция А. Селигмена, по мнению которого доверие должно выходить за рамки ролевых ожиданий и социальных предписаний. Несмотря на то, что существование моральных правил предполагает взаимность в отношениях, доверие дает аванс доброжелательности, не проверяя нравственные отношения на реципрокность. Начиная с «золотого правила нравственности», мораль реализуется как активность субъекта, который сам, первый, без изначального расчета на ответную доброту, утверж-

дает в своем поведении нормы правильной жизни, и, в частности, доверие. Оно существует как самоцель, не выступая средством для чего-то другого. Оно есть характеристика морального мира, свидетельствующая о проявлении моральной субъектности личности.

В-четвертых, большинство авторов после Н. Лумана различают межличностное доверие и доверие к работе определенных социальных институтов и систем. Для этики это означает, что моральное доверие касается не только индивидуальных, но и коллективных субъектов морали, затрагивает не только личную, но и общественную нравственность. Однако моральное доверие к социальным институтам тоже отличается от общей уверенности граждан в их успешном функционировании. Оно подразумевает нравственное одобрение их сущности, социальной миссии, ощущение того, что в функционировании государства, церкви, армии, полиции, школы воплощены определенные моральные ценности.

В-пятых, доверие в психологическом смысле может быть как благом, так и злом, быть проявлением нравственной уверенности или нравственной слабости (так доверчивость к злому человеку суть наивность и глупость). Точно так же и в социальных отношениях доверие имеет свои границы полезности. Феномен же морального доверия по определению выступает как нечто хорошее, доброе, нравственное. Моральное доверие в этике рассматривается как одобряемое, должное и ответственно реализуемое отношение.

Потому можно сказать, что моральное доверие не тождественно доверию ни в гносеологическом, ни в социологическом, ни в психологическом смысле, а является самостоятельным феноменом. При этом его содержание отличается в зависимости от того, с субъектом какой исторической системы нравственности мы имеем дело. В рамках данного исследования история нравственности может быть условно разделена на традиционную нравственность, нравственность модерна и современную нравственность (*traditional morality, morality of modernity, contemporary morality*).

Доверие в традиционной нравственности (*traditional morality*) основано на разделении «своих» и «чужих», при котором речам и поступкам «своих» доверяют безусловно, без рационального анализа и при отсутствии поведенческого подкрепления. В то время как к «чужим» относятся с подозрительностью, которую нельзя развеять никакими нравственными поступками. Внутри сообщества, естественно, одни люди вызывают большее доверие, чем другие, но всерьез поставить под сомнение нравственность человека можно только коллективно, «разоблачив» его и объявив «чужим».

Традиционный моральный субъект мог питать полное доверие к тому, другие люди будут выполнять предписанные нравственные роли, притом совершенно не учитывается, устраивают ли эти практики саму личность, уважают ли они ее достоинство и моральную субъектность. Ценность человеческой личности поддерживается только внутри традиционного сообщества, да и там постоянно происходят конфликты. Как отмечает историк феномена доверия Дж. Хоскинг, «доверие здесь, вероятно, означает не более чем согласие относительно рамок, внутри которых следует улаживать споры, чтобы взаимовыгодные отношения могли продолжаться» [13, с. 67].

Специфика доверия в традиционной нравственности определяется особенностями индивидуального субъекта, который самоопределяется через посредство коллективного субъекта общинного типа. При достаточно четкой

идентификации с группой недоверие могло возникать только в отношении отдельных людей и не превращалось в проблему. В той степени, в которой традиционная нравственность эволюционирует и воспроизводится в составе других систем нравственности, такой тип доверия сохраняет определенную актуальность.

Доверие в современной нравственности (*morality of modernity*) имеет другую природу. А. Селигмен полагает, что вообще феномен доверия возникает в капиталистическую эпоху, когда эгоистический индивид начинает заниматься рыночным обменом. Дж. Хоскинг, написавший книгу «Доверие: История» [13], также доказывает взаимосвязь становления капитализма и специфической разновидности доверия, основанного на рациональном договоре, подразумевающим соблюдение определенных обязательств, без чего невозможно ведение бизнеса. Современные государство и право, нации и даже религии тяготеют именно к такой модели доверия, основанной на теории рационального выбора, на передаче части полномочий другому лицу или органу в расчете на выполнение оговоренных действий. Как люди, так и институты в обществе модерна должны быть *credible* – достойными денежного кредита и морального доверия одновременно. Именно такие модели доверия доминируют в экономических теориях, хотя даже в них указывается, что доверие – самостоятельная ценность, стабилизирующая бизнес, не тождественная рациональному расчету вариантов поведения участников рынка.

Специфика доверия в системе нравственности модерна обеспечивалась характером морального субъекта, который представлял собой автономного индивида, обладающего рациональной мотивацией поведения, системой нравственных принципов и целостным моральным мировоззрением, которое базировалось на представлении об общечеловеческом характере нравственности. Для такого субъекта не менее важно быть достойным доверия, чем самому доверять, заботиться о собственной моральности, а не только проверять ее у других, его нравственной принципиальности можно было целиком доверять.

В современной нравственности (*contemporary morality*) характер доверия определяется глобальным и рисковым характером современного мира, который подвержен непредсказуемым изменениям и, возможно, в целом осуществляет глобальную трансформацию своих оснований. Возможно, развитие доверия как составляющей современного общества должно стать симптомом перехода от капитализма как чисто экономического общества к обществу социальной морали, где основные ресурсы и время тратятся на взаимопомощь и солидарность, где люди заняты не вещами, их производством и потреблением, а нравственным общением друг с другом.

Моральный субъект современной нравственности обладает гипериндивидуальностью, модульной мультигрупповой рефлексивной идентичностью и включен в сеть разнообразных сообществ как коллективных субъектов морали. В таких условиях доверие также стало плюралистичным и предполагает: доверие к членам «своего» сообщества в условиях, когда каждый индивид принадлежит ко множеству сообществ; доверие к «иным» группам, притом что социальные группы формируются по самым различным основаниям; доверие личности к каждому уникальному Другому.

Таким образом, специфика морального доверия состоит в его предмете: оно является доверием к нравственным качествам другого человека, к его моральной субъектности, к осуществимости моральной регуляции в принципе. Кроме

того, моральное доверие – не гносеологический, а аксиологический феномен, нравственная ценность, разрушение которой суть предательство. Моральное доверие авансируется, предполагает взаимность, но не рассчитывает на него, чем отличается от договорных форм социального обмена. Как феномен общественной морали доверие подразумевает нравственное одобрение социальных институтов, в функционировании которых воплощены определенные моральные ценности.

В традиционной нравственности моральный субъект безусловно доверяет только нравственности «своей» социальной группы. Автономный моральный субъект эпохи модерна заботится о том, чтобы быть достойным доверия, и сам проявляет его по рациональным основаниям. В современной же нравственности при сетевом взаимодействии модульных моральных субъектов доверие приобретает плюралистичный характер.

Статус морального доверия как этической категории определяется ее связью с субъектом морали и теми нравственными задачами, которые решает данный субъект, проявляя доверие.

Список использованных источников

1. *Луман, Н.* Социальные системы. Очерк общей теории / Н. Луман; пер. с нем. – СПб.: Наука, 2007. – 644 с.
2. *Селигмен, А.* Проблема доверия / А. Селигмен; пер. с англ. И. И. Мюрберг, Л. В. Соболевой. – М.: Идея-Пресс, 2002. – 200 с.
3. *Фукуяма, Ф.* Доверие: социальные добродетели и путь к процветанию / Ф. Фукуяма; пер. с англ. – М.: АСТ; Ермак, 2004. – 730 с.
4. *Штомпка, П.* Доверие – основа общества / П. Штомпка; пер. Н. В. Морозовой, под ред. Е. В. Комаровой. – М.: Логос, 2016. – 440 с.
5. *Давыденко, В. А.* «Светлые» и «темные» стороны доверия: анализ идей участников мирового научного форума «Trust» (Токио, 18–20 ноября 2017 г.) / В. А. Давыденко, Е. В. Андрианова, Д. В. Лазутина // Вестник Тюменского гос. ун-та. – Социально-экономические и правовые исслед. – 2018. – Т. 4. – № 1. – С. 28–75.
6. *Бауман, З.* Индивидуализированное общество / З. Бауман; пер. с англ. под ред. и с предисл. В. Л. Иноземцева. – М.: Логос, 2002. – LXIV, 325 с.
7. *Гидденс, Э.* Последствия современности / Э. Гидденс; пер. с англ. Г. К. Ольховикова, Д. А. Кибальчича; вступ. ст. Т. А. Дмитриева. – М.: Праксис, 2011. – 343 с.
8. *Пороховская, Т. И.* Доверие как моральный феномен / Т. И. Пороховская // Уч. зап. Крымского федерального ун-та им. В. И. Вернадского. – Философия. Политология. Культурология. – 2018. – Т. 4 (70). – № 1. – С. 56–64.
9. *Перов, В. Ю.* Проблемы морального доверия / В. Ю. Перов, П. А. Тазенкова // Дискурсы этики. – 2012. – № 1. – С. 152–170.
10. *Доверие* // Словарь по этике / под ред. И. С. Кона. – 6-е изд. – М.: Политиздат, 1989. – 488 с.
11. *Шушпанов, С. С.* Доверие и справедливость: зависимость формирования представлений о справедливости от общественного доверия / С. С. Шушпанов // Изв. Волгоград. гос. пед. ун-та. – 2014. – № 3 (88). – С. 9–13.
12. *Брокгауз, Ф. А.* Доверие / Ф. А. Брокгауз, И. А. Ефрон // Новый энциклопедический словарь. – СПб., 1900. – Т. 16. – С. 455–456.
13. *Хоскинг, Дж.* Доверие: История / Дж. Хоскинг; пер. с англ. П. С. Бавина [и др.]. – М.: Политическая энциклопедия, 2016. – 296 с.

(Дата подачи: 18.02.2021 г.)

А. А. Головач

Белорусский государственный экономический университет, Минск

A. A. Halavach

Belorussian State University of Economics, Minsk

УДК 314.8:316.4

ДИНАМИКА ДЕМОГРАФИЧЕСКИХ ПРОЦЕССОВ В МИРЕ В НАЧАЛЕ XXI ВЕКА

DYNAMICS OF DEMOGRAPHIC PROCESSES IN THE WORLD AT THE BEGINNING OF THE XXI CENTURY

В статье рассматриваются философские исследования о динамике мировых демографических процессов. Выявлена основная демографическая ситуация в мире, а именно, рост мирового населения замедляется, а старение идет беспрецедентными темпами. С помощью диалектического подхода в философии раскрыты основные составляющие изменения и улучшения демографической ситуации в соответствии с Целями устойчивого развития Организации Объединенных Наций.

Ключевые слова: диалектический метод; демография; демографические процессы; народонаселение; Цели устойчивого развития ООН.

The article deals with philosophical research on the dynamics of global demographic processes. The main demographic situation in the world is revealed, namely, the growth of the world population is slowing down, and aging is proceeding at an unprecedented pace. With the help of a dialectical approach, the philosophy reveals the main components of changing and improving the demographic situation in accordance with the United Nations Sustainable Development Goals.

Keywords: dialectical method; demography; demographic processes; population; UN Sustainable Development Goals.

Мир переживает серьезный демографический сдвиг, включающий три основные составляющие: прирост населения, изменения рождаемости и смертности и связанные с этим изменения в возрастной структуре населения.

В фокусе внимания ученых, специалистов-практиков и общественности оказывается целый комплекс вопросов, требующих комплексного анализа: природа социально-демографических вызовов XXI века; последствия демографических кризисов; сохранение демографического потенциала в сложных условиях и др.

Научная новизна состоит в исследовании динамики демографических процессов в мире в начале XXI века, а также авторские предложения решения демографических проблем. Данное исследование стало возможным с помощью диалектического метода в философии.

При написании статьи использовались публикации А. И. Багаевой, Т. А. Юсуповой, Л. Д. Сампиевой [1], А. А. Брасс [2], а также материалы Организации Объединённых Наций [3], Международного Валютного Фонда [4], Всемирного Банка [5].

При написании статьи использовались методы анализа и синтеза, сравнения, группировок.

Объект исследования – демографические процессы в мире.

Предмет исследования – динамика демографических процессов в мире в начале XXI века, а также перспективы решения их проблем.

Диалектический метод анализа проблем народонаселения предполагает всестороннее рассмотрение в каждом отдельном случае взаимосвязанных социально-экономических, политических, культурных, юридических, религиозных, а также природных (засухи, наводнения, землетрясения и т. д.) явлений, определяющих изменение демографических процессов.

Методами изучения демографических процессов служит совокупность специальных приемов изучения демографических процессов, структур и воспроизводства населения в целом. Выделяются следующие основные группы методов демографического анализа:

- математические методы применяются для анализа закономерностей развития тех или иных демографических процессов, воспроизводства населения в целом, развития семьи, а также определения взаимосвязи (корреляции) демографических процессов с развитием экономики, состоянием окружающей среды и рядом других социальных процессов;
- статистические методы, или демографическая статистика, применяются для использования приемов статистического анализа: относительных и средних величин, индексов, различных характеристик интенсивности демографических тенденций и явлений;
- графоаналитические методы и картографирование населения применяются в целях представления демографической информации в виде разного рода графиков, схем (возрастно-половые пирамиды, о которых подробнее будет сказано далее), рисунков, карт плотности населения и т. д.;
- картографический анализ служит наглядной иллюстрацией территориальных различий в динамике демографических процессов;
- социологические методы применяются для исследования отношения населения к различным демографическим проблемам: каждая семья, каждый человек на основании учета условий жизни, социальной среды, жизненного опыта, примера родителей и т. д. вырабатывает свое отношение к рождаемости, брачности, разводимости, миграции [5, с. 11].

Для того чтобы численность населения мира достигла 1 млрд человек, потребовалось более 50 тыс. лет. С 1960 г. каждые одно-два десятилетия мы добавляем следующий миллиард. В 1960 г. численность населения мира составила 3 млрд человек, примерно в 2000 г. она достигла 6 миллиардов и, по прогнозам Организации Объединенных Наций, к 2037 г. превысит 9 млрд человек [3].

Вместе с тем, темпы прироста населения снижаются: в конце 1960-х гг. годовые темпы достигли пика на уровне более двух процентов, в настоящее время они составляют примерно один процент, а к 2050 г. снизятся вдвое. В 1960–2000 гг. глобальные доходы на душу населения более чем удвоились, продолжительность жизни увеличилась на 16 лет, а охват начальным образованием детей стал почти всеобщим, но при этом быстрый прирост населения создает множество сложных проблем как в частной, так и государственной сферах.

Эти проблемы включают растущие потребности в продовольствии, одежде, жилье, услугах образования и инфраструктуре, а также необходимость вовлечения большого числа лиц в продуктивную трудовую деятельность и дополнительных мер по охране окружающей среды. Хотя в относительном выражении прирост мирового населения уже не носит столь бурного характера,

в десятилетнем исчислении темпы роста остаются значительными, причем относительно все более высоких исходных уровней численности населения.

Вышеуказанные диалектические противоречия предполагают синтетический подход, который охватывает возникновение и взаимодействие противоположностей, их возникновение и взаимопереходы, их единство, что и отслеживается в динамике демографических процессов.

Существовавшая ранее обеспокоенность относительно стремительного роста глобального населения в некоторой мере уступает место обеспокоенности быстрым приростом населения в отдельных странах и регионах. И действительно, за общим снижением темпов прироста мирового населения скрываются значительные сдвиги в распределении населения мира по уровням развития и географическим регионам.

В 1950 г. на страны, которые ООН относит к категории менее развитых, приходилось 68 % мирового населения; на современном этапе их доля составляет 84 %. Она продолжит повышаться, поскольку практически весь почти двухмиллиардный чистый прирост мирового населения, прогнозируемый в следующие три десятилетия, будет иметь место в менее развитых регионах.

Это вызывает наиболее серьезную обеспокоенность, потому что менее развитые регионы зачастую являются более уязвимыми (с политической, социальной, экономической и экологической точки зрения), чем более развитые регионы.

В настоящее время страной с самым многочисленным населением в мире является Китай (1,44 млрд человек), за которым следует Индия (1,38 млрд человек). Но в ближайшей перспективе страной с крупнейшим населением будет Индия (по прогнозам, 1,5 млрд человек), тогда как в Китае пик численности составит 1,46 млрд человек.

В период с 2020 по 2050 г. в число наиболее населенных стран выдвинутся Нигерия (которая, по прогнозам, обгонит США и станет третьей по численности населения страной в мире) и Пакистан, уже входящий в десятку стран с самым многочисленным населением. В Азии будет по-прежнему проживать преобладающая доля населения мира, но эта доля будет уменьшаться (на данный момент около 60 %, в 2050 г. – 54 %).

И, наконец, несмотря на продолжающийся рост мирового населения, прирост населения 61 страны и территорий, где сейчас проживает 29 % людей мира, в 2020–2050 гг., по прогнозам, будет отрицательным, при этом самое резкое сокращение (–23 %) прогнозируется в Болгарии [4].

Численность и прирост населения отражают глубинные факторы: смертность, рождаемость и международную миграцию. Эти факторы существенно различаются между странами и помогают объяснить основные различия в экономической активности и таких показателях, как накопление физического капитала, трудовых ресурсов и человеческого капитала; экономическое благосостояние и рост; а также бедность и неравенство. Вышеуказанные факторы и являются диалектическим осмыслением демографических проблем.

Эти факторы обычно реагируют на экономические потрясения; они также могут реагировать на такие политические изменения, как начало и прекращение войн и кризисы управления. Во многих развивающихся странах прирост населения связан с явлением, известным как «демографический переходный процесс», – переходом от высокой смертности к низкой с последующей соответствующей динамикой рождаемости.

На протяжении большей части человеческой истории среднестатистический человек жил примерно 30 лет. Но с 1950 по 2020 гг. продолжительность жизни увеличилась с 46 до 73 лет и, по прогнозам, к 2050 г. возрастет еще на четыре года. Более того, к 2050 г. продолжительность жизни, по прогнозам, превысит 80 лет по крайней мере в случае 91 страны и территории, где тогда будет проживать 39 % населения мира.

Более долгая продолжительность жизни является одним из колоссальных достижений человека, которое объясняется улучшениями перспектив выживания на протяжении всего жизненного цикла, но особенно младенцев и детей. Сближение между странами по ожидаемой продолжительности жизни продолжается уверенными темпами.

Так, разрыв ожидаемой продолжительности жизни между Африкой и Северной Америкой в 1950 г. составлял 32 года, а в 2000 году – 24 года; на данный момент это 16 лет. Прошлые и ожидаемые сокращения различий между странами в сфере здоровья населения объясняются приростом доходов и улучшением питания в странах с низкими и средними доходами, распространением инноваций в сфере медицинских технологий и учреждений, а также распределением международной помощи.

В 1950-х и 1960-х гг. среднестатистическая женщина в течение своих детородных лет рожала приблизительно пятерых детей. На современном этапе число детей у среднестатистической женщины несколько менее 2,5. Это, предположительно, объясняется растущей стоимостью воспитания детей (в частности, издержками упущенной выгоды, которые проявляются, в основном, в заработной плате женщин), расширением доступа к эффективной контрацепции и, возможно, также меньшей уверенностью в будущих уровнях дохода.

Трудно переоценить социальные и экономические последствия этого снижения рождаемости. Более низкая рождаемость, помимо прочего, помогает освободить большое число женщин от бремени деторождения и воспитания детей. Она также способствует расширению прав и возможностей женщин в своих домашних хозяйствах, сообществах и обществе и позволяет им активнее участвовать в рынках оплачиваемого труда.

Все эти факторы повышают вероятность выбора в пользу низкой рождаемости. С 1970 по 2020 г. уровень рождаемости снизился в каждой стране мира. Рождаемость обычно снижалась на большую величину в странах с высокой начальной рождаемостью – это еще один аспект демографического сближения между странами.

Среди географических регионов в настоящее время самый высокий уровень рождаемости имеет место в Африке (4,3), а самый низкий в Европе (1,6). В случаях, когда возрастная структура населения достаточно смещена в сторону лиц детородного возраста в расцвете сил, даже уровень рождаемости 2,1 в кратко- и среднесрочной перспективе может трансформироваться в положительный прирост населения, поскольку низкая рождаемость в расчете на одну женщину с избытком компенсируется численностью женщин, рождающих детей [1, с. 376].

Эта характеристика динамики численности населения известна как инерционный прирост населения и помогает объяснить (наряду с миграцией), почему численность населения 69 стран и территорий в настоящее время растет, несмотря на то, что их уровни рождаемости ниже 2,1.

Для прироста населения также имеет значение миграция между странами. В некоторых странах, таких как Тонга, Самоа и Гайана, где последние 30 лет опутима чистая эмиграция, ее последствия весьма значительны. Катар, Объединенные Арабские Эмираты и Бахрейн характеризуются самыми высокими уровнями чистой иммиграции.

Среди десяти демографических сверхдержав мира относительное присутствие мигрантов является наиболее широким в США (15 процентов в 2019 г.). И все же для большинства стран международная миграция не является преобладающим демографическим фактором, поскольку в настоящее время более 96 % населения мира проживает в странах своего происхождения [4].

Наибольшая концентрация населения, живущего в крайней нищете, наблюдается в странах Африки к югу от Сахары и Южной Азии. Во многих странах более острыми стали проблемы умеренной бедности и снижения риска обратного перехода за черту бедности, включая те страны, в которых наблюдалось сокращение доходов у беднейших 40 процентов населения.

Но даже в мире, в котором уровень крайней нищеты измеряется однозначным числом, неравенство, не связанное с уровнем доходов, например, неравенство в доступности услуг образования и здравоохранения, создает препятствия для устойчивого сокращения масштабов бедности и достижения всеобщего благосостояния. Все более серьезным вызовом во всем мире становятся проблемы экологической устойчивости, касающиеся изменения климата и его влияния на природные ресурсы (таких как вода), от которых зависит жизнь большей части беднейших слоев населения.

В целом, несмотря на то, что прогресс в области развития с начала XXI в. был впечатляющим, он также был неравномерным, а незавершенные задачи в повестке по-прежнему требуют работы. Остаются нерешенными три ключевые проблемы – глубина бедности, неравномерность процесса движения к всеобщему благосостоянию и сохраняющееся неравенство в аспектах развития, не связанных с уровнем доходов. Динамика демографических процессов отлеживается в подобных процессах.

Наблюдаются значительные различия между странами: в то время как в одних странах по-прежнему преобладает молодое население и его численность растет, в частности в регионах мира с наивысшей концентрацией бедного населения, в других странах преобладает пожилое население, особенно это касается стран с высокими и средними уровнями доходов. Согласно прогнозам, наряду с уменьшением численности населения, мировой экономический рост в период достижения Целей устойчивого развития (далее ЦУР) ООН замедлится, однако при условии принятия правильной политики демографические изменения также могут оказаться фактором, способствующим росту и развитию.

Для содействия развитию на фоне демографических изменений необходимо выделить в политике и финансировании три стратегических приоритета:

- рост экономики в контексте устойчивости и возможности создания рабочих мест;
- инвестиции в социальный и экономический потенциал людей;
- страхование от постоянно меняющихся рисков, которые, как правило, оказывают несоразмерное отрицательное воздействие на бедные слои населения.

Эти политические меры будут адаптированы в соответствии с демографической характеристикой каждой страны. Кроме того, недавний европейский

миграционный кризис только подчеркивает важность эффективного использования демографических изменений. Независимо от того, мигрируют ли люди в поисках лучших возможностей или безопасной жизни, миграция вместе с рождаемостью и смертностью являются критическими факторами демографических изменений.

Наряду с потоками капитала и торговлей миграция также становится ключевым каналом, посредством которого может быть извлечена взаимная выгода в результате различных демографических тенденций в разных странах. Проблемы должны решаться, и международное сотрудничество при этом играет ключевую роль [2, с. 92].

При условии внедрения правильной политики демографические изменения могут способствовать полной ликвидации крайней нищеты, повышению общего благосостояния и достижению ЦУР.

Во-первых, философский, экономический, политический дискурсы должны быть более четко направлены на проблемы беднейших слоев населения. Хотя анклав крайней нищеты существуют во всех регионах мира, самое большое количество людей, находящихся в глубокой нищете, проживает в странах Африки к югу от Сахары. Для того, чтобы сделать проблему глубины бедности главной целью при выработке политических стратегий, необходимо создать ясные и простые для понимания показатели с использованием показателей бедности в пересчете на эквивалентного жителя.

Во-вторых, искоренение бедности во всех ее проявлениях требует обеспечения стабильного роста доходов беднейших 40 % населения. Однако экономический рост, являющийся ключевым фактором в процессе достижения всеобщего благосостояния, может быть не столь динамичным, как до наступления мирового финансового кризиса.

В-третьих, неравномерность прогресса в тех аспектах развития, которые не связаны с уровнем доходов, требует решения широко распространенной проблемы неравенства возможностей, которая способствует межпоколенческому воспроизводству бедности и размывает темпы и устойчивость прогресса для беднейших 40 % населения.

Для решения этих проблем в основу политической повестки необходимо включить три компонента: поддержание устойчивости всеобъемлющего роста, инвестирование в развитие человеческого потенциала и страхование бедных и уязвимых слоев населения от возникающих рисков. С учетом этих проблем ЦУР призваны увеличить степень влияния процесса развития в условиях изменяющегося мира благодаря интегрированному подходу к развитию.

Признавая взаимосвязь между задачами развития, ЦУР заключают в себе смелое целостное видение инклюзивного и устойчивого процесса развития, имеющего более широкое влияние. ЦУР, разделяемые всеми странами, учитывают необходимость совместных усилий. Глобальные задачи – создание гибких финансовых систем, совместное использование ресурсов, изменение климата – требуют решений, координируемых на международном уровне.

Удовлетворение потребностей в инвестициях для достижения ЦУР будет зависеть от перехода от финансирования «в миллиардах» в рамках официальной помощи в целях развития к финансированию «в триллионах» в виде инвестиций всех видов мер по раскрытию потенциала, повышению эффективности использования ресурсов, а также активизации государственных и частных ресурсов.

Работа по реализации ЦУР будет вестись в изменяющемся мире, в котором появятся новые возможности и новые вызовы, обусловленные развитием глобальных тенденций, включающих в себя изменение климата, продолжение процессов глобализации, быструю урбанизацию и демографические изменения [5].

Таким образом, философское переосмысление сложившейся демографической ситуации поможет решить демографические проблемы в будущем. Глубокие изменения в мировой демографической ситуации потенциально способны изменить траекторию глобального развития. Демографическая ситуация в мире переживает поворотный момент: рост мирового населения замедлился, а старение идет беспрецедентными темпами. Эти тенденции являются отражением прошлых успехов процесса развития: расширения прав и возможностей женщин, повышения качества образования, улучшений в сфере здоровья матери и ребенка, а также репродуктивного здоровья и увеличения продолжительности жизни.

Однако за глобальными тенденциями кроются значительные различия в направлении и темпах демографических изменений. Между странами и внутри их имеются различия в региональных и субрегиональных моделях демографических изменений. Разнородность демографических изменений на уровне стран открывает уникальные возможности и выявляет новые проблемы для регионов концентрации бедности и локомотивов глобального роста.

Разумеется, демографические изменения, по сути, не несут отрицательного или положительного характера, они лишь создают новые возможности и вызовы по многим направлениям. В каждом конкретном случае политические меры могут сыграть ключевую роль в том, как именно демографические изменения повлияют на прогресс на пути к достижению целей развития. Это и будет являться темой для будущего осмысления демографических кризисов философами.

Список использованных источников

1. Багаева, А. И. Экономическая и демографическая безопасность: сущность и классификация современных угроз / А. И. Багаева, Т. А. Юсупова, Л. Д. Сампиева // Научно-методический электронный журнал «Концепт». – 2016. – Т. 15. – С. 376–380.
2. Брасс, А. А. Человеческий фактор устойчивого развития / А. А. Брасс // Проблемы прогнозирования и государственного регулирования социально-экономического развития: материалы XX Международной конференции. – Минск: НИИ Министерства экономики Республики Беларусь, 2019. – С. 91–92.
3. Народонаселение / Организация Объединённых Наций [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.un.org/ru/sections/issues-depth/population/index.html>. – Дата доступа: 14.12.2020.
4. Блум, Д. И. Население 2020 / Д. И. Блум // Финансы и развитие. – март 2020. – МВФ [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.imf.org/external/russian/pubs/ft/fandd/2020/03/pdf/fd0320r.pdf>. – Дата доступа: 14.12.2020.
5. Цели развития в эпоху демографических изменений 2017 / Всемирный банк [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://pubdocs.worldbank.org/en/575641444191896317/GMR-Overview-and-Exec-Summary-Russian.pdf>. – Дата доступа: 14.12.2020.
6. Щербаков, А. И. Демография / А. И. Щербаков, М. Г. Мдинарадзе, А. Д. Назаров, Е. А. Назарова; под общ. ред. д-ра экон. наук, профессора А.И. Щербакова. – М: ИНФРА-М, 2017. – 216 с.

(Дата подачи: 26.02.2021 г.)

Е. В. Гришкевич
Республиканский институт высшей школы, Минск

Y. Hryshkevich
National Institute for Higher Education, Minsk

УДК 09.00.11

ФИЛОСОФСКО-МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ И СОЦИАЛЬНО-ТЕХНОЛОГИЧЕСКИЕ ПРЕДПОСЫЛКИ ГРАДОСТРОИТЕЛЬНОЙ РЕКОНСТРУКЦИИ СОВРЕМЕННОГО МЕГАПОЛИСА

PHILOSOPHICAL AND METHODOLOGICAL, SOCIAL AND TECHNOLOGICAL PREREQUISITES FOR URBAN RESTRUCTURING OF MODERN METROPOLIS

В статье рассматриваются тенденции городской реструктуризации, взаимосвязь успехов развития инновационного общества и свойств окружающей его среды. Обосновывается необходимость использования комплексного подхода, глубокого анализа существующей ситуации, а также постепенной разработки концепции градостроительной реконструкции.

Ключевые слова: урбанизация; метод инноватора; конструктивная методология; инновационное общество; городская структура; городская среда; философско-методологические предпосылки; социально-технологические предпосылки.

The article deals with the trends of urban restructuring, the relationship between the development success of innovative society and the properties of its environment. It justifies the need for an integrated approach, an in-depth analysis of the current situation, and the gradual development of the concept of urban reconstruction.

Keywords: urbanization; innovator's method; constructive methodology; innovative society; urban structure; urban environment; philosophical and methodological conditions; social and technological conditions.

Методология и предпосылки реконструкции. В современном урбанизированном социуме город и сформированная на его территории социокультурная среда рассматриваются как важный фактор развития общества. Согласно данным ООН, в течение ближайших десятилетий существенные темпы роста городов будут наблюдаться в первую очередь в развивающихся странах, в результате чего общее количество городских жителей преодолеет отметку в 5 миллиардов. Таким образом, поиск методологии проектирования, планирования и развития города, и прежде всего, мегаполиса как социокультурного феномена является приоритетной задачей.

Как известно, любые урбанизационные процессы оказывают существенное влияние на состояние окружающей среды, инфраструктуру города, качество жизни его жителей и т. д. В большинстве случаев так называемая «стремительная» урбанизация характеризуется как негативное явление. По мнению ООН, все более очевидными сегодня становятся последствия «естественного», нерегулируемого роста городов, некорректно спланированной урбанизации. К таким последствиям относится появление трущоб, нерациональное развитие

сетей городских улиц, чрезмерные выбросы в атмосферу вредных веществ, неконтролируемое разрастание пригородных территорий и др. [1]. Следовательно, социотехническое проектирование развития и создания человекоцентристской городской среды является одной из наиболее актуальных задач, стоящих перед современным городом. Это утверждение справедливо и для Минска – города, для которого на современном этапе характерно постепенное развитие и усложнение существующей структуры. При этом, с одной стороны, необходимо разработать проекты реструктуризации и реорганизации города как экосистемы, с другой – заложить принципы проектирования, направленные на сохранение отличительных черт, создание городского бренда.

Разработка методологии проектирования требует соблюдения основного принципа – адекватности методов объекту, представленному в решаемой задаче. Для этого необходимо провести тщательный анализ конкретной ситуации и учесть так называемые «граничные условия». Обратимся к методу инноватора – процессу, состоящему из четырех шагов, ведущих к решению проблем, характеризующихся высокой степенью неопределенности, и превращению их в успешные жизнеспособные инновации. Структура метода включает в себя четыре компонента: инсайт (обнаружение проблемы), постановка проблемы (ее формулировка), решение и бизнес-модель (репрезентация результата). Разработка методологии социотехнического проектирования включает в себя экспликацию философско-методологических и социально-технологических предпосылок градостроительной реконструкции современного мегаполиса, которые во многом определяют программу реализации первых двух шагов метода.

Инсайт. Первый шаг метода инноватора предполагает описание способов выявления проблемы как «наслаждения сюрпризами» посредством поиска особенностей и противоречий развития. Следует определить потребности в развитии рассматриваемого объекта. Это может привести к осознанию его реальных и потенциальных возможностей развития и появлению идей. Инсайтом может стать проблема, на которую не обращали существенного внимания ранее (например, степень интеграции территории университетского кампуса в городскую среду) либо новое решение хорошо известной проблемы (например, организация общественного транспорта). Для обнаружения проблемы может использоваться следующая тактика. Информация о рассматриваемом объекте, в данном случае о городской системе, классифицируется посредством четырех основных компонентов поиска: вопросов (что удивляет в функционировании системы?; какие дополнительные функции должна выполнять система?; почему да...? или почему нет...? и т. д.). Методология поиска включает в себя наблюдение, совместную деятельность разных специалистов (предполагающую междисциплинарный подход), мысленный эксперимент (подробное прогнозирование каждого из происходящих в городе процессов). Все перечисленные компоненты ведут к пониманию особенностей функционирования конкретного объекта, помогают получить представление о его существующих достоинствах, недостатках, способствуют формированию представления о сложившейся ситуации, а также появлению концептуального видения *сущего и должного состояния структуры города как экосистемы* – саморазвивающейся инфраструктуры, адаптирующей-ся к социокультурной среде, также находящейся в развитии.

Проблема. Второй шаг метода инноватора направлен на формулирование проблемы и способов ее решения. Кроме того, следует не просто сформули-

ровать деятельность, направленную на достижение цели, но и осуществить ее рефлексию – оценить целесообразность ее проведения. На этом этапе выделяются элементы системы, требующие преобразований. При этом следует воспользоваться принципом человеко-центристского подхода, поскольку пользователь среды, сформированной в мегаполисе, – человек. В данном случае понимание проблемы предполагает глубокое погружение в жизнь горожанина путем наблюдения за его действиями в рассматриваемой среде либо самостоятельного выполнения проектировщиком этих действий. Такие шаги призваны способствовать оформлению примерных схем, способных помочь инноватору проверить выдвинутые в ходе выполнения предыдущего шага гипотезы и, при необходимости, скорректировать их соответствующим образом. Описанный подход позволит в долгосрочной перспективе сэкономить ценные временные, экономические и другие ресурсы за счет их дальнейшего использования для предложения потребителю взвешенного, протестированного и в некоторой степени уникального решения проблемы [2, с. 42–46].

Придерживаясь метода инноватора, можем говорить о его релевантности конструктивной методологии, целью которой является как объяснение, так и построение нового объекта, способного удовлетворять потребности человека. Термин «конструктивная методология» был предложен В. П. Старжинским [3] для дифференциации методологии в сфере познания и проектирования. Аналогично различению проектирования как инженерной процедуры и Проектирования (написание с большой буквы стало общепринятым в культурологии) в культурологическом смысле. Методология предусматривает построение двух видов моделей: концептуальной (объясняющей) и инструментальной (предписывающей). Выделение предпосылок городской реконструкции, трансформации является частью объясняющей модели, что подразумевает анализ характера, особенностей существующей системы (сущего), а также ее должного состояния, на основе чего и формулируются предпосылки преобразования. В этом смысле первый шаг метода инноватора – инсайт – направлен на осознание настоящих и предпостительных качеств системы, на этом этапе в общих чертах должна быть определена конечная цель разрабатываемых изменений. Второй шаг – проблема, понимание работы, которая должна быть сделана для ее решения, – этап, призванный конкретизировать болевые точки системы, проработать, детализировать выделенные ранее отличия существующих характеристик объекта от искомого. Таким образом, первые два компонента метода инноватора предполагают создание некоторой концептуальной модели – описание сущего и должного, а также формирование комплекса отличий, их разделяющих. Следующие же шаги: решение и бизнес-план – можно рассматривать в качестве элементов построения инструментальной модели. Это поиск, выделение, а также использование методов, инструментов, ресурсов для перехода к искомому состоянию системы. Один из принципов метода инноватора гласит: «go broad to go narrow» (двигайся широко, чтобы двигаться узко). Это значит, что при поиске решения любой проблемы, в том числе касающейся преобразования городской среды, важно рассматривать множество разнообразных идей, вычленив их лучшие элементы и объединяя их в рамках общей концепции [2, с. 46–49; 3].

Адаптивная человеку реконструкция социокультурной среды. Изменения, происходящие в современном мире, ведут к формированию, становлению инновационного общества, среди потребностей которого можем выделить

комфортную среду обитания. В рассматриваемом контексте в качестве такой среды выступает мегаполис. Важно отметить, что градостроительство XXI века не может рассматриваться изолированно от других областей знаний. Проектирование развития города, способного соответствовать требованиям развивающегося инновационного общества требует внедрения междисциплинарного подхода – метода, аккумулирующего достижения различных научных дисциплин. Необходимость его использования возникает при рассмотрении города как единого организма, саморазвивающейся системы, имеющей сложную сеть связей не только между элементами, но и окружающей средой. Важно также учесть, что среда мегаполиса на всех уровнях: города в целом, района, улицы, двора и т. д. – изменяется достаточно быстро, выступая драйвером изменения городской структуры в сторону ее усложнения. В ходе этого взаимодействия возникает множество различных прогнозов, гипотетических путей развития, что влечет за собой возрастание степени неопределенности и значения человеческого фактора, повышение сложности формирования стратегии, возникновение необходимости в планировании и прогнозировании самых разных ситуаций, социально-культурных, градостроительных сценариев. Для создания единого подхода следует сформулировать стратегию, связанную с долгосрочными целями [4].

Высокие темпы урбанизационных процессов вызывают необходимость формулировки концепции устойчивого развития, которое, согласно определению ООН, представляет собой «развитие, обеспечивающее удовлетворение потребностей нынешнего поколения и не подрывающее при этом возможности удовлетворения потребностей будущих поколений» [5]. Основные положения концепции предполагают кардинальное изменение отношения ко многим вопросам, в том числе к среде, в которой функционирует и развивается социум. Частным примером такой среды является рассматриваемое нами социокультурное пространство города. Так, разработки, которые нацеливались прежде на комфортную составляющую (облегчение жизни человека), на современном этапе стали подвергаться оценке не только с утилитарной точки зрения (удобство, скорость передвижения, дешевизна производства или организации и т. д.), но и с точки зрения рациональности (влияние на биологическую окружающую среду, доступность, мобильность и т. д.).

Наряду со средовым подходом разрабатывается подход с ориентацией на социальные последствия личностного выбора горожан. В настоящее время все больше внимания уделяется пересмотру подхода к организации множества городских систем, ориентированных, прежде всего, на максимальное удовлетворение потребностей потребителей с учетом каждодневного выбора жителя города: общественный транспорт/личный автомобиль; доставка продуктов/ поездка в гипермаркет; офисная/удаленная работа. При проектировании тенденций развития города следует учитывать обратную связь – реакцию граждан на потенциальные изменения и минимизировать риски негативного восприятия инноваций. Специфика общественного сознания характеризуется инертностью. Жители мегаполиса чаще всего изначально негативно относятся к любым планируемым изменениям, что уже само по себе является одной из предпосылок трансформации среды, в которой формируется общество. Подобную ситуацию можно проследить на примере реконструкции городских элементов, сформированных в середине XX века и застроенных так называемыми домами хрущевской постройки. Такие районы имеют свои преимущества: комфортная среда,

созданная за счет невысокой этажности домов, озелененные дворы. При этом здания подвержены моральному износу, прилегающие территории не отвечают запросам владельцев личного автотранспорта, что провоцирует превращение дворов в стихийные автомобильные парковки и стоянки.

Решению проблемы могло бы способствовать проектирование и организация гибкого пространства, способного адаптироваться к изменяющимся условиям городской жизни. Тем не менее, к реорганизации городских районов нужно подходить осторожно: сохранение качественной старой застройки, развивающегося в районе бизнеса важно для всей городской среды. Среди старых домов у горожан не возникает ощущения чужого, необжитого района, следовательно, городу не приходится тратить ресурсы на создание индивидуальности места с чистого листа [6, с. 75–77].

Следует также разрабатывать методологию проектирования современного города с точки зрения реструктуризации городского пространства с моно на полицентристскую структуру. Преобразование моноцентристской в полицентристскую структуру крупных городов может эксплицировать и способствовать решению следующих градостроительных проблем, имеющих социокультурную природу:

- социогуманитарные (бедность инфраструктуры на периферии города; выраженная дифференциация городских районов по социальному составу, качеству жизни и т. п., появление трущоб; ложная урбанизация; неэстетичная и несоразмерная человеку городская среда);
- экологические (чрезмерная транспортная загруженность; чрезмерное сокращение озелененных территорий; систематическое ухудшение экологической ситуации);
- инновационно-экономические (жесткость городской структуры, препятствующая развитию и внедрению инноваций; чрезмерная интенсивность маятниковой миграции; устаревшие, нерационально организованные коммуникационные сети различного рода (пешеходные, велосипедные, сети общественного транспорта); неспособность города сохранять компактность при существующей организации; большое количество монофункциональных пространств; сохранение либо развитие «серого пояса» города; «неправильное» функционирование принятой модели городской структуры);
- социально-правовые (нерациональное использование территории исторической части города, отсутствие контроля за сохранностью ее самобытности; отсутствие тенденций к устойчивому развитию) [7].

Перечисленные особенности оказывают существенное влияние на формирование и развитие городского общества, а также каждого жителя в отдельности.

Архитектурно-пространственная организация города как элемент социокультурной среды является важной характеристикой, которую необходимо учитывать в контексте формирования среды как пространства, с которым взаимодействует общество. Независимо от концепции развития городской структуры, *архитектурно-пространственная организация как инвариант социокультурной среды* должна обеспечивать функционирование целостной, современной системы, возможности которой соответствуют потребностям ее пользователей. Формирование такой среды, способной создать общий уникальный образ города, художественные, композиционные, эстетические качества планировки и застройки важно рассматривать в тесном контакте с социальными, экономическими,

функциональными и другими аспектами градостроительного развития. Необходимо учитывать, что город как совокупность различных элементов, взаимодействующих с человеком, представляет собой социальный, природный и техногенный агломерат – общую систему, способную к самоорганизации, изменению и развитию под воздействием внутренних и внешних факторов [8].

Трансформируя городскую структуру, следует использовать методологию конкретизации – двигаться от общего к частному. Обращать внимание важно на контекст исторического развития, определяя географические, политические, социальные и другие особенности, которые на протяжении становления мегаполиса оказывали влияние на формирование современной градостроительной ситуации. Следуя принципам, которыми руководствуется современное градостроительство, необходимо избегать жесткого деления городской территории на функциональные зоны, создавая посредством этого насыщенную и плотную среду. Центр города, как и, в меньшей степени, центры районов – при условии следования полицентрической модели – должны характеризоваться более высокими показателями концентрации и интеграции общественных функций, наличием большого количества открытых общественных пространств, репрезентативностью застройки и т. д.

Предпосылки любого рода служат формированию понимания конечной цели трансформации объекта. В вопросе реконструкции мегаполиса должно уделяться особое внимание уникальности отдельного города, среди основных задач необходимо обозначить выделение отличительных особенностей рассматриваемой городской структуры (рельеф, водно-зеленые территории, организация системы площадей, кварталов, транспортной системы и т. д.), использование которых способно содействовать созданию уникального образа города, его бренда, и, следовательно, повышению его привлекательности.

Список использованных источников

1. Цель 11: Обеспечение открытости, безопасности, жизнестойкости и экологической устойчивости городов и населенных пунктов [Электронный ресурс] // Цели в области устойчивого развития. – Режим доступа: <https://www.un.org/sustainabledevelopment/ru/cities/>. – Дата доступа: 05.02.2021.
2. *Ферр, Н.* Создавая инновации. Креативные методы от Netflix, Amazon и Google / Н. Ферр. – М.: Эксмо, 2019. – 304 с.
3. *Старжинский, В. П.* Механизмы рыночной интеграции научно-технологической и образовательной деятельности вуза / В. П. Старжинский // Беларусь в условиях глобализации и интеграции: материалы Международной научной конференции, Минск, 25 октября 2018 г. / Белорус. нац. техн. ун-т; редкол.: С. В. Харитончик [и др.]. – Минск, 2018. – С. 160–166.
4. *Владенова, И. В.* Философско-методологические основы научных исследований (тематический анализ Холтона) / И. В. Владенова, Э. А. Кальницкий // Актуальні питання освіти і науки: матеріали міжнар. наук.-практ. конф., 23–24 жовт. 2013 р. – Х., 2013. – С. 22–25.
5. Устойчивое развитие [Электронный ресурс] // Генеральная ассамблея ООН. Председатель 65 сессии. – Режим доступа: <https://www.un.org/ru/ga/president/65/issues/sustdev.shtml>. – Дата доступа: 10.02.2021.
6. *Варламов, И.* 100 советов мэру / И. Варламов, М. Кац. – М.: Альпина нон-фикшн, 2020. – 464 с.

7. Старжинский, В. П. Социально-культурное обоснование кластерной инфраструктуры современного города / В. П. Старжинский, Е. В. Гришкевич // Социально-гуманитарные знания: материалы XVI Респ. науч. конф. молодых ученых и аспирантов, Минск, 21 нояб. 2019 г. / РИВШ, редкол.: И. В. Титович (пред.) [и др.]. – Минск: РИВШ, 2019. – С. 10–13.

8. Гришкевич, Е. В. Социотехническое проектирование урбанистической системы как социального кластера / Е. В. Гришкевич // Социально-гуманитарные знания: Материалы XVII Респ. науч. конф. молодых учёных и аспирантов, Минск, 26 нояб. 2020 г. / Респ. ин-т высш. шк.

(Дата подачи: 24.02.2021 г.)

Г. І. Клімовіч

Беларускі дзяржаўны медыцынскі ўніверсітэт, Мінск

H. I. Klimovich

Belarusian State Medical University, Minsk

УДК 1(091)141.31 09.00.03

ИНВАРИАНТЫ НАЗВАЎ У СХАЛАСТЫЧНАЙ ТРАДЫЦЫІ

INVARIANTS OF NAMES IN THE SCHOLASTIC TRADITION

Артыкул прысвечаны даследаванню выкарыстання назваў перыядаў у межах існавання схаластычнай традыцыі ў пост-сярэднявечны час. Мэта артыкула: вызначэнне спецыфікі ўжывання канцэптаў для апісання схаластычных ідэй ў позні перыяд іх існавання, а менавіта: рэнесанснай схаластыкі, барочнай схаластыкі, другой схаластыкі, схаластыкі ранняга мадэрну і неасхаластыкі, іх узаемасувязі, аналізу фармальнага і змястоўнага бакоў.

Ключавыя словы: барочная схаластыка; рэнесансная схаластыка; другая схаластыка; схаластыка ранняга мадэрну; барочная схаластыка; неасхаластыка.

The article examines the use of period names within the existence of a scholastic tradition in the post-medieval period. The purpose of the article: to determine the specifics of the use of concepts to describe scholastic ideas in the late period of their existence, namely: Renaissance scholasticism, Baroque scholasticism, second scholasticism, scholasticism of early modernism and neo-scholasticism, their relationship, formal and substantive.

Keywords: Baroque scholasticism; Renaissance scholasticism; second scholasticism; scholasticism of early modernism and neo-scholasticism; neo-scholasticism.

Існаванне схаластычных ідэй і далейшае развіццё асноўных канцэптаў і тэорый дадзенай плыні пасля часоў Сярэднявечча на працягу доўгага перыяду заставалася па-за ўвагай даследчыкаў гісторыі філасофіі. Факт існавання схаластычнага кірунку ў межах філасофіі XVI–XIX стст. не ігнараваўся цалкам, але разглядаўся ў асноўным як позняя рэцэпцыя праграмных устаноў арыстацэлізму. Такая сітуацыя была ўласцівая не толькі для беларускай навукі. На недахоп навуковых работ, звязаных з вывучэннем мысліцеляў неасхаластычнай традыцыі, указвае, напрыклад, Г. У. Удовіна (Г. В. Вдовина) у прадмове да перакладу на рускую мову корпуса тэкстаў «Метафізічных разважанняў» знакамітага іспанскага філосафа Францыска Суарэса [1, с. 15]. Дадзеную

тэндэнцыю ўскосна закранаюць і заходнееўрапейскія даследчыкі – Пётр Дворжак і Якаб Шмуц, адзначаючы, што цікавасць да асэнсавання і рэканструкцыі ідэй сістэмы дадзенага кірунку стала відавочнай толькі ў апошнія дзесяцігоддзі [2, с. 187].

Акрэслены феномен можа быць патлумачаны спецыфікай існавання схаластычнай традыцыі паралельна класічнай схеме гісторыі філасофіі з акцэнтамі апошняй на прынцыпе навукацэнтрызму. У выніку барацьбы паміж праграмнымі ўстаноўкамі класічнай мадэрнай ідэалогіі, звязанымі з ідэямі секулярызацыі, аддзялення навукі, філасофіі і мастацтва ад рэлігіі, і схаластычнай традыцыі, апошняя на працягу пэўнага перыяду знаходзілася ў статусе пераможнай, таму даследавалася ў XX ст., улічваючы ўсе гістарычныя і ідэалагічныя абставіны, як кансэрватыўная, клерыкальная, рэакцыйная і таму не варта належнай увагі.

Апошнім часам назіраецца тэндэнцыя вяртання навуковага інтарэсу да дадзенай праблематыкі, з’явілася вялікая колькасць работ, прысвечаных як філасофскай спадчыне саміх аўтэнтчных схаластаў, так і праблемам, якія распрацоўваліся іх пазнейшымі ідэйнымі нашчадкамі. У якасці прыкладу можна прывесці ўжо згаданыя работы Г. У. Удовінай [1], А. Баумейстэра [3], К. Бандуроўскага [4], шматлікія даследаванні па дадзенай тэме заходнееўрапейскіх аўтараў (П. Дворжак і Я. Шмуц [2], Д. Новотны [5] і інш).

Узнікненне тэндэнцыі вяртання ідэй схаластыкі ў сферу навуковых даследаванняў гісторыкаў філасофіі мае падставы некалькіх фактараў як палітычнага, так і ідэалагічнага характару: па-першае, заняпад некаторых рэжымаў, пабудаваных на атэістычных ідэалогіях; па-другое, пашырэнне ідэй постмадэрнізму з устаноўкай на раўназначнасць і важнасць усіх філасофскіх напрамкаў; па-трэцяе, пераасэнсаванне ўплыву позніх варыянтаў развіцця дадзенай інтэлектуальнай плыні на творчасць філосафаў Новага часу.

Праблемным момантам, які складае пэўныя цяжкасці падчас вывучэння ідэйных устаноўак дадзенага кірунку, з’яўляецца адначасовае існаванне вялікай колькасці канцэптаў для абзначэння ідэй, распрацаваных у нетрах схаластычнай філасофіі ў розныя перыяды. Напрыклад, Удовіна выкарыстоўвае ў сваіх тэкстах паняцце «неасхаластыкі» [1, с. 72] і паняцце «барочнай схаластыкі» [6, с. 23], угаданыя вышэй Дворжак і Шмуц прадстаўляюць увазе чытача цэлы комплекс розных назваў «пост-сярэднявечная схаластыка», «схаластыка ранняга мадэрну», «схаластыка мадэрну», «барочная схаластыка» і «акадэмічная філасофія і тэалогія» [2, с. 187]. З. В. Шмонін (Д. В. Шмонин) у артыкуле «Уводзіны ў філасофію Контррэфармацыі: езуіты і другая схаластыка» адзначае, што сустракаюцца памылкі, звязаныя з няправільным выкарыстаннем паняццяў «другая схаластыка», «позняя схаластыка» і «неасхаластыка» [7, с. 61]. Некаторыя даследчыкі, што спецыялізуюцца на нацыянальных асаблівасцях рэцэпцыі дадзеных ідэй, увогуле карыстаюцца паняццем «схаластыка» у адносінах да ідэй перыяду XVI–XVII стст. [8, с. 224]. Дадзены факт яскрава дэманструе невыразнасць выкарыстання канцэптаў.

Такім чынам, праблема з’яўляецца дакладна акрэсленай і можа быць аформлена ў выглядзе наступнага пытання: вышэй угаданыя паняцці ўяўляюць сабой розныя назвы для аднаго корпуса ідэй ці павінны разумецца як асобныя кірункі ўнутры вялікай схаластычнай плыні, якую Дворжак і Шмуц, напрыклад, называюць «доўгай схаластыкай», маркіруючы яе ў гістарычнай стужцы часу ў ме-

жах XIII–XVIII стст. [2, с. 187]? З пазначаных пунктаў вынікае мэта дадзенага артыкула: вызначыць спецыфіку ўжывання канцэптаў для апісання схаластычных ідэй ў позні перыяд іх існавання, а менавіта: XVI–XIX стст. Дасягненне мэты рэалізуецца праз пастаноўку і вырашэнне наступных задач:

- 1) храналагічнае параўнанне выкарыстання дадзеных канцэптаў;
- 2) кампарацівісцка-змястоўны аналіз дадзеных паняццяў.

Другая схаластыка – паняцце, якое традыцыйна ахоплівае перыяд XVI–XVII стст. У З. В. Шмоніна ў рабоце «У цені Рэнесансу: другая схаластыка ў Гішпаніі» прыводзіцца яшчэ адна назва дадзенай філасофскай плыні – «Рэнесансная схаластыка». Храналагічныя мяжы існавання дадзенага феномену ён атаясамляе з першай трэцюю XVI ст. – першай дэкадай XVII ст. [9, с. 4]. На думку аўтара, пачынаецца дадзеная інтэлектуальная з’ява дзейнасцю Саламанскай школы, а завяршаецца смерцю аднаго з найбольш магутных прадстаўнікоў плыні – Францыска Суарэса [9, с. 16]. Традыцыйна сюды адносяць творчасць Францыска дэ Віторыя, Дамінга дэ Сота, Луіса дэ Маліну, Габрыэля Васкеса, Францыска Суарэса, Кэзтана. Асноўныя палітычныя і ідэалагічныя падзеі, якія ўплывалі на фарміраванне праграмных устаноў дадзенага напрамку: Рэфармацыя, Контррэфармацыя, Трыдэнцкі сабор, стварэнне ордэна езуітаў. Праблемнае поле ахоплівае афармленне філасофска-прававых канцэпцый, палеміку з «*via moderna*» аскамізму (асабліва ў яго французскім варыянце), прыстасаванне тэалогіі да сітуацыі секулярызацыі філасофіі і стварэння незалежнай ад тэалагічных пошукаў філасофскай дактрыны, абгрунтаванне праграмных устаноў Контррэфармацыі, барацьба з новымі тыпамі філасофствавання.

Разам з канцэптам другой схаластыкі для характарыстыкі дадзенага часу выкарыстоўваецца паняцце «барочнай схаластыкі». Яго, напрыклад, ужывае Г. В. Удовіна ў нарысе «Інтэнцыянальнасць у сярэднявечнай і барочнай схаластыцы», дзе, паміж іншым, адзначае, што храналагічна да гэтага перыяду трэба адносіць творчасць мысліцеляў XVII – першай пал. XVIII ст. XVI ст. дадзенай даследчай пазначанага інтэлектуальнага феномену да канца XVII стст. [5, с. 208]. Праблемнае поле барочнай схаластыкі, на думку дадзенага даследчыка, засяроджваецца вакол тэм філасофска-тэалагічнага характару: існаванне Бога і яго атрыбуты, трансцэндэнтальнае і яго катэгорыі, з’яўляецца і новая праблематыка, звязаная са змяненнямі ў геапалітыцы і пашырэннем правоў дзяржаў-суверэнаў, увасобілася яна ў рэфлексіі па тэме натуральнага закону. У выпадку Навотнага зноў узнікае пытанне з выпадзеннем XVI ст. з храналагічнай стужкі часу і яго знаходжання па-за ўвагай даследчыкаў.

Адначасова трэба адзначыць, што зварот да канцэпту «барочнай схаластыкі» з няпэўнымі часовымі межамі надае другасны характар дадзенаму напрамку ў параўнанні з класічнай філасофскай традыцыяй Новага часу і прымушае навукоўцаў ставіцца да яе як да спарадычнага феномену, што, безумоўна, адмоўным чынам адбіваецца на кантэксце даследаванняў.

Яшчэ адзін варыянт асэнсавання інтэлектуальных падзей у дадзеным рэчышчы ажыццяўляецца праз назву «схаластыка ранняга мадэрну». У прыватнасці, дадзеную назву можна сустрэць ў нарысе Дворжака і Шмуца, а таксама ў работах расійскага даследчыка – К. А. Польскава [10]. Дворжак і Шмуц адносяць да дадзенага кірунку прадстаўнікоў схаластычнай думкі, пачынаючы ад рэнесанснага перыяду і да позняга XVIII ст., незалежна ад таго, працавалі яны ў рэчышчы дамініканскай тэалогіі, былі мысліцелямі скацісцкай традыцыі, ці належалі да езуіцкага ордэна з яго спецыфічнай філасофіяй [2, с. 187–188]. Асноўная рыса схаластыкі ранняга мадэрну, на думку даследчыкаў, гэта выкарыстанне наватарскіх падыходаў у адносінах да раней пастаўленых, але не вырашаных праблем схаластыкі, што засталіся ў спадчыну з часоў Сярэднявечча, а таксама афармленне новай праблематыкі, якая ўвасобілася, напрыклад, у вядомых дэбатах па тэме канцэпцыі прычыннасці і ідэі прабавілізму, народжаных інтэлектуальнымі падзеямі Трыдэнцкага Сабору.

Катэгорыю ранняга мадэрну ў адносінах да тэалогіі XVI ст., як было пазначана раней, выкарыстоўвае і даследчык К. О. Польсков, адносячы да дадзенай традыцыі такіх філасофскіх аўтарытэтаў гэтага часу, як Фр. дэ Віторыя, Луіс дэ Маліна, адзначаючы, што на новы тып мыслення ў межах схаластычнай традыцыі паўплывалі такія змяненні ў светапоглядзе еўрапейскага чалавека, як фарміраванне гарызантальнага грамадства з адзеленымі ад царквы мастацтвам і навукай, яшчэ раней на неабходнасць змянення багаслоўскай рэфлексіі ўказаў антрапалагічны пераварот, што адбыўся ў межах Рэнесансу. Безумоўна, схаластычная філасофія, як найбольш уплывовы напрамак, прадстаўлены ва ўніверсітэцкіх сценах, вымушана была рэагаваць і змяняцца.

Неабходна таксама адзначыць, што пад філасофіяй ранняга мадэрну разумеецца даволі стракатая супольнасць мысліцеляў розных кірункаў. Але паступова на першае месца выходзіць актыўнасць прадстаўнікоў Таварыства Ісуса. У першую чаргу гэта звязана са спецыфікай існавання ордэна, які арыентаваўся на адукацыйную дзейнасць і ў сувязі з дадзенай асаблівасцю быў вымушаны афармляць рэфлексію ў рамках акадэміцкага стылю мыслення. Так, напрыклад, той жа Польсков прыводзіць факталагічныя дадзеныя, якія прама пацвярджаюць дадзеную тэндэнцыю: «С 100 па 600 г. большасць багасловаў былі епіскапамі, с 600 па 1500 г. на Захадзе яны былі манахамі, пасля 1500 г. – універсітэцкімі прафесарамі» [10, с. 42]. Пазначаная тэндэнцыя паўплывала на спецыфічную ўласцівасць развіцця езуіцкай філасофіі, вядомую зараз пад назвай «акадэміцкая тэалогія і філасофія».

Змястоўна паняцці акадэміцкай тэалогіі і філасофіі і схаластыкі ранняга мадэрну супадаюць. Таксама храналагічна схаластыка ранняга мадэрну, як бачна, перакрывае рэнесансную схаластыку і другую схаластыку. На наш погляд, зыходзячы з вышэй пазначанага, выкарыстанне паняцця схаластыкі ранняга мадэрну найбольш поўна і глыбока адпавядае змястоўна і фармальна інтэлектуальным падзеям XV–XVIII стст.

Асобна ў шэрагу дадзеных канцэптаў стаіць паняцце неасхаластыкі, трактоўка якога таксама суправаджаецца складанасцямі асэнсавання. Звяртае, напрыклад, увагу артыкул Л. Грэкава пад аднаіменнай назвай у Філасофскай энцыклапедыі, дзе аўтар адзначае, што гэта зборнае паняцце, пад якім разумеецца сістэма філасофскіх і тэалагічных поглядаў каталіцкай ідэалогіі паслясярэднявечнага перыяду, а пад назвай «другой схаластыкі» павінен разумецца працэс

распаўсюджвання неасхаластычных ідэй у інтэлектуальных цэнтрах Гішпаніі і Партугаліі [11, с. 52]. З прадстаўленым меркаваннем, на наш погляд, немагчыма пагадзіцца, таму што пад дадзенай назвай трэба разумець пэўны перыяд развіцця схаластычных ідэй, а не працэс іх рэцэпцыі.

Безумоўна, падчас аналізу паняцця «неасхаластыка» гісторыкі філасофіі сутыкаюцца з шэрагам цяжасяў, галоўная з якіх заключаецца ў тым, што ў працэсе разгляду дадзенага канцэпту паўстае праблема, звязаная з невывзначанасцю храналагічных межаў традыцыі. Існуе пазіцыя, якая сцвярджае, што ў межах акрэсленага ідэалагічнага кірунку неабходна разумець толькі каталіцкую філасофію XX ст., якая па сутнасці была адказам на новыя выклікі, звязаныя з распадам сістэмы класічнай філасофіі, афармленнем рухаў экзістэнцыялізму, фэнаменалогіі і г. д. Дадзеную пазіцыю у тым ліку падзялялі і некаторыя беларускія аўтары, напрыклад, да руху неасхаластыкі беларускія прадстаўнікі рэлігійнай філасофіі XX ст. адносяць вядомага французскага таміста – Ж. Марыэна [12, с. 8].

Падтрымлівае дадзеную ідэю і Эрых Пшывара, у праграмным артыкуле «Праблематыка неасхаластыкі» ён адзначае, што асноўны сэнс разглядаемага паняцця ў большасці прадстаўнікоў інтэлектуальнай супольнасці, якая займаецца праблематыкай неасхаластыкі, стойка асацыюецца з патрабаваннем папы Лявона XIII пашырыць уплыў вучэння Тамаша Аквінскага [13, с. 73]. Дадзеную пазіцыю таксама падзяляюць і сучасныя каталіцкія гісторыкі філасофіі, адзначаючы, што храналагічна пачатак неасхаластыкі трэба звязваць з інтэлектуальнымі падзеямі сярэдзіны XIX ст. [14, с. 123].

Самай блізкай, на наш погляд, з’яўляецца думка, прадстаўленая ў «Кембрыджскай гісторыі позняй сярэднявечнай філасофіі», якая разглядае феномен ўзнікнення неасхаластыкі як рэакцыю на Французскую рэвалюцыю і наступныя сацыяльныя змяненні, якія напаткалі Еўропу [15, с. 838], у іх шэрагу можна назваць секулярызацыю ў якасці асноўнай рысы ідэалогіі, выгнанне ордэна езуітаў, змену сістэмы адукацыі, крызіс метафізікі і г. д. Апагеям і ўвасабленнем дадзенай тэндэнцыі ў далейшым стала т.зв. «вясна народаў» 1848–1849 гг.

Неабходна разумець, што верагоднай мэтай паўстання неасхаластычнага інтэлектуальнага руху была спроба спыніць хвалю будучага лібералізму, аднак, гэта ў пэўнай ступені толькі паспрыяла працэсам секулярызацыі ўнутры каталіцкай царквы. Узнікненне неасхаластычных праграмных устаноў не магчыма ўявіць па-за межамі эпохі Асветніцтва, улічваючы, якую ролю ў дадзеных кірунках адыгрывае паняцце *ratio*.

Такім чынам, на падставе вышэй сказанага, можна прыйсці да наступных высноў:

- Развіццё схаластычных ідэй не знікае пасля заканчэння перыяду Сярэднявечча, але ў яго наступнай перыядызацыі маюцца пэўныя цяжасці, звязаныя з адначасовым ужываннем некалькіх паняццяў для аднаго перыяду;
- Канцэпты «другая схаластыка» і «барочная схаластыка» выкарыстоўваюцца для разумення аднаго комплексу ідэй, але паняцце «барочная схаластыка» ахоплівае меншы прамежак часу, пакідаючы па-за ўвагай XVI ст. Такі падыход нараджае перапыннасць у разуменні схаластычнай філасофіі, а таксама нараджае дваістае стаўленне да яе як да спарадычнага з’яўлення, што не адпавядае рэчаіснасці.

- Паняцце «схаластыка ранняга мадэрну» уключае змястоўна і фармальна комплекс ідэй і інтэлектуальных падзей рэнесанснай і барочнай схаластыкі і другой схаластыкі.

- Перыядызацыя развіцця схаластычнай традыцыі павінна быць прадстаўлена наступным чынам: аўтэнтычная схаластыка, схаластыка ранняга мадэрну, неасхаластыка. Афармленне комплексаў праблем унутры кожнага з дадзеных перыядаў было рэакцыяй на патрабаванні часу.

У далейшым аўтарам плануецца аналіз дадзенай схемы перыядызацыі схаластычнай традыцыі ў адносінах да беларускай філасофскай спадчыны.

Спіс выкарыстаных крыніц

1. Вдовина, Г. В. Метафізика Суареса в исследованиях последнего столетия / Г. В. Вдовина // Франциско Суарес Метафизические рассуждения. – М.: Институт философии, теологии и истории Святого Фомы. – 2007. – С. 72–86.
2. Dvořák, P. Introduction: special issue to Baroque / P. Dvořák, P. J. Schmutz // Philosophical Quarterly. – 2019. – № 2. – Р. 187–190.
3. Баумейстер, А. Тома Аквинский: вступ до мислення. Бог, буття і пізнання / А. Баумейстер. – Київ: Дух і літера. 2012. – 408 с.
4. Бандуровский, К. В. Понятие «контингентного» и проблема свободы воли у Фомы Аквинского / К. В. Бандуровский // Историко-философский ежегодник '99. – М. – 2001. – С. 64–72.
5. Novotný, D. D. In defence of Baroque Scholasticism / D. D. Novotný // Studia Neoscholastica. – 2009. – № 6. – С. 209–233.
6. Вдовина, Г. В. Интенциональность в средневековой барочной схоластике / Г. В. Вдовина // Философский журнал. – 2020. – № 3. – С. 23–37.
7. Шмонин, Д. В. Введение в философию контрреформации: иезуиты и вторая схоластика / Д. В. Шмонин // Verbum. – 1999. – № 1. – С. 58–79.
8. Plečkaitis, R. Lietuvos filosofijos istorija / R. Plečkaitis. – Vilnius, 2004. – Т. 1 – 735 р.
9. Шмонин, Д. В. В тени Ренессанса: вторая схоластика в Испании / Д. В. Шмонин. – СПб.: Изд-во С.-Петерб. ун-та. – 2006. – 277 с.
10. Польсков, К. В. На пороге философии Модерна: теология в XVI в. / К. В. Польсков // Вестник ПСТГУ. – 2018. – Вып. 76. – С. 40–58.
11. Греков, Л. Неосхоластика / Л. Греков // Философская энциклопедия. – Т. 4. – Москва: изд-во «Советская энциклопедия» 1967. – С. 52.
12. Z katalickaha žyčcia ū Francyi // Chryścijanskaja dumka. – 1929. – № 2. – S. 8.
13. Przywara, E. Die Problematik der Neuscholastik / E. Przywara // Kant-Studien. – 1928. – № 3–4. – S. 73–98.
14. Meszaros, A. Some Neo-Scholastic receptions of Newman on doctrinal development / A. Meszaros // Gregorianum – Roma. – 2016. – № 1. – P. 123–150.
15. The Cambridge History of Later Medieval Philosophy. – Cambridge. – 1982. – 1056 p.

(Дата падачы: 27.02.2021 г.)

В. А. Ксенофонтов

Военная академия Республики Беларусь, Минск

V. A. Ksenofontov

Military Academy of the Republic of Belarus, Minsk

УДК 355.02

ВОИНСКАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ В КОНТЕКСТЕ НАЦИОНАЛЬНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ

MILITARY ACTIVITIES IN THE CONTEXT OF NATIONAL SECURITY

В статье рассматриваются сущность, структура и специфика воинской деятельности как основы функционирования военной сферы национальной безопасности. Обосновано, что воинская деятельность удовлетворяет одну из основных потребностей общества – потребность в обеспечении военной как важнейшей подсистемы национальной безопасности.

Ключевые слова: национальная безопасность; военная сфера; военная безопасность; воинская деятельность; общество; политика; вооруженная борьба; война; военное насилие.

The article deals with the essence, structure and specifics of military activity as the basis for the functioning of the military sphere of national security. It is proved that military activity satisfies one of the basic needs of society – the need to ensure the military one as the most important subsystem of national security.

Keywords: national security; military sphere; military security; military activity; society; politics; armed struggle; war; military violence.

Масштабные социальные трансформации в мире, появление целого ряда новых вызовов и угроз, связанных с наращиванием и использованием военной силы, в государственной и мировой политике обусловило возрастание значения военной сферы национальной безопасности как фактора общественного развития. Становится очевидным, что от состояния военной сферы зависит в целом национальная безопасность государства, характер его отношений на внешнеполитической арене.

Под *национальной безопасностью* будем понимать систему общественных отношений, совокупность условий и факторов, обеспечивающих достижение и реализацию целей, ценностей, интересов страны и выбранного ее народом пути развития, гарантирующих предотвращение и исключение всех видов агрессии, недопущение вооруженного насилия и, если потребуется, оказание активного противодействия субъекту этого насилия, вплоть до его уничтожения.

В системе национальной безопасности важное место занимает подсистема *военной безопасности*. Систему официально принятых в государстве взглядов на подготовку к вооруженной защите и вооруженную защиту страны представляет Военная доктрина Республики Беларусь, в которой на основе анализа военных опасностей и военных угроз стране сформулированы основные положения военной политики белорусского государства. В данном документе военная безопасность представлена как состояние защищенности национальных интересов Республики Беларусь от военных угроз [1, ст. 4].

Очевидно, что в обеспечении национальной безопасности важнейшее место отводится комплексной целесообразной деятельности многих субъектов. И важнейшее место среди различных видов деятельности принадлежит воинской деятельности, без которой немислимо выполнение задач и функционирование военной сферы национальной безопасности. Понимание ее сущности, структуры и специфики связано с концептуальными вопросами мировоззренческого характера как на уровне отдельной личности, малых социальных групп, так и общества в целом.

Уточним, что военная безопасность включает в себя:

а) систему идей и взглядов на защиту государства и общества, определенную идеологию (военную), а также целеполагание;

б) *вид деятельности, направленный на предотвращение военной опасности, ликвидацию военных угроз;*

в) состояние общественных отношений, которому свойственна защищенность интересов государства (личности, общества) от угроз, связанных с силовым решением международных и внутривластных проблем;

г) систему государственных институтов, призванных защищать общество и его граждан от внешней военной экспансии и силового давления внутренних сил;

д) свойство социальной системы сохранять собственную стабильность, то есть возможность устойчивого динамичного развития, целостность, самостоятельность вопреки внешней военной экспансии;

е) способность государства отстаивать свои национальные интересы.

Часто социально-философский анализ военной сферы национальной безопасности сужают до исследования функционирования армии как социального института, выступающего важнейшим элементом его военной безопасности и предназначенным для вооруженной защиты конституционного строя, суверенитета и территориальной целостности страны [2].

В научной литературе проблему деятельности неразрывно связывают с проблемой активности, которую часто рассматривают в качестве универсального свойства материи, выражая ее способность к количественным и качественным изменениям через развертывание систем все более высокой организации. Кроме того, деятельность трактуется через призму общественных отношений и представляет собой форму социального движения материи, то есть носит общественный характер. Следовательно, *деятельность* – способ существования человека и общества, всесторонний процесс преобразования им окружающей природной и социальной реальности (включая его самого) в соответствии с его потребностями, целями и задачами [3, с. 425].

Философская характеристика деятельности может быть сведена к основным положениям: деятельность выступает специфически человеческой формой активности, отличается от поведения, общения и других форм активности, соотносится с ними; с помощью анализа деятельности дается универсальная характеристика человеческого мира, бытия человека; она лежит в основе формирования культуры, определяется исторически выработанными социокультурными программами; имеет системный характер, это открытая система, способная видоизменяться с учетом исторических ограничений; в деятельности реализуется свободное творчество, присуще свободное целеполагание, конструирование целей. Позитивный смысл ее – преодоление давления любых внешне

заданных факторов и условий путем преобразования наличного бытия; деятельность структурно представляет собой наличие субъекта и объекта деятельности, отношений между ними через воздействие субъекта на объект. Безусловно, деятельность включает цель, средства и результат, и сам процесс деятельности. Важная характеристика – осознанность деятельности; на процесс деятельности оказывают воздействие условия ее совершения, они могут меняться под воздействием деятельности. Этот процесс меняет не только внешнюю действительность, но и преобразует внутренний мир человека, раскрывает его потенциал в процессе развития отношений с внешним миром; деятельность нельзя считать исчерпывающим основанием человеческого существования. Если основанием деятельности является сознательно формулируемая цель, то основание самой цели лежит в сфере человеческих мотивов, ценностей и идеалов, которые в определенной мере детерминируются деятельностью, но и сами выступают в качестве ее самой, задают ее направленность [3, с. 426].

В деятельности как системе целенаправленного изменения и отражения действительности выделим ее основные компоненты: *практический* и *духовный*. Они диалектически взаимосвязаны, так как практический компонент всегда содержит и духовный в виде целей, мотивов, идеалов и ценностей, а духовная деятельность может воплощаться в материальных формах и способна изменять природное и социальное бытие.

Выделенные компоненты являются в свою очередь самостоятельными системами. Формами практической деятельности выступают: материально-производственная (изменение природы), социально-преобразующая (изменение общества), воспитательно-педагогическая и медицинская (изменение человека), управленческо-административная (поддержание независимо от внешних и внутренних изменений организованного состояния социальной системы и повышение уровня ее организации).

Духовная деятельность подразделяется на: познавательную (отражение действительности), прогностическую (отражение действительности в плане возможных изменений), ценностно-ориентационную (отражение действительности в плане ценностей значимых для субъекта, соответствующим его идеалам и мировоззрению).

Дифференциация деятельности не исключает и интегративных форм. Такую деятельность можно определить практически-духовным освоением мира. *Воинская деятельность* может быть отнесена к духовно-практической деятельности, ибо она предполагает воздействие на духовный мир человека, и на материальные условия его бытия, и на само его физическое тело. Все виды и формы деятельности предполагают общение людей – обмен информацией, взаимопонимание, взаимовлияние и др. Применительно к индивидуальной деятельности военнослужащего правомерно ставить вопрос и об общении как особой деятельности.

Такая классификация человеческой деятельности предполагает в качестве основания способ проявления и сферы приложения социальной активности. Деятельность можно подразделить в зависимости от ее субъектов (индивидуальная, коллективная, массовая и др.), а также соотнося ее, во-первых, с объективным ходом истории (прогрессивная и реакционная, революционная и контрреволюционная); во-вторых, с объективно существующими системами ценностей (положительная и отрицательная, законная и незаконная, моральная и аморальная); в-третьих, с процессом создания и природой результата (творческая

и нетворческая). По признаку специализации и уровня мастерства можно выделить деятельность профессиональную и непрофессиональную [3, с. 427].

В рамках социально преобразующей деятельности правомерно выделять такой специфический вид, как *воинская деятельность*, характеризующая особый процесс труда личного состава вооруженных сил в мирное время (служебная деятельность) и военное время (боевая деятельность). Понятие «воинская деятельность» характеризует все проявления жизнедеятельности вооруженных сил в обществе. Философское осмысление воинской деятельности позволяет постигнуть ее сущностное содержание и оценить различные ее аспекты.

Воинская деятельность – сложное социальное явления, создающее условия для обеспечения военной безопасности государства. Как часть общественной жизни она представляет собой материальную, чувственно-предметную и целесообразную деятельность людей в области военного дела и включает в себя военно-практическую и военно-исследовательскую. Содержание и формы воинской деятельности постоянно изменяются и развиваются. В процессе исторического анализа обычно выделяют военный опыт прошлого и современную воинскую деятельность [3, с. 427].

В качестве структурных элементов воинской деятельности выделяют субъект и объект, цели деятельности, средства и результат.

Субъектом воинской деятельности выступает общество, социальные общности, личность. Отсюда следует вывод о том, что проблемы международной безопасности в значительной мере зависят от того, какие общественные силы выступают в роли субъектов воинской деятельности. *Объектом* любой деятельности, в том числе и воинской, является то, на что она направлена. В качестве объекта воинской деятельности может выступать окружающая действительность в различных ее проявлениях, общество как часть окружающей действительности, человек, постоянно изменяющийся под ее воздействием. Субъект и объект деятельности взаимосвязаны и могут меняться местами при определенных обстоятельствах.

Важным структурным элементом деятельности является *цель*, под которой понимается идеальный образ желаемого будущего результата. В воинской деятельности ставится не одна, а комплекс целей, имеющих свою иерархию. Важнейшие цели воинской деятельности нашего государства закреплены в Концепции национальной безопасности, Военной доктрине Республики Беларусь и других нормативных правовых документах, регламентирующих воинскую деятельность. Согласно Концепции национальной безопасности эти цели, в первую очередь, заключаются в достижении «состояния защищенности национальных интересов Республики Беларусь от военных угроз» [4, ст. 4]. Иными словами, основная цель воинской деятельности – обеспечение военной безопасности белорусского государства и его граждан.

Реализация целей воинской деятельности осуществляется с помощью *средств*. Цели и средства воинской деятельности находятся в диалектическом единстве. Средства воинской деятельности – это средства вооруженного насилия, прежде всего оружие и боевая техника, а также средства воспитания и обучения, физические способности субъектов воинской деятельности и др.

Важной составляющей средств воинской деятельности все в большей степени становятся специальные технологии управления, выработки и реализации задач, поставленных в соответствии с достигаемыми целями. Сюда же стоит

отнести технологии подготовки специалистов, способных эффективно решать военно-профессиональные задачи, использовать самые современные средства и названные технологии, умело координировать различные виды деятельности, учитывая при этом взаимозависимость явлений природы и общества, их внутреннее единство.

Цель воинской деятельности, реализуясь с помощью ее специфических средств, воплощается в *результате* воинской деятельности. Под результатом воинской деятельности следует понимать только те изменения, которые предполагались, ставились в качестве цели или задачи. Воинская деятельность в отношении своих результатов имеет определенную специфику. В ней в наибольшей степени может происходить несовпадение цели и результата, так как противоборствующие стороны специальной задачей своей деятельности ставят недопущение такого совпадения у противника.

Как особый вид человеческой деятельности воинская деятельность выполняет важные *социальные функции* [3, с. 429]. В руках определенных общественных сил она выступает *средством насилия*. В этих условиях воинская деятельность реализуется в форме войны или вооруженной борьбы. *Война как продолжение политической деятельности иными, насильственными средствами является частью политики*. Вот почему воинская деятельность используется в политике как средство насилия.

Воинская деятельность как мирного времени, так и военного времени непосредственным образом служит интересам политики и военной политики в частности. Она представляет собой специфическое средство изменения путем насилия политических отношений в обществе. Политические цели войны и интересы обеспечения безопасности общества определяют в нем характер воинской деятельности. Вооруженная борьба, в процессе которой противоборствующие стороны добиваются поставленных целей, изменяет характер жизнедеятельности всего общества.

Вместе с тем воинская деятельность выступает *средством защиты общества* от вооруженного вторжения извне, угрожающего его суверенитету и целостности, то есть выполняет функцию защиты общества. Кроме этого в процессе воинской деятельности военного времени нередко происходит разрушение старого и созидание нового общественно-политического строя в том или ином обществе.

Воспитательная функция воинской деятельности проявляется в том, что она осуществляет воспитательное воздействие на людей. С одной стороны, ее результатом являются страдание и смерть. Этим формируется негативное отношение к воинской деятельности в цивилизованном обществе. С другой стороны, воинская деятельность выступает нередко единственным средством освобождения и защиты тех или иных народов. Все это отражается на сознании людей, их поведении в условиях подготовки государства к войне и в ходе ее проведения. И, наконец, воинская деятельность выступает в качестве *средства получения знаний о войне и военном строительстве*. Это уже особая деятельность – военно-познавательная (военно-научная), исследовательская. Стоит отметить, что в современных условиях военно-научная деятельность является одним из важнейших приоритетов в обеспечении не только военной, но и национальной безопасности. Связано это с постоянной трансформацией осуществляемого глобальными игроками военного насилия для достижения своих геополитических

целей, использованием новейших технологий его осуществления. Диалектика такова, что новые закономерности военного насилия отражаются на закономерностях обеспечения национальной безопасности государства [5]. Значение научной деятельности в военной сфере имеет тенденцию к возрастанию.

Функционирование армии как общественной составляющей реализуется посредством определенных видов ее деятельности, которые нацелены на регулирование конкретных функциональных отношений. Важнейшими видами воинской деятельности, через которые армия реализует свое историческое предназначение, являются: непосредственное применение оружия и боевой техники в вооруженной борьбе; опосредованное применения насилия и оружия при различных социально-политических ситуациях; участие подсистем, элементов армии в экономической, социальной, политической и духовной сферах жизни общества [3, с. 430].

Воинская деятельность осуществляется в форме вооруженной борьбы, боевого дежурства, боевой и морально-психологической подготовки войск, управленческой деятельности штабов и других органов военного управления, подготовки военных кадров, военно-научной деятельности. Формы воинской деятельности неразрывно связаны друг с другом, взаимно дополняют и обуславливают друг друга.

Говоря о *специфике воинской деятельности*, важно отметить, что она, несомненно, является предметной деятельностью, то есть воздействует на материальные объекты. Такое воздействие скорее ведет к разрушению тех или иных материальных объектов, чем к их созиданию. Созидание новых объектов материального мира возможно, как правило, лишь в целях укрепления боевого потенциала элементов военной организации государства.

Целью боевой деятельности может стать воздействие на живую силу противника (то есть на человека), ее нейтрализация, в том числе ее уничтожение. Возможность жестких и даже крайних мер по отношению к человеку и плодам его труда требует всесторонней подготовки и глубокой обоснованности тех или иных актов воинской деятельности. Существенную роль играет совершенство правовых и моральных норм, регламентирующих воинскую деятельность, уровень развития оружия и техники, технологий, используемых в воинской деятельности.

Специфика воинской деятельности проявляется также в общении, игре и труде. Особенность общения как обмена информацией, осуществляемого в воинской деятельности, заключается в том, что в отличие от общения в невоенной сфере оно имеет известный предел открытости, а в ряде случаев специально направлено на сокрытие информации или ложное информирование. Специфика общения как обмена деятельностью выражается в том, что в условиях воинской деятельности этот обмен направлен на нейтрализацию, дезинформацию и дезорганизацию противника.

Спецификой обладает воинская деятельность и в качестве игры. Такие признаки игры, как хитрость, внезапность, обман, сохраняют свое значение и для воинской деятельности в современном мире. Игровой элемент, характеризующий воинскую деятельность, усиливается в условиях мирного времени.

Важной специфической чертой воинской деятельности является ее строгая регламентация нормативными документами, строгая иерархичность ее субъектов различного уровня.

Воинская деятельность характеризуется новизной и нестандартностью решаемых задач, постоянно возникающими новыми ситуациями, которые при всей тщательности прогнозирования невозможно предусмотреть заранее.

Как деятельность, непрямая к непосредственному производству материальных благ, воинская деятельность может подразделяться на неразрушительную (в условиях мирного времени) и разрушительную (в условиях войны). Причем последняя в зависимости от социальной направленности, целей и интересов ее субъектов может выполнять как положительную, так и отрицательную роль в общественном прогрессе [3, с. 431].

Воинская деятельность имеет немало специфического в проявлениях нравственности. В социальном плане нравственные ориентиры людей в процессе воинской деятельности едины, тождественны, неразрывны с моральными процессами, протекающими в обществе. Вместе с тем, характер реализации этих общих принципов и положений в процессе воинской деятельности своеобразен и специфичен.

Важным специфическим требованием этики воинской деятельности является постоянная готовность и моральные способности осуществлять вооруженное насилие в интересах защиты общества, достичь поставленных командованием целей даже ценой самопожертвования. Воинская деятельность является одной из немногих сфер человеческой деятельности, где моральные нормы исполнения долга требуют в случае необходимости отдать свою жизнь на благо Отечества.

Понимание военной сферы национальной безопасности не может быть полным без исследования воинской деятельности как одной из разновидностей деятельности человека, коллектива, социальной группы, общества. Воинская деятельность имеет специфический характер, но она диалектически связана с проблемой деятельности как таковой.

Таким образом, воинская деятельность удовлетворяет одну из основных потребностей общества – потребность в обеспечении военной как важнейшей компоненты национальной безопасности государства. Это обусловлено тем, что субъекты воинской деятельности «производят» благо в виде защиты национальных интересов страны.

Список использованных источников

1. Военная доктрина Республики Беларусь. Утверждена Законом Респ. Беларусь 20.07.2016 г. № 412-3.
2. Ксенофонов, В. А. Армия как социально-политический институт и гарант стабильности государства / В. А. Ксенофонов // Идеологические аспекты военной безопасности. – 2018. – № 1. – С. 29–34.
3. Философия и военное дело: учебник / коллектив авторов; под общ. ред. П. В. Петрия. – М.: КНОРУС, 2019. – 466 с.
4. Концепция национальной безопасности Республики Беларусь: Указ Президента Респ. Беларусь № 575 от 9 нояб. 2010 г. – Минск: Белорусский Дом печати, 2011. – 48 с.
5. Ксенофонов, В. А. Война, национальная безопасность, гражданско-военные отношения, гуманитарное знание: взаимосвязь явлений и перспективы их развития / В. А. Ксенофонов // Гуманитарные проблемы военного дела. – 2015. – № 4(5). – С. 17–27.

(Дата подачи: 13.01.2021 г.)

И. Я. Мацевич-Духан
Институт философии НАН Беларуси, Минск

I. Ja. Matsevich-Dukhan
The Institute of Philosophy of the NAS of Belarus, Minsk

УДК 101.1

КРЕАТИВНЫЙ КАПИТАЛ КАК ОБЪЕКТ СОЦИАЛЬНО-ФИЛОСОФСКОЙ КРИТИКИ

CREATIVE CAPITAL AS AN OBJECT OF SOCIO-PHILOSOPHICAL CRITIQUE

Выявляются основные подходы к определению креативного капитала. Сопоставляются различные его модели в рамках социальной теории, демонстрируются преимущества и недостатки их практического применения. Производится критический социально-философский анализ концепций креативного класса и креативного города, на базе которых формируются международные индексы креативности и креативного капитала. Эксплицированы причины и факторы их активного внедрения в политические программы, возможные социально-философские формы их обоснования и критики.

Креативный капитал; креативность; креативный класс; креативный город; индекс креативного капитала.

The article reveals main approaches to defining creative capital. There are compared its different models, demonstrated the pros and cons of their practical application. The author conducts the critical socio-philosophical analysis of conceptions of creative class and creative city, on the basis of which are formed international indices of creativity and creative capital. The article explicates key reasons and factors of their active application in political programmes, possible socio-philosophical forms of their justification and criticism.

Creative capital; creativity; creative class; creative city; creative capital index.

Концепция креативного капитала первоначально формировалась на основании прикладного социологического исследования, которое выделяет в современной социальной структуре креативный класс и определяет характерные места предпочтительного проживания его представителей. Она вобрала в себя ряд элементов теорий человеческого, социального, экономического, символического и культурного капитала, но вместе с тем выходит за рамки их положений, предлагая свой подход к выявлению ключевых факторов и принципов социальной динамики.

Сегодня в социально-гуманитарных науках преобладают три основных подхода к определению креативного капитала. *Первый* подход был разработан Р. Флоридой и представлен в индексе «трех Т» (показатели развития таланта, технологий и толерантности) [1]. Он является наиболее распространенным в международных отчетах [2–5]. *Второй* подход был разработан российскими экспертами на основе первого, но с существенными дополнениями и видоизменениями ряда параметров оценки [6]. В его рамках креативный капитал объединяет в себе специфические черты социальной и культурной инфраструктуры, потенциала развития инновационно-креативного сектора с точки зрения инвестиционной привлекательности, а также институциональной поддержки

и экономической реализации креативных профессий. *Третий* подход представлен в экспертных отчетах по креативной экономике ООН, который предлагает рассматривать «весь цикл креативной деятельности во взаимодействии четырех форм капитала, – социально-культурного, человеческого, структурного или институционального – обуславливающего рост креативности – креативного капитала» [2, р. 10]. Здесь креативность представлена в многообразии ее проявлений в деятельности человека и форм ее реализации. Таким образом преодолевается редукционизм ее рассмотрения сугубо сквозь призму ценности продуктов ее деятельности, обращается внимание на ценность всех стадий их создания как вклада в экономический рост. В итоге предложенный ООН индекс креативности оценивает «идеи, которые производятся, связываются и трансформируются в ценные вещи» [2, р. 10]. Необходимо отметить, что первоначальная версия данного индекса была разработана командой исследователей под руководством профессора Десмонда Хуи из Центра исследований культурной политики Гонконга [5]. Ее авторы отмечают, что они в свою очередь отталкивались от концепции Р. Флориды [1]. Таким образом в центре трех выделенных подходов к определению креативного капитала, где они сходятся и переплетаются, оказывается модель американского социолога, которая становится сегодня предметом критического анализа в социальной теории.

Недостатки и преимущества концепции креативного капитала. Хотя понятие креативного капитала, во многом благодаря Р. Флориде, стало широко использоваться в 2000-е годы в среде урбанистов, градостроителей, управленцев, политиков, экономистов и социологов в различных странах мира [2; 3; 5; 7–12], многие эксперты из их же числа в 2010-е годы начали активно публиковать результаты исследований, которые опровергают многие положения концепции креативного класса, и в целом географии креативности, в том числе подвергают критике сам концепт креативного капитала [13; 8–11]. Вопрос, на который многие до сих пор пытаются ответить, заключается в причинах продолжающегося и распространяющегося применения на практике концепции креативного капитала, если основные ее положения не выдерживают критики со стороны многих экспертов и не поддаются эмпирической верификации с помощью количественных методов их исследования. Концепция продолжает развиваться и уточняться его последователями в соответствии с региональными запросами и особенностями социально-экономической и культурной политики. Кому-то может показаться, что она существует по своим правилам, не реагируя на критику в ее адрес, и постепенно превращается в автономно разворачивающийся проект модернизации, который преследует не всегда очевидные цели, не всегда поддающиеся объяснению и оправданию даже с точки зрения неоллиберальной идеологии. И в этом смысле ряд философов, социологов и экономистов полагают, что сама политическая программа неоллиберальной экономики изживает себя именно перед лицом пришествия новой реальности мифотворчества под названием «креативная экономика» [12].

Принимая правомерность критики обозначенной концепции, нельзя отрицать факт ее полноценного существования в современном мире. Едва ли кому-то удастся отнять у нее это право на существование ввиду возникновения целой сети креативных институтов, в которых уже объективировались многие категории и мифологемы, правила и условности жизни в обществе, где утверждается императив креативности. Ее нарратив превращается сегодня в метанарратив,

который обретает и успешно выполняет мотивационную, объяснительную, оценочную, социально-критическую и перформативную функции во всех сферах жизнедеятельности человека.

Конструируя свой мир и его собственную историю, концепция креативного капитала поддается исследованию скорее с помощью идиографических, нежели номотетических методов. Во многом по этой причине столь востребованным оказывается сегодня социально-философский подход к ее изучению. Однако он не должен сводиться преимущественно к критике. Последняя применима в той мере, в какой она способна объяснить причины появления и столь длительно-го существования предмета исследования, от которого она едва ли может избавиться.

Воплощенные формы креативности становятся предметом специального изучения в современной философии [14], отражающего обновление категориально-понятийного аппарата, заполнение межкатегориальных пробелов социально-гуманитарных наук посредством исследований материальной и визуальной культуры с точки зрения социальной семиотики, теорий образа, актор-сетевой теории и философской эстетики. В них прочитывается своеобразный «материальный поворот» к природе вещественного и неодушевленного, и «иконический поворот» к автономно развивающейся логике образа. Они же создают основания для переосмысления понятия креативности в современной культуре. Ревизия его сущностных характеристик способствует его «радикальной демократизации» [14, р. 82] в многообразии воплощенных в социальном мире форм. И в этом смысле данное понятие утрачивает былой характер исключительности. Обозначаемый феномен опознается в самой «генеративной поверхности» материальности, во взаимодействии универсальных модусов ее восприятия.

Процеируя такого рода определение креативности на концепт креативного капитала, последний можно рассматривать в качестве многообразия *кластерных узлов опыта* в воплощенных в общественном пространстве формах его процессов, событий и вещей. Определение самой его *материальности* имеет региональные различия в свете *культуры его восприятия*. Литовский философ Т. Качераускас полагает, что разработка универсального операционального определения креативности, используемого в глобальном индексе креативности, едва ли возможна, так как в каждом регионе имеется своя специфика в ее определении и формула ее измерения. Он подтверждает этот тезис на примере региональных индексов креативности Европы, Гонконга и Шанхая [7].

Сегодня сложно найти страну, в которой не была бы предпринята попытка построения регионального индекса креативного капитала в многообразии версий его обозначения и конкретизации. О причинах распространения такой практики, ее достоинствах и недостатках можно рассуждать достаточно долго, однако, не стоит при этом забывать, что само участие в этой дискуссии делает *видимым* ряд факторов и ресурсов эффективной социально-экономической политики, которые прежде оставались вне поля зрения экспертов. Осознание актуальности разработки и усовершенствования подобного рейтинга имеет место быть и в Российской Федерации. В 2016 году была продемонстрирована ее оригинальная региональная модель, которая ежегодно обновляется.

Индекс креативного капитала российских городов. Несмотря на сложности в визуализации элементов креативного капитала с помощью имеющегося в наличии научного категориально-понятийного аппарата, с начала 2000-х годов

предпринимаются попытки его создания и усовершенствования в различных регионах мира. Рассмотрим в качестве примера *индекс креативного капитала российских городов* [6]. Его разработка опирается на исследования креативных индустрий и инновационной экономики. Ядром российского индекса является концепция «трех Т» Р. Флориды, предполагающая объединение индексов развития таланта, технологий и толерантности. Однако способ имплементации данных показателей в более комплексный набор количественных и качественных индикаторов развития креативного капитала в городской среде, а также более широкий контекст их интерпретации, позволяет рассматривать российский индекс в качестве отличного от означенного выше интеллектуального продукта.

Российский индекс выделяет пять блоков, тематически объединяющих количественные и качественные индикаторы развития креативного капитала в различные подгруппы. *Первый блок*, под названием «люди», включает социально-демографические показатели эволюции общественной среды (открытость, толерантность, социальная активность). *Второй блок* «город» объединяет индикаторы развития культурной, социальной, городской и научно-образовательной инфраструктуры. *Третий блок* «бизнес» демонстрирует потенциал коммерциализации таланта креативных субъектов с учетом наличия и доступности соответствующей инфраструктуры. *Четвертый блок* «власть» выявляет наличие мотивации, степень заинтересованности, открытости и содействия местных властей работе креативных индустрий. *Пятый блок* «бренды» показывает, каким может быть восприятие города извне, учитывая результаты анализа социологических опросов и статей в СМИ. Пять выделенных блоков рассматриваются в качестве ключевых элементов городской среды.

Проведенный российскими экспертами анализ привлекает внимание к имеющемуся в различных городах Российской Федерации креативному капиталу, который по индикаторам его динамики позволяет переориентировать существенную долю потенциальных инвестиций в направлении регионов. Кроме того, следует отметить, что авторам исследования удалось разработать определение креативного капитала, которое поддается инструментальной операционализации в соответствии с имеющимися государственными статистическими классификаторами по ряду показателей.

Современные региональные концепции креативного капитала аккумулируют в себе элементы теорий человеческого, социального, экономического и культурного капитала. На их базе разрабатываются и активно применяются на практике индексы креативности, креативных городов и их креативного капитала. Многие политические программы апеллируют к результатам оценки экономического потенциала регионов на основании данных моделей, которые не всегда подвергаются критическому анализу с точки зрения возможности их верификации и нормативно-ценностного оправдания в контексте более широкой повестки устойчивого развития. Даже те страны, которые не желают участвовать в разработке подобных или альтернативных концепций креативного капитала, оказываются предметом оценивания со стороны имеющих модели [15]. Такого рода ситуация приводит к возникновению иллюзорных карт концентрации креативного капитала, которые функционируют в качестве инструментов реализации глобальной политики *креативной дискриминации* в пользу так называемого избранного меньшинства первого мира. Игнорирование

существования обозначенных моделей и сознательный отказ от участия в их разработке ряда стран второго и третьего мира приводит к все возрастающему числу разногласий в определении ключевых императивов современного социально-экономического развития. Отсутствие общих ценностно-нормативных оснований и инструментов реализации региональных программ культурного развития в условиях экспансии креативной экономики делает более уязвимыми индивидов и сообщества, сопротивляющиеся данной практике. Тем не менее никто не отрицает и не отрицает их *право на участие*. Никто не может заставить ремесленника выйти за рамки своей уютной мастерской, если в ней скрывается смысл его жизни и ее оправдание. Социально-критическая теория может помочь выявить *условные границы*, в рамках которых будут обеспечены права тех, кто не поддается креативной капитализации. Кроме того, рескиновский любующийся взгляд на происходящее изнутри дома ремесленника может раскрыть новые аспекты изучения данного феномена даже в современной действительности.

Список использованных источников

1. Florida, R. The rise of the creative class: and how it's transforming work, leisure, community and everyday life / R. Florida. – N.Y.: Basic Books, 2002. – 404 p.
2. Creative Economy Report 2008: The Challenge of Assessing the Creative Economy towards Informed Policy-making / UNCTAD–XII: United Nations Conf. on Trade and Development, 12th sess., Accra, 20–25 Apr. 2008. – N.Y.: UNCTAD, 2008. – 357 p.
3. Florida, R. Europe in the Creative Age / R. Florida, I. Tinagli. – London: Demos; 2004. – 48 p.
4. Florida, R. The Global Creativity Index 2015. / R. Florida, C. Mellander, K. King; Martin Prosperity Institute [Electronic resource]. – Mode of access: <http://martinprosperity.org/wp-content/uploads/2015/07/Global-Creativity-Index-2015.pdf>. – Date of access: 02.04.2020.
5. A Study on Creativity Index / Home Affairs Bureau, The Hong Kong Special Administrative Region Government; Centre for Cultural Policy Research, The University of Hong Kong. – November 2005. – 100 p.
6. Индекс креативного капитала российских городов / под рук. А. Кудрина [и др.]; Calvert 22; PwC. – М.: ООО «Рослинк-Нет», 2016. – 134 с.
7. Kačerauskas, T. The Indices of Creative Cities: the Global and Local Aspects / T. Kačerauskas // European Journal of Social Sciences Education and Research. – 2015. – Vol. 2, № 3. – P. 95–100.
8. Krätke, St. Creative Cities and the Rise of the Dealer Class: A Critique of Richard Florida's Approach to Urban Theory / St. Krätke // International Journal of Urban and Regional Research. – 2010. – Vol. 34, № 4. – P. 835–853.
9. Krätke, St. The Creative Capital of Cities: Interactive Knowledge Creation and the Urbanization Economies of Innovation / St. Krätke. – Malden, MA, Oxford: Wiley-Blackwell, 2011. – 260 p.
10. Long, J. Sustaining Creativity in the Creative Archetype: The Case of Austin, Texas / J. Long // Cities. – 2009. – № 9. – P. 210–219.
11. Ponzini, D. Becoming a Creative City: The Entrepreneurial Mayor, Network Politics and the Promise of an Urban Renaissance / D. Ponzini and U. Rossi. // Urban Studies. – 2010. – Vol. 47(5). – P. 1037–1057.
12. Reckwitz, A. Das Ende der Illusionen / A. Reckwitz. – Berlin: Suhrkamp, 2019. – 306 S.
13. Glaeser, E. Review of Richard Florida's The Rise of the Creative Class / E. Glaeser // Regional Science and Urban Economics. – 2005. – Vol. 35 – P. 593–596.

14. *Inishev, I.* Embedded creativity: structural interconnections between materiality, visibility, and agency in everyday perceptual settings / I. Inishev // *Creativity Studies*. – 2018. – Vol. 11(1). – P. 70–84.

15. *Matsevich-Dukhan, I.* Mapping European Cultural Actors: Addressing the Case of Belarus / I. Matsevich-Dukhan // *European Neighbourhood Policy: Geopolitics Between Integration and Security* / B. Bruns, D. Happ, H. Zichner, eds. – London: Palgrave Macmillan UK, 2016. – P. 207–230.

(Дата подачи: 03.02.2021 г.)

С. Д. Назаренко

Республиканский институт высшей школы, Минск

S. Nazarenko

National Institute for Higher Education, Minsk

УДК 09.00.11

СОЦИАЛЬНО-КОММУНИКАТИВНЫЕ ПРАКТИКИ УНИВЕРСИТЕТА: ПРАКТИКА НАУЧНОГО РУКОВОДСТВА

SOCIAL AND COMMUNICATIVE PRACTICES OF THE UNIVERSITY: THE PRACTICE OF ACADEMIC SUPERVISION

В статье рассматривается понятийный аппарат, описывающий практики научного руководства, определяется роль и функции научного руководителя, необходимые компетенции, понятие готовности к деятельности, рассматриваются стили и стратегии научного руководства.

Ключевые слова: научный руководитель; научное руководство; роль и функции научного руководителя; эффективность научного руководства; компетенции; готовность к деятельности.

The article examines the conceptual apparatus that describes the practices of academic supervision, defines the role and functions of the academic supervisor; the necessary competencies, the concept of readiness for an action, and considers the styles and strategies of academic supervision.

Keywords: academic supervisor; academic supervision; training of researchers; role and functions of an academic supervisor; effectiveness of an academic supervision; competences; readiness for an activity.

В настоящее время одной из важных задач высшего образования является подготовка научных кадров для современного общества знаний. За последние двадцать лет произошли серьезные изменения в сфере высшего образования, появилось новое поколение исследователей, ориентированных на успешность на международном рынке, владеющих одним или несколькими иностранными языками и публикующих результаты своих исследований в серьезных рецензируемых научных изданиях.

Научное руководство плотно вписано в академическую повседневность. Оно является «одним из самых распространенных феноменов современной образовательной практики» [1, с. 1138]. Научное руководство осуществляется в каждом вузе страны, но при этом, как отмечают многие исследователи, его общая теория отсутствует.

Исследуя, какое место тема научного руководства занимает в глобальном контексте исследований высшего образования, мы обнаруживаем, что данная проблематика практически не представлена в современном исследовательском тематическом спектре. Так, даже в значимом исследовании Ф. Альтбаха и др., где детально характеризуются основные аспекты академической профессии и анализируются причины её современного кризиса, тема научного руководства совершенно не затрагивается [2], несмотря на то, что в монографии речь идёт о студенческом опыте, преподавании, обучении и оценивании в высшей школе, то есть ситуациях, где проблематика научного руководства имманентно должна присутствовать. Об этом свидетельствует также индекс ключевых понятий в конце данного исследования, где термин «научное руководство» и его производные отсутствуют. О «неактуальности» научного руководства как темы (или эксплицитно выраженной подтемы) глобальных исследований свидетельствует ее отсутствие в классификации исследовательских тем высшего образования М. Тайта [3]. В «Компиляциях научных статей и резюме» А. Хертвиг и С. Бауманн-Хей (2013–2016) [4; 5] публикации на тему научного руководства занимают менее одного процента от объема ежегодных научных публикаций о высшем образовании в двадцати пяти международных научных журналах. В 2013 г. вышло девять статей, в которых авторы исследовали научное руководство в том или ином аспекте, в 2014 г. – восемь статей, причем только четыре из них тематически концентрируются на теме научного руководства. Остальные четыре затрагивают научное руководство лишь косвенно, в контексте исследуемой в публикации проблемы. В 2015 и 2016 годах по теме научного руководства публиковалось всего лишь по шесть статей каждый год.

К подобным выводам о недостаточной изученности приходят и немногочисленные исследователи, занимающиеся темой научного руководства. Так, А. Клейн и его соавторы отмечают, что *«несмотря на важность целей в образовательных теориях, постановка целей при написании магистерских диссертаций [и роль научных руководителей в постановке этих целей] очень редко являются объектом исследования (перевод мой. – С. Н.)»* [6, с. 1463].

Однако среди исследователей, занимающихся изучением высшего образования, присутствует и ряд ученых, обращающихся к феномену научного руководства. Об этом мы можем судить на основании анализа научных статей, вышедших в основных рецензируемых журналах по исследованиям высшего образования². Причем аспекты научного руководства, которые затрагиваются в данных исследованиях, рассматриваются достаточно многогранно. К примеру, Т. Майнхард и др. предлагают модель анкеты, позволяющей выявить качество взаимодействия аспиранта и научного руководителя, чтобы прояснить ожидания обеих сторон в процессе написания диссертации и способствовать успешному ее завершению [7]. В исследованиях Т. Гатфилда [8] обращается внимание на тот факт, что стиль научного руководства является решающим фактором в успешном написании докторской диссертации. В статье «Научное руководство как метафора» А. Ли и Б. Грин анализируют научное руководство как метафору эпохи просвещения и университета эпохи модерна [9]. Ли выявляет

¹ Речь идет о журналах «Высшее образование» (Higher Education) и «Исследования высшего образования» (Studies in Higher Education).

² «The starting point of my study is that there is a need to improve supervisory practices».

пять моделей научного руководства – функциональное руководство, инкультурация, критическое мышление, эмансипация и развитие качественного взаимодействия [10]. Х. Марш и др. [11] представляют разработанную анкету для измерения степени удовлетворенности аспирантов качеством их научного руководства и анализируют полезность данного опроса для кросс-дисциплинарного и межуниверситетского сопоставительного анализа. В статье Дж. Семейна и др. поднимается проблема вовлечения в научное руководство аспирантами преподавательского состава с ограниченным опытом научного руководства [12]. А. Баптиста адресует вопрос качества образования феномену научного руководства в современных реалиях высшего образования [13]. Дж. Макиннон, в свою очередь, проводит анализ идеи о том, что концептуализация научного руководства как доверительного взаимоотношения научного руководителя и аспиранта улучшает качество обучения аспиранта [14]. К. МакКеогх представляет модель и результаты научного руководства в программе дистанционного обучения одного из западных университетов [15].

Защищенная в 2014 году в Университете Копенгагена диссертация С. Кобаяши на тему образовательной динамики в научном руководстве аспирантов свидетельствует о том, что тема научного руководства актуальна в современном университетском обучении. Исследовательница рассматривает научное руководство *«как обеспечение рамок и условий для обучения [аспирантов] (перевод мой. – С. Н.)³»* [16, с. 48] и за отправной момент в своем исследовании берет *«необходимость улучшения практик научного руководства (перевод мой. – С. Н.)⁴»* [16, с. 39]. Указывая в своей диссертации на те аспекты, которые остались за рамками её исследования, Кобаяши отмечает: *«было бы интересно исследовать, как новые научные руководители обучаются «мастерству» научного руководства, но это тема отдельного исследования (перевод мой – С. Н.)⁵»* [16, с. 106].

А. С. Кельсина пишет, что *«...большое внимание уделяется профессиональной подготовке будущих научных руководителей <...> в Великобритании и Ирландской республике ответственность учебного заведения за профессиональное развитие руководителей включена в национальные своды правил докторских программ»* [17, с. 4]. *«В ряде университетов (Ньюкасл-апон-Тайн, Борнмутский университет, университет Лидса, университет Wolverhampton) для получения права научного руководства преподаватели должны пройти специальную профессиональную подготовку, а в университете Лидса академический персонал, приступающий к научному руководству аспирантами, должен не только пройти обучение, но и сдать соответствующий экзамен»* [17, с. 4]. Нами были проанализированы сайты этих университетов, но информация о программах подготовки научных руководителей на сайтах не представлена.

В отечественной литературе данную проблематику затрагивают ряд исследователей. Общей теорией и практикой научного руководства и проблемами, которые возникают в процессе реализации этих практик, занимаются О. В. Никифорова, А. А. Грибанькова, С. Д. Резник, Н. А. Довгая, А. С. Кельсина, А. С. Мельничук, А. С. Роботова и др.

³ «as providing the frames and conditions for [doctoral] learning»

⁴ «The starting point of my study is that there is a need to improve supervisory practices».

⁵ «It would be interesting to investigate how new supervisors learn the ‘craft’ of supervision, but that is a different study».

А. О. Кошелева, И. О. Шевченко, И. Д. Котляров и Л. Б. Эрнштейн в своих работах предлагают теоретическое и методологическое обоснование феномена научного руководства, классификацию, описание функций и задач, возможных стратегий и методик научного руководства, критерии его эффективности.

Л. Б. Эрнштейн, как и другие исследователи, обращает внимание на то, что необходима специальная теория научного руководства. Свое видение он представляет в монографиях и ряде статей, описывая теоретические основания научного руководства и его методические особенности; дает определение, приводит классификацию и выделяет задачи научного руководства, определяет роли, стили, функции научного руководства, рассматривает его стратегии и эффективность. Кроме того, его интересуют вопросы, связанные с технологическими компетенциями субъектов научного руководства, критерии эффективности научного руководства, мотивация и этические аспекты коммуникации субъектов научного руководства и обращает внимание на бинарную природу научного руководства.

Интересную методику работы научного руководителя предлагает А. С. Мельничук. Для решения проблем, связанных с низким уровнем квалификационных работ (ВКР), автор предлагает использовать в процессе научного руководства коучинг. Эта методика помогает мотивировать студента на исследовательскую деятельность в рамках ВКР, вырабатывать «культуру профессионального самоуправления» и обеспечивать «вовлечение учащихся в образовательную рефлексию» [18].

Возникает вопрос: можем ли мы говорить о научном руководстве как о социальном институте, который обеспечивает механизм взаимодействия, поддержания и воспроизводства отношений в рамках своей практики? Многие исследователи поднимают вопрос об «*актуальности разработки квалификационных требований к научному руководству*» [19, с. 71].

Прежде, чем приступить к описанию практик научного руководства нам нужно определиться с понятиями «научное руководство» и «научный руководитель». Л. Б. Эрштейн пишет «... *можно определить научное руководство как целенаправленный процесс организации, мотивации, управления и контроля над проведением научных исследований, происходящих в результате воздействия объекта, которым является субъект, в качестве которого может выступать отдельная личность, группа лиц или организация ... научный руководитель в случае научного руководства является не столько объектом, сколько субъектом, а сам процесс научного руководства является процессом взаимодействия двух субъектов*» [20, с. 9]. «*Научное руководство есть процесс, управляющий всеми этапами подготовки научного исследования – от формирования идеи до защиты*» [21, с. 115].

Основные идеи концепции научного руководства, описанные Эрнштейном в монографии «Научное руководство: теория, принципы, практика» мы можем представить в виде таблицы (таблица 1).

Автор выделяет три типа научного руководства по способу взаимодействия субъектов «...*под формальным научным руководством будет пониматься назначение официально-оформленного научного руководителя, под неформальным – наличие нескольких руководителей, о существовании которых известно всем субъектам данной образовательной ситуации, а под информальным ... – стихийное научное руководство, осуществляемое от случая к случаю кем бы то ни было*» [22, с. 1139]. Эти три типа научного руководства могут параллель-

но сосуществовать в практике одного студента/магистранта/аспиранта в рамках нормы. Например, студенту назначают научного руководителя для подготовки бакалаврской работы, но он продолжает консультироваться с научным руководителем своих предыдущих курсовых работ и иногда рассказывать о своей работе и спрашивать совета у своих одногруппников, друзей, преподавателей. Тут мы видим все три типа взаимодействия в процессе научного руководства. Иногда неформальное научное руководство по желанию студента/аспиранта оформляется, и второй научный руководитель фигурирует в работе студента как консультант.

Таблица 1

Концепция научного руководства

Тип взаимодействия субъектов научного руководства	Кол-во субъектов	Тип научного руководителя	Стиль научного руководства	Стиль руководимого	Стратегия научного руководства
формальное	отдельная личность	авторитарный	пассивный	ответственный	пассивная
неформально	группа	авторитетный	нейтральный	спокойный	нейтральная
информальное	организация	либеральный	активный	либеральный	активная

Л. Б. Эрнштейн – и в этом мы с ним согласны – выделяет шесть функций научного руководства, которые позволяют оптимизировать процесс и сделать его эффективным: (1) формирование научного альянса; (2) анализ и преодоление сопротивления; (3) формирование индивидуальной научной траектории; (4) организация научного исследования; (5) планирование научного исследования; (6) контроль проведения научного исследования.

Автор концепции процессного подхода Анри Файоль писал, что *«управлять – это значит прогнозировать и планировать, организовывать, командовать, координировать и контролировать»* [23, с. 145]. Эти виды управленческой деятельности применимы к современной организации, но мы видим, что эта классификация позволяет хорошо описать механизмы практики научного руководства. Наличие управленческих компетенций у научных руководителей даёт возможность создать среду, в которой возможно эффективное руководство студентами. И напротив – если преподаватель не занимает руководящую должность в университете (заведующий кафедрой, декан, руководитель департамента, цента и т. д.), то он чаще всего не имеет представления о менеджменте, его специфике, сложности и т. п.

Самые распространенные роли научного руководителя, которые обычно выделяют исследователи, – это учитель и наставник. Но, в зависимости от этапа научного процесса, руководитель может выступать в самых разных ролях: он может быть лидером и вдохновлять студента/аспиранта, осуществлять экспертизу и консультирование, быть психологом и т. п. Каждому студенту или магистранту бывает нужна психологическая поддержка научного руководителя или его редакторская работа над текстом, особенно на последних стадиях проведения

исследования и подготовки работы. Однако не каждый руководитель готов быть лидером, психологом или редактором для своего подопечного.

Возникает вопрос: какими компетенциями должен обладать научный руководитель? Мастерство научного руководителя напрямую зависит от понимания перспектив сознательного профессионального роста, который может реализовываться посредством использования подхода универсальной модели профессиональных компетенций. Применительно к научному руководству мы можем говорить об основных качествах и компетенциях научного руководителя, которые связаны с его деятельностью: управленческой, научно-исследовательской, педагогической, воспитательной и личной. И можно выделить пять основных блоков компетенций: профессиональные, управленческие, коммуникативные, технологические и личностный блок.

Важной составляющей научного руководства наравне с компетенциями научного руководителя является его готовность к деятельности по научному руководству исследованиями студентов. Обычно вопрос о готовности преподавателя к научному руководству даже не поднимается. Господствует мнение, что преподаватель, работающий на штатной должности старшего преподавателя, доцента или профессора, априори готов к научному руководству.

Готовность к деятельности научного руководителя должна включать:

- наличие необходимых теоретических знаний, экспликацию исследовательских задач, проблем и путей их решения, понимание требований к исследовательским проектам;
- включенность научного руководителя в процесс научного руководства, его мотивацию и осознанное отношение к деятельности, которая является для него целью и ценностью;
- склонность к управлению студенческими и собственными исследовательскими процессами, к управлению отношениями, планированию, организации и контролю над работой;
- владение навыками исследовательской деятельности и готовность передавать их студентам для решения индивидуальных задач.

Важной составляющей научного руководства является непосредственная связь научно-исследовательской деятельности научного руководителя и передача этого опыта студентам посредством практики научного руководства.

Проведенный анализ теоретических оснований и существующих практик научного руководства, представленных в отечественных и зарубежных исследованиях, дает основания сделать вывод о том, что отсутствует полная, непротиворечивая теория научного руководства студентами/магистрантами/аспирантами. Мы можем говорить о научном руководстве как о социальном институте, который выполняет ряд значимых функций: социализации, селекции, динамического развития, самореализации и т. п. В соответствии с видами деятельности (научно-исследовательской, педагогической, проектной, консультационной, организационно-управленческой, организационно-коммуникационной и технологической) можно определить комплекс компетенций научного руководителя. Концепт «готовность к научному руководству» является значимым фактором эффективности процесса. В качестве критериев, по которым можно анализировать готовность научного руководителя к деятельности, могут выступать следующие компоненты: мотивационно-ценностные, когнитивные, операционально-деятельностные и эмоционально-волевые.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. Эрштейн, Л. Б. Коллективное научное руководство в процессе подготовки квалификационных работ / Л. Б. Эрштейн // Известия Пензенского государственного педагогического университета им. В. Г. Белинского. – 2012. – № 28. – С. 1138–1142.
2. Altbach, P. et al. (2010). Trends in Global Higher Education: Tracking an Academic Revolution. / P. Altbach et al. // Global Perspectives on Higher Education, Vol. 22. Rotterdam/Boston/Taipei: UNESCO Publishing/Sense Publishers.
3. Tight, M. Researching Higher Education / M. Tight // SRHE & Open University Press. – Glasgow, 2003.
4. Hertwig, A. Higher Education Research: A Compilation of Journals and Abstracts 2016 / A. Hertwig // International Centre of Higher Education Research Kassel, Universität. – Kassel, 2017.
5. Hertwig, A. Higher Education Research: A Compilation of Journals and Abstracts 2013 / A. Hertwig, S. Baumann-Hey // International Centre of Higher Education Research Kassel, Universität. – Kassel, 2016.
6. Kleijn, Renske A. M. de et al. (2016). Understanding the up, back, and forward-component in master's thesis supervision with adaptivity / Kleijn, Renske A. M. de et al. // Studies in Higher Education. – 41(8). – PP. 1463–1479.
7. Mainhard, T. A model for the supervisor-doctoral student relationship. / T. Mainhard, R. van der Rijst, J. van Tartwijk, T. Wubbels // Higher Education. – 2009. – № 58(3). – P. 359–373.
8. Gatfield, T. An investigation into PhD supervisory management styles: Development of a dynamic conceptual model and its managerial implications / T. Gatfield // Journal of Higher Education Policy and management. – 2005. – № 27(3). – P. 311–325.
9. Lee, A. Supervision as metaphor. / A. Lee, B. Green // Studies in Higher Education. – 2009. – № 34(6). – PP. 615–630.
10. Lee, A. How are doctoral students supervised? Concepts of doctoral research supervision. 2008. / A. Lee // Studies in Higher Education. – № 33(3). – P. 267–281.
11. Marsh, H. W. PhD students' evaluations of research supervision / H. W. Marsh, K. J. Rowe, A. Martin // The Journal of Higher Education. – 2002. – № 73(3). – P. 313–348.
12. Semeijn, J. H. Master Thesis Supervision / J. H. Semeijn, J. Semeijn, K. J. Gelderman // Daly P., Gijbels D. (eds) Real Learning Opportunities at Business School and Beyond / Advances in Business Education and Training, vol 2. Springer, Dordrecht. – 2009. – P. 211–222.
13. Baptista, A. Challenges to doctoral research and supervision quality: A theoretical approach / A. Baptista // Procedia – Social and Behavioral Sciences. – 2011. – Vol. 15. – PP. 3576–3581.
14. Mackinnon, J. Academic Supervision: seeking metaphors and models for quality / J. Mackinnon // Journal of Further and Higher Education. – Vol. 28, 2004 (2007). – Issue 4. – P. 395–405.
15. MacKeogh, K. Supervising undergraduate research using online and peer supervision / K. MacKeogh // M. Huba (ed) 7th International Virtual University Conference, Bratislava 14–15 December 2006. Technical University Bratislava: Bratislava. – P. 19–24.
16. Kobayashi, S. Learning dynamics in doctoral supervision / S. Kobayashi // PhD dissertation 2014. Published by the Department of Science Education, University of Copenhagen, Denmark. – 272 p.
17. Кельсина, А. С. К вопросу научного руководства аспирантами в ИСЭРТ РАН / А. С. Кельсина // Социальное пространство. – 2016. – № 3(5). – С. 1–11.

18. Мельничук, А. С. Использование коучинга в научном руководстве выпускными квалификационными работами студентов / А. С. Мельничук // Акмеология. – 2016. – № 3(59). – С. 43–50.

19. Кошелева, А. О. Проблемы развития способностей личности к научному руководству соискателями в высшей школе. Ученые записки / А. О. Кошелева, О. И. Шевченко // Электронный научный журнал Курского государственного университета. – 2016. – № 1(37). – С. 71–77.

20. Эрштейн, Л. Б. Научное руководство: теория, принципы, практика / Л. Б. Эрштейн. – СПб.: СПбГУНИИП, 2011. – 76 с.

21. Эрштейн, Л. Б. Научное руководство в структуре подготовки научного исследования / Л. Б. Эрштейн // Вестник Санкт-Петербургской юридической академии. – 2014. – Т. 24. – № 3. – С. 113–116.

22. Эрштейн, Л. Б. Коллективное научное руководство в процессе подготовки квалификационных работ / Л. Б. Эрштейн // Известия Пензенского государственного педагогического университета им. В. Г. Белинского. – 2012. – № 28. – С. 1138–1142.

23. Мескон, М. Х. Основы менеджмента / М. Х. Мескон, М. Альберт, Ф. Хедоури. – М.: Изд. дом «Вильямс», 2006. – 519 с.

(Дата подачи: 27.02.2021 г.)

D. I. Naumau

Акадэмія кіравання пры Прэзідэнце Рэспублікі Беларусь, Мінск

D. I. Naumov

Academy of Management under the President of the Republic of Belarus, Minsk

УДК 101.1:316

ГІСТАРЫЧНАЯ ПАЛІТЫКА У ГЛАБАЛІЗАЦЫЙНЫМ КАНТЭКСЦЕ: САЦЫЯЛЬНА-ФІЛАСОФСКІ АСПЕКТ

HISTORICAL POLITICS IN A GLOBALIZATION CONTEXT: SOCIO-PHILOSOPHICAL ASPECT

У артыкуле разглядаецца сутнасць і змест гістарычнай палітыкі, аналізуюцца трансфармацыі гістарычнай палітыкі ва ўмовах глабалізацыі, ацэньваюцца рызыкі глабалізацыі на фарміраванне і рэалізацыю гістарычнай палітыкі ў постсавецкае грамадства, якое разглядаецца як тэарэтычны канструкт.

Ключавыя словы: гістарычная палітыка; глабалізацыя; постсавецкае грамадства; сацыяльная памяць.

The article examines the essence and content of historical politics, analyzes the transformation of historical politics in the context of globalization, assesses the risks of globalization for the formation and implementation of historical politics in post-Soviet society, considered as a theoretical construct.

Keywords: historical politics; globalization; post-Soviet society; social memory.

Адным з найбольш актуальных пытанняў сучасных сацыяльна-гуманітарных навук, якое ва ўмовах постсавецкага грамадства мае як тэарэтычнае, так і прыкладное значэнне, з'яўляецца пытанне аб характары і параметрах ўплыву глабалізацыйнага кантэксту на канстытуаванне і рэалізацыю гістарычнай

палітыкі ў постсавецкім грамадстве. Гэта выклікана тым, што ў сучасных гістарычных умовах любая дзяржава ў мэтах мінімізацыі патэнцыйна небяспечных фактараў глабалізацыі ў сацыякультурнай сферы павінна ствараць усе неабходныя ўмовы для сацыяльна-палітычнай кансалідацыі грамадства. У дадзеным выпадку сацыякультурнай асновай гэтага з’яўляюцца агульныя каштоўнасці і светапоглядныя прынцыпы, культурна-гістарычныя традыцыя і легітымныя палітычныя інстытуты. У сваю чаргу, за фарміраванне агульнай сацыякультурнай рамкі нацыянальнай дзяржаўнасці і забеспячэнне сацыяльна-палітычнай кансалідацыі грамадства ў пэўнай ступені адказвае гістарычная палітыка. Усё гэта абумоўлівае актуальнасць праблематыкі, якая разглядаецца ў артыкуле як з тэарэтычнага, так і з практычнага пункту гледжання.

У тэарэтычным аспекце гістарычная палітыка ўяўляе сабой складаны феномен як па структуры, так і па змесце. Адпаведна, гэта абумоўлівае супярэчлівасць тэарэтычных трактовак дадзенага феномену. У сацыяльна-гуманітарным дыскурсе гістарычная палітыка альбо разглядаецца як складовая частка палітыкі памяці, альбо атаясамліваецца з апошняй з-за сваёй накіраванасці на фарміраванне і ўзнаўленне калектыўных ідэнтычнасцей. Як падкрэслівае О. Ю. Малінавы, палітыка памяці «працуе з міфамі – падзялянымі членамі палітычнай супольнасці, спрошчанымі і эмацыйна афарбаванымі наратывамі, якія зводзяць складаныя і супярэчлівыя гістарычныя працэсы да рэдукаваным і зручным для ўспрымання схем» [1, с. 10]. Менавіта таму гістарычную палітыку часцяком разглядаюць як «пошук падстаў для прад’яўлення палітычных ці эканамічных прэтэнзій, дзе значнымі інструментамі аказваюцца часцяком выдуманых факты, «замоўчванне» фактаў, свядомае падтасоўка тлумачэнняў гістарычных падзей» [2, с. 66].

У такім разуменні гістарычная палітыка выступае як палітычна альбо ідэалагічна заангажаванае мадэляванне гістарычнай свядомасці і гістарычнай памяці насельніцтва краіны, якое выступае аб’ектам мэтанакіраванага ўздзеяння праз сродкі масавай камунікацыі і сістэму адукацыі. У якасці суб’екта тады выступаюць элітарныя супольнасці, якія ў сваіх карыслівых інтарэсах сродкам устанавлення пэўных адзнак гістарычных дзеячаў, інтэрпрэтацый гістарычных падзей і селекцыі фактаў мінулага. Пры гэтым пад гістарычным мінулым трэба разумець комплекс разнастайных «гістарычных падзей, фігур і сімвалаў, якія надзяляюцца сэнсамі, у той ці іншай меры значнымі для сучасных палітычных і культурных практык» [3, с. 32].

Аднак такая інструментальная трактоўка гістарычнай палітыкі, як уяўляецца, не дазваляе ў сучаснай сацыякультурнай сітуацыі, якая з’яўляецца прадуктам глабалізацыі, выявіць шматлікія крыніцы сацыяльна-палітычных праблем. Бо гэтая сітуацыя адрозніваецца множнасцю светапоглядных сэнсаў, культурных значэнняў, ролевых мадэляў паводзін. У сукупнасці яны фарміруюць гетэрагенную і плюралістычную сацыякультурную прастору сучаснага ўрбанізаванага соцыума, у якім жыве індывід. У дачыненні да дзейнасці індывіда глабалізацыйны кантэкст стварае пэўную кагнітыўную і аксіялагічную рамку, якую неабходна ўлічваць пры эксплікацыі ўзаемасувязі і ўзаемазалежнасці глабалізацыі, фарміравання нацыянальна-дзяржаўнай ідэнтычнасці і гістарычнай палітыкі.

Акцэнт менавіта на глабалізацыю абумоўлены складанасцю і супярэчлівасцю адпаведных працэсаў, іх шматпланавым уплывам на грамадства і дзяржаву. З аднаго боку, глабалізацыя разумеецца як працэс палітычнай, эканамічнай

і культурнай інтэграцыі чалавецтва. Так, У. М. Мяжуеў падкрэслівае, што глабалізацыя – гэта моцная «ўзаемасувязь нацыянальных дзяржаў і рэгіёнаў, якія ўтвараюць сусветную супольнасць, іх паступовую інтэграцыю ў адзіную сістэму з агульнымі для ўсіх правіламі і нормаў эканамічнага, палітычнага і культурнага паводзінаў» [4, с. 102]. У ідэале яна спрыяе аптымізацыі і уніфікацыі многіх бакоў жыццядзейнасці сучаснага чалавека. У дадзенай трактоўцы глабалізацыя разглядаецца як універсальная «агульнасусветная сістэма, якая ўзнікла ў выніку развіцця нацыянальных эканомік, заснаваная на бесперашчодным перамяшчэнні капіталу, на інфармацыйнай адкрытасці свету, на хуткім тэхналагічным абнаўленні, на паніжэнні тарыфных бар’ераў і лібералізацыі руху тавараў і капіталу, на камунікацыйным збліжэнні, планетарнай навуковай рэвалюцыі, міжнацыянальных сацыяльных рухах, новых відах транспарту, рэалізацыі тэлекамунікацыйных тэхналогій, інтэрнацыянальным адукацыі» [5, с. 9]. З іншага боку, глабалізацыя з’яўляецца крыніцай найбольш сур’ёзных рызык для грамадства і дзяржавы, якія ствараюць зусім новыя ўмовы як для сацыяльнай жыццядзейнасці, так і для развіцця свету прыроды (экалагічны, энергетычны, харчовы, дэмаграфічны крызісы і г. д.). У выніку яна выступае як «усеахопны, шматаспектны працэс гвалтоўнага ператварэння свету ў цэласную і уніфікаваную па заходніх стандартах сістэму. Галоўнымі рэжысёрамі гэтага працэсу з’яўляюцца ўладныя людзі, якія аб’ядналіся ў элітарныя клубы, паступова прынялі на сябе ролю сусветнага ўрада» [6, с. 50].

Такім чынам, для розных актараў гістарычнай палітыкі глабалізацыйны кантэкст з’яўляецца важным фактарам, які вызначае агульныя патрабаванні да іх дзейнасці. Ён спараджае ў постсавецкім грамадстве як прастору эканамічных і навукова-тэхналагічных магчымасцяў, так і комплекс палітычных і сацыякультурных рызык.

Для постсавецкіх краін сацыяльна-палітычная актуальнасць звароту да гістарычнай палітыцы ва ўмовах глабалізацыі абумоўлена неабходнасцю забеспячэння дзяржаўнага суверэнітэту. Пры гэтым яна разглядаецца як у якасці самастойнага напрамку дзейнасці дзяржавы, так і інструмента сацыяльнай інжынерні. У дадзеным выпадку праблема ўяўляе цікавасць не з пункту гледжання развіцця палітычных інстытутаў і нарошчвання эканамічных магчымасцяў постсавецкіх краін, а з пункту гледжання фарміравання калектыўных ідэнтычнасцей на ўласнай сацыякультурнай аснове. Як уяўляецца, рашэнне гэтай складанай задачы мяркуе творчае пераадоленне савецкага ўніверсалісцкага мэтанаратыву, які ўстойліва захоўваецца на постсавецкай прасторы ў якасці формы наднацыянальнай ідэнтычнасці. З аднаго боку, гэта з’яўляецца следствам дэмаграфічных працэсаў, якія забяспечваюць для яе адпаведную сацыяльную базу. З іншага боку, з’яўляецца вынікам палітычнай дзейнасці левых партый і грамадскіх рухаў, якія фарміруюць пэўную ідэалагічную позову ў грамадстве.

Аднак канструяванне нацыянальнай ідэнтычнасці павінна адпавядаць задачы ўмацавання палітычных інстытутаў у новых незалежных дзяржавах. Гэта забяспечваецца не толькі з дапамогай палітычнай сацыялізацыі і грамадзянскага выхавання (у першую чаргу моладзі), але і шляхам пераўтварэння этнакультурнага кампанента сацыяльнай памяці ў складовую частку новага ўніверсалісцкага мэтанаратыву. У тэхналагічным аспекце гэта з’яўляецца складанай задачай, бо палітыка, як падкрэслівае В. Ю. Малінава, «працуе не з мінулым (бо гэта тое, чаго больш няма), а з сацыяльнымі ўяўленнямі пра мінулае. Пры гэтым яна

мае справу не столькі з гісторыяй – сістэматычнай рэканструкцыяй мінулага, заснаванай на крытычным адборы, – колькі з тым, што прынята называць калектыўнай памяццю, гэта значыць з сацыяльна падзеленым культурным веданнем пра мінулае, якое абаяваецца на розныя крыніцы і адрозніваецца прынцыповай непаўнатой і выбіральнасцю» [5, с. 32]. Усё гэта актуалізуе адпаведную дзейнасць інстытутаў палітыкі памяці і афіяваных з імі мнеманічных актараў, дзейнасць якіх канстатуе «прастору палітыкі памяці як прастору ўзаемаадносін, розных практык і палёў прысваення мінулага» [2, с. 143]. На практыцы гэта азначае стварэнне новых альбо актуалізацыю старых лакальных і групавых гістарычных наратываў, фарміраванне практык памятанія і іх медыятызацыю.

Аднак як канструяванне, так і маніпуляванне гістарычнай палітыкай, прадметам якой з’яўляецца праца з актуальным мінулым, уяўляе сабой сур’ёзную праблему. Шмат у чым гэта абумоўлена супярэчлівай прыродай калектыўнай памяці, якая ва ўмовах глабалізацыі стварае складаны сацыякультурны кантэкст для генеравання пэўных інтэрпрэтацый мінулага і надання ім пануючых пазіцый у публічнай прастору. Па-першае, у сучасных мультыкультурных грамадствах «не існуе адзінага правільнага і безумоўна прыманага ўсімі гістарычнага наратыву» [6, с. 39]. Пры гэтым калектыўная памяць ўяўляе сабой змешванне розных гістарычных міфаў, сімвалаў і наратываў. У постсавецкім грамадстве іх узаемадзеянне патэнцыйна здольна выклікаць канфлікты па палітычных і ідэалагічных падставах. Па-другое, калектыўная памяць з’яўляецца прадметам працы розных мнеманічных актараў (палітыкаў, дзеячаў культуры, журналістаў і г. д.). Аднак іх дзейнасць часцяком ідэалагічна, палітычна і эканамічна ангажаваная, а яе маштаб і вынікі шмат у чым вызначаюцца рэсурснай базай афіяваных з імі супольнасцей. Па-трэцяе, публічныя спрэчкі пра гістарычнае мінулае не толькі характарызуюць канвэнцыйнальную карціну гістарычнага працэсу і пазіцыі гісторыкаў у дачыненні да якіх-небудзь падзей і дзеячаў мінулага. Адначасова яны адлюстроўваюць кан’юнктуру ўзаемадзеяння розных мнеманічных актараў у постсавецкім грамадстве. Яна складаецца з нагоды генераваных імі міфалагем і наратываў, якія актыўна распаўсюджваюцца ў медыясферы.

У метадалагічным аспекце фарміраванне і ўзнаўленне калектыўных ідэнтычнасцей пасродкам гістарычнай палітыкі ў постсавецкім грамадстве актуалізуе шэраг тэарэтычных пытанняў, якія патрабуюць канцэптуалізацыі. Так, існуе неабходнасць вызначэння ролі гістарычнай палітыкі ў сімвалічным канструяванні нацый і забеспячэнні палітычнай інтэграцыі супольнасці ў нацыянальных межах. У пэўнай ступені гэта забяспечваецца фарміраваннем адпаведных «калектыўных і палітычных ідэнтычнасцяў праз выкарыстанне рэсурсаў гісторыі, палітычнай міфалогіі і гістарычнай памяці» [7, с. 36]. У выніку адбываецца канструяванне і распаўсюджванне ў медыясферы сукупнасці ідэалагічна ангажаваных гістарычных інтэрпрэтацый і наратываў. Падобныя інтэрпрэтацыі і наратывы, як і гістарычныя міфы, маюць тэалагічны характар. Таму яны эфектыўна фармуюць несупярэчлівую карціну як этнагенезу, так і палітагенезу. У цэлым яны забяспечваюць эмацыянальнае і каштоўнаснае ўключэнне індывіда ў працэс палітычнай ідэнтыфікацыі з нацыянальнай дзяржавай, якое ён успрымае як каштоўнасць вышэйшага рангу.

Аднак сацыякультурны ўплыў глабалізацыі вядзе да спрашчэння ўяўленняў аб ходзе і механізмах гістарычнага працэсу. Яно садзейнічае уніфікацыі гістарычных сюжэтаў і размывання этнанацыянальных наратываў, якія ляжаць

у аснове гістарычнай памяці супольнасці. Таму такое сацыякультурнае ніваляванне грамадства, якое з'яўляецца прадуктам глабалізацыі, становіцца сур'ёзным выклікам з пункту гледжання захавання нацыянальнай ідэнтычнасці. У сваю чаргу, для інтэлектуальнай эліты дадзеная сітуацыя актуалізуе праблему фарміравання гістарычнай палітыкі, рэlevantнай наяўным пагрозам і рызыкам.

Наступным па значнасці тэарэтычным пытаннем, як уяўляецца, з'яўляецца пытанне аб міратворчым патэнцыяле гістарычнай палітыкі ва ўмовах сацыяльна-палітычнага расколу грамадства. Так, для шэрагу краін на постсавецкай прасторы характэрная сітуацыя шматгадовага неўрэгуляваная грамадзянскага або этнічнага канфлікту. Следствам гэтага з'яўляецца немагчымасць бесканфліктнага фарміравання калектыўных ідэнтычнасцей з-за шматлікіх гістарычных і культурных траўмаў. Бо яны падвяргаюць сацыяльную памяць насельніцтва фрагментацыі і фрустрацыі. Для выхаду з сітуацыі застарэлага збройнага супрацьстаяння, акрамя дыпламатычных, палітычных і эканамічных мер, неабходна ўсталяванне канвэнцыйнай карціны гістарычнага мінулага на аснове агульных культурных значэнняў. З аднаго боку, гэта прадугледжвае рэальную, а не дэкларатыўную адмову ад практыкі віктымізацыі пэўных суб'ектаў гістарычнага працэсу (напрыклад, этнічных ці канфесійных груп). З іншага боку, вызначае неабходнасць правядзення плюралістычнай унутранай і знешняй культурнай палітыкі. У ідэале павінна быць рэалізавана такая мадэль міжкультурнага і міжэтнічнага ўзаемадзеяння ў грамадстве, калі «культурная супольнасць вырабляе нейкую каштоўнасць, якая становіцца прадметам міжнацыянальнай камунікацыі, адбываецца інтэрнацыяналізацыя гэтай каштоўнасці, што ўплывае на працэс глабалізацыі» [8, с. 81]. Аднак, гэта з'яўляецца задачай гістарычнай палітыкі як інструмента пераадолення культурных і гістарычных траўмаў і фарміравання неканфліктнага варыянту нацыянальнай ідэнтычнасці.

У функцыянальным аспекце рашэнне дадзенай задачы мяркуе актывізаваць дзейнасць дзяржавы, накіраваную на ўмацаванне ў грамадскай свядомасці кампліментарнага погляду на мінулае і фарміраванне пазітыўнага іміджу народа і дзяржавы праз адпаведны публічны дыкурс. Ён павінен быць падтрыманы як элітамі, так і экспертнай супольнасцю, каб забяспечыць сэнсавое афармленне працэсу канструавання, падтрымання і ўзнаўлення нацыянальнай ідэнтычнасці. У змястоўным аспекце рэалізацыя кансэнсуснай гістарычнай палітыкі актуалізуе стварэнне такіх канструктаў, як агульныя палітычныя і грамадзянскія традыцыі, этнацыянальныя і грамадзянскія ідэнтычнасці. Акрамя таго, яна забяспечвае павышэнне ступені легітымнасці пэўных палітычных актараў і інстытутаў. Сродкамі практычнай рэалізацыі такой гістарычнай палітыкі ў дзяржаве з'яўляюцца розныя дыдактычныя інструменты (навучальныя планы і праграмы, падручнікі і навучальныя дапаможнікі, атласы і карты), дзяржаўныя святы, тапаніміка, а таксама медыйная і культурная прадукцыя, якая распаўсюджваецца сродкамі масавай камунікацыі.

Аднак ва ўмовах глабалізацыі практычная рэалізацыя кансэнсуснай гістарычнай палітыкі аказвае ціск на калектыўную памяць супольнасці, якая звычайна артыкулюецца ў заявах і публічных дзеяннях прадстаўнікоў дамінуючых рэфэрэнтных груп. Як сведчыць постсавецкая палітычная практыка, вынікам падобнага ціску звычайна з'яўляецца інтэнсіфікацыя працэсу размывання легітымнасці ўлады, у віну якой грамадская думка пачынае ставіць

разбурэнне сацыякультурных асноў калектыўнай ідэнтычнасці. Як лічыць Р. Х. Сіманян, пад ціскам нівеліра сацыякультурных тэндэнцый глабалізацыі ў грамадстве ўзнікае «стыхічны пратэст супраць разбурэння асобы чалавека, выпячвання агульным прыватнага, замяшчэнне калектыўным індыўдуальнага, бо развіццё чалавецтва – ўзыходжанне да разнастайнасці. Дэвіз выжывання чалавецтва – жыць разам, застаючыся рознымі» [9, с. 24]. Акрамя таго, яна вядзе да канструявання глабальнай памяці, сацыяльнай базай якой выступае сусветная грамадзянская супольнасць, якая аспрэчвае нацыянальны партыкулярызм і этнацэнтрызм. Таму платай за правядзенне падобнай гістарычнай палітыкі становіцца размыццё лакальных ідэнтычнасцяў, якія вызначаюць сацыякультурную спецыфіку пэўных тэрыторый, а таксама прыніжэння ролі унікальных гісторыка-культурных традыцый у палітагенэзе супольнасці.

Такім чынам, ва ўмовах глабалізацыі фарміраванне і рэалізацыя гістарычнай палітыкі для постсавецкага грамадства становіцца змястоўна і тэхнічна супярэчлівым працэсам. Дадзены працэс абумоўлівае спараджэнне крызісных палітыка-культурных тэндэнцый у сацыяльнай прасторы. Для большасці постсавецкіх краін імпліцытна ён стварае пэўныя праблемы ў сферы сімвалічнага канструявання нацыі праз дзейнасць спецыяльных інстытуцый і дыдактычных сродкаў (навуковых, адукацыйных, экспертных і г. д.). Як узяўляецца, дадзены аспект актуалізуе мэтазгоднасць і перспектывнасць далейшага вывучэння нарматыўных і інстытуцыйных трансфармацый гістарычнай палітыкі ва ўмовах глабалізацыі.

Спіс выкарыстаных крыніц

1. Малинова, О. Ю. Актуальное прошлое: Символическая политика властвующей элиты и дилеммы российской идентичности / О. Ю. Малинова. – М.: Политическая энциклопедия, 2015. – 207 с
2. Концептуальные основания политики памяти и перспективы постнациональной идентичности / В. Н. Сыров [и др.]. – Томск: Изд. дом Томского государственного университета, 2019. – 224 с.
3. Методологические вопросы изучения политики памяти: сб. науч. трудов / отв. ред. А. И. Миллер, Д. В. Ефременко. – М.-СПб.: Нестор-История, 2018. – 224 с.
4. Межуев, В. М. Проблема современности в контексте модернизации и глобализации / В. М. Межуев // Полития. – 2000. – № 3. – С. 102–115.
5. Уткин, А. И. Глобализация: процесс и осмысление / А. И. Уткин. – М.: Логос, 2001. – 271 с.
6. Горохов, П. А. Глобализация: опыт философского осмысления / П. А. Горохов // Вестник Оренбургского государственного университета. – 2007. – № 7. – С. 44–50.
7. Гигаури, Д. И. Политический миф в структуре исторической памяти / Д. И. Гигаури, В. А. Гуторов // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 12. Политические науки. – 2017. – № 2. – С. 24–45.
8. Бахметьев, Я. А. Концептуальное переосмысление национализма в условиях глобализации / Я. А. Бахметьев // Полития. – 2015. – № 4. – С. 69–86.
9. Симонян, Р. Х. Кризис либерально-рыночной модели глобализации / Р. Х. Симонян // Вопросы философии. – 2018. – № 8. – С. 16–25.

(Дата падачы: 26.02.2021 г.)

Ю. В. Никулина

Республиканский институт высшей школы, Минск

Y. V. Nikulina

National Institute for Higher Education, Minsk

УДК 316.454.52(045)

ПАРАДИГМАЛЬНЫЕ МОДЕЛИ НАУЧНОЙ КОММУНИКАЦИИ PARADIGMATIC MODELS OF SCIENTIFIC COMMUNICATION

Статья посвящена современным социально-коммуникативным практикам в научном сообществе. Рассмотрено функционирование науки как коммуникативного по своей природе процесса. Подчеркивается диалектический, дискурсивный характер науки. Показаны особенности и специфические черты научных коммуникаций. В рамках анализа взаимодействия науки и социума охарактеризованы различные модели научной коммуникации, которые находят свое воплощение в двух ключевых парадигмах. Показано, что модели, принадлежащие к парадигме распространения научной коммуникации, используют одностороннюю, линейную передачу научной информации. Модели научной коммуникации в рамках парадигмы участия реализуют двустороннюю, диалоговую связь.

Ключевые слова: аудитория; коммуникация; модель взаимодействия; наука; научное знание; научное сообщество; общество; публичность; парадигма.

The article is devoted to modern social and communicative practices in the scientific community. The vision of the development of science as a communicative process is presented. The dialectical, discursive nature of science is emphasized. The analysis of the specifics of scientific communications is carried out. Within the framework of the analysis of the interaction between science and society, various models of scientific communication are characterized, which are embodied in two key paradigms. It is shown that the models belonging to the paradigm of scientific communication dissemination use one-way, linear transmission of scientific information. Models of scientific communication within the framework of the participation paradigm implement two-way, dialogical communication.

Keywords: audience; communication; interaction model; science; scientific knowledge; scientific community; society; publicity; paradigm.

Одной из значимых характеристик науки является ее коммуникативная природа. Наука соткана из множества живых диалогических нитей, принадлежащих как современникам, так и их предшественникам. Научная коммуникация – это часть повседневной жизни ученого. Ученые выступают с докладами, пишут статьи и экспертные заключения, общаются с различными аудиториями и обучают других. Таким образом, чтобы быть успешным, независимо от сферы деятельности или карьеры, ученый должен иметь навыки эффективной коммуникации.

Форма осуществления научной коммуникации менялась в зависимости от эпохи. Исторически первые коммуникации ученых были связаны с традиционными способами обмена информацией – письмами. Появление первых научных журналов интенсифицировало научные связи, информационные обмены, привели к появлению такой формы научных коммуникаций, как статья. Традиционными формами циркуляции научной информации и признания вклада в науку стали публикации в журналах [1, с. 38].

Новые исторические эпохи способствуют появлению новых коммуникационных средств и возможностей. В XX столетии формируются принципиально новые инструменты коммуникации ученых, обусловленные развитием информационно-коммуникационных технологий. Инфраструктура и каналы распределения информации, изменения в них способны, в свою очередь, сильно повлиять на динамику науки. Важнейший вопрос для исследователей сегодня – способствуют ли инновационные технологии формированию и распространению нового знания? Повышают ли они авторитет науки в глазах общества?

В последней четверти XX в. наметился поворот в отношениях науки и общества: возник идеал открытой науки, активно взаимодействующей с обществом. Линейная одновекторная модель эпохи Просвещения «ученый – массы» сменились новыми моделями, утверждающими прежде всего, что массы не являются пассивными реципиентами информации от научного сообщества, массы неоднородны, они различаются и по уровню образования и, что даже важнее с точки зрения ценностных ориентиров, мировоззренчески. Сформировалось целое научное направление – science and technology studies (STS), которое часто представляет научной коммуникации теоретическую рамку [2, с. 254]. В рамках данного направления ведутся исследования, в том числе, и по проблемам взаимодействия между учеными и научными школами, между наукой и другими социальными институтами, обществом в целом.

Сегодня научная коммуникация определяется как процесс и механизм распространения внутри научного сообщества и за его пределами научных знаний об окружающей действительности. Научное сообщество, обладая необходимыми специальными знаниями, выступает не только хранителем, но и ретранслятором науки в широкие массы [3, с. 75]. Реализуя эту задачу, научная коммуникация может быть успешной только при условии соответствующей адаптации научного языка к языку повседневности. «Если вы не можете объяснить это просто, вы не понимаете этого достаточно хорошо», – утверждал Альберт Эйнштейн. Как эксперты ученые обладают глубокими знаниями по конкретным предметам, но чтобы эффективно общаться с кем-либо, необходимо владение соответствующими навыками. В силу этого эффективные коммуникативные навыки не рассматриваются сегодня специалистами в области научной коммуникации как «soft skills», все чаще они становятся частью основных профессиональных компетенций, которыми должен обладать каждый ученый-профессионал [3, с. 76–77].

Сегодня, в условиях доминанты идеала «открытой науки», участие в публичном дискурсе становится необходимым условием успешной профессиональной деятельности ученого. Конечно, мы не можем ожидать, что все ученые будут активно пользоваться Твиттером или вести научный блог, но, тем не менее, выход в публичное пространство имеет большое значение и для самой науки. Публичная коммуникация побуждает ученых задуматься о более широком контексте специализированного знания. Например, ученые могут увязнуть в специфике исследовательского вопроса или избыточно использовать профессиональную лексику. Публичная коммуникация побуждает научное сообщество находить более простые и вместе с тем более емкие способы донести до людей суть своего сообщения.

В теории научной коммуникации существует определенный консенсус, что все актуальные модели научной коммуникации укладываются в две основные

парадигмы. Одни модели рассматривают одностороннюю передачу научной информации от экспертов к общественности как надлежащий способ передачи информации о науке. Другие модели, напротив, рассматривают диалог и обсуждение научной информации между общественностью, экспертами и лицами, принимающими решения, как более эффективный способ научной коммуникации [4, с. 136–138]. Первый кластер моделей называют *парадигмой распространения*, а второй – *парадигмой участия*. Наиболее важным отличием этих парадигм является доминанта тех или иных целей научной коммуникации. Другой ключевой момент расхождения состоит во взгляде на актуальные каналы и методы осуществления коммуникации.

Модели, принадлежащие к парадигме распространения, рассматривают научную коммуникацию как процесс передачи информации о науке от научных экспертов к общественности [5, с. 35]. Наиболее эффективными каналами такой передачи являются система образования и средства массовой информации. Главным методом осуществления коммуникации в первом случае выступает реализация учебных программ на разных уровнях получения образования в рамках национальных систем обучения. Методы осуществления научной коммуникации при помощи средств массовой информации включают выпуск научно-популярных книг, научных журналов, документальных фильмов и, в последнее время, – коммуникацию через блоги ученых и специализированные веб-сайты.

Здесь следует отметить, что теорией научной коммуникации сегодня обращается внимание на тот факт, что контекст, в котором находится конкретный человек, может существенно повлиять на его понимание и оценку научной информации [6, с. 154]. Учитывая это обстоятельство, некоторые модели, принадлежащие к парадигме распространения, признают неоднородность множества социальных групп и, соответственно, неоднородность реакции людей на коммуникативные усилия научного сообщества.

Приверженцы этих моделей подчеркивают, что, хотя линейная передача информации по-прежнему является наиболее предпочтительным методом научной коммуникации, мы должны признать, что индивиды «обрабатывают информацию в соответствии с социальными и психологическими схемами, которые были сформированы их предыдущим опытом, культурным контекстом и личными обстоятельствами» [7]. В связи с этим относительно недавно начались исследования того, каким образом можно осуществлять эффективную научную коммуникацию и одновременно обходить проблемы, связанные с социальным и психологическим составом различных аудиторий.

Основное внимание большинством моделей научной коммуникации в рамках парадигмы участия уделяется построению двусторонней коммуникации, то есть диалогу и обсуждению общественностью, экспертами и политиками актуальной научной и социально значимой проблематики. В рамках этой парадигмы было предложено большое число методов осуществления коммуникации, начиная от хорошо известных, таких, например, как общественные слушания и конференции. Одновременно активно разрабатываются и менее известные подходы, такие как «научный магазин» (Science Shops), «сценарные мастерские» (Scenario Workshops), совещательный опрос (Deliberative Polling) и др. [7].

Чтобы дать более четкое представление о том, как структурированы некоторые модели, принадлежащие к парадигме участия и насколько они могут быть разнообразны, мы кратко рассмотрим две модели, реализуемые в ее рамках, –

гражданская наука (Citizens Science) и консенсусная конференция (Consensus Conferences).

Гражданская наука — это проекты, которые «вовлекают общественность в сбор больших объемов данных в различных местах проживания в течение длительных промежутков времени» [7]. Иными словами, гражданская наука — это, как и следует из названия, наука, реализуемая при активном участии граждан. Разработка и реализация гражданских научных проектов включает в себя несколько этапов.

Во-первых, формулируется научная проблема, которую необходимо решить. Часто эта проблема имеет большой пространственный и/или временной охват и сформулирована таким образом, что сбор необходимых данных может быть выполнен без наличия экспертных знаний. Во-вторых, формируется группа экспертов для наблюдения за проектом и обработки собранных данных. В-третьих, разрабатываются, тестируются и уточняются протоколы, формы данных и учебные материалы. Четвертый и пятый этапы — это набор и обучение участников. Шестой шаг — это получение и редактирование необработанных данных, собранных участниками проекта. На следующем этапе эти данные анализируются и интерпретируются командой экспертов. Распространение результатов проекта через публикации в научных журналах, технические отчеты для конкретных аудиторий и веб-сайт проекта является восьмым шагом. И последний шаг — это измерение того, дал ли проект желаемый эффект.

Модель консенсусной конференции предполагает набор группы из 10–16 граждан, отобранных на основе нескольких социально-демографических критериев, таких как возраст, пол, образование, профессия и район проживания. Есть два важных условия для включения. Во-первых, потенциальный участник не может обладать экспертными знаниями по данному вопросу. А во-вторых, участники не должны иметь никакого особого интереса к рассматриваемому делу, например, они не должны быть представителями группы интересов.

Назначенная группа граждан получает информацию о теме консенсусной конференции и задание сформулировать проблему, которая должна быть рассмотрена на конференции. Кроме того, группа граждан оказывает решающее влияние на выбор экспертов, которые приглашаются для дачи комментариев по проблеме. После конференции группа публикует доклад, в котором излагается их концепция того, что является известным и неизвестным в рассматриваемой области, а также общие принципы, которые они рекомендуют для выработки решений по исследуемому направлению. Примечательно, что подготовительный этап, на котором участники получают знания по предмету и формулируют ключевые вопросы, обычно занимает 4 дня, в то время как сама консенсусная конференция обычно длится несколько дольше.

В отдельных моделях парадигмы участия используют также метод сбора практических знаний местных жителей (например, об особенностях ведения сельского хозяйства). В рамках реализации такого рода моделей был проведен ряд исследований с привлечением общественности, главным образом в области рационального природопользования. Целью подобного рода исследований были попытки ответить на вопрос о том, в какой степени местные знания полезны для корректировки или формирования научных взглядов на исследуемые проблемы. В большинстве случаев непрофессиональные участники действительно «добавляли новую информацию, идеи и анализ» [7].

Использование распределенных ресурсов граждан – это цель, которую преследуют по крайней мере еще две модели, относящиеся к парадигме участия, а именно гражданские научные проекты и проекты вовлечения общественности. Отдельные проекты признаются достаточно успешными в достижении этой цели. Например, гражданский научный проект *eBird*, использующий онлайн-список, чтобы участники могли помочь «документировать наличие или отсутствие всех видов североамериканских птиц повсеместно в любое время года» [7], получают более пяти миллионов сообщений от граждан ежемесячно. Это данные, полученные от граждан, впоследствии были использованы в более чем 90 рецензируемых статьях и книгах. Другим примером является онлайн-платформа *Zooniverse*, насчитывающая более миллиона пользователей, которые вместе реализовали несколько значительных проектов, таких как, классификация животных в Национальном парке Серенгети (Танзания), классификация новых экзопланет и солнечных магнитных бурь. Как и в случае с *eBird*, данные, собранные в рамках проектов *Zooniverse*, были использованы в научных публикациях [7].

Несмотря на различие подходов и методов, все модели парадигмы участия базируются на признании того, что популярная наука не является просто бледной копией академической науки, что все ее идеи не просто упрощенная калька со сложных идей «настоящих» наук. Это особый уровень бытия научных идей, обладающий собственной спецификой, на котором, конечно же, идеи трансформируются, но не являются при этом банальным упрощением. Этот уровень способен не только принимать идеи научного сообщества, но и влиять на состояние умов людей науки [2, с. 255].

Какие же практические цели ставит перед собой современная научная коммуникация? Очевидно, что цели и задачи научной коммуникации тесно связаны с целями и задачами, которые ставятся перед наукой в каждом конкретном обществе в заданный момент времени. Конечная цель научной коммуникации в современном мире, определяемая в соответствующей литературе, заключается в повышении демократической легитимности решений, касающихся финансирования, управления и применения научных знаний [5, с. 38]. Исторически необходимость постановки данной цели заключалась в том, что общенациональные опросы, проведенные в отдельных странах, показали, что большинству населения не хватает базовых знаний о научных фактах, научных процессах, а также знаний о возможных последствиях внедрения научных достижений для общества. Или, в терминологии, часто используемой в научных публикациях, значительная часть общественности была признана научно неграмотной [7].

Была высказана гипотеза, что распространение научных знаний среди широкой общественности и увеличение числа людей, которые придерживаются научного взгляда на мир, понимают возможности и ограничения науки, знают каковы риски, связанные с научными начинаниями, и т. д., будет вести к росту авторитета науки в обществе и, соответственно, укреплению ее легитимации.

Однако точная природа взаимосвязи между знаниями о науке и отношением к ней оказалась существенно сложнее. В ходе ряда исследований было выяснено, что в морально спорных и не имеющих перспектив прикладного использования областях научного знания хорошо информированные люди более решительно выступают против их финансирования, чем менее информированные. Таким образом, хотя действительно было установлено наличие связи между

научным знанием и отношением к нему, эти же результаты актуализируют вопрос – приведет ли, как надеются некоторые ученые, большее понимание науки общественностью к ее большей общественной поддержке.

Из результатов этого и других подобного рода исследований правомерным представляется вывод о том, что полагаться на модели коммуникации в парадигме распространения можно, если речь идет о формировании позитивного отношения к науке в целом или же в социально одобряемых областях науки, таких, например, как исследования неизлечимых заболеваний.

Но это простое линейное распространение научной информации не порождает однозначно позитивного отношения и может даже быть контрпродуктивным (то есть порождать негативное отношение), когда речь заходит об исследованиях, считающихся бесполезными (например, в области астрономии) или морально неоднозначными (например, исследования в области ядерной энергетики или генома человека). В контексте данной статьи отметим, что вопрос о том, как можно добиться общественного признания науки, остается открытым и весьма сложным.

Здесь следует указать на еще один немаловажный аспект взаимодействия науки и общества, влияющий на легитимность науки и научного знания. Речь идет о степени экспертного (эпистемического) и морального доверия научному сообществу и результатам его деятельности. Исследования в этой области показывают, что когда ученый сам признает, например, ошибочность своих воззрений, может происходить существенное снижение того, что называют экспертным измерением доверия. При этом степень морального доверия, как правило, возрастает. Также установлено, что если этические аспекты исследования были представлены самим автором, то участники приписывали ему больше морального доверия, чем, когда они были представлены другим экспертом. Включение обсуждения возможных этических последствий научных открытий (в данном случае потенциальных моральных проблем) в публичный дискурс оказывает заметное положительное влияние на воспринимаемую моральную надежность ученого [7]. Это указывает на то, что коммуникативные усилия, направленные на повышение общественного морального доверия, могут оказывать негативное влияние на уровень экспертного доверия и наоборот.

Завершая отметим, что для осуществления своей социальной миссии ученый должен выходить в сферу публичности. Воспроизводство определенных форм духовных и исследовательских практик требует активного участия ученого в современном социальном конструировании. Это, конечно, не означает, что он должен стать сугубо медийной фигурой, речь идет о том, что коммуникационная активность современного ученого способствует его развитию и оказанию влияния на социальную среду.

Современная наука испытывает потребность во все более сложных механизмах взаимодействия с обществом. Если раньше схема взаимодействия была простой: ученый просвещал неученую публику, то сегодня же научному коммуникатору уже недостаточно быть «переводчиком» с научного языка на обычный. Ему нужно быть и социопсихологом – уметь распознать разные аудитории и предложить схемы и месседжи, которые сработают для каждой из них, исходя из их бэкграунда, ценностей и ожиданий. И это важно, потому что от этой публики зависит общественное мнение или приток новых сил, идей и ресурсов в саму науку [1, с. 43].

Таким образом, научная коммуникация, то есть взаимодействие науки с государством, общественностью, с бизнесом, с различными социальными группами и т. п., становится важной практикой и академической дисциплиной, без которых современная наука становится нежизнеспособна.

Список использованных источников

1. Ломовицкая, В. М. Из истории научных коммуникаций / В. М. Ломовицкая // Социология науки и технологий. – 2017. – Т. 8. – № 4. – С. 37–44.
2. Медведева, С. М. Научная коммуникация в современном мире: проблемы и перспективы / С. М. Медведева // Вестник МГИМО-университета. – 2014. – № 2(35). – С. 253–255.
3. Емельянова, Н. Н. Научные коммуникации: к проблеме демаркации границ публичности / Н. Н. Емельянова // Философская мысль. – 2014. – № 11. – С. 75–85.
4. Руди, А. Ш. Формы и особенности научных коммуникаций / А. Ш. Руди // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. – 2016. – № 4 (66). – Ч. 2. – С. 136–138.
5. Научные коммуникации: ученый в современном обществе / И. И. Замощанский [и др.] // Известия Уральского федерального университета. Сер. 3, Общественные науки. – 2016. – № 1 (149). – С. 30–41.
6. Решетникова, Е. В. Научные коммуникации: эволюция форм, принципов организации / Е. В. Решетникова // Современное коммуникационное пространство: анализ состояния и тенденции развития: материалы междунар. науч.-практ. конф. (Новосибирск, 22–24 апр. 2014 г.): в 2 ч. / под ред. И. В. Архиповой. – Новосибирск: Изд-во НГПУ, 2014. – Ч. 1. – С. 154–159.
7. Kappel, K. Why Science Communication, and Does It Work? A Taxonomy of Science Communication Aims and a Survey of the Empirical Evidence [Electronic resource] / K. Kappel, S. J. Holmen // Frontiers in Communication. – Mode of access: <https://doi.org/10.3389/fcomm.2019.00055>. – Date of access: 15.02.2020.

(Дата подачи: 24.02.2021 г.)

Т. Е. Новицкая

Институт философии Национальной академии наук Беларуси, Минск

T. Navitskaya

Institute of Philosophy of the National Academy of Sciences of Belarus, Minsk

УДК 316.47+316.772.4/5

КОННЕКТИВНОЕ ДЕЙСТВИЕ В УСЛОВИЯХ МЕДИАТИЗИРОВАННОГО КОНФЛИКТА

CONNECTIVE ACTION IN CONDITIONS OF MEDIATIZED CONFLICT

В статье анализируется феномен коннективного действия, основанного на новой модели коммуникации, участия и организации в контексте включенности в пространство новых медиа индивидов и социальных групп. Медиатизированный конфликт является фактором усиления их мобилизации. В компаративной перспективе рассматривается логика коннективного и коллективного действия, а также эффект пересечения волн медиатизации.

Ключевые слова: социальные медиа; медиатизация; медиатизированный конфликт; коллективное действие; коннективное действие.

The article deals with the phenomenon of connective action based on a new model of communication, participation and organization in the context of the inclusion of individuals and social groups in the new media space. The mediatized conflict is a factor of increasing their mobilization. In comparative perspective it considers the logic of connective and collective action and also effect of intersection of mediatization waves.

Keywords: social media; mediatization; mediatized conflict; collective action; connective action.

Система современных медиа находится в состоянии завершающегося перехода в режим интерактивности, возрастания коммуникативной автономности субъектов символического производства, плюрализации и виртуализации. Характеризуя масштабные изменения, происходящие в социальном, культурном, политическом измерениях общества под влиянием новых сетевых медиа, используют понятие медиатизации. Одним из ключевых понятий при изучении данного феномена является медиалогика. Оно позволяет осмыслить воздействие медиа на другие сферы социальной жизни, понять, каким образом они адаптируются к логике социальных институтов, а также сфокусировать исследовательское внимание на разнообразии форм медиавоздействия. По определению датского исследователя С. Хьярварда, медиалогика – это совокупность институциональных, эстетических и технологических правил и ресурсов, посредством которых работают медиа [1, р. 95–96]. Медиалогика влияет на форму общения, на характер и функции социальных отношений [2, р. 105]. Медиатизация – процесс, в ходе которого возрастает степень подчиненности общества медиа и их логике. Амбивалентность данного процесса выражена в том, что, с одной стороны, медиа интегрированы в деятельность иных социальных институтов, а с другой – сами становятся одним из важнейших социальных институтов. Социальное взаимодействие, опосредованное медиа, нормализуется как внутри социальных институтов, так и между ними, а также в обществе в целом. В результате медиатизации возрастает зависимость других институтов от ресурсов, контролирующихся медиа. Чтобы получить доступ к данным ресурсам, социальные институты вынуждены разделять правила, по которым работают медиа.

Понимание медиатизации как долгосрочного процесса, предполагает, что периодически на главную арену выходят различные инновационные медиа, которые оказывают трансформирующее воздействие на большинство сфер общественной жизни. Так, представители теории медиума (medium theory) (У. Онг, Г. Иннис, Г. М. Маклюэн, Дж. Мейровиц) рассматривают влияние на общество различных средств сообщения (mediums) – от устной речи до электричества и телевидения, а в дальнейшем – до мобильной связи и Интернета. Немецкий ученый А. Хепп маркирует современный этап медиатизации как «глубокую медиатизацию», связывая его со скачком в распространении новых медиа на платформе Web 2.0. Основным фактором углубления медиатизации сегодня, с его точки зрения, выступает диджитализация. Глубокая медиатизация – это стадия медиатизации, на которой анализ алгоритмов, данных и искусственного интеллекта становятся решающими для нашего понимания социального мира

[3, р. 7]. Хепб выделяет три основные волны медиатизации; они детерминированы соответственно механизацией, электрификацией и цифровизацией [3, р. 5]. На современной, продвинутой, стадии медиатизации все элементы социального мира неразрывно связаны с цифровыми медиа и их базовой инфраструктурой [4, р. 7, 34].

Итак, медиатизация протекает как смена различных волн, фундаментальных изменений в медиасреде. Существуют периоды их пересечения и наложения друг на друга. Сегодня это, прежде всего, касается влияния на общественное сознание телевидения и Интернета. Во времена гипер- и интерактивности, сетевизации и социализации медиасреды существует проблема «цифрового разрыва»: часть аудитории по-прежнему получает информацию преимущественно по «традиционным» одноплатформенным каналам (в рамках модели «один – многим»). Со спецификой восприятия телевидения, радио и прессы связан ряд рисков: пассивности и некритичности зрителя, завышенного уровня его доверия авторитету СМИ и пр. Однако использование социальных медиа также сопряжено с определенными угрозами: сложностями ориентации в информационных потоках, низким уровнем медиакомпетентности, подверженностью влиянию политики постправды, нахождением в «информационном коконе». Также следует учитывать конвергенцию медиа – адаптацию информационного продукта к распространению через Интернет, сближению и слиянию в нем различных типов медиа.

Политическая сфера является одной из наиболее эмпирически исследованных с точки зрения процессов ее медиатизации. Медийные репрезентации политических событий – важный фактор формирования политического сознания, общественного мнения и политических настроений. Дж. Маззолени и В. Шульц пишут о том, что медиатизированная политика потеряла автономию и стала зависимой в своих центральных функциях от масс-медиа, она непрерывно формируется взаимодействием с ними [5, р. 249]. С одной стороны, политические институты продолжают в значительной мере контролировать политику, с другой – они становятся все более зависимыми от медиа и вынуждены адаптироваться к их логике. А пространство новых медиа существенно децентрализовано и инклюзивно: блогерство приобретает беспрецедентную популярность, интернет-пользователи активны, они являются также и производителями информационного контента.

В современной социально-политической повестке возрастает роль медиатизированных конфликтов. Данный термин призван подчеркнуть активную, конститутивную и перформативную роль современных медиа в конфликтах. Она гораздо значительнее, чем если бы мы говорили о медиации (посредничестве) медиа в той или иной конфликтной ситуации, о нейтральной репрезентации, трансляции информации и отражении событий. Посредством использования понятия «медиатизированный конфликт» акцентируется многообразие и сложность способов участия медиа в конфликтах в ходе продуцирования и распространения идей о них и их образов. Несмотря на пафос социальной ответственности, присущий журналистике, на ее политическую функцию, данная сфера не избавлена от пропаганды и дезинформации. В медиа конфликты визуализируются, нарративизируются, драматизируются и мифологизируются, наделяются культурным резонансом и моральным зарядом [6, р. 7]. Новые медиа изменили условия, в которых зарождаются и протекают столкновения в различных сферах

жизни общества: гораздо большее число акторов может быть вовлечено в конфликт, включено в его контекст, быть сочувствующим его сторонам, разделять их идентичности. Социальный теоретик медиа С. Коттл пишет: «Мы живем, едва ли нужно говорить, в очень конфликтные времена. Мы также живем в медийные времена. Коллективные интересы и культурная идентичность сейчас, борясь за политическую легитимность, социальные изменения и культурное признание, делают это преимущественно в доступных средствах коммуникации и посредством их – будь то традиционные СМИ, пресса и радиовещание или новые цифровые и интерактивные медиа, например, Интернет. Сегодня кажется, что все – от избранных президентов до борцов за экологию – обращаются к медиа для продвижения своих стратегических целей и символических заявлений. Некоторых конфликтов главные действующие лица избегают, большинство ищет и, вероятно, все признают коммуникативную силу современных медиа. Конечно, у некоторых главных действующих лиц есть значительные институциональные преимущества перед своими оппонентами, и они беззастенчиво используют это для манипулирования медиаповесткой, чтобы гарантировать, что их предпочтительный месседж будет четко изложен (или же что информация никогда не попадет в медиасферу). В свою очередь бедные ресурсами и институционально бессильные люди склонны прибегать к творческой тактике и/или обращаться к новым медиа и способам коммуникации в своем стремлении завоевать медийное пространство и символически противостоять укоренившемуся дисбалансу сил» (перевод Т. Новицкой) [6, р. 1–2]. Возникает дисбаланс между традиционными институционализированными СМИ и новыми медиа, а также группами, которые их используют, – теми, кто управляют медиа, создают и потребляют контент. Это противоречие обостряется в кризисные моменты.

Конфликты представляют собой борьбу противоположных взглядов и интересов. Они могут находить свое отражение в медиа, транслироваться и разгораться при их посредстве, быть спровоцированными спецификой условий медиасферы. Но не следует забывать, что они зарождаются в общественных отношениях, и достаточно редко их порождают исключительно медиа. В связи с медиатизацией конфликтов перед социальными исследователями встает ряд вопросов: какими мерами (политическими, технологическими, профессиональными, культурными и др.) может регулироваться деятельность различных видов медиа в отношении медиатизированных конфликтов; как медиа могут сопротивляться внешнему и внутреннему контролю, сдерживанию, цензуре; как различные сегменты их аудитории реагируют на такие конфликты; допустимы ли обобщения о роли медиа в конфликтах, принимая во внимание их разнообразие.

В своей книге «The logic of connective action. Information, Communication & Society» [7] американский медиатеоретик У. Л. Бенетт и шведская исследовательница в области политических наук А. Серерберг заявляют, что в условиях конфликтов в новых медиа на смену коллективному действию (collective action) приходит коннективное действие (connective action¹), в котором зачастую используется инклюзивный дискурс «мы – это 99 %», весьма популярный

¹ Слово «connective» переведено как калька с английского языка – «коннективный», а не как «соединительный», «связующий» для того, чтобы воспроизвести игру слов в авторской терминологии У. Л. Бенетта и А. Серерберг – «collective»/«connective» («коллективный»/«коннективный»).

в социальных сетях. В названии их работы содержится отсылка к названию книги М. Олсона «Логика коллективных действий». Очевидно противопоставление двух обозначенных логик. Коллективные действия понимаются как действия, совершаемые группой лиц ради достижения одного и того же общественного блага. Возникновение коннективных действий является результатом сдвига в коммуникативных процессах и ключевых социальных структурах, социальности в целом в направлении ее сетевизации. Социальные медиа коренным образом повлияли на прежние механизмы распространения идей и организации действий. Характеризуясь той же ориентацией, что и коллективные, коннективные действия отличаются организационно – моделью коммуникации и взаимодействия. Еще один критерий их дифференциации – оппозиция «эксклюзивность/инклюзивность»: сегодня базисом социальной идентичности становится широкомасштабное инклюзивное индивидуализированное самовыражение, а не эксклюзивность групповой (идеологической, институциональной и т. п.) идентификации, такой, например, как членство в партии или в профсоюзе. Как правило, коллективные действия – это результат централизованной координации, кампаний в СМИ и целенаправленной организации сообщества, в то время как коннективные действия фундируются добровольным самовыражением в социальных сетях. Новые медиа начинают замещать формальные организации и институты в их объединяющих функциях. Если коллективное действие основывается на организационных ресурсах мобилизации и лидерства, коннективное – порождается толпой (можно назвать ее «умной толпой», смартфоном в духе Г. Рейнгольда), которая избегает лидерства, направляет ресурсы и генерирует свободные связи между рассредоточенными в физическом пространстве группами. Чтобы обеспечить широкомасштабное взаимодействие с различными сторонами, вовлеченными в политику, политические организации используют персонализированную логику общения с привлечением социальных сетей, в то время как логика коннективного действия показывает, каким образом власть (в широком смысле) функционирует в информационно-коммуникационной сети, и к каким политическим результатам это может привести. В данной связи вопросы воздействия и взаимодействия в социальных медиа актуализируются с новой силой.

Согласно У. Л. Бенетту и А. Сегерберг, коннективное действие представляет собой тип политического действия, характеризующийся неформальной сетевой организацией, мобилизацией участников посредством совместного производства и распространения контента в ходе персонализированной коммуникации в цифровых медиа, индивидуализацией, а также гибкостью политической идентичности его акторов. Логика коннективного действия – это модель организационной динамики политического действия, актуализирующаяся в обществах позднего модерна, когда опосредованная новыми медиа коммуникация становится важной частью его организационной структуры; в этих условиях происходит снижение влияния организаций и конвенциональных социально-политических движений на индивидов, ослабевание групповых связей и их замена крупномасштабными, подвижными социальными сетями, не требующими строгого организационного контроля и символического построения единой идентичности [7, p. 748]. Стержневым элементом коннективного действия является обмен (sharing): персонализация ведет к широкому распространению контента и действий внутри социальной сети [7, p. 760]. Логика коннективного действия

определяется тем, что цифровые медиа выступают в роли организующих агентов (удешевление услуг связи сделало социальные сети высоко инклюзивными), а участие в сети является самомотивирующим (пользователь может наблюдать, как «отзываются» и воспроизводятся в сети совместные действия).

Особый исследовательский интерес представляет логика коннективного действия с точки зрения потенциала протестной мобилизации. В 2002 г. увидела свет книга Г. Рейнгольда «Умная толпа. Новая социальная революция», где протесты на Филиппинах в 2001 г. рассматривались как смартмоб, организованный посредством новых информационно-коммуникационных технологий; в 2009 г. возникло понятие twitter-революции; в 2011 г. социальные исследователи обратились к проблеме роли социальных сетей в ходе «арабской весны», в 2020 г. звучал вопрос о возможностях децентрализованной telegram-революции. Существуют механизмы, призванные «купировать» деструктивное информационное воздействие, работающие на государственном уровне в рамках борьбы с экстремизмом и терроризмом (блокировка доменных имен, запрет информационных ресурсов и пр.). Но насколько эффективны эти меры в глобальном мире, где интернет-ресурсы меняют веб-адреса, широко используются технологии проху-серверов и VPN, а социальные медиа непрерывно развиваются? Сегодня сайты и даже социальные сети начинают уступать пальму первенства другим каналам коммуникации, более индивидуализированным, например кроссплатформенным мессенджерам. Последние практически вооружаются функциями СМИ, de jure не являясь ими. Преодоление информационных рисков должно быть связано не просто с попытками пресечения деструктивного информационного воздействия, но и с учетом особенностей транслирующего медиа, того, как оно организует действия, ставшие, как было сказано ранее, коннективными. Постоянное развитие медиатехнологий, новые локальные и глобальные тенденции в их использовании требуют изучения и того, чтобы результаты таких исследований учитывались при управлении рисками информационного влияния.

Характеризуя воздействие современной медиасферы на общество, зачастую используют понятия политики постправды или постфактуальной политики – медийного замещения в общественном сознании того или иного события его социально-сконструированным образом, созданным так, чтобы вызывать к эмоциям и личным убеждениям, а не к разуму и критическому мышлению. Американский социолог Дж. Александер пишет: «Именно смыслы обеспечивают чувство шока и страха, а вовсе не события сами по себе». Он подчеркивает, что фактические события – «это одно дело, а репрезентация этих событий – совсем другое» [8, с. 17–18]. Данный аспект особенно значим для понимания сущности медиатизированных конфликтов, их специфики и влияния на общество. Индивид, желающий избавиться от «наивного» взгляда на медиареальность, должен уметь разграничивать фактическое событие и его репрезентацию в медиа, понимать коммуникативную природу медиасобытия и особенно медиатизированного конфликта. Однако это необходимое различие не представляется имплицитным для обыденного сознания, учитывая тот факт, что пользователь социальных медиа воспринимает не только некий мессендж (журналистский, блогерский, иных пользователей), но и результаты вовлеченности в медиaproстранство других, их реакции.

Таким образом, как медийная репрезентация конфликта, так и его развертывание в медиaproстранстве могут интенсифицировать видимость его значимости, создавать «эффект усиления», зачастую связанный и с продолжительностью

его освещения в медиа. Современные социальные медиа представляют собой открытую инклюзивную сеть, развиваемую ее участниками. Здесь информация производится, реплицируется, хранится и передается, происходит коммуникация. Идентичности пользователей трансформируются под воздействием данной сети и реализуются в ней. А поскольку ее воспроизводство носит во многом аутопоэтический характер, эффект эха медиасобытия, инерции и «следа» медиатизированного конфликта может быть достаточно длительным.

Подводя итоги, отметим, что наступление новой волны медиатизационного процесса не ведет к тотальной отмене прежних устоев медиакультуры и способов социальной коммуникации. Даже в условиях глубокой медиатизации, «аналоговые» формы и модели взаимодействия продолжают работать; их распространенность снижается постепенно, средства сообщения цифровизируются поступательно, не утрачивают свое социальное значение одномоментно. Скорее логики коллективного и коннективного действия реализуются разными аудиториями, для которых привычным является то или иное медиа (например, телевидение или Интернет) и порождаемые им паттерны участия и организации. Ввиду своей интерактивности и повсеместности социальные медиа предполагают большую вовлеченность пользователя, чем традиционные СМИ. На сегодняшний день именно они привлекают один из ключевых ресурсов цифровой экономики – внимание. Их использование способствует росту горизонтальных связей, онлайн-активизму, «цифровому соседству», мобилизации виртуальных сообществ. Однако отзвуки предыдущего этапа медиатизации дают о себе знать, существует когнитивный, информационный, культурный, социально-психологический дисбаланс между цифровыми аборигенами, мигрантами и оказавшимися по ту сторону цифрового разрыва, который находит свое отражение в особенностях практикуемых ими коллективных действий. Особенно выразительным он выглядит в условиях медиатизированных конфликтов. В поиске путей обеспечения информационной безопасности следует отталкиваться от идеи различных возможностей воздействия традиционных и новых медиа на аудиторию. В данной связи перспективным представляется исследование взаимодействия, а порой и столкновения логик коллективного и коннективного действия в современном обществе.

Список использованных источников

1. Looking beyond the field: development of the mediatization research agenda. Interview with Prof. Stig Hjarvard // *MATRIZes*. V. 10. № 1. Jan./abr. 2016, São Paulo. – P. 89–102.
2. Hjarvard, S. The Mediatization of Society A Theory of the Media as Agents of Social and Cultural Change // *Nordicom Review*. 2008. – V. 29, № 2. – P. 105–134.
3. Hepp, A. Deep Mediatization / A. Hepp. – London and New York: Routledge, Taylor & Francis Group, 2020. – 248 p.
4. Couldry, N. The mediated construction of reality / N. Couldry, A. Hepp. – Cambridge: Polity Press, Cambridge, 2017. – 290 p.
5. Mazzoleni, G. Mediatization of Politics: A Challenge for Democracy? / G. Mazzoleni, W. Schultz // *Political Communication*. – 1999. – № 16. – P. 247–261.
6. Cottle, S. Mediatized Conflict Developments in Media and Conflict Studies / S. Cottle. – Open University Press, 2006. – 217 p.
7. Bennett, W. L. The logic of connective action. Information, Communication & Society / W. L. Bennett, A. Segerberg. – 2012. – V. 15, № 5. – P. 739–768.

8. Александр, Д. Культурная травма и коллективная идентичность / Д. Александр // Социологический журнал. – 2012. – № 3. – С. 5–40.

(Дата подачи: 26.02.2021 г.)

О. Л. Познякова

Белорусский государственный медицинский университет, Минск

O. L. Poznjakova

Belarusian State Medical University, Minsk

УДК 130.2, 141.319.8, 101.1:316

ДРАМА КАК КОГНИТИВНАЯ МЕТАФОРА В ЭКЗИСТЕНЦИАЛЬНО-АНТРОПОЛОГИЧЕСКОМ ИЗМЕРЕНИИ

DRAMA AS A COGNITIVE METAPHOR IN EXISTENTIAL-ANTHROPOLOGICAL CONTEXT

В статье эксплицируется философская транскрипция понятия драмы как когнитивной метафоры в экзистенциально-антропологической проекции. Показано, что проблематика драматичности человеческого существования в философии экзистенциализма делает драму якобы общедоступной и понятной для обывателя и тем самым ограничивает общий интерес к ней как к инструменту манипулирования общественным сознанием.

Ключевые слова: драма; когнитивная метафора; экзистенциализм; драматизм человеческого существования; социальный конфликт.

The article reveals a philosophical transcription of the drama concept as a cognitive metaphor in an existential-anthropological projection. It is shown that the problem of the dramatic nature of the human existence makes drama seemingly accessible and understandable for the everyman and thereby limits the general interest in it as an instrument of public consciousness manipulation.

Keywords: drama; cognitive metaphor; existentialism; drama of human existence; social conflict.

В современном мире слово «драма» приобрело семантическую многослойность и чаще всего употребляется в речи либо как метафора («драма человеческих отношений»), либо как понятие, означающее феномен культуры, главная функция которого – развлекать публику. Характерно, что способ доставки драмы потребителю достиг такого уровня, когда нет необходимости читать, посещать театры или кинотеатры, но достаточно иметь цифровой носитель, который позволяет максимально упростить процесс воздействия на человека. Поверхностное отношение к драме как к развлечению обезоруживает читателя, зрителя перед теми установками, которые внедряются в сознание без его ведома. Незнание и непонимание концептуально-методологических основ драмы делает обывателя беспомощным и слепым участником срежиссированных социальных конфликтов. И напротив, понимание драмы как идеи, которая несет в себе моделирующее начало и содержит в своей инвариантной структуре все аспекты социальной драматизации, становится возможным дать оценку множеству исторических фактов как прошлого, так и настоящего, а также спрогнозировать

направленность развития общественных процессов с целью минимизации рисков в разрешении социальных противоречий. Такой многогранный подход в осмыслении драмы позволяет принимать участие в разработке продуктивных стратегий осмысления и решения глобальных проблем современности и отвечает критериям значимости, в том числе и для перспектив развития белорусского общества.

В научном плане принято считать, что драма – это род литературы, наряду с эпосом и лирикой образующий корневую триаду ее «генеалогического древа» [1, с. 99]. Более узкое значение термина понимается как жанр драматического искусства и воспринимается в одном ряду с трагедией, комедией, водевилем, фарсом и другими формами театральных пьес [2, с. 78].

С точки зрения этимологии слова, «драма» в переводе с греческого языка означает «действие». Аристотель определяет драму как «...подражание *действию* ... посредством действия, а не рассказа» [3, с. 652]. Согласно М. Горькому, «драма должна быть строго и насквозь *действenna*» [4, с. 160]. О действии как определяющем начале драмы говорится и в ряде литературоведческих исследований XX в. Например, в работе Д. Лоусона «Теория и практика создания пьес и киносценариев» четко проводится мысль о том, что действие представляет собой основу построения драматургического произведения [4, с. 229]. О действии как основе драмы пишут Н. Волькенштейн (Драматургия. М., 1961), Е. Горбунова (Идеи. Конфликты. Характеры. М., 1960) и др.

Анализ теории драмы позволяет сделать вывод о том, что *действие*, происходящее в драме, – это прежде всего *конфликт* мотивов, поступков, интересов, взглядов. Диалектика конфликта выступает основополагающим принципом построения драматического произведения, поскольку действие в драме разворачивается только в том случае, когда есть противоречие. При отсутствии хотя бы одной из противоборствующих сторон в драме развитие конфликта, коллизии и перипетии становится невозможным, а значит, и сама драма теряет всякий смысл [5, с. 47].

Таким образом, в более широком контексте (будь то в философии, в различных сферах искусства, в быту и пр.), мы используем понятие «драма» там, где необходима *демонстрация человеческого поведения в конфликтных*, с той или иной точки зрения, *исключительных обстоятельствах*. Существуют примеры, когда ученые, писатели, философы, деятели искусства употребляют данное понятие в переносном, метафорическом смысле, опираясь на когнитивный механизм, основанный на установлении связей между концептуальными структурами, относящимися к разным областям знания. Приведем пример некоторых цитат: «Познание природы – это драма, драма идей» (А. Эйнштейн) [6, с. 154], «Чужие драмы всегда невыносимо банальны» (О. Уайльд) [7, с. 59], «Жизненную драму всегда можно выразить метафорой тяжести» (М. Кундера) [8, с. 250] и др.

Как видно, понятие драма употребляется здесь не строго в научном смысле, а в переносном значении, в основе которого лежит сравнение неназванного предмета или явления с каким-либо другим на основании их общего признака. Американские лингвисты Дж. Лакофф и М. Джонсон в своей работе «Метафоры, которыми мы живем» [9] назвали такой феномен *когнитивной метафорой*, которая изначально представляет собой понятие, а не исключительно языковую конструкцию, и занимает центральное место в процессе развития мысли. Авто-

ры исследования подчеркивали, что когнитивная метафора – это один из важнейших познавательных механизмов, основанный на установлении связей между концептами (концептуальными структурами), относящимися к разным областям знания, позволяющий выразить понимание и переживание сущности одного класса предметов (явлений) в терминах сущности другого класса предметов (явлений). В частности, они утверждали: «Наша обыденная понятийная система, с точки зрения того, как мы мыслим и действуем, суть метафорическая по своей природе. Немегафорическая мысль возможна только когда мы говорим о физической реальности. Чем больше индивид абстрагируется, тем больше метафорических слоев требуется для выражения мысли. Однако люди не замечают эти метафоры. Например, одной из причин является тот факт, что многие метафоры стали «мертвыми», и сейчас мы уже не можем определить их происхождение» [9, с. 135].

Уместно ли использовать когнитивные метафоры в философии? Ведь одно дело, когда автор использует метафору в художественном тексте, не называя предмет или явление, опираясь на образность в описании действительности и преподнося таким образом знание опосредованно. Другое дело – язык философии с его категориальной природой, который, отражая существенные, всеобщие свойства и отношения феноменов действительности, находится в оппозиции с метафоричностью мышления. Философская категория – это средство расчленения и упорядочения универсума, благодаря которому становится возможным определенным образом группировать и классифицировать различные объекты. В связи с этим, факт имплементации когнитивной метафоры «драма» в контекст философской рефлексии мог бы показаться неуместным.

Тем не менее, анализ европейской историко-философской мысли XIX–XX вв. показывает, что рождение экзистенциализма на почве радикальной критики рационалистической традиции расширило понятийные возможности философии. Отказ от характерного для классики убеждения в разумности, гармоничности, логической стройности бытия и отказ от попытки создать универсальную философскую систему, подобно гегелевской, привело к переформатированию категориального аппарата философского знания. Так, развивая идею о том, что сущность человека – это не столько интеллект, сколько некая личностная экзистенция, которую нельзя выразить, но можно описать с помощью понятий абсурда, страха, свободы, конечности, «пограничной ситуации» и т. п., представители экзистенциализма сделали упор на эмоциональную сторону человеческого сознания. Благодаря этому понятие «драма» как когнитивная метафора вошло в обиход философского дискурса для экспликации смысла проблемы отчуждения человека, одиночества, заброшенности, внутреннего выбора и поиска своего места в жизни.

Метафоричности изложения философской концепции способствовала и та художественная или полухудожественная форма, которая была присуща интеллектуальной культуре XX в. Известно, что ряд мыслителей-экзистенциалистов выражали свои взгляды преимущественно в философских романах, новеллах, театральных пьесах и т. п. Таковы, например, произведения М. де Унамуно (Испания), Р. Музиля (Австрия), А. Камю, Ж.-П. Сартра (Франция), О. Хаксли (Англия) и др. Так, для философского романа была характерна ярко выраженная художественная условность, в которой герои не являют собой саморазвивающиеся характеры, но выступают как выразители идей автора, как резонеры, а сюжет

и само разрешение конфликта подчинены движению определенной философской концепции. Кроме того, в философском романе одинокий тип личности метафизически предзадан по сравнению с общественным бытием, которое находится на втором плане. В связи с этим, **драматизация** (*конфликтность*) человеческого существования в философии экзистенциализма рождается из:

а) абсурда противостояния жизни и смерти: «Абсурдно, что мы рождаемся, и абсурдно, что мы умираем» [10, с. 203];

б) утраты человеком доверия к нравственным принципам и нормам, которые поддерживали в нем веру в идеальное. Это лишает его старых ценностей, дававших значение и смысл его жизни, и приводит к мироощущению потерянности и трагичности: «Беда нашего века. Еще недавно в оправдании нуждались дурные поступки, теперь в нем нуждаются поступки добрые» [10, с. 145];

в) проблемы отчуждения людей друг от друга: «Мучительность и драматизм человеческого существования в значительной степени зависит от закрытости людей друг от друга, от слабости той синтезирующей духовности, которая ведет к единству и единению человека с человеком» [11, с. 78];

г) ситуации внутреннего выбора человека и поиска своего места в жизни: «Мне хочется уйти, убраться туда, где я в самом деле окажусь на своем месте, на месте, где я придуся как раз кстати... Но такого места нет нигде, я лишний» [12, с. 164].

Очевидно, что понятия «драматизм», «драматизация» в философии экзистенциализма употребляются в значении того общего признака, который лежит в основе драмы как феномена культуры, с одной стороны, и человеческой экзистенции – с другой. Этим общим признаком выступает понятие конфликта, заложенного в абсурдности человеческого существования, во внутреннем противоречии личности в состоянии «пограничной ситуации», противостоянии отдельного человека всему миру.

Необходимо подчеркнуть, что драматизация человеческого существования в философии экзистенциализма не предполагала ни концептуализацию феномена драмы, ни его понятийную разработку, поскольку для такого типа философствования с ее ярко выраженной литературной, художественной формой было важным сделать акцент на эмоциональной стороне восприятия человека. Концептуализация и понятийная разработка феномена драмы в экзистенциализме означали бы тяготение к строгому логоцентризму, что принципиально противоречило предзаданности данного философского течения.

Итак, анализируя драматизм человеческого существования, экзистенциальная философия начала-середины XX в. использует когнитивную метафору «драма» для описания противостояния личности и окружающего ее мира, тем самым направляя содержание драмы из области глобальных социальных процессов (как это было в эпоху Древней Греции) – внутрь человека. Оказалось, что тематика драматизации человеческого существования гораздо ближе и понятнее для обывателя, нежели чем фундаментальное исследование онтологической сущности драмы как инструмента манипулирования сознанием масс. Экзистенциализм ограничивает общий интерес к предмету, делая его якобы общедоступным и понятным для обывателя, ретушируя подлинный смысл и предназначение драмы как понятия и концепта в философско-культурологическом и социально-историческом плане. Истинное предназначение драмы как инструмента трансфера идей в сознание человека, как средства управления общественными процессами

и как структурной модели их развития – все подлинные характеристики драмы заменяются в ХХI в. на ее искаженное, метафорическое восприятие. В результате отсутствия в философском дискурсе детально проработанных гуманитарных транскрипций драмы наблюдается распространение поверхностного отношения к драме как к развлечению, что обезоруживает читателя, зрителя перед теми установками, которые внедряются в сознание без его ведома. Данный риск отражен в главе 6, п. 42 Концепции национальной безопасности Республики Беларусь, утвержденной Указом Президента № 575 от 12.11.2010, где одним из внешних источников угроз обозначено «широкое распространение в мировом информационном пространстве образцов массовой культуры, противоречащих общечеловеческим и национальным духовно-нравственным ценностям». К сожалению, традиционное препарирование понятия «драма» в области филологии, культурологии, литературоведения, искусствоведения, эстетики оставляет за пределами внимания ее истинную сущность как инструмента управления обществом. Ускользая от пытливого разума исследователей, настоящее предназначение драмы в полной мере проявляется на улицах как наших городов, так и у соседей, по четко, как под копирку, написанному сценарию.

Таким образом, в данной статье была рассмотрена философская транскрипция драмы как когнитивной метафоры в экзистенциально-антропологическом измерении. Благодаря теории экзистенциализма в ХХ в. произошло расширение понятийных границ философского дискурса, что позволило внедрить в него понятие «драма» для экспликации смысла проблемы отчуждения человека, одиночества, заброшенности, внутреннего выбора и поиска своего места в жизни. Показано, что проблематика драматичности человеческого существования в философии экзистенциализма сделала драму якобы общедоступной и понятной для обывателя, тем самым ограничив общий интерес к ее концептуально-методологическим основаниям.

Список использованных источников

1. Белокурова, С. П. Словарь литературоведческих терминов / С. П. Белокурова. – СПб.: Паритет, 2006. – 314 с.
2. Книгин, И. А. Словарь литературоведческих терминов / И. А. Книгин. – Саратов: «Лицей», 2006. – 273 с.
3. Аристотель. Поэтика / Аристотель // Сочинения: в 4 т. / Аристотель. – М., 1975–1983. – Т. 4. – 1983. – С. 645–681.
4. Михайлов, М. И. Эпос, драма, лирика как роды литературы (сущность, специфика, соотношение): дис. ... д-ра филол. наук / М. И. Михайлов. – М., 2006. – 302 с.
5. Познякова, О. Л. Философия драмы: фрустрация vs. катарсис / О. Л. Познякова. – Минск: РИВШ, 2017. – 102 с.
6. Инфельд, Л. Мои воспоминания об Эйнштейне / Л. Инфельд // «Tworczosc», вып. 9, 1955. – С. 135–184.
7. Уайльд, О. Портрет Дориана Грэя / О. Уайльд // Портрет Дориана Грэя. Пьесы. Сказки. – М.: Litres, 2020. – 691 с.
8. Кундера, М. Невыносимая легкость бытия / М. Кундера. – М.: Азбука, 2018. – 352 с.
9. Лакофф, Дж. Метафоры, которыми мы живем / Дж. Лакофф, М. Джонсон. – М.: УРСС Эдиториал, 2004. – 256 с.
10. Камю, А. Миф о Сизифе / А. Камю // Миф о Сизифе. Калигула. Недоразумение. – М.: АСТ, 2010. – 320 с.

11. Бердяев, Н. Экзистенциальная диалектика божественного и человеческого / Н. Бердяев. – М.: Litres, 2009. – 220 с.

12. Сартр, Ж.-П. Тошнота / Ж.-П. Сартр. – М.: АСТ, 2019. – 320 с.

(Дата подачи: 17.02.2021 г.)

Ю. П. Серeda

Институт философии НАН Беларуси, Минск

Yuliya Serada

Institute of Philosophy of NAS of Belarus, Minsk

УДК 316.4

РИСКОГЕННАЯ РАЗМЕРНОСТЬ СОЦИОДИНАМИКИ: КОНЦЕПТУАЛЬНО-МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЙ АСПЕКТ

RISK-TAKING DIMENSION OF SOCIAL DYNAMICS: CONCEPTUAL AND METHODOLOGICAL ASPECT

В статье анализируются контексты и специфика актуализации риска как маркера альтернативности и открытости исторического развития. Предпринимается попытка раскрыть особенности усиливающейся рискогенности, что сопряжено с процессами дискредитации доверия в обществе и с трансформацией коллективных и субъективных образов социодинамики. Автор определяет вектор конвертации нормативной модели современных обществ: концепт «хорошего», т. е. справедливого общества меняется на модель общества безопасности.

Ключевые слова: рискогенная реальность; социальная неопределенность; общество риска; безопасность; социальный кризис; альтернативность.

The contexts and specificity of the actualization of risk as a marker of the alternativeness and openness of historical development are analyzed in the article. The attempt to reveal the features of the increasing riskiness, which is associated with the processes of discrediting of trust in society and with the transformation of collective and subjective images of social dynamics is made. The author defines the vector of converting the normative model of contemporary societies: the concept of "good", i.e. fair society changes to the model of safety society.

Keywords: risk-taking reality; social uncertainty; risk society; safety; social crisis; alternativeness.

В активно меняющемся контексте взаимодействия глобальных и локальных обществ фактор комплексной нестабильности социальной действительности по-новому формирует ключевые сферы социума и социальные практики субъекта. Феномен риска структурно встраивается в системы социального и определяет специфику современного этапа общественного развития. В свою очередь, это позволяет обратиться к главным проблемам и несправедливостям современных обществ, а понятие безопасности воспринимается как приоритетное социальное благо, к которому недостаточно просто стремиться, но необходимо предпринять реальные управленческие шаги для его реализации.

Сегодняшняя логика функционирования современности демонстрирует радикальный переориентир общества от стремления к равноправному социальному устройству на стремление к безопасной жизни. В этом отношении можно

сделать вывод, что концепт риска разворачивается в широком контексте других философских понятий, таких как «доверие», «рациональность», «справедливость». В ситуации усложнения и обострения социальных коллизий закономерным представляется вопрос: организован ли мир рационально? Начало XXI в. убеждало нас, что мир скорее управляем, чем нет. В коллективных установках превалировала надежда на позитивное, благополучное будущее и, что немало важно, существование объективных гарантий этого. И в этом отношении свою решающую роль сыграло кардинальное и беспрецедентное технологическое развитие человечества. По меткому наблюдению итальянского философа и футуролога Франко Берарди, мы все же находимся в крайне противоречивом положении, поскольку «наша современность – это состояние захваченности ритмом, который больше не совпадает с человеческим. Акселерация инфосферы не дает нам возможности управлять рационально, по своему желанию процессами, в которые мы вовлечены. И мы реагируем на это панически, депрессивно. Депрессия становится самой прогрессирующей болезнью столетия» [1]. Мировые события последних лет и даже месяцев вынуждают согласиться с тем фактом, что идея общности любого уровня (общности истории, прогрессивного развития, общечеловеческих ценностей, наднациональных универсалий и пр.) оказывается не просто сомнительной, но, в сущности, нерелевантной по отношению к основным тенденциям развития обществ. Однако, следует заметить, что в дискредитации установки на рациональность социальной реальности можно выявить и положительный аспект: он заключается в смене исследовательской оптики и критических инструментов (ре)визии социального. Это представляется существенным, и в данном контексте солидаризируемся с Ш. Мельманом, который справедливо отмечает, что «вера в рациональный мир иногда априори не оставляет возможности мыслить Другого, не позволяет представить мир непредсказуемым, миром, который не объединяется никакими великими схемами» [2, с. 74]. Так, мнимая телеологичность исторического развития инициирует возможность актуализировать критическую рефлексию, предпринять попытки для прояснения сущности современных реалий и, возможно, выстроить более гибкую и адекватную логическую матрицу, сообразно которой можно сформировать проект/модель/прогноз будущности, очертить горизонт ее приемлемых перспектив для человечества. Свою особую роль в реализации данной задачи играют современные исследования, посвященные специализированному анализу рискогенности как базовой характеристики социального мира.

В общепризнанном смысле риск можно определить как вероятность, возможность опасности. Ведущий американский теоретик-рисколог Ю. Роза дает следующее определение риска – это «событие или ситуация, в которых нечто ценное для человека, включая его собственную жизнь, поставлено на карту, и последствия этого события (ситуации) являются неопределенными» [3, р. 11]. В этом отношении можно говорить, что риск включает в себя несколько основных аспектов:

- 1) риск есть мера предполагаемой в будущем опасности;
- 2) риск есть действие, предпринимаемое субъектом в условиях неопределенности; и, наконец,
- 3) риск есть непосредственно ситуация/момент выбора.

Белорусская исследовательница современных теорий риска доктор философских наук Я. С. Яскевич уточняет, что риск представляет собой «такой

вид деятельности, который осуществляется в ситуациях обязательного выбора, нацеленного на снятие неопределенности и на вероятностное достижение желаемого результата (выигрыша), альтернативой которому может выступать вероятность неуспеха (неудачи, проигрыша), обуславливающие вероятность трансформации поставленной цели (как с положительным, так и с отрицательным векторами)» [4, с. 70]. Как комплексный феномен социальной системы риск выражает предельность способности субъекта контролировать и управлять.

Так, представляется важным прояснить, что означает рискогенность как социальный феномен, равно как ответить на вопрос, является ли она реальностью или социальным конструктом. В этой связи, условно можно выделить два основных подхода: техно-реалистический и социокультурный. Первый подход ориентирован на понимание риска как исчисляемого вреда, который можно объективно замерить и в итоге калькулировать в технических и статистических терминах и показателях. Данный подход применяется, главным образом, в когнитивных науках, психологии, экономике, статистике, инженерных дисциплинах. В свою очередь второй подход – социокультурный – фокусируется на трансформациях рискологического характера, которые имманентно вплетены в ткань социальной системы, поскольку любое общество продуцирует риск; не существует общественной системы без рисков. Кроме того, можно согласиться, что «будущее никогда не бывает простым предсказанием или беспроблемной экстраполяцией того, что происходит сегодня. Никакого пустого будущего, которое только и ждет того, чтобы быть заполненным, не существует» [5, с. 288]. В рамках данной статьи, на наш взгляд, необходимо обратиться к рассмотрению социокультурного направления, в котором можно выделить три генерализующие концепции, исследующие риск как феномен социального порядка и методологически дополняющие друг друга.

Наиболее концептуально проработанный подход к феномену риска представлен крупнейшим социологом и политическим философом современности У. Беком. Он ввел в научный оборот такие понятия, как «общество риска», «вторая модернизация» и «рефлексивная модернизация». Несмотря на то, что свою программную работу «Общество риска. На пути к другому модерну» У. Бек написал более 30 лет назад, ключевые идеи, изложенные в ней, остаются актуальными и в современных реалиях, а полемический формат самой книги задает особый вектор всех последующих исследовательских проектов, посвященных теме риска.

Согласно У. Беку, основополагающую роль в усилении явной рискогенности социальной реальности сыграло глобальное техническое развитие и, как следствие этого, ускорение процессов модернизации обществ. Риск интерпретируется им как перманентное взаимодействие общества с опасностями, которые создаются благодаря «негативной» логике модернизации. Анализируя главные источники актуализации механики современных рисков, исследователь также отмечает, что «риски порождаются индустриальными, то есть технико-экономическими решениями и соображениями полезности. Современные риски отличаются от разрушений, порожденных войной, их «нормальным» или, точнее, их «мирным» порождением (производством) в центрах рациональности и процветания, с благословения и при гарантиях закона и социального порядка» [6, с. 98]. У. Бек настаивает на рекурсивности риска, на его повторяемости и воспроизводимости самой социальной системой. Другими словами, общество является

главным генератором риска, именно оно продуцирует различные формы репрезентации рисков, поэтому ликвидировать риски не представляется возможным, их можно только минимизировать. «Риски раньше или позже настигают и тех, кто их производит или извлекает из них выгоду. Риски, распространяясь, несут в себе социальный эффект бумеранга: имеющие богатство и власть тоже от них не застрахованы. Скрытые до поры до времени «побочные воздействия» начинают поражать и центры их производства» [6, с. 25]. Риск предстает как комплексное слагаемое общественной жизни, поэтому, по мысли У. Бека, его проект рефлексии риска ориентирован, прежде всего, на актуальную «общественную теорию», способную помочь эксплицировать проблемные стороны, в том числе и социальной практики. Несомненно, вскрываемые исследователем внутренние антагонистические взаимоотношения между индустриальным обществом и «обществом риска», децентрируют расстановку социальных приоритетов и свидетельствуют о формировании нового ценностно-нормативного горизонта общественной сферы. Так называемые «выгоды» научно-технического прогресса демистифицируются и ставятся под сомнение новыми «модернизационными» рисками. Вследствие этого должны быть изменены и возможные механизмы обеспечения устойчивой безопасности.

Еще один теоретический подход к риску, заслуживающий внимания в рамках данной статьи, представлен немецким социологом Н. Луманом. В своей работе «Понятие риска» он концентрирует внимание на субъективном аспекте актуализации риска в социальной системе. Исследователь полагает, что современное рискованное поведение вообще не вписывается в схему «рационального/иррационального» [7]. Поэтому для спецификации риска он обращается к рассмотрению дихотомии «рациональность-иррациональность» и «норма-отклонение». Его интересует вопрос рефлексивности принимаемых субъектом решений, которые неизбежно влекут за собой рискованные последствия. «Чтобы удовлетворить обоим уровням наблюдения, мы намерены придать понятию риска иную форму с помощью различения *риска* и *опасности*. Различение предполагает... что существует неуверенность [*Unsicherheit*] относительно будущего ущерба. Здесь есть две возможности. Либо возможный ущерб рассматривается как следствие решения, т. е. вменяется решению. Тогда мы говорим о риске, именно о риске решения. Либо же считается, что причины такого ущерба находятся вовне, т. е. вменяются окружающему миру. Тогда мы говорим об опасности» [7, с. 150]. Именно поэтому принципиальным пунктом представляется задача прояснения, кто в обществе (какие личности/группы/социальные институты) предпринимает управленческие шаги, кому принадлежит авторство социальных решений, кому/чему отдается приоритет при выборе окончательного решения. Н. Луман также подчеркивает, что не следует в научном осмыслении риска воспринимать его в контексте абсолютизации: не существует ни абсолютной безопасности, ни гарантированной надежности. Это весьма существенное дополнение к аналитическому рассмотрению современных рисков и попыток методологически проработать стратегии их нейтрализации/минимизации. Н. Луман намеренно универсализирует понятие риска, но при этом стремится исследовать и конкретизировать социальные условия, при которых риск в принципе возможен. Ключевой вывод исследователя – рискованная размерность актуализируется лишь тогда, когда нечто трактуется как рискованное (действие, ситуация, обстоятельство, фактор).

Новый импульс научный рискологический дискурс получил благодаря концепции британского социального теоретика Э. Гидденса, который во многом методологически солидарен с вышеперассмотренными авторами и считает, что рискогенность является неотъемлемой характеристикой современного общества, а риски являются производными исключительно человеческой деятельности. «В среде, где больше нет рока, любая деятельность, даже строго увязанная с установленными образцами, в принципе исчисляется в понятиях риска, т. е. поддается своего рода общей оценке степени ее рискованности с точки зрения возможных результатов. Вторжение абстрактных систем в повседневную жизнь вкупе с динамичной природой знания означает, что осознание риска проникает в деятельность практически каждого человека» [8, с. 109]. В рабочее определение риска, по его мнению, необходимо должны быть включены следующие элементы: опасности, которые продуцируются самой рефлексивностью современности; угроза физическому существованию самого человека; опасность формирования устойчивой бессмысленности человеческой жизни [8, с. 102]. Однако, несмотря на то, что современные общества становятся более уязвимыми, данный автор настаивает на оптимистической модели социальной эволюции общества, главным достижением которой будет обеспечение реальной безопасности. Помимо критического анализа «институционализированных сред рисков» Э. Гидденс обращается к проблеме отсутствия необходимого экспертного знания как исследовательского ресурса, который позволил бы осуществлять актуальный мониторинг и управление современными рисками. Можно сделать вывод, что в современных социальных системах феномен риска интерпретируется в качестве структурного основания, продуцирующего все новые зоны нестабильности и опасности. При этом в уже имеющемся опыте социального взаимодействия отсутствуют «готовые дорожные карты» управления рисками и социальными кризисами.

Так или иначе, благодаря исследовательским усилиям вышеперассмотренных авторов, можно обозначить генеральную линию трансформации нормативной модели современных обществ: концепт «хорошего», т. е. справедливого общества меняется на модель общества, стремящегося к безопасности. В своей работе «Век» философ А. Бадью задается вопросом о том, как возможно помыслить XX век с философских позиций, объективно и непредвзято. Можно согласиться с ним, что задача критической рефлексии современности состоит в том, чтобы прояснить идеи, заложенные и реализуемые в социуме. «Вопросом для нас, философов, является не то, «что произошло на протяжении века», а то, что думалось. Что из того, что мыслилось людьми этого века, не было простым развитием мысли предшествующей эпохи? Какие мысли не были получены в наследство? Мыслилось ли то, о чем раньше не мыслили и даже считали немислимым?» [9, с. 2]. В XX в. масштабы осмысления безопасности не были столь впечатляющими. Конечно, это было время усиленной интеллектуальной работы не с рисками как вероятностями, а с произошедшими наднациональными катастрофами, с абсолютными трагедиями. Этот исторический период оказался беспредельно нечеловечным. И в общечеловеческие культурные коды закладывалось императивное предостережение, заново прописывались и реактуализировались базовые права и свободы. Начало нового тысячелетия при всех своих скорее неожиданных, чем планируемых эволюционных прорывах, тем не менее, давало большую надежду на реализацию максимальных возможно-

стей рациональности, на продвижение приоритета универсальных ценностей, основной смысл которых должен быть априори понятен без легитимирующих их разъяснений. Сложившаяся в начале 2000-х гг. интеллектуальная атмосфера задавала определенный проблемный контекст большинства социально-философских исследований. В это теоретическое поле были включены, например, проблемы глобализации и транзитивности локального, массового потребления, трансформации коммуникации, постколониализма, антропологического кризиса и т. д. Тем не менее, имеющийся в распоряжении сегодняшнего исследователя методологический и теоретический инструментарий не совсем соответствует реальному развитию социального мира. Наши предшественники не смогли сформировать комплексный, более гибкий и чувствительный к актуальным изменениям «органон» для социально-критической рефлексии. В итоге, мы лишь следуем за трансформациями *post factum*, но не прогнозируем, не задаем вектор их поворота. Прошлый век оставил нам в наследство стремление управлять рисками и максимально их сократить, в этом должно было помочь развитие науки и информационно-технологические новшества, но сегодня в ситуации мировой пандемии мы видим, что риски фактически не поддаются управлению, их становится все больше, они обретают латентный и неизмеримый формат, быстро видоизменяются. Безусловно, признание тотальности риска в социальной реальности инициирует поиски механизмов его управления. Риск словно структурное производное глитчинга (дефекта или сбоя), он есть не что иное, как выпадение из упорядоченности, он аккумулирует в себе совокупность всего принципиально неучитываемого и несобираемого в структурированные целостности.

Таким образом, риск тесно сопряжен с рационализацией, с попытками построить прогноз, осуществить предварительную оценку ситуации. В свою очередь, безопасность можно интерпретировать как основание рационально-критической стратегии развития современных обществ. В целом, рискологический подход позволяет более пристально взглянуть на предпосылки новых трансформационных смещений и вместе с этим расширить и детализировать перспективу теоретического видения современных глобальных изменений. Представляется, что сегодня мы должны говорить не об «обществе риска», а об «обществе безопасности». Это новый социальный конструкт, которому необходимо придать общественно-историческое значение, чтобы избежать формирования «общности страха», упоминаемой в работах У. Бека.

В заключение, следует отметить, что благодаря теоретическим разработкам У. Бека, Н. Лумана и Э. Гидденса тематизация риска была развернута в сторону комплексной диагностики современных метаморфоз общественного бытия и масштабного теоретизирования современности в целом. Философская концептуализация рискогенности позволяет сделать вывод о разнообразии форм ее объективации и проявлений, о ее глубокой интегрированности в практики социальных действий. Динамика опасности не признает никаких границ: ни государственных, ни территориальных, ни культурных. В таком контексте появляющиеся социальные диспозиции – это не есть проявления тотального хаоса, а скорее симптомы того, что есть некоторые разрывы, которые ретроспективно станут новыми вехами развития общества. С одной стороны, в основу саморефлексии социального должен быть заложен принцип многих логик – альтернативных теорий, многовариантность, которые базируются на идее плюральности окружающего мира и её действительной репрезентации в разных сферах

и аспектах социума. С другой стороны, несмотря на то, что представляется возможным выявить модус рекурсивности риска, его повторяемости, нельзя не учитывать проблемный характер ревизии понятия риск в виду превалирования фонового допущения о явном поглощении идеологией безопасности и защиты любых проявлений рискогенности объективной реальности. Ключевая интеллектуальная интенция общих наборок по теме риска заключается в том, что социальное доверие можно определить как ресурс безопасности и самосохранения социальной системы, следовательно, его укрепление должно быть заложено в основание стратегий устойчивого развития общества.

Список использованных источников

1. Франко «Бифо» Берарди: «Депрессия – самая прогрессирующая болезнь столетия» [Электронный ресурс]. – 2021. – Режим доступа: <http://www.colta.ru/articles/society/12939>. – Дата доступа: 10.02.2021.
2. Салецл, Р. Тирания выбора / Р. Салецл. – М.: Изд. дом «Дело» РАНХиГС, 2014. – 160 с.
3. Rosa, Eu. Metatheoretical Foundations for Post-Normal Risk / Eu. Rosa // Journal of Risk Research, 1998. – № 1(1). – Р. 15–44.
4. Яскевич, Я. С. Рискогенное общество в контексте глобальных геополитических стратегий / Я.С. Яскевич // Век глобализации. – 2014. – № 2. – С. 65–77.
5. Урри, Дж. Как выглядит будущее? / Дж. Урри; пер. с англ. А. Матвеевко. – М.: Изд. дом «Дело» РАНХиГС, 2018. – 320 с.
6. Бек, У. Общество риска. На пути к другому модерну / У. Бек; пер. с нем. В. Седельника, Н. Федоровой. – М.: Прогресс-Традиция, 2000. – 383 с.
7. Луман, Н. Понятие риска / Н. Луман; пер. А. Ф. Филиппова // THESIS. – 1994. – № 5. – С. 135–160.
8. Гидденс, Э. Судьба, риск и безопасность / Э. Гидденс // THESIS. – 1994. – № 5. – С. 107–134.
9. Бадью, А. Век / А. Бадью. – М.: Логос, 2016. – 224 с.

(Дата подачи: 25.02.2021 г.)

И. Н. Сидоренко

Белорусский государственный университет, Минск

I. N. Sidorenko

Belarusian State University, Minsk

УДК 1(091)

ЗАРОЖДЕНИЕ И ЭВОЛЮЦИЯ ИДЕИ ИСТОРИЧНОСТИ В КЛАССИЧЕСКОЙ ФИЛОСОФИИ

BIRTH AND EVOLUTION OF THE IDEA OF HISTORICITY IN CLASSICAL PHILOSOPHY

В статье осуществлена историко-философская реконструкция генезиса идеи историчности в классической философии, в процессе которой были выделены три основных этапа ее эволюции, тематизации и преобразования в философское понятие. Идея историчности высвечивает многие грани проблемного поля как философии, так и современ-

ных гуманитарных наук в целом, доказывая, несмотря на провозглашенный конец истории, возможность их существования как человекообразных, учитывающих не только уникальность исторических и научных фактов, но и неповторимость человеческой личности, бытийных основ существования человека. В этой связи актуальным становится как реконструкция генезиса идеи историчности, так и обоснование ее методологической значимости как для историко-философского знания, так и для гуманитарного знания в целом.

Ключевые слова: историчность; история; время; существование человека; идея; понятие; классическая философия.

The article is devoted to historical and philosophical reconstruction of the genesis of the idea of historicity in classical philosophy, in the process of which three main stages of its evolution, thematization and transformation into a philosophical concept were identified. The idea of historicity highlights many facets of the problem field, both philosophy and modern humanities in general, proving, despite the proclaimed end of history, the possibility of their existence as human-sized, taking into account not only the uniqueness of historical and scientific facts, but also the uniqueness of the human personality, existential foundations of human existence. In this regard, both the reconstruction of the genesis of the idea of historicity and the substantiation of its methodological significance both for historical and philosophical knowledge and for humanitarian knowledge in general are becoming relevant.

Keywords: historicity; history; time; human existence; idea; concept; classical philosophy.

Анализ состояния, основных тенденций и перспектив развития современного гуманитарного знания показывает, что идея историчности является одной из значимых идей философии и культуры конца XX – начала XXI в. В силу этого, целесообразно рассмотреть предисторию развития этой идеи, связанную с решением вопроса: как следует мыслить взаимоотношение «истории» и «времени» и как это связано с человеком.

В основе анализа предистории становления и развития идеи историчности лежит проблема соотношения «времени» и «истории». Поэтому, прежде всего, обратимся к проблеме различения терминов «историзм» и «историчность». Историзм – это принцип подхода к предмету исследования как изменяющемуся во времени, развивающемуся. В качестве обозначения универсального метода «наук о духе» введен в употребление В. Дильтеем в конце XIX в. Термин «историчность» впервые употребил Г. Гегель в лекционном курсе по истории философии 1817 г., раскрыв два его значения: как поверхностный слой исторической реальности и как сущностно-историческое, обнаруживающее единство с логическим, Богом-Логосом. Благодаря этому различению, уже в философии жизни, в неокантианстве Баденской школы (В. Дильтей, Г. Риккерт, В. Виндельбанд) под историчностью будут подразумевать исторический способ бытия человеческого духа. Это, в свою очередь, позволит представителям немецкого экзистенциализма (К. Ясперс, М. Хайдеггер) определить историчность как сложную структурную форму человеческого бытия на почве временности, которую нельзя отождествлять с историей как объективной и протекающей во времени взаимосвязью событий. В отличие от историзма, историчность раскрывает существование конкретного человека, который определен в своем внутреннем бытии тем, что он обладает историей. Исходя из этого, экзистенциализмом будет предпринята весьма успешная попытка создания концепции «исторической дополненности»: человек не познает смысл истории, но конструирует его, достраивая тем самым процесс истории [1].

Раскрывая эволюцию идеи историчности, правомерно начать с античной философии в связи с постановкой проблемы связи времени и вечности и проблемы бессмертия. Так, в диалоге «Тимей» Платон рассматривал проблему времени в контексте своей космогонии [2, с. 37–38]. Истинным бытием, вечностью, обладает, по Платону, идеальный и умопостигаемый прообраз мира, неизменный в своем совершенстве. Видимому миру дано лишь «движущееся подобие вечности», повторение «по законам чисел». Это повторение и есть время, подобие вечности, ее подвижный образ. Таким образом, время не может ни существовать, ни быть постигаемым без связи с вечностью. Только в вечности, в бессмертии души можно сохранить свою индивидуальность. В видимом мире время нельзя помыслить индивидуально, т. е. исторично, но в идеальном мире вечность выступает гарантом самотождественности человека. Что касается истории, то она оказывается вечным круговоротом, в котором человек фатально предопределен как космосом, так и богами. Таким образом, идея историчности выражает стремление человека сохранить свою индивидуальность в вечном повторении прошлого в будущем, вырваться из круга цикличного времени.

Обратимся теперь к Аристотелю, рассматривавшему проблему времени, главным образом, в своей в «Физике», где она оказалась связанной с величиной, движением и его измерением. Время понимается Аристотелем как измерение последовательности процессов и состояний, следующих одно за другим, что приводит к актуализации движения, которое по своей природе пространственно; тем самым мир рассматривается в аспекте не времени, а пространства. В отличие от Платона, Аристотель нигде не сопоставлял время с вечностью. Аристотель все сущее делил на то, что существует всегда и на то, что существует временно. Вечные существа – это вечный двигатель, небесные сферы, человеческий ум, который в отличие от души не подвержен времени, а значит, тождествен себе. Началом самотождественности в самом времени является момент «теперь», неделимый и выступающий в качестве границы, дающей определенность времени. «Необходимо, чтобы “теперь”, взятое не по отношению к другому, а само по себе, первично, было неделимым, и это свойство было присуще ему во всякое время. Ведь оно представляет собой какой-то крайний предел прошедшего, за которым нет ещё будущего, и обратно, предел будущего, за которым нет уже прошедшего» [3, с. 63]. Таким образом, «теперь» выступает началом и концом самого времени, которое, в свою очередь, является бесконечным в прошлое и будущее. Следовательно, время предстает у Аристотеля как не имеющее начала и конца, а мир как вечный. Поэтому историчность человеческого существования может быть раскрыта через момент «теперь», выступающий не только началом самотождественности в самом времени, но и основой самотождественности человека. Отметим, что, следуя его выводам, немецкий философ М. Хайдеггер, концептуализируя идею историчности, не признал исходной предпосылки Аристотеля. Для М. Хайдеггера время не есть сущее потому, что отношение бытия и Dasein может быть понято лишь временным образом: Dasein не есть сначала, а затем только обладает временем; оно уже существует времяеясь.

Целесообразно упомянуть и Платина с его критикой аристотелевского понятия времени как «числа движения». Критика Платина сводится к следующему: так как ни движение, ни число не являются временем, то возникает вопрос, что же такое время; а так как время бесконечно, как же тогда связать время с числом.

Время, по Плотину, будет, даже если не будет души, его измеряющей, иначе можно будет подумать, что время возникает из души. Историю появления времени он представил так: душа (имеется в виду душа мира, космоса) в подражание единому создала чувственный мир, а в подражание вечности создала ее подвижный образ – время. «Время есть жизнь души в некотором движении, а именно в переходе из одного состояния в другое» [4, с. 11]. Душе мира причастна любая отдельная душа. Время присутствует везде так же, как и душа присутствует во всем мире. Отсюда правомерно сделать следующий вывод: несмотря на то, что время, укорененное в душе, не теряет своего космического характера и связи с вечностью, в философии Плотина намечен поворот к проблематике субъективного времени, т. е. появились предпосылки к переходу к собственно проблеме историчности существования человека.

Отметим, что античные концепции времени оказали большое влияние на многих философов XIX–XX вв., а именно: В. Дильтея, М. Хайдеггера, К. Ясперса, Х.-Г. Гадамера и других, разрабатывавших концепцию исторического времени как фундамента новой онтологии.

Стремление христианства постигнуть природу индивидуальной человеческой души, ее связь с Богом, привело к новой трактовке времени и истории. От древнегреческого ветхозаветное мировосприятие отличается характером переживания времени: мир воспринимается не столько как «космос», сколько как «олам», что в переводе с древнееврейского означает век как свершение событий, история [5, с. 129]. Время воспринимается как история, нарратив, в рамках которого речь идет о событиях (от сотворения мира, грехопадения... до спасения в Боге). Если Плотин рассматривал время как жизнь души, а душа предстает у него в качестве мировой субстанции, то в христианскую эпоху все внимание обращается на индивидуальную душу, вознесенную над всем космическим бытием и связанную с Богом. Личный Бог предполагает личное же к Нему отношение.

Впервые анализ времени в связи с индивидуальной душой был представлен в философии Аврелия Августина (Августина Блаженного). Августин также рассматривал время, сопоставляя его с вечностью. Подлинным началом времени является вечность, т. е. Бог, само же время – это начало мира изменчивого и становящегося. Время, с одной стороны, противоположно вечности, так как оно непрерывное изменение, а вечность неизменна; с другой стороны, время причастно вечности, так как время содержит в себе момент настоящего, которое представляет собой «окно в вечность». Августин отметил парадоксальность и непостижимость настоящего. Время иллюзорно и поэтому оно не может быть сравнимо с вечностью. Протяженность времени – следствие растяжения души. Схожую мысль высказывал и Плотин, однако он имел в виду душу мира. Августин, в отличие от древнегреческих философов, выбравших в качестве постоянной меры сравнения движение небосвода, рассматривал иное движение, невидимое, но данное слуху: звучание голоса. Августин отмечал, что человек измеряет время только пока оно проходит: не будущее, которого еще не существует, не прошлое, которого больше не существует, не настоящее, не имеющее протяженности, но – время, которое проходит. Вот три его примера, раскрывающие эту прерывность, разрыв тройственного настоящего: о звуке, который звучит, о звуке, который только что отзвучал, и о двух звуках, которые звучат один за другим. Вместе с тем, измерения – это не сам голос, не звучание слога,

а что-то, «что прочно закрепилось в памяти» [6, с. 175]. Таким образом, память выступает той способностью души, в которой происходит измерение времени.

Августин искал меру времени и способ его измерения в индивидуальной душе. В «Исповеди» показано тройственное настоящее как растяжение и растяжение как растяжение тройственного настоящего. Именно на эти идеи в дальнейшем и обратят свое внимание Э. Гуссерль и М. Хайдеггер. В душе соединяются в нечто непрерывное различные измерения времени, поэтому она выступает условием существования самого времени. Так, пассивность впечатления сопоставляется с активностью духа, стремящегося в противоположных направлениях – к ожиданию, памяти, вниманию. Следовательно, конкретный человек погружается в поток времени, более того, он сам и есть этот поток. Раз внимание, ожидание и память, по Августину, это действия души, то настоящее, прошедшее и будущее, будучи иллюзорными, получают реальность существования в виде этих действий души. Именно в душе, в качестве впечатлений, ожидание и память обретают протяженность. Однако впечатление существует в душе до тех пор, пока она действует, т. е. ожидает, внимает и вспоминает. Как справедливо отмечает российский философ П. П. Гайденок: «Связав время с индивидуальной человеческой душой и ее памятью, Августин положил начало новому пониманию жизни мира – его жизни как истории, имеющей свое начало, свои фазы протекания и свой конец» [5, с. 135]. На примере звучания песни раскрывается у него все царство события, истории, нарратива [6, с. 177]. Итак, именно в философии Августина начинается оформляться отношение ко времени и к истории как субъективным проявлениям души конкретного человека. На основании выше сказанного, этот момент правомерно считать поворотным в развитии истории философии, так как здесь впервые можно говорить об историчности человеческой души.

В XVII в. происходит переосмысление прежнего античного и средневекового понимания природы времени. Это связано с формированием экспериментально-математического естествознания, механики. Законы падения тел Галилея помогли установить связь между пространством и временем, что привело к новому истолкованию времени: геометрическому. Если в античности мир рассматривался в аспекте пространства, а не в аспекте времени, то в XVII в. само время рассматривается в аспекте пространства. Здесь речь идет о пространственности существования, топосе бытия, нежели о его временности, историчности, т. е. естественнонаучный способ рассмотрения времени повлиял и на его философское понимание. Вместе с тем, необходимо различать понимание времени философией и наукой. Российский исследователь Н. Н. Трубников аргументировано доказывал это в своем исследовании понятия времени, где он говорил об отличии естественнонаучного понятия времени как идеальной конструкции от реального времени, которое невозможно втиснуть в эту конструкцию, не искажая его [7, с. 231].

Один из наиболее ярких представителей философии Нового времени Р. Декарт понимал время как способ нашего мышления о вещах, но не как объективное определение их бытия: время не атрибут субстанции, ни духовной, ни телесной. От длительности Р. Декарт отличал время, данное только в нашем мышлении. Таким образом, время определялось как нечто, что не существует реально, а только в мышлении. Время предстало как отношение длительности к измеряющему субъекту. Поэтому время не стало главным определителем бытия человека, а человек – реальным творцом своей истории: части времени не

зависят друг от друга и потому нуждаются во внешней причине, которая бы их соединила, т. е. в вечности или в Боге. Человек отрывается от времени как от своей бытийной основы; он не вправе связать и свою жизнь в длительную историю: его настоящее конституируется Богом, прошлое стало чужим, а будущее станет чуждым, так как он его может предугадать, но не выбрать.

У Г. В. Лейбница время приобретает равнозначное с пространством определение, оно связано с движущейся реальностью. Отсюда время понимается как внутренняя характеристика движения, не имеющая отношения к его измерению, как особая форма связи вещей, раскрывающаяся в порядке и последовательности их бытия. Таким образом, пространство и время являются не характеристиками вещей, но собственными формами бытия реальности, всего того, что существует и движется, рождается в мире и умирает. Несмотря на то, что Г. В. Лейбниц возвращает время в мир человека и предоставляет свободу душе, не происходит связи человека и истории. Что же касается свободы, то она просто совпадает со спонтанностью монады, поэтому иллюзорна. Так, монадология предписывает воспринимать человеческие поступки как предусмотренные и предназначенные Богом события. Таким образом, в философии Нового времени историчность предстает как несамостоятельность человеческого существования: не человек выступает творцом своей истории, а Бог.

Развитие идеи предполагает оформление понятия, поэтому второй этап эволюции идеи историчности – это тематизация и введение термина «историчность» в философский язык. Именно Г. Ф. В. Гегель открыл для философии термин «историчность» (*Geschichtlichkeit*) и новые значения «исторического» и «истории». Г. Ф. В. Гегель различал два значения исторического. К первому относится «только историческое», т. е. поверхностный слой исторической реальности, лишенной смысла, все временное, не представляющее значения для развития духа. Ко второму значению относится «историческое» как «*geschichtliche*», являющееся способом осуществления «логического». Таким образом, под историчностью понимается сущностно-историческое, обнаруживающее единство с «логическим». Такое единство раскрывается как история явления Бога-Логоса, который создал историю и сам же ее объяснил. Так, историческое впервые становится сущностным. Одновременно с этим происходит переосмысление «истории»: это уже не просто фиксация изменчивых фактов во времени, а утверждение необратимости исторического процесса, уникальности его состояний. Это можно проинтерпретировать на примере понимания. По мысли Г. Ф. В. Гегеля, это усвоение собственной истории понимающим субъектом, а так как этот понимающий существует здесь и сейчас, то понимание начинается из точки настоящего, которая только сейчас и становится этим настоящим. Отсюда, понимание делает не только настоящее настоящим, но и действительность действительной, а значит разумной. Чтобы что-то понять, надо приложить усилие, совершить, по словам А. Кожева, «уход от себя», который приведет человека к себе. Поэтому понимание случается не просто во времени, «но в нем, в этом событии, случается само время... Событие понимания – это сбывание самого времени» [8, с. 763]. Вместе с тем, историчность предстает как обращенность ситуации в будущее, ее проективность. Следовательно, история как бы занимает место, принадлежащее ранее субстанции.

Г. В. Ф. Гегель утверждал приоритет бесконечного духа перед конечным человеческим разумом. На вопрос о том, как бесконечный дух связан с конечным,

немецкий философ дал такой ответ: не дух проявляет себя в конечном, а наоборот, конечность проявляется внутри духа. Поэтому необходимо, чтобы историческое содержание стало для духа духовным, т. е. чтобы история предстала как самораскрытие духа во времени, по аналогии с тем, как природа выступает как раскрытие духа во времени и пространстве. На стадии внутреннего самосознания, стадии Христа, дух делает себя предметом представления и «все историческое находит здесь себе место»; но, с другой стороны, необходимо и преодолеть точку зрения исторического Христа. «Задерживаться в этой исторической мертвенной дали равнозначно отвержению духа» [9, с. 126–127]. Из приведенного примера видно, что, придавая идее историчности большую значимость, Г. В. Ф. Гегель все же встает на сторону вневременной сущности самораскрытия духа, пытаясь найти связь между движением духа и историей. Такой парадокс французский философ А. Кожев объяснил, исходя из того, что у Г. В. Ф. Гегеля логическое и реальное предстают как тождественные: мысль существует и действительна лишь тогда, когда «она себя находит» [10, с. 9].

Таким образом, в процессе своего возникновения и эволюции идея историчности прошла ряд этапов: 1) это становление историчности как идеи в античной философии, где она неявно присутствует на стыке решения таких проблем, как связь времени и вечности, жизни и смерти; 2) рассмотрение в христианской философии историчности человеческой души; 3) идея историчности тематизируется в философии в Г. В. Ф. Гегеля. Благодаря этому, в неклассической философии стало возможным рассмотрение истории сквозь призму неповторимости и индивидуальности исторических событий.

Список использованных источников

1. *Сидоренко, И. Н.* Идея историчности в философии немецкого экзистенциализма / И. Н. Сидоренко. – Минск: РИВШ, 2007. – 124 с.
2. *Платон.* Диалоги: собр. соч. в 4 т. / Платон. – М.: Мысль, 1994. – Т. 3. – 656 с.
3. *Аристотель.* Физика. Сочинения: в 4 т. / Аристотель. – М.: Мысль, 1976. – Т. 2. – 687 с.
4. *Плотин.* Эннеады / Плотин. – Киев: ЦИМИ – ПРЕСС, 1995. – 392 с.
5. *Гайденко, П. П.* Время и вечность: парадоксы континуума / П. П. Гайденко // Вопросы философии. – 2000. – № 6. – С. 110–136.
6. *Аврелий, Августин.* Исповедь / Августин Аврелий // Августин Аврелий. Исповедь; Абеляр П. История моих бедствий; пер. с латин. – М.: Республика, 1992. – 335 с.
7. *Трубников, Н. Н.* Время человеческого бытия / Н. Н. Трубников. – М.: Наука, 1987. – 255 с.
8. *Погоняйло, А. Г.* В дополнение к переводу / А. Г. Погоняйло // Введение в чтение Гегеля / пер. с фр. А. Кожев, А. Г. Погоняйло. – СПб.: Наука, 2003. – 792 с.
9. *Гегель, Г. В. Ф.* Лекции по истории философии. Кн. 1. / Г. В. Ф. Гегель; вступ. ст. К. А. Сергеева, Ю. В. Перова. – СПб.: Наука, 1993. – 349 с.
10. *Кожев, А.* Идея смерти в философии Гегеля / А. Кожев. – М.: «Логос», «Прогресс-Традиция», 1998. – 208 с.

(Дата подачи: 23.02 2021 г.)

А. А. Темёркин

Белорусский государственный медицинский университет, Минск

A. A. Tsiatserkin

Belarusian State Medical University, Minsk

УДК 17.023.33

О СОВМЕСТИМОСТИ УВАЖЕНИЯ К ДОСТОИНСТВУ ЧЕЛОВЕКА И ОЦЕНКИ КАЧЕСТВА ЧЕЛОВЕЧЕСКОЙ ЖИЗНИ В РАМКАХ МЕДИЦИНСКОЙ ПРАКТИКИ

ON THE COMPATIBILITY OF RESPECT FOR HUMAN DIGNITY AND QUALITY OF HUMAN LIFE ASSESSMENT WITHIN MEDICAL PRACTICE

В статье обосновывается идея о том, что оценивание качества жизни людей, которых отличают отклонения от медицинской нормы, вполне совместимо с уважением к достоинству человека. Сама идея ценности (святости) человеческой жизни означает наличие значимых свойств, которые обуславливают высокое качество жизни человека, прежде всего, как уникальной личности. Отсутствие возможности реализовать эти ценные свойства в силу тяжёлой болезни делает этически обоснованным предположение о том, что поддержание жизни в данном случае может быть унижительным для достоинства человека.

Ключевые слова: достоинство человека; святость человеческой жизни; качество жизни; оценка качества жизни; болезнь; страдание.

The purpose of the article is to justify the idea that assessing the quality of life of people who are distinguished by deviations from the medical norm is quite compatible with respect for human dignity. The very idea of the value (sanctity) of human life means the presence of significant properties that determine the high quality of human life, primarily as a unique person. The inability to realize these valuable properties due to a serious illness makes it ethically reasonable to suggest that maintaining life in this case could be humiliating for a person's dignity.

Keywords: human dignity; sanctity of human life; life quality; quality of life assessment; illness; suffering.

Сегодня в большинстве стран уважение к достоинству человека является фундаментом моральной и правовой систем [1]. *Достоинство человека* – это принцип этики, который приписывает одинаковую внутреннюю ценность каждому человеку. Этот принцип является абсолютным, так как не может быть отброшен в силу важности другой ценности. Поэтому решения, которые противоречат этому принципу, вызывают серьезное беспокойство. Обвинение в подобном противоречии регулярно звучит со стороны представителей религиозной этики и биоконсерватизма в адрес оценивания качества жизни в рамках дородовой диагностики плода на наличие патологий или при обсуждении возможности эвтаназии [2, р. 124–125]. Они негативно оценивают эти процессы на основании христианской концепции «святости человеческой жизни». В свете последней любая человеческая жизнь является сакральной и божественной, что делает морально невозможным ее уничтожение.

В противовес им представители утилитаризма полагают, что эта процедура совместима с уважением человеческого достоинства [3; 4]. С их точки зрения

ценность человека следует понимать с помощью идеи о *качестве жизни*. В свете этой концепции для человеческого существования необходимо наличие определенных хороших свойств, чтобы позволяющих присваивать достоинство этой жизни. По наблюдениям ряда экспертов в качестве руководящего ориентира в медицинской практике и этике стандарт «качества жизни» вытесняет принцип «*святости жизни*» [5, р. 419]. Это означает, что в ряде случаев человеку может быть отказано в медицинском лечении, так как не представляется возможным поддержание достойного качества жизни.

В статье поддерживается тенденция к принятию стандарта качественной жизни в медицинской практике. Поэтому осуществляется обоснование того, что оценивание качества жизни людей, которых отличают отклонения от медицинской нормы, вполне совместимо с уважением к достоинству человека. В отличие от утилитаристов достойная жизнь определяется автором на основании критериев личностного существования. Также в статье не отрицается моральная значимость потенциала стать личностью, который присущ эмбрионам и младенцам. Это позволяет избежать радикальных выводов утилитаристов (например, о том, что жизнь младенца менее ценна, чем жизнь взрослой обезьяны), на основании которых сама возможность определять качество человеческой жизни стала подозрительной. В отличие от современного немецкого биоэтика М. Кванте, который доказывает моральность оценки жизни с помощью философской антропологии (для человека естественно иметь оценивающее отношение к своему существованию) [6, S. 34–35], автором оправдывается эта же точка зрения путем использования ресурсов моральной философии, так как, работая с проблемами этики, логичнее использовать методы этой дисциплины.

Для начала отметит, что в традиционных обществах понятие «достоинство» имело *иерархическое значение* и обозначало отличительную ценность человека по сравнению с другими [7, р. 6]. Последняя зависела от многих внешних факторов: власти, статуса, денег и т. д. В такой картине мира люди делились на два сорта (могущественных и обездоленных), заслуживающих или уважения, или презрения. В такой ситуации «уважение» человека – это признание ресурсов могущественного субъекта и покупка его расположения путем лести и прочих лицемерных поступков.

В Новое время был артикулирован *эгалитарный смысл* достоинства человека, который лежит в основе современного права и морали. Основанием достоинства (ценности) человека являются не его статус или достижения, а наличие универсальных качеств, которые есть у каждого субъекта: свобода, разум, моральное сознание. Это позволило признать абсолютную ценность каждого человека, которая одинакова для каждого [1, р. 52–57]. В такой ситуации признание успехов субъекта отделяется от уважения внутренней ценности человека, которая не зависит от его пользы для других. Уважение достоинства каждого индивида состоит в признании за ним фундаментальных прав и в выстраивании с ним цивилизованных и справедливых отношений, основанных на непричинении вреда и отсутствия принуждения.

Поэтому существенные возражения со стороны моральных философов вызвали разработки стандартов «качества жизни» с клинической точки зрения в начале XX в. в США. Это способствовало развитию евгенического движения в Америке, согласно которому некоторым группам людей лучше было бы вовсе

не родиться, а родившись – лучше было бы поскорее умереть. В качестве субъектов с некачественной жизнью признавались индивиды с ментальными и физическими отклонениями (с синдромом Дауна, гидроцефалией, расщеплением позвоночника и т. д.), которые не заслуживали медицинской помощи и права на жизнь. Причиной являлся их ограниченный потенциал для жизни и их неспособность участвовать в экономической жизни страны. Это все неизбежно обуславливало их недостойную жизнь, наполненную разочарованием и страданием. По этой же причине в США в первой половине XX в. была разрешена принудительная стерилизация людей из маргинальных слоев общества с целью предотвращения рождения потомства, чья жизнь не обладает необходимым качеством или ценностью [5, p. 420–423].

Такое определение критериев качественной/некачественной жизни было подвергнуто критике во второй половине XX в. Ряд экспертов попытались обосновать аморальность этой процедуры тем, что она приводит к инструментализации человеческой жизни. Например, отказ от эмбриона с патологиями якобы приводит к обращению с человеческой жизнью лишь как со средством, что противоречит основам гуманистической морали. Однако с точки зрения М. Кванте, одного из ведущих экспертов по биоэтике, такая аргументация не выдерживает критики. При селективном аборте плода с дефектами нет ключевого свойства инструментализации: использования человеческого организма во имя целей другого субъекта. Это просто лишение жизни из милосердия с целью избавления от будущих страданий [6, S. 52–54].

Вместе с тем аргументация противников оценки качества жизни может быть гораздо более убедительной. Отказ в праве на жизнь в рамках эвтаназии или селективного аборта после дородовой диагностики основан на признании некачественной жизни из-за невозможности быть задействованным в трудовой деятельности, а это означает возврат к старой иерархической этике. В таком случае ценность (достоинство) человека вновь измеряется внешними факторами (его статусом в обществе) и перестает иметь абсолютный характер. Чтобы не утратить это важное достижение современной гуманистической этики и предлагается отказаться от попыток разработать стандарт качественной жизни. В такой ситуации следует признать за человеческой жизнью святой характер, который запрещает любые убийства из чувства милосердия.

Присвоение святого статуса человеческой жизни означает что:

- 1) *ценность человеческой жизни является неизмеримой;*
- 2) *ценность человеческой жизни и право на жизнь не могут быть сопоставимыми с другими ценностями, значимость которых не может перевесить святость человеческой жизни* [2, p. 120–125].

Если обратиться к анализу категорий «святости жизни», «достоинства человека» и «качества жизни», такая позиция не является до конца верным пониманием современного (гуманистического и демократического) принципа уважения к достоинству человека.

Во-первых, следует зафиксировать структурную взаимосвязь между упомянутыми понятиями. «Достоинство человека» и «святость жизни» подчеркивают огромную ценность жизни каждого человека в отличие от жизни животного. Признание этой ценности означает, что жизнь человека отличается высоким качеством. Поэтому рассуждения о достойной или богоподобной жизни – это, по сути, рассуждения о качественной жизни человека.

Во-вторых, присвоение достоинства человеческой жизни неизбежно означает обесочивание ее высокой ценности. Последнее происходит путем перечисления и описания качеств, которые возвышают человека над другими существами. В противном случае непонятно, почему, скажем, млекопитающие не заслуживают такого же уважения, как и человек? Например, христианский философ Пико делла Мирандола при рассмотрении достоинства человека не ограничивался констатацией его святого характера, а указывал на свободу как на то свойство, которое придает огромную ценность его жизни [8]. Такой путь проделывали все, кто пытался рассуждать о достоинстве человека. Таким образом, ценность человеческой жизни может быть измеримой путем указания на значимые характеристики этого существования.

В-третьих, то, что (биологическая) жизнь человека является ценной не сама по себе, а в силу наличия определенных качеств, означает, что (биологическая) жизнь имеет относительную ценность: как важное условие для возможности иметь «качественную» или «достойную» жизнь путем реализации наиболее важных особенностей человеческой природы. Именно это существование высокого уровня и является абсолютной ценностью.

В-четвертых, в такой ситуации уважение к достоинству человека неизбежно отделяется от уважения к праву человека на жизнь [6, S. 47–48]. Последнее может быть положено на измерительную чашу весов с другими правами и ценностями и в ходе сопоставления может оказаться менее значимым. Как отмечает современный католический теолог Х. Хакер, в ряде случаев нужно признать, что продолжение жизни является унижением достоинства человека, тогда как смерть предстает как благо и избавление от мучительных страданий [9, S. 19]. В качестве примера приведем такой печальный случай. «Элис родилась с болезнью ohalosis. К двум годам у нее появились камни в почках и возрастающая серьезная почечная недостаточность. На несколько недель она вводилась и выводилась из уремической комы ... она постоянно испытывала боль и ее тельце было бледным и слабым. Наконец, после консультации с родителями, было решено погрузить ее в уремическую кому и позволить ей умереть» [10, p. 100].

Такие выводы вызывают отторжение у противников определения качества человеческой жизни. Для них они представляют собой «скользкий путь», за которым неизбежно открывается «ящик Пандоры»: возникновение худших вариантов евгеники. Однако такой путь не является необходимым и первый шаг (оценка качества жизни) необязательно связан с такими зловещими последствиями. Можно показать это путем прояснения тезисов, связанных с демократическим использованием оценки качества человеческой жизни.

1. Признание невысокого качества жизни не означает призывы к уничтожению этой жизни.

Если для некоторых форм человеческого существования будут обнаружены несоответствия идеалу «достойной» жизни, то это не означает, что беспомощные младенцы или лица со старческим маразмом лишаются достоинства и прав человека. Если в данный момент времени человек не может быть дееспособной личностью, то обязанностью окружающих является проявление максимальной поддержки для того, чтобы этот человек мог полноценно существовать.

Показательно, что М. Кванте, сторонник оценки качества жизни, предвещает свою монографию о достоинстве человека знаменитыми рассуждениями К. Маркса о том, что подлежат уничтожению все отношения, из-за которых

человек вынужден предстать приниженным, порабощенным и презренным существом [6, С. 6]. Факт низкого уровня жизни означает, прежде всего, то, что общество должно изменить это бедственное состояние путем его улучшения, а не уничтожения. Создание стандарта качественной жизни лишь подчеркивает тот факт, что человек рождается не для того, чтобы просто выживать, а чтобы жить достойно и благополучно.

2. Определение качества жизни не должно опираться на высокие стандарты.

Во многом моральное беспокойство по поводу оценки качества человеческой жизни связано с вопросом о том, какие критерии являются показателями ценности жизни. Ведь если за основу взять, например, медицинские стандарты здоровой жизни или конъюнктурные показатели счастливой жизни (быть богатым или знаменитым), то жизни многих людей окажутся неполноценными.

Также неправильным будет опираться на критерии достойной жизни, разработанные классической традицией в философии и теологии. Например, в рамках христианского мировоззрения (особенно в православном учении) принято не только констатировать, что каждая человеческая жизнь является святой, но и утверждать, что «богоподобие» (достоинство) человека зависит от соблюдения им нравственных норм [11, с. 93]. Последнее возможно при наличии развитых интеллектуальных и моральных компетенций. В такой оптике представляется бессмысленным, например, рожать малыша с ментальными ограничениями, который не будет способен к моральному действию, а, значит, к «богоподобию» существованию. Очевидно, что выходом из такой ситуации является опора на менее возвышенные представления о качественной жизни.

3. Главный критерий достойной жизни – это возможность личностного существования.

В свете ограниченности прежних стандартов современные специалисты по биоэтике используют критерии личностного бытия при оценке качества человеческой жизни. Для обретения достоинства человеку не нужно проявлять высокий уровень критического мышления или осуществлять правильный моральный выбор. Для того, чтобы быть ценным, достаточно быть уникальной личностью. Существовать как личность означает обладать следующими «индикаторами человечности»: самосознанием и минимальным уровнем интеллекта; осознанием прошлого, настоящего и будущего; самоконтролем и идеалами; амбициями и целями; эмоциями и любопытством; способностью к общению и построению отношений с другими людьми [12, р. 126–128].

Однако даже в свете такого демократического идеала некоторые формы человеческой жизни могут казаться недостойными. При этом понизить планку стандарта качественной жизни (признать святым любое существование) пока не предоставляется допустимым. Иначе придется присваивать высокий моральный статус нечеловеческим формам жизни (животным и птицам).

4. Использование стандартов качественной жизни не приводит к общему обесцениванию людей с ментальными и физическими особенностями.

При использовании стандарта качественной жизни, основу которого составляют критерии личностного существования, сохранение жизни при некоторых неизлечимых болезнях могут быть признаны унижительными для достоинства человека. Это анэнцефалия (отсутствие у плода верхних полушарий мозга или всей головы), смерть мозга у взрослого человека в результате несчастного случая, рождение ребенка с несформировавшимися почками, поддержание жизни

которого причиняет ребенку страшные страдания. При остальных заболеваниях (синдром Дауна или расщепление позвоночника) есть основания полагать наличие достаточных условий для личностного, а значит, достойного существования.

Таким образом, оценивание качества жизни людей, которых отличают отклонения от медицинской нормы, вполне совместимо с уважением к достоинству человека. Сама идея ценности (святости) человеческой жизни означает наличие значимых свойств, которые обуславливают высокое качество жизни человека, прежде всего, в качестве уникальной личности. Отсутствие возможности реализовать эти ценные свойства в силу тяжелой неизлечимой болезни делает этически обоснованным вопрос о том, не является ли поддержание жизни в данном случае унижением для достоинства человека.

Список использованных источников

1. *Beyleveld, D.* Human dignity in bioethics and biolaw / D. Beyleveld, R. Brownsword. – Oxford: Oxford University Press, 2001. – 288 p.
2. *Cohen-Almagor, R.* Can life be evaluated? The jewish halacnic approach vs. the quality of life approach in medical ethics: a critical review / R. Cohen-Almagor, M. Shmueli // Theoretical Medicine and Bioethics. – 2000. – № 21. – P. 117–137.
3. *Kuhse, H.* Quality of life and the death of 'Baby M' / H. Kuhse // Bioethics. – 1992. – № 6(3). – P. 233–250.
4. *Singer, P.* Practical ethics / P. Singer. – 2nd ed. – Cambridge: Cambridge University Press, 1993. – 395 p.
5. *Koch, T.* Life quality vs the «quality of life»: assumptions underlying prospective quality of life instruments in health care planning / T. Koch // Social Science & Medicine. – 2000. – № 51. – P. 419–427.
6. *Quante, M.* Menschenwürde und personale Autonomie. Demokratische Werte im Kontext der Lebenswissenschaften / M. Quante. – Hamburg: Felix Meiner Verlag, 2010. – 249 S.
7. *Schulman, A.* Bioethics and the question of human dignity / A. Schulman // Human dignity and bioethics: essays commissioned by the president's council on bioethics / D. C. – Mode of access: www.bioethics.gov. – Washington, 2008. – P. 3–18.
8. Пико делла Мирандола, Дж. Речь о достоинстве человека [Электронный ресурс] / Дж. Пико делла Мирандола // PSYLIB. – Режим доступа: http://psylib.org.ua/books/_pikodel.htm. – Дата доступа: 26.02.2021.
9. *Haker, H.* Hauptsache gesund? Ethische Fragen der Pränatal und Präimplantationsdiagnostik / H. Haker. – München: Kösel-Verlag, 2011. – 268 S.
10. *Campbell, A.* Medical ethics / A. Campbell [et al.]. – 2nd ed. – Oxford: Oxford University Press, 1997. – 228 p.
11. *Мовсесян, С. Г.* Антропологические аспекты христианского понимания достоинства личности и прав человека / С. Г. Мовсесян // Логика достоинства и свободы личности: посвящ. 85-летию Ин-та филос. НАН Беларуси / Беларуская навука; сост. и науч. ред. Л. Ф. Евменов. – Минск, 2016. – С. 88–101.
12. *Fletcher, J.* Indicators of humanhood: a tentative profile of man / J. Fletcher // Hastings Center Report. – 1972. – № 2. – P. 1–4.

(Дата подачи: 26.02.2021 г.)

Чжэнвэй Фан

Институт философии НАН Беларуси, Минск, Беларусь

Zhengwei Fang

Institute of Philosophy of NAS of Belarus, Minsk, Belarus

УДК 1(091)

РЕЦЕПЦИИ ФИЛОСОФИИ БУДДИЗМА В ТРАДИЦИОННЫХ ПРАКТИКАХ ФИЗИЧЕСКОЙ КУЛЬТУРЫ КИТАЯ

REFLECTION OF BUDDHISM AND TRADITIONAL LIFESTYLES IN THE PHYSICAL CULTURE OF CHINA

В статье исследуется взаимосвязь традиционных укладов, буддизма и физической культуры в Древнем Китае. На основе анализа китайских философских источников объясняется влияние буддизма как пришлой религии на традиционные социальные и культурные практики физической культуры в период их взаимного становления в Древнем Китае.

Ключевые слова: физическая культура; философия; религиозная культура; философия спорта; традиционная культура древнего Китая.

This paper examines the interrelationship of Buddhism, traditional lifestyles, beliefs, and public sports in Ancient China. It analyzes existing literature and aims to explain the influence of Buddhism as a foreign religion on the traditional social and cultural activities of sports during their formative period in Ancient China. It also studies the reciprocity between, on one hand, Chinese traditional lifestyles and Buddhism, and social sports on the other hand.

Keywords: sports culture; philosophy; religious culture; sports philosophy; traditional culture of Ancient China.

Китай, как одна из наиболее древних цивилизаций мира, на протяжении своей истории испытывал воздействие множества религиозных систем. Их совокупность оказала непосредственное влияние на развитие китайской традиционной культуры [1] – исторически и символически гомогенной среды, вобравшей в себя континуум локальных философских течений, вписав их в цивилизационный нарратив Древнего Китая. Одним из наиболее влиятельных философско-религиозных направлений мысли в китайской истории выступает буддизм – мировая религия, проникшая в Китай из Индии благодаря Шелковому пути и способствовавшая как становлению Китая в качестве империи, так и упадку автохтонных религиозно-философских систем, включая Даосизм. В этой связи представляется важным и не до конца изученным вопрос диффузии буддизма в традиционную культуру Китая. То есть посредством каких механизмов культурно чужая китайскому менталитету религия стала основой традиционного мировоззрения китайцев.

Одним из подходов, позволяющих рассмотреть проекцию буддизма на традиционные уклады Китая, может рассматриваться физическая культура, как практическое воплощение философских воззрений в повседневной жизни и индивида, и общества. В этой связи обращение к наиболее древним локальным источникам буддистского знания, с фокусом на его адаптацию в физической культуре, может пролить свет на историю формирования традиционной культуры Китая, что позволит лучше понять многообразие составных частей ее кажущейся гомогенности.

Физическая культура как важная часть традиционных укладов Китая

Религиозная вера – это вид общественного сознания, порожденный в условиях отсутствия возможности контролировать собственную судьбу перед лицом природных факторов [2]. Такое сознание опирается на представление о том, что одновременно с физической действительностью существует некий иной, сверхъестественный мир, обращение к которому может сулить выгоду, защиту, благополучие или минимизацию страданий. В этом смысле религия развивалась естественным образом в непосредственной взаимосвязи с эволюцией человеческой культуры и государства, которые все в большей степени заменяли собой природное пространство, что отдельно подчеркивается в работе Чжан Си «Особенности изучения религии в Китае в начале XX века» [3].

Китай, как одна из наиболее ранних мировых цивилизаций образовался на основе аграрного родового общества, что нашло отражение в национальной легенде о «Великом потопе». Как подчеркивается в работе Юань Сичэня «Спорт в китайской мифологии», по преданию, народ Китая появился из объединения семей (кланов), которые помогали друг другу во время стихийных бедствий или в ходе сельскохозяйственных работ [4]. Постепенно клановая система сформировала управленческие и трудовые сословия, тем самым образовалась феодальная структура древнекитайского общества.

В религиозно-символической основе кланового общества функционировал культ предков, который не только скреплял родственные связи между различными семьями, но и ослаблял влияние языческих богов. В ходе дальнейшего развития китайского общества, культ предков начал объединять на основе кровного родства все большее количество китайских семей, позволяя не только справляться с последствиями природных явлений, но и обеспечивать сплоченность во время военных действий. Поклонение предкам укрепляло внутриклановое и межклановое взаимодействие, и тем самым происходило объединение кланов в единый народ. Возвышение государства и дальнейшее развитие культа предков постепенно привело к упадку института шаманов. Религиозные функции начали исполнять военные и политические лидеры, в то время как религия стала частью государственной политики.

Как отмечает Чжоу Сифань в работе «Традиционная китайская культура и религия» [5], культ предков обеспечил формирование уникальной цивилизации Древнего Китая, где религия представляла собой нечто совершенно иное, нежели то, чем она была в Европе, на Ближнем Востоке или в Индии. В Древнем Китае религия не была самостоятельным феноменом или законченной системой. Религия в Китае выступала элементом политического устройства, и в этой связи она была не основой, а составной частью (наряду с философией, письменностью, медициной и физической культурой) традиционной культуры Китая.

Будучи ограниченной государственной властью, религия постепенно превращалась в элемент светской культуры. Можно сказать, что религия приобрела значение светского метанарратива, из которого произрастали письменность, право, медицина, философия, литература, наука и т. д. Политическое руководство страны определяло то или иное направление религиозного развития, что часто соотнобразовывалось с политической целесообразностью. Отсутствие межконфессиональной напряженности избавило Китай от масштабных религиозных войн, поскольку религиозная необходимость всегда уступала политическим, экономическим и социальным приоритетам. Как отмечается в работе

Чжун Цюаньхуна «Китайская традиционная философия и древняя спортивная культура», сама по себе религия не формировала перечисленные приоритеты, но следовала за ними [6].

Социально-исторические особенности проникновения буддизма в Китай

Буддизм проник в Китай благодаря торговой активности на Великом Шелковом пути. В записях (III в. до н. э.) буддизм еще считался иностранной религией, далекой от влияния на политическую и социальную жизнь китайского общества [7]. В этом смысле, он оставался привилегией иностранных торговцев, которым разрешалось соблюдать свой образ жизни в условиях китайской действительности, основанной на аутентичных образцах философского знания, таких как даосизм или конфуцианство. Постепенно буддизм смешивался с традиционными китайскими религиозными системами, попутно приобретая локальные особенности и специфику.

Распространение буддизма в Древнем Китае, по мнению некоторых ученых, произошло в период с III в. до н. э. по I в. н. э., и было связано с началом имперского периода развития китайского государства [5]. Буддизм воспринимался китайскими правителями как политический инструмент, и в этой связи его распространение соответствовало скорее политической необходимости, нежели экзистенциальным переживаниям [8]. В этой связи естественно, что распространяющиеся по Древнему Китаю храмы и монастыри воспринимались не религиозными, но государственными учреждениями, в то время как буддистские монахи приобрели статус государственных советников. На данном этапе буддизм не имел широкого распространения в китайском обществе, оставаясь иностранной религией, или политической идеологией, связанной с актуальной для того времени политической необходимостью.

В течение III–IV вв. н. э. буддизм все больше распространялся в Китае, превращаясь в часть его традиционной культуры. В это же время китайское общество столкнулось с периодом политической нестабильности и опустошающих войн, а потому нуждалось в религиозном утешении. Как написал Чжан Фэн в работе «Религиозная вера и защита традиционной спортивной культуры», в этом контексте буддизм становится важной частью общественного сознания, что привело к существенным изменениям в этической и политической мысли Древнего Китая [9].

К IV в. н. э. распространение буддизма обусловило формирование его локальных вариаций, одна из которых была названа дзен-буддизм. Указанное течение сочетало религиозную доктрину буддизма с китайской социальной философией, образуя особое, китайское направление социальной мысли того времени [10]. Одновременно, философские и религиозные наработки дзен-буддизма оказали непосредственное влияние на развитие физической культуры в древнем китайском обществе, создав уникальный культурный пласт, ставший важной частью китайского мировоззрения. Например, именно дзен-буддизм в качестве религиозного обряда адаптировал буддистскую практику медитации. Еще одним примером является «Подвижничество» – техника, перенятая от индийской йоги, где носит название «тапас» и заключается в специальных психофизических практиках, способствующих достижению индивидом пограничных состояний прозрения, или духовного экстаза. Позднее тапас стал многогранным понятием индийской философии [11], которое было перенято дзен-буддизмом в виде

дзен-медитации – религиозной практики, ставшей важной частью традиционной физической культуры Китая.

По мере распространения и развития буддизма в Древнем Китае, его ритуалы и обычаи постепенно становились частью повседневной жизни общества. Достигнув вершины своего развития в VII в. н. э., в период правления династии Тан, дзен-буддизм становится основой традиционного мировоззрения китайцев. В то время буддистский ритуал прочно входит в повседневную жизнь китайского общества, закрепляя значение буддизма как основы его социального устройства.

В процессе интеграции дзен-буддизма в китайскую традиционную культуру, это направление сосредоточилось на развитии светских, легко воспринимаемых обществом религиозных идей. Как сказано в работе Лю Иньхань «Интеграция буддизма и традиционной китайской культуры», в это время появилось множество локальных религиозных божеств и духов, которые соответствовали философским понятиям древнекитайского общества [12]. С точки зрения религиозных обрядов, практика медитации в дзен-буддизме постепенно упрощалась, в то время как ее акцент смещался с фокуса внимания индивида на убранстве храма к развитию и совершенствованию внутреннего мира индивида.

В этом свете развитие и распространение дзен-буддизма не обязательно должно было опираться на религиозную литературу, веру, или религиозные ритуалы, но скорее связывалось с обращением к личному совершенствованию, которое достигалось за счет повседневных практик. Постепенно практики физической культуры вышли за рамки религиозной доктрины, став основой личного совершенствования. В дальнейшем, появление боевых искусств, также неотрывно связанных с физическим совершенствованием, открыло новые возможности для распространения буддийской философии среди широких слоев населения. Боевые искусства стали новой формой буддийского ритуала, своеобразной китайской адаптацией йоги и ее физических практик.

Буддизм и боевые искусства Древнего Китая

Военные действия были неотъемлемым и частым явлением китайской истории. В ходе многочисленных войн китайцы довольно рано открыли для себя некоторые из основных средств рукопашной и вооруженной борьбы, известные как боевые техники. Несмотря на то, что основной целью таких тренировок была подготовка к противоборству с противником, требования к тренировкам и физическому совершенствованию начали приобретать черты особой культуры, сочетающейся с религиозной обрядностью. В этом смысле развитие боевых техник сочеталось с распространением буддизма в Китае, что приводило к появлению уникальных симбиотических форм религии и спорта, сохраняющихся в традиционной культуре Китая до настоящего времени.

Наиболее ранние боевые искусства возникли на основе простейших техник, выработанных в повседневной жизни общества. В это время войны и стихийные бедствия способствовали быстрому распространению буддизма как эффективного средства для обретения душевного равновесия. Одновременно социальный статус буддистского монаха становился все более притягательным, поскольку позволял встроиться в цепочки социальной иерархии вне зависимости от происхождения или уровня образования. Монахами становились представители всех профессий, социальных классов и религиозных убеждений [13]. В это время боевые искусства стали основой для объединения и гомогенизации воззрений идеологически и социально разрозненных групп.

По мере развития боевых искусств в буддистских религиозных сообществах, последние стали приобретать значение не только духовной, но и боевой силы, способной воздействовать не только словом, но и делом. Обучая монахов приемам боевых искусств, буддистское сообщество формировало социально-политическую силу, которая постепенно возвышалась над обществом. Как замечено в работе Ван Яньнана «Изучение истоков боевых искусств и буддизма» эта тенденции наиболее ярко проявилась в Японии, которая стремилась перенять основные социальные инновации китайской Империя Тан (618–907), но, впоследствии, не испытала на себе волн гонений на буддизм, как это произошло в Китае [14].

По мере развития дзен-буддизма совершенствовалась и расширялась боевая подготовка монахов, которая постепенно отошла от применения оружия, а целью обучения стала не защита жизни и имущества, но физическое совершенствование индивида. В ходе такого обучения монахи сочетали медитацию с боевым совершенствованием, которое теперь воспринималось как гармония динамики упражнений и статики медитации. Как написал Ху Юси в работе «Историческая принадлежность развития Шаолинь ушу», предполагалось, что конечной целью дзен-буддизма стало углубление духовных и интеллектуальных качеств верующего, позволяющих эффективно воспринимать философско-религиозную доктрину, изложенную на страницах буддистской классики. Все дальше отрываясь от текстуальной составляющей, эти практики становились все более важной частью традиционной культуры Китая [15]. Возникло убеждение, что лишь только физическими упражнениями можно исследовать духовное пространство Дзен – непрерывно совершенствуясь в боевых искусствах, одновременно достигать духовных высот религиозного развития.

В современном Китае распространено мнение, что почти все боевые искусства в Китае связаны с буддийским храмом Шаолинь. В такой точной локализации источника традиции можно увидеть историческую и религиозную преемственность, обусловившую специфику китайского буддизма. В этом смысле наследие боевых искусств является наиболее важной и существенной рецепцией буддизма, сохраняющейся в секуляризованном обществе современного Китая [16].

Помимо боевых искусств имелся ряд менее важных проявлений сочетания буддизма с традиционными практиками. Распространение и развитие буддизма ускорилось благодаря использованию лошадей, которые пользовались уважением в буддизме. Первый буддийский храм в древнем Китае был назван в честь лошади (дословно Бай Ма – белая лошадь). Как написал Цяо Фэнцзе в работе «Буддийская медитация и обучение боевым искусствам», по мере того, как буддистская культура сливалась с общественной жизнью развивалась и практика использования лошадей, в том числе как элемента оздоровления и увеселения [17].

Еще одним важным направлением является танец, как составляющая современной физической культуры Китая. Именно танец, изображенный на фресках буддистских храмов и описанный в буддистской классике, отражал эстетическую концепцию буддизма [18]. Поскольку в танце могли участвовать в том числе женщины, это направление физической активности стало одним из эмансипирующих механизмов, способствовавших достижению гендерного равенства в китайском обществе.

Подводя итог можно заключить, что физическая культура являлась важным механизмом проникновения буддизма в традиционную культуру Китая. Одновременно, физическая культура является тем важным звеном, которое исторически связывает древний и современный Китай. Постепенно отрываясь от текстуальной основы, буддистские максимы были адаптированы в практических комплексах китайской физической культуры. Утрата текстуальной составляющей одновременно локализовала буддизм, превратив его в неотъемлемую часть традиционной культуры Китая, на уровне упражнений и боевых искусств став частью китайского мировоззрения, транслируемого в современном Китае в том числе и через школьное обучение.

Дальнейшие исследования в этой области могут существенно расширить современное понимание не только путей и источников проникновения буддизма в Китае, но и особенностей развития традиционных практик физической культуры. В этом свете сочетание текстуальной культуры с комплексом физических упражнений стоит рассматривать как один из наиболее важных процессов духовной жизни древнего общества, который необходимо тщательно исследовать как с точки зрения отголосков в традиционной культуре Китая, так и в плане общих тенденций развития человеческого общества.

Список использованных источников

1. 高文新. 中国传统哲学宗教的特点与新哲学的构建 / 吉林大学社会科学学报 = Гао Вэнсин. Характеристики традиционной китайской философии и религии и построение новой философии / Журнал социальных наук, Университет Цзилинь. – 2004. – № 6. – С. 48–53.
2. Шадрин, В. Р. Вера как таковая и религиозная вера: аспекты рассмотрения / В. Р. Шадрин // «Вестник науки и образования». – 2015. – № 4. – С. 89–91.
3. Чжан Си. Особенности изучения религии в Китае в начале XX века / Чжан Си. // «Вестник Санкт-Петербургского университета. Философия и конфликтология». – 2016. – № 2. – С. 135–139.
4. 袁思成. 初探中国民族神话中体育活动的踪迹 / 体育文化导刊 = Юань Сичэн. Спорт в китайской мифологии / Путеводитель по спортивной культуре. – 2006. – № 8. – С. 92–94.
5. 周燮藩. 中国传统文化与宗教 / 宁夏社会科学 = Чжоу Сифань. Традиционная китайская культура и религия / Социальные Науки Нинся. – 1999. – № 2. – С. 49–55.
6. 钟全宏. 中国传统哲学思想与古代体育文化 / 丝绸之路 = Чжун Цюаньхун. Китайская традиционная философия и древняя спортивная культура / Шелковый Путь. – 2010. – № 16. – С. 40–42.
7. 温瑜. 佛教对先秦至唐五代哀悼诗的影响 / 文艺评论 = Вэнь Юй. Влияние буддизма на стихи от династий до Цинь до Тан / Литературный обзор. – 2015. – № 12. – С. 57–64.
8. 谷方. 佛教与魏晋南北朝时期的封建统治 / 中州学刊 = Гуфанг. Буддизм и феодальное правление в династиях Вэй, Цзинь, Южной и Северной / Академический журнал Чжунчжоу. – 1995. – № 5. – С. 106–110.
9. 张凤. 宗教信仰与传统体育保护 / 韩山师范学院学报 = Чжан Фэн. Религиозная вера и защита традиционной спортивной культуры / Журнал Ханьшань Нормальный Университет. – 2018. – № 3. – С. 78–81.
10. Моньер Уильямс. Санскритско-английский словарь: этимологически и филологически организованный / Моньер Уильямс. – Оксфорд: Кларендон Пресс, 1872. – С. 363.

11. 周恩成. 教育即本体自觉-浅谈禅宗教育的本体论特性及其启示 / 时代教育 = Чжоу Чэньчжэн. Образование как онтологическое самосознание: Введение в онтологические характеристики дзен-образования и его последствия / Современное образование. – 2015. – № 6. – С. 53–54.
12. 刘一茜. 佛教与中国传统文化的融合 / 大观周刊 = Лю Иньхань. Интеграция буддизма и традиционной китайской культуры / Гранд Еженедельная Газета. – 2012. – № 41. – С. 46–57.
13. 张雁红, 马志强. 试论魏晋南北朝佛教兴盛的社会原因 / 山西大同大学学报 = Чжан Яньхун, Ма Чжицян. Социальные причины подъема буддизма в северной и южной династиях Вэй и Цзинь / Журнал Шаньси Датунского университета. – 2018. – № 3. – С. 33–36.
14. 王亚男, 牛同舟. 武术与佛教的渊源研究 / 科教导刊 = Ван Яньань, Ню Тунчжоу. Исследование происхождения ушу и буддизма / Научно-образовательный журнал. – 2016. – № 3. – С. 120–121.
15. 胡玉玺. 少林武术发展的历史归因 / 体育文化导刊 = Ху Юйси. Историческая причина развития шаолиньского ушу / Гид по спортивной культуре. – 2012. – № 5. – С. 116–119.
16. 熊希. 浅析少林寺与少林武术的历史与发展 / 魅力中国 = Сюн Си. Об истории и развитии храма Шаолинь и Шаолиньского ушу / Очаровательный Китай. – 2010. – № 7. – С. 290–291.
17. 乔凤杰. 佛教禅修与武术训练 / 西安体育学院学报 = Цяо Фэнцзе. Буддийская медитация и обучение боевым искусствам / Журнал Сианьского института физического воспитания. – 2006. – № 3. – С. 61–65.
18. 张红学. 敦煌壁画中的中国古代体育研究简述 / 商丘师范学院学报 = Чжан Хунсюэ. Краткий отчет об исследованиях древних китайских видов спорта в фресках Дуньхуана / Журнал Педагогического колледжа Шанцю. – 2012. – № 9. – С. 103–107.

(Дата подачи: 08.02.2021 г.)

A. B. Филиппович

Белорусская государственная академия искусств, Минск

A. Filippovich

Belorussian State Academy of Arts, Minsk

УДК 141.339+1:93

ЭРА ВОДОЛЕЯ: ФИЛОСОФИЯ ИСТОРИИ НЬЮ ЭЙДЖ

AGE OF AQUARIUS: NEW AGE PHILOSOPHY OF HISTORY

В статье исследуется философия истории Нью Эйдж, раскрывается ее сущность и анализируются основные принципы. Значительное внимание уделено проблемам кризиса современной цивилизации, философии сознания и образу эры Водолея в работах теоретиков Нью Эйдж.

Ключевые слова: Нью Эйдж, философия истории, историософия, западный эзотеризм, механицизм, мировой кризис, философия сознания, глобализация.

The article deals with New Age philosophy of history, examines its essence and analyzes the basic principles. Much attention is given to the problems of the crisis of modern civilization,

the philosophy of consciousness and the image of the Age of Aquarius in the works of New Age theorists.

Keywords: New Age, philosophy of history, historiosophy, Western esotericism, mechanicism, planetary crisis, philosophy of consciousness, globalization.

В европейской философии сложилось два основных подхода к пониманию истории: метафизический, уходящий своими корнями в античность и средневековье, и рационалистический, занявший господствующее положение с эпохи Просвещения. Различие этих подходов отразилось в двух формах осмысления истории: историософии, предполагающей вмешательство в события мира сверхъестественных сил, и философии истории, основанной на причинности, снимающей всякую трансцендентность [1, с. 276]. Граница между историософией и философией истории нередко стиралась. Так, философия истории Г. Гегеля одновременно является историософией, объясняющей историю с помощью «мирового разума» и уходящей корнями в теософские видения мистика Якоба Беме [2, р. 4, 48–50]. Влиятельный вариант современного видения истории, в котором трудно разграничить рациональную философию истории и иррациональную историософию, предлагает Нью Эйдж – разнородное идейное движение, возникшее в 1970–80-е годы и обладающее чертами новой религии, политической идеологии и философского течения.

Предпосылки Нью Эйдж связаны с западным эзотеризмом, включающем в себя спиритизм, оккультизм, теософию, антропософию, месмеризм, «новое мышление», астрологию, магию, каббалу и герметизм [3, р. 3]. Эти течения были отвергнуты наукой Нового времени, однако тесно связанная с философией непрерывная традиция западного эзотеризма существует по сей день, начиная, по крайней мере, с XV века [4, р. 7]. Комплекс представлений Нью Эйдж также включает в себя концепции современного естествознания, философии, политической теории, экономики и психологии.

Согласно наиболее распространенному в Нью Эйдж представлению, история, в соответствии с зодиакальным кругом, разбивается на 12 эпох, каждая из которых определяется созвездием, в котором находится солнце в момент весеннего равноденствия. Эра Рыб, в которой господствовало христианство, продолжалась чуть более 2100 лет: со смещением точки весеннего равноденствия в знак Водолея начинается новая эра [5, р. 108]. Созвездие Водолея находится под управлением планеты Уран, руководящей неожиданными, динамичными и прогрессивными изменениями [6, р. 14]. Сторонники Нью Эйдж придают большое значение тому, что раннее христианство использовало рыбу в качестве символа Христа [7, р. 102]. Философия истории Нью Эйдж не является лишь воспроизведением старой метафизики: эзотерические представления дополняются астрономическими расчетами прецессии равноденствий и концепцией эволюции с целью точно определить дату начала эры Водолея и дать ей объективное обоснование. Среди основных вариантов – 1967, 1987, 2000, 2075 и 2376 годы [7, р. 335–336].

Для сторонников Нью Эйдж главным свидетельством приближения новой эры является мировой кризис, демонстрирующий исчерпанность и завершение эры Рыб. Наиболее обстоятельным обоснованием упадка современной цивилизации является книга «Поворотный пункт» (1983) физика Фритьофа Капры (р. 1939), который широко использует естественнонаучные и философские идеи.

Капра считает, что конец XX в. отмечен глубоким мировым кризисом, который затрагивает здоровье, средства к существованию, качество окружающей среды, общественные отношения, экономику, технологию, политику и впервые в истории несет с собой угрозу уничтожения человечества и всей жизни на планете [8, р. 21]. Основные угрозы – ядерное оружие, разрушение окружающей среды, рост заболеваемости, социальная дезинтеграция (преступность, самоубийства, наркомания), экономические проблемы (инфляция, безработица, неравенство). Главная причина кризиса – мировоззрение, основанное на механистической парадигме Декарта и Ньютона, включающей в себя идеи и ценности, которые связаны с эпохой Просвещения, научной и промышленной революциями. Среди принципов механицизма – вера в научный метод как единственно истинный подход к знанию, восприятие вселенной как механической системы, состоящей из элементарных материальных частиц, рассмотрение жизни в обществе как конкурентной борьбы за существование, вера в неограниченный материальный прогресс, достигаемый с помощью экономического и технического роста [8, р. 31].

Тем не менее, Капра убежден, что тяжесть и масштаб нынешнего кризиса дают повод для оптимизма, указывая на приближение беспрецедентной трансформации – поворотного пункта для всей планеты [8, р. 16]. На основе идей А. Тойнби, П. Сорокина и китайской «Книги перемен» Капра утверждает, что подобные кризисы уже были в истории, развивающейся через фазы подъема и упадка. Одни цивилизации смогли преодолеть кризис, другие прекратили свое существование. Как и другие теоретики Нью Эйдж, Капра подвергает критике философию истории марксизма за теорию классовой борьбы, в которой он усматривает влияние дарвинизма, социал-дарвинизма и мальтузианства [8, р. 34–35]. Его утверждение о необходимости минимизации конфликтов в переходный период также направлено против марксизма и других революционных течений. Этой же цели примирения противоположностей служит широкое использование в книге китайской метафизики «инь-ян», которая дополнительно придает рассуждениям Капры характерную для Нью Эйдж эзотерическую окрашенность. Одной из причин кризиса Капра считает преобладание во всех сферах современной цивилизации принципа «ян» (мужского, рационального, аналитического, агрессивного, конкурирующего) над принципом «инь» (женским, интуитивным, синтетическим, отзывчивым, кооперативным) [8, р. 38].

Неизбежность наступления новой эры обосновывается Капррой на основе логики развития науки: если физика Ньютона породила механистическую парадигму и современную техническую цивилизацию, то квантовая физика должна стать основой новой парадигмы, которая сможет привести к наступлению «солнечной эры». Мировоззрение, построенное на принципах новой физики, является органическим, холистическим, экологическим, системным и близким к восточному мистицизму [8, р. 78]. Новая «солнечная эра» будет использовать только экологические возобновляемые энергоресурсы. Переход к новой эре уже происходит и сопровождается не только изменением технологий, но и трансформацией общества и культуры [8, р. 408].

Философ Кен Уилбер (р. 1949) на основе идей Нью Эйдж создал «интегральный подход», объединяющий восточные и западные доктрины, философию, религию и науку. Возникновение современного кризиса он связывает с социальными, историческими и культурными факторами. С древности человечеству

было известно два пути познания: «нисходящий», связанный с телом, чувством, сексуальностью, и «восходящий», выразившийся в метафизике, йоге, аскетизме и пуританизме [9, р. 10–11]. В эпоху Нового времени «нисходящий» путь стал преобладающим, вытеснив метафизическую проблематику, распространив механицизм и материализм и переместив на периферию культуры все вопросы, связанные с развитием сознания человека и духовными ценностями. Возникла картина «плоского мира», «мира поверхности», в котором отрицается все, что выходит за рамки примитивного чувственного сознания [9, р. 275, 282]. Преодоление современного кризиса предполагает объединение «нисходящего» и «восходящего» путей познания [9, р. 338].

Понятие планетарного кризиса занимает существенное место в рассуждениях других представителей Нью Эйдж. Марк Сатин (р. 1946) связывает кризис с искаженным сознанием современного человека, которое замкнуто в «шести стенах» – патриархальных установках, эгоцентризме, единой научной картине мира, бюрократической ментальности, национализме и мировоззрении большого города [10, р. 25–39]. Шакти Гавэйн (р. 1948) сравнивает мировой кризис с кризисом больного, который предшествует излечению [11, р. 234]. Мэтью Фокс (р. 1940) предвидит гибель земли и всех человеческих и духовных ценностей, Ширли Маклейн (р. 1934) отмечает стремительную деградацию культуры, Мириам Симос (р. 1951) подчеркивает угрозы ядерной катастрофы, экологических бедствий и общий упадок гуманистических ценностей [7, р. 345]. Физики Дэвид Бом (1917–1992) и Ф. Дэвид Пит (р. 1938) утверждают, что человечество втянуто в разрушительную «порождающую структуру», которая может привести к глобальной катастрофе [12, р. 209]. Питер Рассел (р. 1946) рассматривает нынешний мировой кризис как катализатор, позволяющий выйти на новый эволюционный уровень. В случае неудачи, однако, человечество может быть полностью уничтожено [13, р. 310].

В философии истории Нью Эйдж эра Водолея предстает либо в откровенно утопической форме, либо в более или менее рационализированном виде. Большинство авторов сходятся в том, что наступление эры Водолея предполагает разрушение всех старых форм общественной организации и открытие новых возможностей человека. Согласно М. Фергюсон, новая эра призвана положить конец темной и наполненной насилием эры Рыб, а Водолей символизирует текучесть и утоление жажды [14, р. 19], которая может интерпретироваться как жажда знания [6, р. 14]. Джудит Хэмптон (р. 1946) убеждена, что «эра плоти» заканчивается, приближается начало эры Света, чистого Духа, Бога, в которой человечество приобретет «неограниченное сознание» и совершенно новый социальный порядок [7, р. 341].

Джордж Тревелльян (1906–1996) утверждает, что человечество, переживающее новое рождение планетарного и космического масштаба, будет эволюционировать в четвертом и пятом измерениях. Освобождение мощной творческой энергии создаст новую цивилизацию, основанную на непреходящих ценностях любви, истины, радости, мира. Народы и государства должны будут признать «высший разум». Это приведет к истинному братству людей на Земле, универсальной цивилизации, в которой люди больше не смогут убивать; войны прекратятся и ненасилие станет нормой; базовыми ценностями станут толерантность, честность, уважение к истине, сотрудничество и сострадание; способности обманывать, лжесвидетельствовать, воровать исчезнут из человеческого поведе-

ния [7, р. 343]. Возникнет новый вид человечества – Homo Sapiens Noeticus, высшая раса [7, р. 349].

Дэвид Спенглер (р. 1945) выделяет следующие черты новой эры: интеграция региональных культур в планетарную культуру; мировое управление (но не правительство), которое не будет подавлять региональные различия; новый уровень коммуникации; образование на протяжении всей жизни; экономика, основанная на творческих возможностях человека и подотчетная обществу; глубокая интеграция между технологией и экологией, наукой и мистицизмом; новые методы лечения; новая планетарная духовность, которая сосуществует с отдельными религиями и духовными учениями; новые возможности человеческого сознания, основанные на развитии интуиции [7, р. 337–338].

Согласно М. Фоксу, новая эра представляет собой переход от антропоцентризма к живой космологии; от Ньютона к Эйнштейну; от разбиения на части к цельности; от рационализма к мистицизму; от послушания как моральной добродетели к творчеству как нравственной добродетели; от личного спасения к общему исцелению, состраданию как спасению; от теизма (Бог вне нас) к пантеизму (Бог в нас и мы в Боге); от грехопадения и искупления к центру творения; от религии к духовности; от аскетического к эстетическому [7, р. 331–332].

П. Рассел видит новую эру как утверждение «высокосинергетического» общества с минимальным конфликтом между элементами системы. Произойдет снижение агрессивности, преступности, терроризма и международной напряженности. Человеческая жизнь станет священной, а войны и насилие будут полностью исключены. Улучшатся здоровье и питание, более эффективным станет использование энергии и природных ресурсов, увеличится индивидуальное, групповое, этническое и культурное разнообразие, которое будет сопровождаться ростом коллективного единства, но без установления тоталитарного мирового правительства [13, р. 277–279].

В философии истории Нью Эйдж важнейшим условием перехода к новой эре является развитие сознания и использование его возможностей. Характерная для Нью Эйдж концепция сознания, направленная на преодоление субъект-объектного дуализма, уходит своими корнями в метафизику индуизма и западноевропейских философов [15, р. 171]. М. Сатин убежден, что метафизической основой общества новой эры должно стать «транс-материалистическое» мировоззрение, которое преодолевает ограниченность материализма и идеализма [10, р. 91]. М. Фергюсон считает, что для трансформации сознания необходимо преодолеть характерный для западной ментальности разрыв левого (вербального и аналитического) и правого (образного и синтетического) полушарий головного мозга [14, р. 77–79]. Как указывает Д. Бом, даже группа из десяти человек, имеющих «высшее сознание», может добиться решительных перемен [7, р. 351]. Джин Хьюстон (р. 1937) считает, что сегодня крайне ограниченное сознание человека обладает силами, которые некогда считались уделом богов, поэтому настало время для решающего эволюционного прорыва в «многомерное сознание» [7, р. 349]. Д. Спенглер подчеркивает, что старое сознание связано с концепциями разделения, пространства и времени. Новый вид сознания – интуитивно-мыслительный, обладающий знаниями и возможностями, которые не ограничены пространством и временем [5, р. 115].

Одним из наиболее сложных вариантов эволюционной философии сознания предлагается К. Уилбером. Он убежден, что трансперсональная

трансформация сознания должна дать импульс появлению новых, более высоких форм общества и человека. В выделяемых Уилбером восьми «стадиях взросления» сознания Сталин, Гитлер и Пол Пот находятся на третьей стадии «властной силы» [16, с. 59–60]. Фундаменталистская приверженность жестким системам убеждений (христианство, марксизм, феминизм, сциентизм) и связанные с такими системами формы политической организации (нацистская Германия, СССР и коммунистические страны, Иран, Китай) – на четвертой стадии «групповой принадлежности» [16, с. 70–71]. Более высокие «стадии взросления», будучи космополитическими, призваны продемонстрировать превосходство характерной для Нью Эйдж идеи планетарного сознания над эгоцентрическими и этноцентрическими формами сознания, связанными с кланом, племенем, нацией и определенной религией.

Переход к эре Водолея зависит не только от метафизических факторов. Для обоснования масштабного скачкообразного изменения хода истории используется теория смены парадигм философа науки Т. Куна [8, р. 30; 14, р. 26] и даже марксистский диалектический закон перехода количественных изменений в качественные [14, р. 160]. Подобно марксистской философии истории предполагаются усилия людей, однако не обязательно массовые и классовые – достаточно отдельных носителей «трансформированного сознания», принадлежащих к любой социальной группе. Это доказывается теорией диссипативных структур И. Пригожина, которая может применяться для объяснения фундаментальных изменений в психологии, образовании, здоровье, социологии, политике и экономике [14, р. 163]. В такой интерпретации даже небольшая группа людей способна вызвать флюктуации, которые приведут к масштабным социальным переменам [14, р. 166].

Влияние отдельных индивидов и малых групп в Нью Эйдж также обосновывается теориями «критической массы» и «сотой обезьяны», предполагающими внезапное изменение общественного сознания при появлении достаточного количества личностей с «высшим сознанием». Как только их число достигнет «критической массы», просветление распространится как цепная реакция во всем обществе [7, р. 350–351].

При всей утопичности целого ряда положений философии истории Нью Эйдж очевидно, что новое идейное течение отчасти предвосхитило эпоху глобализации. Хотя состояние мира XXI века явно не соответствуют утопическому проекту Нью Эйдж, это течение уже в немалой степени подготовило общественное сознание к «смене парадигмы», представив происходящее, как некогда философия XIX века, в качестве прогрессивного движения к более высокому этапу развития цивилизации. В этом смысле философия истории Нью Эйдж имеет значение, сопоставимое с философско-историческими построениями классических политических идеологий. Нетрудно заметить, что теория эволюции сознания Уилбера не является идеологически нейтральной и имеет выраженный либеральный, глобалистский и западноцентристский характер. Аналогичны и идеологические установки М. Фергюсон, которая подчеркивает особую роль США в предстоящей радикальной трансформации всего мира [14, р. 119]. Критики обвиняют Нью Эйдж в «духовном яппизме и тэтчеризме» за согласие с существующим политическим и экономическим порядком и даже в связи с реакционными и профашистскими взглядами 1930-х годов [15, р. 40]. Отвергнув марксизм, философия истории Нью Эйдж неизбежно сблизилась с либерализ-

мом и примирилась с неоконсерватизмом. Однако классическая либеральная философия истории, проповедовавшая прогресс и «вечный мир», была сначала бессильна в предвидении, а затем и понимании мировых войн и революций XX в. Подобным же образом «эра Водолея» может оказаться полной противоположностью оптимистическим ожиданиям теоретиков Нью Эйдж, которые, стремясь выйти за рамки классических концепций философии истории, сохраняют приверженность старым либеральным представлениям, предельно далеким от современного состояния обществ глобального капитализма.

Список использованных источников

1. *Korben, A.* История исламской философии / А. Корбен. – М.: Прогресс-Традиция, 2010. – 360 с.
2. *Magee, G.* Hegel and the Hermetic Tradition / G. Magee. – Ithaca, NY/London: Cornell University Press, 2001. – 312 p.
3. *Goodrick-Clarke, N.* The Western Esoteric Traditions. A Historical Introduction / N. Goodrick-Clarke. – N.Y.: Oxford University Press, 2008. – 286 p.
4. *Faivre, A.* Access to Western Esotericism / A. Faivre. – New York: State University of New York Press, 1994. – 380 p.
5. *Spangler, D.* Revelation: The Birth of a New Age / D. Spangler. – San Francisco: Rainbow Bridge, 1978. – 256 p.
6. *York, M.* Historical Dictionary of New Age Movements / M. York. – Lanham, MD: Scarecrow Press, 2004. – 266 p.
7. *Hanegraaf, W.* New Age Religion and Western Culture: Esotericism in the Mirror of Secular Thought / W. Hanegraaf. – Leiden: Brill, 1996. – 594 p.
8. *Capra, F.* The Turning Point: Science, Society, and the Rising Culture / F. Capra. – N.Y.: Bantam, 1983. – 464 p.
9. *Wilber, K.* A Brief History of Everything / K. Wilber. – Dublin: Newleaf, 1996. – 355 p.
10. *Satin, M.* New Age Politics: Healing Self and Society / M. Satin. – N.Y.: Dell, 1979. – 349 p.
11. *Gawain, S.* Living in the Light: A Guide to Personal and Planetary Transformation / Novato: New World Library, 1998. – 246 p.
12. *Bohm, D.* David Peat, F. Science, Order, and Creativity: A Dramatic New Look at the Creative Roots of Science and Life / D. Bohm, F. David Peat. – Toronto: Bantam, 1987. – 280 p.
13. *Russell, P.* The Global Brain Awakens: Our Next Evolutionary Leap / P. Russell. – Palo Alto: Global Brain Inc., 1995. – 345 p.
14. *Ferguson, M.* The Aquarian Conspiracy: Personal and Social Transformation in the 1980s / M. Ferguson. – London: Routledge, 1981. – 448 p.
15. *Corrywright, D.* Theoretical and Empirical Investigations into New Age Spiritualities / D. Corrywright. – Oxford / Bern: Peter Lang Publishing, 2003. – 295 p.
16. *Уилбер, К.* Интегральная медитация / К. Уилбер. – М.: РИПОЛ классик, 2017. – 368 с.

(Дата подачи: 01.02.2021 г.)

О. Г. Шаврова

Белорусский государственный университет, Минск

O. Shavrova

Belarusian State University, Minsk

УДК 801.73

ФИЛОСОФСКАЯ ГЕРМЕНЕВТИКА КАК МЕТОДОЛОГИЯ ГУМАНИТАРНОГО ПОЗНАНИЯ

PHILOSOPHICAL HERMENEUTICS AS A METHODOLOGY OF HUMANITARIAN KNOWLEDGE

В статье рассматриваются актуальные методологические проблемы становления и развития гуманитарных наук, определяются приоритеты философско-методологической рефлексии над основаниями гуманитарного знания и познания. Анализируются основополагающие принципы и исторические этапы эволюции герменевтики. Раскрывается специфика философской герменевтики как философии понимания и интерпретации, ее роль и значение в философии и методологии современного гуманитарного познания.

Ключевые слова: гуманитарное познание; классификация наук; гуманитарные науки; методология гуманитарного познания; философская герменевтика; понимание; интерпретация; диалог.

The article examines the actual methodological problems of the formation and progress of the humanities, determines the priorities of philosophical and methodological reflection over the foundations of humanitarian knowledge and cognition. The fundamental principles and historical stages of the evolution of hermeneutics are analyzed. The specificity of philosophical hermeneutics as a philosophy of understanding and interpretation, its role and significance in the philosophy and methodology of modern humanitarian knowledge is revealed.

Keywords: humanitarian knowledge; classification of sciences; humanitarian sciences; methodology of humanitarian knowledge; philosophical hermeneutics; comprehension; interpretation; dialogue.

Уникальный дисциплинарный статус гуманитарного знания в системе современной науки во многом определяется спецификой предметной сферы и методологии гуманитарного познания, формирующейся в условиях отсутствия единой общепринятой парадигмы, стало быть, включающей в себя множество разнообразных философско-методологических установок, принципов и подходов. Экспликация особой предметной сферы гуманитарного познания и активные поиски соответствующих данной сфере методов научного исследования, в значительной степени способствовали самоопределению гуманитарных наук по отношению к естествознанию в рамках неклассического этапа развития философии и методологии науки.

Философско-методологические поиски второй половины XIX в. отличает стремление построить гуманитарную науку за пределами естествознания и преодолеть методологические нормы и стандарты классической научной рациональности, ориентирующей гуманитарное познание на идеалы и нормы естественных наук. Классифицируя все науки по предмету и методу исследования, В. Дильтей различает «науки о природе» и «науки о духе». Специфику методов и методологии гуманитарных наук В. Дильтей видит в использовании интерпре-

тационных методов исследования: «Понимание и истолкование содержат в себе все истины наук о духе. Понимание в каждой точке открывает определенный мир» [1, с. 253]. Предметом исследования «наук о духе», полагает В. Дильтей, является общественно-историческая действительность, фундаментальной методологической установкой, наряду с общим для всех наук принципом причинности, выступает опора на определенные ценности и суждения о целях.

Согласно В. Дильтею, деление всех наук основано на принципиальном отличии внутреннего жизненного опыта как «переживания», на котором основаны науки о духе, от внешнего чувственного опыта, на который опираются науки о природе, с чем связано своеобразие способов получения знания в историко-гуманитарных и естественных науках: «Первейшим отличием наук о духе от естественных служит то, что в последних факты даются извне, при посредстве чувств, как единичные феномены, между тем как для наук о духе они непосредственно выступают изнутри, как реальность и как некоторая живая связь... Природу мы объясняем, душевную жизнь мы постигаем» [2, с. 52–53].

В концепции В. Дильтея герменевтика выходит на уровень осмысления ее проблематики в философском контексте, позволяющем обосновать специфику историко-гуманитарного познания в целом. Значение этого перехода в развитии герменевтики и закреплении ее философско-методологического статуса Г. Шпет оценивает следующим образом: «...в герменевтике заключается основание истории подобно тому, как основание естествознания было заложено Бэконом в индукции. Неувядаемая заслуга Дильтея, что он открыл для исторической науки такое значение герменевтики, и у него мы впервые находим философское понимание ее задач и понимание ее места в системе научного знания» [3, с. 743].

Интенции неклассической науки в гуманитаристике проявляются в философии Баденской школы неокантианства, представители которой раскрывают специфику гуманитарного познания, обращаясь не столько к предметной и содержательной стороне наук о природе и наук о культуре, сколько к проблеме основного метода и познавательных целей научного исследования. Обозначенный В. Виндельбаном и разработанный Г. Риккертом подход к классификации наук предполагает различение номотетических и идеографических наук, генерализирующего метода естествознания и индивидуализирующего метода исторического познания.

Предложенный в неокантианстве подход был направлен на выявление ценностных оснований процесса познания и ценностного характера философского знания. «...Природа, – утверждает Г. Риккерт, – есть совокупность всего того, что возникло само собой, само родилось и представлено собственному росту. Противоположность природе в этом смысле является культура как то, что или непосредственно создано человеком, действующим сообразно оцененным им целям, или, если оно уже существовало раньше, по крайней мере, сознательно взлелеяно им ради связанной с ним ценности» [4, с. 69]. Таким образом, принцип ценности в неокантианстве становится главным критерием, отличающим культурные процессы от явлений природы с точки зрения их научного исследования.

Философско-методологическая рефлексия над основаниями гуманитарного знания и познания осуществляется в таких направлениях развития западноевропейской мысли, как «философия жизни», неокантианство, феноменология, экзистенциализм, философская герменевтика, философия диалога, структурализм

и постструктурализм и др. Каждое из этих направлений предлагает собственную трактовку специфики предметной сферы, методов и методологии гуманитарных наук, обосновывая собственное видение характера взаимоотношений и перспектив взаимодействия гуманитарных наук с естествознанием.

В многообразии разнонаправленных концептуальных установок и философско-методологических подходов к осмыслению проблем гуманитарного познания выделяется герменевтика, историческое развитие которой тесным образом было связано со становлением и развитием гуманитарных наук, исследующих человека, культуру и историю. В процессе своего исторического развития герменевтика прошла долгий путь от искусства толкования и интерпретации текстов к становлению философского направления, обосновывающего фундаментальный онтологический статус понимания и интерпретации человеком мира [5]. Первостепенное значение для современной философской герменевтики приобретает не столько разработка конкретных правил и приемов работы с текстами, сколько исследование феномена понимания как онтологического основания человеческого отношения к миру.

Герменевтическая традиция трактовки понимания как общей теории интерпретации связана с именами Ф. Шлейермахера, В. Дильтея, Э. Бетти. В творчестве Ф. Шлейермахера герменевтика развивается как универсальная теория истолкования текстов, определяется как «искусство понимания, но не искусство изложения понятого» [6, с. 41]. Ф. Шлейермахер формулирует универсальный принцип интерпретации, согласно которому целое понимается из совокупности своих частей, при этом часть понимается только в контексте целого (принцип «герменевтического круга»). Данный принцип, как утверждает Ф. Шлейермахер, имеет основополагающее значение как для грамматической стороны перевода и толкования текста, которая направлена на установление буквального смысла в рамках определенной языковой области, так и для психологической стороны, которая учитывает своеобразие личности автора, его жизни и особенностей его индивидуального стиля.

В. Дильтей, рассматривая герменевтику как метод историко-гуманитарного познания, создает на ее основе концепцию описательной психологии как понимающей науки. Понимание, согласно В. Дильтею, предполагает не только субъективное «сопереживание», но и объективную реконструкцию того культурно-исторического мира, в котором определенный текст возник и объективацией которого он является. Герменевтика, таким образом, превращается в искусство толкования литературных памятников как «письменно зафиксированных проявлений жизни», она становится теорией этого искусства, фундаментального для наук, исследующих историю и культуру.

В XX в. герменевтика развивается как теория интерпретации текстов и как философия понимания: первый подход направлен на разработку правил и процедур теоретически обоснованного и методически выверенного истолкования текстов, второй подход предполагает онтологизацию герменевтических проблем и обоснование универсального статуса герменевтики. Таким образом, в первом подходе преобладает методологическая трактовка вопросов понимания и интерпретации, во втором – онтологическая.

Обобщая множество технических приемов истолкования, которые были разработаны на протяжении истории герменевтики, Э. Бетти выделяет «фундаментальные герменевтические каноны», или принципы интерпретации:

1) канон «герменевтической автономии», требующий сохранения имманентного смысла объекта интерпретации и, в этой связи, соответствия реконструкции точке зрения автора текста;

2) канон «герменевтической целостности», ориентирующий на воспроизведение объекта интерпретации в целостности и согласованности его внутренних связей;

3) канон «актуальности понимания», предполагающий соотнесение смысла реконструируемого целого с «духовным горизонтом» интерпретатора;

4) канон «герменевтического смыслового соответствия», указывающий на необходимость соблюдения смысловой адекватности понимания [7, с. 28–121].

Целью герменевтической деятельности, согласно Э. Бетти, является реконструкция смысла, вложенного в тот или иной текст автором, которая осуществляется независимо от субъективности интерпретатора. Адекватное восприятие авторского замысла, считает философ, гарантирует достоверность понимания. Э. Бетти утверждает, что при разработке герменевтической проблематики следует придерживаться нормативных процедур и требований научного подхода.

Проблематика понимания и интерпретации приобретает особую трактовку в философской герменевтике. Ее представители отталкиваются от исследования фундаментальных – онтологических – оснований бытия человека в мире. В. С. Малахов пишет: «Разрыв между традиционной герменевтикой, т. е. герменевтической традицией, как она развивалась от Ф. Шлейермахера и В. Дильтея до Э. Бетти включительно, и философской герменевтикой достаточно очевиден. Если в традиционной герменевтике понимание выступает как методологическая, то в философской – как онтологическая категория» [8, с. 513]. В трактовке проблем интерпретации философская герменевтика выходит за рамки строго ограниченно-го методологического подхода, выстраивая своего рода онтологию понимания.

Рассмотрение герменевтики с точки зрения онтологии связано с именами М. Хайдеггера и Х.-Г. Гадамера. В экзистенциальной философии М. Хайдеггера проблематика понимания онтологизируется: герменевтика рассматривается шире, нежели теория интерпретации текстов или методология гуманитарного познания, – она приобретает статус универсальной «философии понимания». Развивая идеи М. Хайдеггера, Х.-Г. Гадамер обосновывает «онтологический поворот герменевтики на путеводной нити языка» [9, с. 448]. Универсальный статус герменевтики, полагает Гадамер, связан с тем, что она не ограничивается совокупностью приемов истолкования текстов, а проясняет условия и возможности понимания в целом.

В концепции Х.-Г. Гадамера понимание определяется не как отдельный аспект познавательной деятельности, а как онтологический фундамент человеческого существования в целом, возможности которого связаны с обоснованием герменевтического опыта как опыта историчности [10]. Историчность конкретизируется как обусловленность культурной традицией, представляющей собой онтологическое основание понимания и необходимую предпосылку познавательной деятельности. «Бытие, которое может быть понято, есть язык», – утверждает Х.-Г. Гадамер [9, с. 421]. Как основа передачи культурного опыта от поколения к поколению, язык обеспечивает преемственность культурной традиции, возможность понимания и коммуникации.

В своей концепции философской герменевтики П. Рикёр обосновывает необходимость дополнительности естественнонаучных и историко-герменевтических

методов научного исследования [11, с. 40–41]. Осмысление проблем человеческого существования, полагает философ, должна быть связана с решением центральной для герменевтики темы истолкования символических значений. Герменевтику П. Рикёр определяет как философию социального действия, реализующую себя в диалоге и коммуникации, поскольку она обращается к истории и культурной традиции. Одним из конституирующих начал культуры является язык символов, в связи с чем герменевтика реализует свои функции в культуре как главный способ понимания человеком мира. «Универсальная герменевтика», интегрирующая результаты отдельных видов интерпретации, по замыслу П. Рикёра, должна способствовать восстановлению смыслового единства человеческого языка посредством непрерывной интерпретации всех символических значений, существующих в мире культуры.

Развитие философской герменевтики в XX в. осуществлялось в условиях заметной активизации релятивистских и историцистских тенденций в исследовании и методологическом осмыслении феномена научного познания. В этих условиях наибольшую востребованность и популярность приобрели различные герменевтические версии интерпретаций языка науки и форм его опосредования в культуре и истории. Л. А. Микешина отмечает, что герменевтический опыт, выраженный в общей теории понимания, стал опытом новой «несистематической» философии познания и новой версией обоснования возможностей когнитивной практики в традиции экзистенциально-антропологического философствования: «Дискурс и понятийный аппарат такого несистематического философствования нетрадиционен, даже эпатирует, часто нарочито метафоричен, близок к поэзии, афоризмам, арсеналу художественного мышления» [12, с. 20–21]. Философская герменевтика, обосновывающая необходимость исследования знания в единстве с порождающей его деятельностью субъекта и рассмотрения феномена понимания в социокультурном контексте, в значительной степени способствовала формированию новых представлений о природе, структуре и функциях познания.

«Герменевтический поворот», произошедший в философии XX в., был связан с осмыслением в новом социокультурном контексте проблем коммуникации, интерпретации и понимания как первостепенных, расширением спектра философско-методологических исследований и дискуссий, касающихся предметной сферы и специфики гуманитарного познания, основополагающих понятий, методов и методологии гуманитарных наук.

Герменевтическая проблематика получает новую трактовку в исследованиях герменевтической логики (Г. Миш, Г. Липпс), концепциях трансцендентальной прагматики К.-О. Апеля и универсальной прагматики Ю. Хабермаса. Философию как способ коммуникации и герменевтическую деятельность определяет Р. Рорти. Проект герменевтической онтологии с целью обосновать рефлексивную роль философии как «нигилистической герменевтики» в современной культуре создает Дж. Ваттимо. Актуальные тенденции развития герменевтики на основе аналитической философии связаны с версиями аналитической герменевтики Р. Брэндома и Дж. Мак-Доуэлла [13].

Герменевтика как уникальный тип философско-методологической рефлексии над основаниями гуманитарного знания в современной культуре во многих своих положениях обозначает переход к новой парадигме мышления, которое в сфере гуманитарного познания в целом конституируется как герменевтическая деятельность. Говоря о том, что философский статус герменевтики предпо-

лагают обоснование особой логической стратегии исследования в гуманитарных науках, а потребность в герменевтической логике диктуется систематической завершенностью самой герменевтики, В. Г. Кузнецов утверждает: «Герменевтическая логика является логическим основанием не только герменевтики как искусства интерпретации, но и всей логики и методологии гуманитарных наук» [14, с. 63]. Постановка вопроса об особой логике гуманитарного исследования в современной философской герменевтике связано со стремлением разработать герменевтическую логику как универсальный инструмент «наук о духе» и, тем самым, обосновать гуманитарное знание на новой методологической основе.

Осмысление методологических проблем гуманитарного познания в философской герменевтике предполагает обращение к методологическому потенциалу различных исследовательских стратегий и философских направлений. В ситуации акцентированного концептуального и методологического плюрализма возможности герменевтики как философии гуманитарного познания в области философии и методологии науки связаны с актуализацией идеи множественности интерпретаций и диалога парадигмальных оснований в современном гуманитарном познании.

Философско-методологические перспективы герменевтики и универсализации ее проблематики связаны с первостепенной ролью и значением фундаментальных для данного направления вопросов о существовании человека в коммуникативном и интерпретируемом мире истории и культуры, на исследование которого направлено гуманитарное познание. В современной ситуации, которая в основных сферах общественной жизни на глобальном и локальном уровнях не отличается стабильностью, практическое значение герменевтики реализуется в обосновании необходимости диалога, поисках оптимальных способов взаимодействия и взаимопонимания, исследовании проблем межличностной и межкультурной коммуникации.

Список использованных источников

1. *Дильтей, В.* Собрание сочинений: в 6 т. / В. Дильтей; пер. с нем. под ред В. А. Кузенного. – М.: Три квадрата, 2004. – Т. 3: Построение исторического мира в науках о духе. – 419 с.
2. *Дильтей, В.* Описательная психология / В. Дильтей; пер. с нем. Е. Д. Зайцевой; под ред. Г. Г. Шпета. – М.: Рипол классик, 2018. – 290 с.
3. *Шпет, Г.* История как проблема логики. Критические и методологические исследования / Г. Шпет; под общ. ред. В. С. Мясникова. – М.: Памятники исторической мысли, 2002. – 1176 с.
4. *Риккерт, Г.* Науки о природе и науки о культуре / Г. Риккерт; пер. с нем. М. Е. Зингера; под ред. С. И. Гессена // Культурология XX век. Антология / гл. ред и сост. С. Я. Левит. – М.: Юрист, 1995. – С. 69–101.
5. *Кузнецов, В. Г.* Герменевтика и ее путь от конкретной методики до философского направления / В. Г. Кузнецов // Логос. Философско-литературный журнал. – 1999. – № 10. – С. 43–88.
6. *Шлейермахер, Ф.* Герменевтика / Ф. Шлейермахер; пер. с нем. А. Л. Вольского. – СПб.: Европейский Дом. – 2004. – 242 с.
7. *Бетти, Э.* Герменевтика как общая методология наук о духе / Э. Бетти; пер. с нем. Е. В. Борисова. – М.: Канон+; РООИ Реабилитация, 2011. – 144 с.
8. *Малахов, В. С.* Герменевтика философская / В. С. Малахов // Новая философская энциклопедия: в 4 т. / пред. науч.-ред. совета В. С. Стёпин. – 2-е изд. – М.: Мысль, 2010. – Т. 1. – С. 513–514.

9. Гадамер, Х.-Г. Истина и метод: Основы филос. герменевтики / Х.-Г. Гадамер; общ. ред. и вступ. ст. Б. Н. Бессонова; пер. с нем. – М.: Прогресс, 1988. – 704 с.

10. Сидоренко, И. Н. Феномен историчности человеческого бытия в экзистенциально-герменевтической философии / И. Н. Сидоренко, О. Г. Шаврова // Весн. Беларус. дзярж. ун-та. Сер. 3, Гісторыя. Філасофія. Псіхалогія. Паліталогія. Сацыялогія. Эканоміка. Права. – 2010. – № 3. – С. 36–40.

11. Рикёр, П. Конфликт интерпретаций. Очерки о герменевтике / П. Рикёр; пер. с фр., вступ. ст. и коммент. И. С. Вдовиной. – М.: Академический Проект, 2008. – 695 с.

12. Микешина, Л. А. Философия науки: Современная эпистемология. Научное знание в динамике культуры / Л. А. Микешина. – М.: Прогресс-Традиция: МПСИ: Флинта, 2005. – 464 с.

13. Соболева, М. Е. Философская герменевтика: понятия и позиции / М. Е. Соболева. – М.: Академический Проект, 2013. – 152 с.

14. Кузнецов, В. Г. Классическая и неклассическая герменевтика: преемственность и трансформации / В. Г. Кузнецов // Вест. Моск. ун-та. Сер. 7. Философия. – 2010. – № 3. – С. 51–64.

(Дата подачи: 26.02.2021 г.)

М. В. Шамякина

Институт пограничной службы Республики Беларусь, Минск

M. V. Shamyakina

The Institute of Border Service of the Republic of Belarus, Minsk

УДК 82:1

ОБРАЗ БУДУЩЕГО В ФИЛОСОФСКОМ АСПЕКТЕ

THE IMAGE OF THE FUTURE IN THE PHILOSOPHICAL ASPECT

В статье рассматривается эволюция философско-культурологических представлений о будущем. Обращается внимание на то, что в различные эпохи понимание времени как философско-мировоззренческого феномена было различным – от мифологического циклического времени через библейское однонаправленное время к современным релятивистским представлениям, соответственно разнились и представления о возможном будущем. Затрагивается вопрос влияния философских и естественнонаучных концепций на культуру и искусство. Анализируется роль образа будущего в политическом дискурсе переломных эпох.

Ключевые слова: образ будущего; время; философия будущего; утопия; синергетика; прогностика.

The article deals with the evolution of philosophical and cultural ideas about the future. Attention is drawn to the fact that in different epochs, the understanding of time as a philosophical and ideological phenomenon was different – from the mythological cyclical time through the biblical unidirectional time to modern relativistic concepts. The question of the influence of philosophical and natural science concepts on culture and art is touched upon. The role of the image of the future in the political discourse of critical epochs is analyzed.

Keywords: image of the future; time; philosophy of the future; utopia; synergetics; prognostics.

Автор термина «образ будущего» голландский ученый Фред Полак предполагал, что существует взаимосвязь между тем, каким люди видят свое будущее, и тем, как они оценивают настоящее [1]. Сам Ф. Полак не дал определения «образу будущего», но указывал на его генетическую связь с понятием «художественный образ».

В данной работе под **образом будущего** понимается целостное, убедительное и непротиворечивое описание мира будущего, созданное писателем (художником, режиссером), которое вызывает глубокий эмоциональный отклик у читателя или зрителя.

Исследование образа будущего приобретает особую актуальность в периоды политической, экономической или социальной нестабильности, в моменты изменений в общественной жизни, в частности, при переходе к новым технологическим укладам, поскольку человеку крайне трудно адаптироваться к изменениям, если он не может представить свое место в новом мире и не способен мысленно моделировать действия, которые помогли бы ему вписаться в изменившуюся реальность.

Принятый человеком образ будущего может оказывать непосредственное влияние на его действия в настоящем. В частности российская исследовательница И. Желтикова отмечает: «То, как мы представляем свое будущее, оказывает самое непосредственное влияние на наши поступки, которые в свою очередь определяют приоритеты в осуществлении тех или иных линий вероятностей» [2, с. 17].

Отношения человека и Времени сильно различались в разные эпохи и у разных народов [3]. В мифологической картине мира доминирует представление о **циклическом времени** (калачакра) и вера в существование Золотого века в отдаленном прошлом. К образу **Золотого века** люди регулярно обращаются на протяжении всей истории, надеясь воскресить хотя бы отдельные элементы былой гармонии. На данный феномен обращал внимание М. Эдиадэ – он обнаружил подобные мотивы у народов, живущих в разных частях света [4]. Представления о Золотом веке, о «добрых старых временах» вовсе не чужды и современным людям, а идеология консерватизма вообще во многом базируется именно на нем [5].

Библейская культура принесла новый образ времени, который близок к идеям современной науки. Здесь время линейно и протекает от состояния с меньшей **энтропией** в сторону ее усиления. Философ XX в. Г. Рейнбах в своей классической работе «Направление времени» писал: «Направление времени определяется направлением энтропии, поскольку последнее проявляется в статистическом поведении большого числа отдельных систем, возникающих индивидуально в общем движении ко все более и более вероятным состояниям» [6, с. 185].

Библейская картина мира также открывается Золотым веком – пребыванием Адама и Евы в эдемском саду. А финалом существования мыслятся события, описанные в Откровении Иоанна Богослова. Именно в Библии идея предвидения будущего занимает совершенно особое место. Она настолько значима, что книги пророков до сего дня входят в канонический текст, при том, что в основном содержат предсказание событий, уже ставших для нас далеким прошлым.

От попыток предугадать, **предсказать** будущее человек постепенно переходит к попыткам это будущее **проектировать**. Пути рационального построения будущего отражены в классической утопии. Первоначально – неявно, поскольку

идеальное общество, описанное в первых произведениях этого жанра, отстоит от современников не во времени, а географически. Иногда утопические общества описываются как имевшие место на исчезнувших континентах в далеком прошлом (традиция, идущая еще от Платона), в других случаях действие происходит на таинственных островах, затерянных землях и т. д. [7]. Одна из первых утопий, действие которой отнесено в будущее – роман Л.-С. Мерсье «Год 2440» вышла в свет в конце XVIII в., в 1770 г. [8, с. 43].

Позднее представление об образе будущего, о путях возможного развития человечества и их философских основаниях развиваются параллельно представлениям ученых в области естественных и точных наук о природе пространства и времени, а также о теории вероятностей, поскольку идея будущего напрямую связана с представлениями о вероятности наступления событий [6]. Так, огромное влияние на культуру и мировоззрение людей XX – начала XXI в. оказали работы А. Эйнштейна, М. Планка, Э. Резерфорда, К. Гёделя, А. Н. Колмогорова.

Создано множество литературных произведений, фильмов и сериалов, где фигурируют путешествия во времени, различные временные парадоксы и иные коллизии, связанные с постэйнштейновским пониманием пространства-времени. Но все вышесказанное относится вовсе не только к художественной литературе. Черты научной прогностики и художественного осмысления будущего демонстрирует и прогностическая публицистика.

Научно-публицистические произведения о будущем создавались задолго до того, как возникла прогностика как наука. Часто их авторами были выдающиеся ученые. Так перу Д. И. Менделеева принадлежит работа «Заветные мысли» (1904–1905), в 1903 г. выходит работа И. И. Мечникова «Этюды о природе человека», а в 1907 г. – «Этюды оптимизма». Большое влияние на развитие культуры и науки оказали работы К. Э. Циолковского «Исследование мировых пространств реактивными приборами» (1926) и «Будущее Земли и человечества» (1928), труд П. Флоренского «Предполагаемое государственное устройство в будущем» (1930).

Из зарубежных авторов можно назвать «Год 2066» (1866) П. Гартинга, «Отрывки из будущей истории» (1896) Г. Тарда, «Через сто лет» (1892) Ш. Рише, «Завтра» (1898), «Города – сады будущего» (1902) Э. Говарда.

Нельзя оставить в стороне и **научно-политические трактаты**, которые также часто описывают возможные модели будущего развития общества. Например, в начале XX в. появляются работы теоретиков русского анархизма – М. А. Бакунина, князя П. А. Кропоткина, а также классиков марксизма-ленинизма и др.

Научная фантастика как метажанр формируется в XX в. Сам термин входит в обиход в 1914 г. благодаря выдающемуся популяризатору науки Я. Перельману. В англоязычном дискурсе термин «science fiction» дал писатель и изобретатель Х. Гернсбек в 1923 г.

Метажанр «научная фантастика» оказался необыкновенно продуктивным. В его русле появляются произведения разных видов искусства, не только литература, но и живопись, мультипликация, кино. А если рассматривать литературу, то разных родов: существуют научно-фантастические пьесы, повести, романы и даже поэзия.

В XX в. начинает активно развиваться еще одно научное направление, оказавшее огромное влияние на наше представление о разворачивании процессов во времени – **нелинейная динамика**. Одним из ее основоположников стал ве-

ликий русский ученый, математик А. Н. Колмогоров. Он создал математический аппарат, применимый для описания большого количества природных процессов, которые на первый взгляд развиваются непредсказуемо и не могут быть объяснены в терминах механистической картины мира. Позднее в развитие этой теории, которую в англоязычном дискурсе (а также в литературе и кино) принято называть «теория хаоса» внесли метеоролог Э. Лоренц, химик И. Пригожин, представители самых разных наук – от биологии и медицины до квантовой механики и астрофизики. Сегодня различные приложения этой теории объединены в широкое междисциплинарное направление – **синергетику**. Ее достижения используются в научной прогностике – от предсказания землетрясений и распространения эпидемий до описания различных социальных и социокультурных процессов.

В 70-х – 80-х гг. XX в. возникает **философия времени** Ричарда Рорти. В его работах неоднократно возникает идея сюжетности самого исторического процесса, точнее, наших представлений об истории [9]. Между тем Р. Рорти указывает, что таково лишь наше восприятие прошлого. В реальности исторический процесс куда более хаотичен, многие события в нем не всегда рационально объяснимы и могут истолковываться по-разному. «Человеческая история – это открытое пространство бесконечных трансформаций, интерпретаций и «переинтерпретаций», не обладающих внутренней связностью, не подчиняющихся какой-то необходимости или логической последовательности» [9, с. 74]. Не случайно именно непростые исторические периоды порождают примеры неординарного осмысления социально-философских проблем. Во многом это следствие упомянутых Р. Рорти «переинтерпретаций» истории, когда как результат появляется новая картина и прошлого, и настоящего (как отмечал А. Олсон в приведенной в начале статьи цитате), и – будущего.

С 90-х гг. XX в. на территории бывшего СССР с новой силой возрождается **политическая публицистика**. Многие политики выпускают книги, где так или иначе присутствуют прогнозы дальнейшего развития России, постсоветского пространства, а то и человечества в целом. Многие из них содержат и философское переосмысление ценностных установок общества, попытку обозначить новую аксиологическую парадигму, отражающую социальные и политические изменения.

Теперь, в отличие от советского периода, политический спектр работ становится очень широким. Появляются труды политиков, придерживающихся либеральных взглядов. Книги выпускает В. Новодворская «Над пропастью во лжи», «Прощание славянки» и др., Г. А. Явлинский «Периферийный авторитаризм. Как и куда пришла Россия», Е. Гайдар «Государство и эволюция». В 1998 г. В. В. Жириновский защищает диссертацию на соискание ученой степени доктора наук на тему «Прошлое, настоящее и будущее русской нации».

С другой стороны продолжают выходить труды сторонников социализма в разных его вариантах. Существуют работы монархистов, экологов, представителей различных экзотических социально-политических течений.

Особенно явно прогностическая составляющая выражена в публицистике А. Проханова и С. Кара-Мурзы [10].

Особый интерес как у российских читателей, так и у авторов вызывают позитивные сценарии, генетически связанные с утопической традицией, в то время как в других странах мы чаще наблюдаем различные антиутопические

предостережения и сценарии возможных катастроф. В этом плане ярчайший пример последних лет – Грета Тунберг. Т. Чернышова в статье «Русская утопия» отмечает, что на Западе сегодня не часто встречаются попытки создать идеальный образ завтрашнего дня своей страны. А в российской традиции «с вымышленной страной мы встречаемся весьма редко, чаще всего это всё же Россия, но изменившаяся, похорошевшая, избавившаяся от тех недостатков, которые видит в ней автор» [11, с. 120]. Не случайно знаменитый российский футуролог И. В. Бестужев-Лада в своей работе «Социальное прогнозирование» называет совокупность идей образа будущего процессом **эволюции утопизма** [12].

Действительно, можно говорить об определенной эволюции утопической мысли и – в целом – эволюции размышлений о будущем. С течением времени всё большую роль в них начинает играть рациональное начало. Сегодня мы имеем научную прогностику, с одной стороны, и научную фантастику – с другой. Первая создает различные сценарии, схематичные модели будущего развития событий в той или иной сфере (экономике, демографии, экологии и т. д.) вторая – художественные образы будущего. И нередко писатели улавливают общие тенденции развития более точно, чем ученые-прогнозисты. А случается, предвидят и конкретные открытия и технологии. И художественное, и научное осмысление будущего имеет общий источник – архаические представления о Золотом веке, о циклическом, а позднее – однонаправленном времени.

Представления о будущем меняются, вбирая в себя новые философские, научные, культурные концепции. Возможно, именно поэтому образы будущего имеют сильное влияние на мировоззрения людей и активно используются не только в художественном, но и в политическом дискурсе.

Список использованных источников

1. Polak, F. L. The image of the future (E. Boulding, Trans.) / F. L. Polak. – Amsterdam: Elsevier, 1973. – 320 с.
2. Желтикова, И. В. Исследования будущего и место в них концепта «образ будущего» [Электронный ресурс] / И. В. Желтикова // Философская мысль. – 2020. – № 2. – С. 15–32. DOI: 10.25136/2409-8728.2020.2.32302. – Режим доступа: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=32302.
3. Косарев, А. Философия мифа: Мифология и ее эвристическая значимость: учеб. пособие для вузов / А. В. Косарев. – М.: ПЕР СЭ; СПб.: Университетская книга, 2000. – 304 с. (Humanitas).
4. Элиаде, М. Избранные сочинения. Очерки сравнительного религиоведения / М. Элиаде. – М.: Ладомир, 1999. – 488 с.
5. Арефьев, М. А. Идеиные истоки и ценности русского консерватизма [Электронный ресурс] / М. А. Арефьев, И. Д. Осипов // Вестник ЛГУ им. А. С. Пушкина. – 2013. – № 2. – Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/ideynye-istoki-i-tsennosti-russkogo-konservativizma>. – Дата доступа: 12.02.2021.
6. Рейхенбах, Г. Направление времени: пер. с англ. / Г. Рейхенбах. – 2-е изд. стер. – М.: Едиториал УССР, 2003. – 360 с.
7. Шамякина, М. В. Утопия и научная фантастика: разграничение жанров / М. В. Шамякина // Актуальныя праблемы сучаснага літаратурнага працэсу: матэрыялы Рэсп. навук.-практ. канф., Брэст, 20 лістап. 2019 г. / Брэст. дзярж. ун-т імя А. С. Пушкіна; рэдкал.: Л. В. Леванцэвіч, Т. А. Кіскль, Н. Р. Якубук; пад агул. рэд. Л. В. Леванцэвіч. – Брэст: БрДУ, 2020. – 281 с.

8. Аинса, Ф. Реконструкция утопии / Ф. Аинса. – «Наследие» – Editions UNESCO Москва 1999. – 206 с.

9. Джохадзе, И. Неопрагматизм Ричарда Рорти / И. Джохадзе. – М: Эдиториал УРСС, 2001. – 252 с.

10. Солопова, О. А. Исследование моделей будущего России в политическом дискурсе [Электронный ресурс] / О. А. Солопова // Политическая лингвистика. – 2011. – № 3. – Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/issledovanie-modeley-buduschego-rossii-v-politicheskom-diskurse>. – Дата доступа: 12.02.2021.

11. Чернышова, Т. Русская утопия / Т. Чернышова // Сибирь. – Иркутск. – 1990. – № 6. – С. 118–120

12. Бестужев-Лада, И. В. Социальное прогнозирование / И. В. Бестужев-Лада, Г. А. Намесникова. – М.: Педагогическое общество России, 2002. – 217 с.

(Дата подачи: 26.02.2021 г.)

Я. С. Яскевич

Белорусский государственный университет, Минск

Ya. S. Yaskevich

Belarusian State University, Minsk

УДК 338

ВЫЗОВЫ ИНФОРМАЦИОННОГО ОБЩЕСТВА В КОНТЕКСТЕ ГЛОБАЛЬНОЙ КОММУНИКАЦИИ

CHALLENGES OF THE INFORMATION SOCIETY IN THE CONTEXT OF GLOBAL COMMUNICATION

В статье раскрываются радикальные повороты современной цифровой экономики, бизнеса и управления в условиях глобальной социальной коммуникации и вызовов информационного общества. Обосновывается тезис о необходимости быстрого реагирования системы образования на подготовку специалистов, способных работать в современном сетевом пространстве, обладающих междисциплинарными знаниями, умеющих сочетать организаторские и управленческие способности, технологические умения и креатив.

Ключевые слова: аналитика социальных медиа; глобальная социальная коммуникация; информационное общество; медиабизнес; социальная аналитика; управление; университетское образование; цифровая экономика.

The article reveals the radical changes in the modern digital economy, business and management in the context of global social communication and the challenges of the information society. The thesis is substantiated about the need for a rapid response of the education system to the training of specialists able to work in a modern network space with interdisciplinary knowledge, able to combine organizational and managerial abilities, technological skills and creativity.

Keywords: social media analytics; global social communication; information society; media business; social analytics; management; university education; digital economy.

В условиях информатизации общества глобальная социальная коммуникация становится феноменом, представляющим собой фундаментальное основание общественной жизни и профессиональной деятельности, прерогативой коммерческого и политического пространства, а также стимулом для развития научного

и образовательного пространства. Что происходит сегодня в сфере глобальной социальной коммуникации, какие изменения идут в экономике, бизнесе, образовании в связи с виртуализацией и цифровизацией современного социального пространства и как должна реагировать на эти вызовы информационного общества система образования? Эти вопросы требуют их осмысления и принятия соответствующих решений в различных сферах нашей жизни и социальной коммуникации.

В ответ на динамично развивающееся информационное общество и цифровую экономику сегодня формируется социальный заказ на исследование радикальных поворотов человечества, происходящих в сфере глобальной социальной коммуникации. Отметим, что в качестве отрасли научного знания, *науки о коммуникации*, коммуникационной науки, коммуникативистики, социальная коммуникация выделилась в самостоятельный объект социальных наук в связи с развитием технических средств передачи информации в 20-х годах XX века. Усложнение организационных условий передачи информации, использование технических средств при этом обусловили уменьшение непосредственного взаимодействия коммуникаторов и привели к необходимости специального изучения закономерностей функционирования информации в новых условиях существования социально-экономических и политических систем. Становление кибернетики, информатики, семиотики послужили хорошим стимулом для развития теории социальной коммуникации. В результате сформировалась *система знаний и деятельности по получению новых знаний о коммуникации*, теории и практике коммуникативной деятельности в различных сферах общества, в зависимости от социокультурных условий и специфики социального заказа от общества [1, с. 10].

Сегодня формируется *общее коммуникационное пространство*, пронизывающее все культуры, с общепринятыми правилами, нормами и стереотипами коммуникации. Глобальное коммуникационное пространство само создает правила, способы и условия коммуникации. Классическая эпоха локальных коммуникационных культур трансформируется в современной ситуации в *Глобальную Социальную Коммуникацию*. В результате заявляют о себе *новые модели экономики, бизнеса, управления и образования*. Глобальный мир выступает сегодня в виде определенной «мир-системы», «мир-экономики» (И. Валлерстайн).

Особенностью современных рынков в рамках цифровой экономики (как системы экономических, социальных и культурных отношений, основанных на использовании цифровых информационно-коммуникационных технологий) [2, с. 25], является возрастание скорости изменений и рост информационных потоков во внешней среде, вызывающие ускоренные изменения во внутренней структуре компаний и организаций.

Такие радикальные повороты связаны с тем, что сегодня весь мир – это глобальная сетевая и медийная площадка. Медиа – это уже не только печатные издания, радио и телевидение, но и огромное пространство социальных сетей, мобильных приложений, компьютерных игр. Для работы в этой новой среде нужны новые специалисты, творческие управленцы, которые понимают, что такое медиабизнес. Дело в том, что практически любой современный продукт, чтобы быть востребованным на рынке, должен попасть в медиaprостранство и стать в этом плане своего рода медиапродуктом, где он воссоздается и рекламируется не одним-двумя сотрудниками, а усилиями целых команд, состоящих из множества разных специалистов (художников, маркетологов, иных специалистов в области рекламы и пиара, программистов и т. п.). Таких специалистов

с междисциплинарными знаниями должна готовить современная система образования, быстро реагируя на вызовы информационного общества и предпринимая усилия по подготовке универсальных специалистов, своего рода координаторов больших проектов, способных стать их продюсерами, которым могут понадобиться не только менеджерские, но и другие междисциплинарные знания в сфере экономики, бизнеса, рекламы, права и ведения переговорного процесса. Сегодня нужны люди, способные из мозаики разных задач создать единый яркий и востребованный на рынке продукт и проект. Потребность в специалистах, умеющих работать в новом медиапространстве и обладающих как творческими и техническими, так и управленческими навыками на рынке очень высока.

Такого рода процессы вызваны бурным ростом цифровой экономики и информационных возможностей в сфере организации бизнеса, свободой предпринимательской деятельности и, как следствие, обострением рыночной конкуренции. В рамках сетевой экономики бизнес может существовать только в сетях, бизнес становится прозрачным и открытым.

Масштаб сетевого эффекта – снижение затрат на единицу произведенной продукции при распределении постоянных затрат на большее количество произведенной продукции. Основой для возникновения этих эффектов является **информация в форме знания**, на базе которого строится повторяемость процесса или происходит группировка элементов организационной структуры.

Особую актуальность сегодня приобретает **аналитика социальных медиа**, поскольку в социальных сетях содержится огромное количество информации о пользователях: демография, география, интересы, активность и др. Современному специалисту важно уметь собирать эту информацию, обобщать, визуализировать и использовать для повышения эффективности. Возникает потребность исследований по запросу кампаний на **комплексный анализ социальных медиа** по индивидуальным требованиям заказчика. Именно поэтому системе университетского образования необходимо уже сегодня динамично перестраиваться и готовить специалистов, которые, во-первых, в состоянии понимать устройство современной медиасреды, во-вторых, готовых так же быстро, как и эта среда, развиваться, в-третьих, которые могут выступать интеграторами самых разнообразных процессов. Современные медиа остро нуждаются в специалистах, которые могут сочетать организаторские способности, технологические умения и креатив. Наши выпускники должны овладевать технологией работы на самых разных платформах, в том числе и современных виртуальных медиа площадках – соцсети, блоги и т. д. Медиакоммуникационные междисциплинарные образовательные подходы и программы поэтому нужны для создания универсальных специалистов, умеющих делать все для успеха.

Современные сложные информационные процессы отражают реальные социальные взаимодействия отдельных субъектов сетевой экономики и, по сути, призваны обеспечивать социально-политическую и экономическую стабильность в обществе. На эти вызовы необходимо своевременно отвечать системе университетского образования. Студентов и магистров надо учить управлять медийными проектами, руководить медийным коллективом, привлекать аудиторию к созданию информационного и развлекательного контента, руководить процессом производства, рекламных роликов, видеороликов в Интернете, налаживать взаимодействие с различными организациями и учреждениями в рамках медийных проектов, эффективно искать и обрабатывать информацию

с помощью новейших технологий, обеспечивая тем самым экономическую и политическую стабильность в современном обществе.

Одним из важнейших трендов современного информационного пространства становится социальная аналитика. В свое время еще П. Сорокин утверждал, что *социальная аналитика* выступает первой частью теоретической социологии, изучая строение как простейших, так и сложных социальных явлений и процессов и их основных форм [3, с. 183]. Социальная аналитика – это широкое понятие, которое включает в себя различные техники специализированного анализа, например, социальное фильтрование, анализ социальных сетей, смысловой анализ и социальный медиа-анализ. Социальная аналитика сегодня оценивает, анализирует и интерпретирует результаты взаимодействия между различными людьми или группами людей. В условиях инновационных технологий предполагается, что контекстно-зависимые вычисления собирают информацию об окружении объекта, его деятельности, связях и предпочтениях для того, чтобы улучшить качество взаимодействия с конечным пользователем. Аналитики предсказывают, что в ближайшее время более половины крупных предприятий будет использовать такие вычисления, а одна треть мобильных устройств в мире будет работать на контекстно-зависимой основе. Это говорит о том, что наступает пора для третьей волны компьютерных вычислений, когда компьютеры незаметно становятся частью всей нашей жизни. В результате сети достигнут и превзойдут тот уровень, когда еще возможно традиционное централизованное управление сетями. Это приведет к появлению очень важной тенденции: компьютерные технологии будут «пронизывать» всю деятельность компаний и организаций, вне зависимости, управляют они или нет службой информационных технологий [4].

Современные коммуникационные технологии могут открыть доступ к информации всем желающим. Исследования в социальных медиа предполагают изучение опубликованного пользователями контента о вашем бренде, продуктах и конкурентах. Сегодня этот инструмент является одним из наиболее эффективных способов проведения маркетинговых исследований в плане затрат ресурсов. В цифровой экономике клиенты хотят взаимодействовать с предприятиями наиболее удобным для них способом, стремясь к взаимодействию с брендами. В результате взаимодействие становится бесшовным, универсальным, прямым, контекстным и персонализированным. Исчезает потребность в посредниках. Традиционная классическая экономика с ее принципами обмена постепенно идет к своему завершению.

Это свидетельствует о том, что один из вызовов современной экономике, экономической науке и системе образования связан с необходимостью проработки и включением в структуру научно-познавательной и образовательной деятельности новых ценностных смыслов и подходов социальной аналитики с набором таких направлений и дисциплин, как: *типология цифровых медиа, новые медиа-коммуникации в экономике, социологические методы исследования цифровых медиа и Интернета, блоггинг и социальные сети, новые медиа и политические коммуникации, технологии e-правительства, PR и реклама в Интернете, социальные проблемы компьютерных и онлайн-игр, для их последующей реализации в самых различных областях исследования – образовании, экономике, политике, бизнесе.*

Особую актуальность сегодня приобретает аналитика социальных медиа, поскольку в социальных сетях содержится огромное количество информации о пользователях: демография, география, интересы, активность и др. Современ-

ному специалисту важно уметь собирать эту информацию, обобщать, визуализировать и использовать для повышения эффективности. При этом социальная аналитика направлена на исследование следующих параметров: *изучение конкурентной среды*, что предполагает анализ упоминаний в социальных медиа в разрезе конкретной категории, определение популярных источников и значимых авторов, оценка позиций конкурирующих брендов; *анализ восприятия продуктов*, что предполагает изучение отношения потребителей к продуктам компании; поиск потребительских инсайтов, изучение тональности и содержания публикаций, выявление коммуникационных разрывов с заявленным позиционированием продуктов, сравнение с конкурентами; *оценку репутации*, т. е. определение мнения пользователей о компаниях, брендах, персонах, выявление ключевых обсуждаемых тем, степени лояльности потребителей, ключевых инфоповодов и степени их влияния на имидж компании; *создание портрета потребителей*, предполагающее сегментацию пользователей по разным критериям – демографические характеристики, уровень экспертизы, модели потребления, поиск лидеров мнений, адвокатов и противников брендов; *отслеживание кампаний* (количественный и качественный анализ эффективности рекламных кампаний, событий или значимых информационных поводов); *исследование по запросу*, что нацелено на комплексный анализ социальных медиа по индивидуальным требованиям заказчика [4]. Так, например, аналитическое исследование обсуждения закона о «Праве на забвение», проведенное компанией YouScan в социальных медиа, показало, что пользователи очень активно отреагировали на его принятие. Общественность была против нововведений в сфере регулирования интернета, аргументировав свою позицию различными причинами. В целом, общественность негативно восприняла данный закон, о чем свидетельствует 66 % упоминаний в негативной тональности, аргументируя это различными причинами. Подтверждает данный вывод также агрегированный учет голосов с разных открытых опросов, где 55 % пользователей высказались против его введения. С другой стороны, 10 % упоминаний из общего массива свидетельствуют о том, что «Право на забвение» позволит лучше защитить персональные данные пользователей и контролировать контент в интернете [5].

С помощью анализа социальных сетей можно проводить первичный поиск целевой аудитории, сегментированной по демографическому и географическому признаку. По мере глобализации мировой экономики, бурного развития сетевой экономики и ее цифровизации, активного использования информационных и телекоммуникационных технологий, лежащих в основе интеграции рынков и производительных сил, будут меняться модели бизнеса, управления и образования. Выявление специфики и задач глобальной социальной коммуникации и аналитики, их актуальности в цифровой экономике, политике, бизнесе, образовании, науке на современном этапе является ответом на социальный заказ и запросы современного информационного общества.

На передний план современной науки, политики, экономики выдвигаются междисциплинарные и проблемно ориентированные формы исследовательской и практической деятельности. Организация таких подходов во многом зависит от определения приоритетных направлений, финансирования, подготовки кадров, их управленческой культуры. Это обусловлено трансформацией глобальной мировой экономики, ее переходом к VI технологическому укладу, необходимым компонентом которого является инновационное развитие всех сфер

жизнедеятельности национальных государств – экономики, политики, управления [6, с. 3–10]. Наряду с этим выстраиваются методологические модели управленческой деятельности, опирающиеся на такие критерии, как рациональность, эффективность и продуктивность, ясность и согласие относительно поставленных целей, ибо только действия, достигающие цели или способствующее ее достижению, являются успешными в условиях инновационной экономики.

Современные модели принятия решений все в большей степени должны коррелировать с ценностно-ориентированными моделями менеджмента – управления развитием человеческого капитала на основе ценностей, изменения культуры организаций и компаний, индивидуализации структуры управления с акцентом на роль лидера в управлении персоналом, его личностных и эмоциональных качеств, установок на сотрудничество, понимание, согласие и высокий профессионализм. *Динамика менеджерских моделей демонстрирует сегодня инновационные прорывы от управления по инструкциям (Managingbyinstructions – MBI) к управлению по целям (Managingbyobjections – MBO) и, наконец, к управлению на основе ценностей (Managementbyvalues – MBV) [7].*

Необходимы рациональные и нравственные повороты в динамике модели управления на основе ценностей, индивидуализации в структуре управления через акцентацию роли лидера в управлении персоналом, личностное развитие руководителя, качества, развивающие сотрудничество, образующие социальный капитал, его эмоциональное воздействие.

Сегодня обладание солидным человеческим капиталом, стремление получить опытных и образованных сотрудников создает конкурентный рынок, а руководители, игнорирующие влияние персонала и корпоративной культуры, рискуют быть невостребованными. Эффективное управление персоналом становится ключевым показателем [8, с. 7–21]. Такие принципы управления персоналом, как разумное использование ресурсов компании, эффективные коммуникационные планы, гибкая корпоративная культура, основанная на сотрудничестве, четкая политика вознаграждений и отчетности, оказывают наибольшее влияние на акционерную стоимость, повышают корпоративную производительность, эффективность сотрудников компании и доход акционеров. Индекс человеческого капитала (HCI), оценивающий различные методы и принципы управления персоналом и принятия решений, подтверждает четкую взаимосвязь между эффективностью сотрудников компании и высоким доходом акционеров, как показывают исследования международной компании WatsonWyattConsulting [9].

Высокие личностные качества руководителей-управленцев, их привлекательный имидж и глубокий профессионализм создают основу развития эффективной экономики и бизнеса. «В бизнесе, как и в любом другом виде человеческой деятельности, особенно в высших ее проявлениях, высока роль личности. Именно от личности зависит выбор и принятие решения в важных и критических управленческих ситуациях, которые определяют, по какому пути пойдет основное развитие» [10, с. 618].

Рациональный и ценностно ориентированный выбор в экономике, бизнесе, управлении в идеале задает стратегию инновационного экономического развития общества, определяет его перспективные направления, социально-экономическую политику государства и соответственно детерминирует развитие экономической и социально-политической коммуникации, формирование так называемой «медийной инноватики» как междисциплинарного направления

современной культуры. Оно обеспечивает взаимосвязь процессов инноватизации и медиатизации современного информационного общества, его просвещение в области инновационной деятельности, задействование культурно-медийных ресурсов по формированию инновационной культуры [11, с. 43–51].

Таким образом, современная инновационная модель цифровой экономики и управления должна выстраиваться в контексте глобальной социальной коммуникации и аналитики, рациональности и наличия множества синергетических факторов, когда необходимо учитывать меняющуюся информацию о событиях, определять вероятность реализации многообразных вариантов принимаемых решений, ориентироваться на нравственные регулятивы и ценности, идеалы доверия, сотрудничества и ответственности. В условиях радикально меняющегося универсального, персонализированного, медийного рынка, возрастающей сложности, открытости, неопределенности и стремительной изменчивости делового мира, его глобальных технологических перемен косные, одномерно-линейные модели менеджмента с иерархическим управлением вступают в противоречие с системой деятельности современных компаний. Принятие управленческих решений в духе командно-административной практики, жесткой иерархии и безоглядного следования инструкциям не вписывается в логику современного бизнеса, требующего инновационного и творческого подхода, гибкой мобильности, ориентированности на корпоративную культуру и интересы клиента.

Список использованных источников

1. Яскевич, Я. С. Философские проблемы коммуникации: учебное пособие / Я. С. Яскевич. – Минск: Вышэйшая школа, 2018.
2. Ковалев, М. М. Цифровая экономика – шанс для Беларуси / М. М. Ковалев. – Минск: Изд. центр БГУ, 2018. – 327 с.
3. Сорокин, П. А. Общедоступный учебник социологии. Статьи разных лет / П. А. Сорокин. – М.: Наука, 1994. – 560 с.
4. Десять трендов аналитики социальных медиа в 2016 году [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.pvsm.ru/analiz-danny-h/116978>. – Дата доступа: 04.03.2017.
5. Право на забвение: реакция пользователей [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://youscan.io/2015/08/pravo-na-zabvenie/>.
6. Шимов, В. Н. Направления структурной трансформации промышленного комплекса страны в контексте мировых тенденций / В. Н. Шимов // Научные труды Белорусского государственного экономического университета. – Минск: БГЭУ, 2010. – С. 3–10.
7. Долан, С. Управление на основе ценностей. Корпоративное руководство по выживанию, успешной жизнедеятельности и умению зарабатывать деньги в XXI веке / С. Долан, С. Гарсия – М.: Претекст, 2008. – 313 с.
8. Веряскина, В. П. Управление развитием человеческого капитала: модели менеджмента и практика / В. П. Веряскина // Философские науки. – 2012. – № 6. – С. 7–21.
9. Oliver, J. Invest In People and Profitability and Productivity, Management Today (1998, March) – Tsupport@Bellhowell, inforlearning – com.
10. Литвак, Б. Г. Великие управленцы: монография / Б. Г. Литвак. – 2-е изд., доп. – М.: Наука-Пресс, 2006. – 774 с.
11. Залесский, Б. Л. Медийная инноватика: взгляд в будущее / Б. Л. Залесский // Materiały VIII Międzynarodowej naukowo-praktycznej konferencji «Europejska nauka XXI powieka – 2012» Volume 12. Filologiczne nauki: Przemysł. Nauki i Studia. – С. 43–45.
(Дата подачи: 26.02.2021 г.)

ЭКОНОМИЧЕСКИЕ НАУКИ

Л. И. Архипова

Белорусский государственный университет информатики
и радиоэлектроники, Минск

Л. Ф. Медведева

Академия управления при Президенте Республики Беларусь, Минск

L. I. Arhipova

Belarusian State University of Informatics and Radioelectronics, Minsk

L. F. Medvedeva

Academy of Public Administration under the aegis of the President
of the Republic of Belarus, Minsk

УДК 005.9:004.9

ПРИНЦИПЫ AGILE В ЦИФРОВОЙ ТРАНСФОРМАЦИИ БИЗНЕСА

AGILE PRINCIPLES IN DIGITAL BUSINESS TRANSFORMATION

В статье обосновывается актуальность и целесообразность внедрения в управление организациями цифровых платформ гибких интеллектуальных информационно-аналитических систем на примере Agile методологии, объединяющей персонал, технологии и ресурсы в единый высокоэффективный проект. В статье представлены основные принципы Agile, основные характеристики методологии Agile Manifesto, показано, как в Agile методологии успешно сочетаются принципы тайм-менеджмента, Scrum, Lean и Kanban технологий. В статье решается научно-практическая задача – определить совокупность современных инструментов, способных обеспечить эффективное управление бизнес-процессами цифровой экономики.

Ключевые слова: цифровая динамика; методология и принципы Agile; мотивированный человеческий потенциал; каскадная модель Waterfall; итерационная модель Scrum; Backlog Management; Lean; Kanban; SAFe.

The article substantiates the relevance and expediency of implementing flexible intelligent information and analytical systems in the management of organizations of digital platforms by the example of the Agile methodology, which combines personnel, technologies and resources into a single high-performance project. The article presents the basic principles of Agile, the main characteristics of the Agile Manifesto methodology, shows how the Agile methodology successfully combines the principles of time management, Scrum, Lean and Kanban technologies. The article solves the scientific and practical problem of identifying a set of modern tools that can provide effective management of business processes in the digital economy.

Keywords: digital dynamics; Agile methodology and principles; motivated human potential; Waterfall cascade model; iterative Scrum model; Backlog Management; Lean; Kanban; SAFe.

Цифровая трансформация бизнеса определяется сегодня парадигмой цифровой динамики, которая может быть охарактеризована скоростью, адаптивностью,

согласованностью, масштабностью, точностью. Каждая из пяти характеристик цифровой динамики подразумевает особенности, которые не могут быть учтены и реализованы с использованием традиционных подходов управления [1].

Скорость – в данном случае предполагается скорость изменения потоков информации, рынка, конкуренции, ожиданий и возможностей.

Адаптивность – свойственно всему, что является цифровым или имеет цифровую поддержку: виртуальное представительство, платформы, алгоритмы, контент, коммуникации, web-аналитика, моделирование цифровых объектов, бизнес-модели.

Согласованность – целостность, непрерывность и неразрывность информации, которая обеспечивается цифровыми технологиями и доступна практически всем участникам рынка в режиме реального времени, сокращает и устраняет информационную асимметрию, которой пользовался деловой мир до цифровой эпохи.

Масштабность – увеличивается жизненный цикл цифровых объектов и контента, экспоненциально растет объем хранения и распространения информации, повсеместно цифровые алгоритмы автоматизируют процессы, ранее выполнявшиеся людьми. На стыке цифрового и физического мира появляются ограничения масштабируемости, управление которыми требует выработки новых методов и подходов.

Точность – методы и инструменты web-аналитики и развитие программных средств сквозной аналитики дают возможность иметь точную количественную оценку объектов, процессов, решений в их взаимосвязи (часто в режиме реального времени).

Цифровая трансформация бизнеса по своей природе определяет цифровую динамику и учитывает ее в поиске современных управленческих подходов, обеспечивающих принятие решений на базе масштабной и быстро обновляющейся информации, характеризующейся достаточно высокой точностью [2].

Для решения актуальной проблемы по внедрению цифровых технологий в бизнес-процессы необходимы *одновременные изменения* по трем ключевым направлениям [2; 3]:

1) *использование клиентского опыта* или требований и ожиданий клиентов, а также цифровых возможностей организации по их реализации, так как обслуживание клиентов является катализатором и движущей силой основных усилий по цифровой трансформации;

2) *преобразования в операционной деятельности организации* и, прежде всего, автоматизацией и переводом многочисленных функций и процессов в цифровые форматы, объединяющие и оптимизирующие внутренние взаимодействия, и бизнес-процессы, связанные с внешними активностями и коммуникациями;

3) *изменения бизнес-модели*, обеспечивающей формирование потоков дохода, в том числе и за счет применения цифровых технологий. Что является *первичным* и прорывным в данных преобразованиях и чем заявленные процессы отличаются от известных IT-решений и интернет-технологий, внедряемых организациями в последние 20 лет? Ответ один – комплексность.

Фактически такие возможности для управления обеспечивают гибкие технологии, построенные на принципах методологий Agile и Lean production, за счет чего достигается высокая степень адаптивности бизнеса в условиях цифровой трансформации

Agile (подвижный, проворный) – термин, который в последнее время повсеместно используется практиками и исследователями эффективного бизнеса. В чем сущность и растущая популярность Agile? Сфокусируемся на двух определениях, представленных в Оксфордском словаре [5]:

- Able to move quickly and easily (быть в состоянии легко и быстро двигаться).
- Able to think and understand quickly (быть в состоянии быстро думать и понимать).

Исходя из определения, чтобы быть Agile, необходимо иметь способность быстро двигаться и быстро думать, чтобы принимать своевременные решения в различных видах деятельности. Учитывая высокую динамику конкурентных рынков и условий неопределенности, которые генерируются огромными потоками информации, эти качества становятся неотъемлемыми управленческими атрибутами современного бизнеса. В таких условиях способность быстро адаптироваться к изменениям даёт гибкая методология Agile и ее интеграция с современными технологиями менеджмента, включающими Lean-production, TQM, Шесть сигма, TOC и др. [4].

Методология Agile «родилась» в IT-бизнесе как система идей и принципов гибкого *управления проектами*. Разработчики и практики данного подхода создали AGILE MANIFESTO – манифест разработки программного обеспечения, основополагающие принципы которого представлены в виде четырех постулатов (рис. 1) [5; 6].

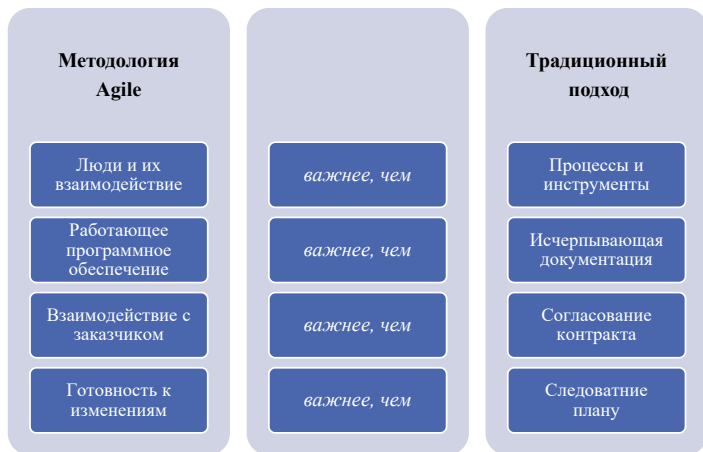

Рис. 1. Сравнительная характеристика традиционного и Agile подходов в проектном менеджменте (адаптировано)

Необходимо обратить внимание на то, что этот подход не отрицает традиционный, а только обозначает приоритизацию действий и процедур. Agile-манифест не содержит конкретных практических советов, его сущность заключается именно в наборе постулатов и принципов, на которых базируется гибкость применяемых методов. Agile-принципы подчеркивают важность соответствия всех действий здравому смыслу.

Проанализируем более детально каждый постулат манифеста.

Принцип 1: Люди и взаимодействие важнее процессов и инструментов. Нельзя интерпретировать этот принцип только с точки зрения важности людей, а не инструментов. Принцип декларирует в качестве приоритета то, как люди взаимодействуют между собой, пользуясь различными технологиями и инструментами. В традиционном подходе все фокусируется на программах и процессах, которые используются в проектах для достижения цели, а в Agile фокус смещен на развитие человеческого потенциала и способности решать задачи, работая в командах.

Принцип 2: Работающий программный продукт важнее исчерпывающей документации. Этот принцип не отрицает требование по наличию документации и договоров. Документация необходима и важна как в разработке, так и в бизнесе. Однако, в наибольшей степени, более ценным является программный продукт, который получит клиент и сможет им пользоваться для решения своей проблемы. Именно с этой точки зрения необходимо рассматривать приоритет продукта над формальной документацией.

Принцип 3: Взаимодействие с заказчиком важнее согласования условий контракта. Если традиционный подход (в большинстве своем) предполагает сотрудничество исполнителя и заказчика только на стадии согласования документации (требований) и контракта (условий), а также на последней стадии сдачи проекта, то Agile предполагает двухстороннее взаимодействие на протяжении всего проекта. Важно по ходу выполнения любого проекта поддерживать обратную связь с заказчиком (клиентом) – «слышать голос клиента – VoC» для возможности внесения изменений в продукт до его коммерческого завершения. Причем, сотрудничество исполнителя и заказчика обеспечивается на базе технологии Scrum, которая исключает иерархии и предполагает установление партнерских отношений, что способствует более быстрому созданию работающего продукта.

Принцип 4: Готовность к изменениям важнее следования первоначальному плану. В основу этого принципа заложена ключевая идея Agile – проект должен выполняться короткими итерациями (циклами), в конце каждой из которых должна проводиться сверка достигнутого результата по выполнению определенного фрагмента или блока, имеющего реальные результаты, которые создают ценность и обеспечивают выгоду заказчику. Цель данного подхода – команда и заказчик должны оценить «правильность» будущего продукта и, если есть необходимость, вносить согласованные с командой изменения в проект по ходу его разработки. Наивысшая ценность успеха Agile – это взаимодействие людей, а также мотивированность всей команды и каждого ее члена.

На основании Agile-манифеста сформулированы двенадцать «рабочих» принципов методологии, которые раскрывают сущность подхода к созданию и реализации проектов в бизнесе (таблица 1) [5–7].

Несмотря на то, что в манифесте прописано, что Agile – это методология разработки программного обеспечения, описанные принципы и технологии сегодня широко востребованы бизнесом и проектами, не связанными непосредственно с разработкой программных продуктов. Гибкие методы можно применять к более широкому кругу задач и использовать везде, где существует высокая неопределенность конечного результата, критичны сроки и стоимость разработки.

Таблица 1

Принципы методологии Agile и их сущность

Принципы	Описание сущности
1. Приоритет – удовлетворение потребностей заказчика за счет ранней поставки продукта	Соответствие этому принципу обеспечивают гибкие итеративные технологии
2. Изменение требований проекта возможно даже на поздних этапах проекта	Agile-процессы позволяют вносить изменения на всех стадиях проекта для обеспечения заказчику конкурентного преимущества
3. Работающий продукт следует выпускать с периодичностью от недель до месяцев	Разработка версий MVP (минимально жизнеспособного продукта) позволяет внедрять изменения в проект по ходу разработки
4. На протяжении всего проекта разработчики и представители бизнеса должны постоянно обмениваться информацией	Этот принцип обеспечивает управление изменениями – команда выясняет особенности функций, встраивает их по обратной связи в предыдущую итерацию
5. Над проектом должны работать профессионалы: представители бизнеса и команда разработчиков	Для создания хорошего продукта команда должна постоянно получать доступ к каналам информации с рынка
6. Проекты должны строиться с учетом мотивированности исполнителей	Прямое общение является мотиватором – способом обмена информацией внутри команды и с внешним окружением
7. Работающий продукт рассматривается как основной показатель прогресса	Предоставление работающей версии или инкремента продукта после каждой итерации поддерживает доверие к команде и подтверждает прогресс проекта
8. Инвесторы, разработчики и клиенты должны поддерживать постоянный ритм проекта	Agile-команды обеспечивают устойчивый процесс разработки: планируют задания, которые реально можно выполнить за выделенное для них время
9. Постоянное внимание к техническому совершенству и качественной архитектуре повышает гибкость проекта	Agile-разработчики приобретают навыки, помогающие им создавать качественный продукт
10. Простота – в умении не делать «лишней» работы (lean)	Если функция не является ценной для клиента, то в долгосрочной перспективе для компании дешевле ее не создавать
11. Лучшая архитектура и технические решения создаются в самоорганизующихся командах	Вместо создания проекта в виде единой конструкции, сразу учитывающей все требования, Agile-архитекторы используют инкрементальный дизайн с актуализацией требований
12. Команда должна постоянно настраивать и корректировать свои действия	Agile-команды отслеживают «работу» проектов, используя полученные знания и навыки для будущих улучшений, корректируя работу не в конце проекта, а по мере необходимости

Таким образом, можно констатировать, что применение методов и инструментов Agile в управлении организацией способствуют активному использованию возможностей мотивированного человеческого потенциала, а также обеспечивают более эффективное использование финансовых и временных ресурсов за счет того, что они [8; 9]:

1. *Фокусируют команду на потребностях и проблемах клиентов.* Все участники процесса должны знать, кто является клиентом, какие проблемы клиента решает разрабатываемый продукт, какие существуют ограничения и опасения у клиента и т. д. Такое понимание и фокусировка позволяют создавать более качественные решения.

2. *Совершенствуют организационную структуру и процессы создания ценности.* Принципы Agile нацеливают организацию на упрощение взаимодействий с минимизацией иерархий. Организационная структура управления и процессы должны быть, по возможности, простыми и понятными. Это позволит командам фокусироваться на работе и ценности, которую они создают для клиента, а не на выполнении регламентов и правил.

3. *Обеспечивают выполнение проектов короткими циклами.* Проекты выполняются короткими циклами – применяется итеративно-инкрементальный подход. Сущность такого подхода – в конце каждого временного цикла создается *промежуточная версия работоспособного продукта* или его фрагмента, который может оценить пользователь. Короткие циклы проекта позволяют контролировать его прогресс и своевременно вносить коррективы в случае конструктивного или временного разрыва.

4. *Используют обратную связь для совершенствования продукта.* В условиях цифровой трансформации бизнеса стратегически важными являются три направления преобразований: *пользовательский опыт, бизнес-модель (ключевые бизнес-процессы), операционная деятельность (процессы)*. Рыночный успех продукта, в первую очередь, определяется его соответствием потребительским запросам. Организация обратной связи, по установленным процедурам и каналам взаимодействия, дают гарантированную информацию по качеству продукта и его соответствию ожиданиям клиентов. В практике Agile это требование обеспечивается непосредственным обсуждением заказчика и команды разработчиков на сессиях, завершающих короткий цикл разработки фрагмента будущего продукта. Демонстрация работоспособного фрагмента и его апробация (критика – одобрение – оценка) дают информацию для перехода к следующей итерации с учетом мнения заказчика. Завершающим этапом таких встреч (сессий) является разработка кросс-функциональной командой плана работ на следующий регламентированный цикл разработки.

5. *Предполагают повышение полномочий и ответственности сотрудников.* Команда получает полномочия по самостоятельному решению проблем, связанных с разработкой конечного продукта, – это их прерогатива. Задается уровень – что сделать. А как сделать – это решение команды, которая вместе с полномочиями принимает на себя ответственность за результат. Причем, важно отметить, что принятие командой решений исключает вероятность их длительного согласования по иерархии управления. Это сокращает время реализации проектов.

6. *Представляют собой образ системного мышления.* Применение Agile необходимо рассматривать как путь для достижения локальной или масштабной цели, когда все понимают, что процесс улучшения непрерывен и всегда имеется

возможность улучшить продукт для клиента, при этом учитывается и составляющая целесообразности, которую диктует рынок (в данном случае клиент). Подход не требует от менеджмента усилий, чтобы что-то улучшить или изменить – команда во взаимодействии с пользовательским опытом и целесообразностью действий нацеливается на создание требуемого продукта. Принятие самостоятельных решений командами в процессе разработки (в рамках итераций по созданию конечного продукта) повышает самооценку специалистов и их мотивированность.

Процесс управления проектами в данном случае состоит из организации всех стадий разработки: от формулирования идеи продукта до его рыночного тестирования и вывода на рынок с дальнейшим масштабированием.

Задача руководства – выбрать наиболее эффективный подход для конкретного продукта и бизнеса, организовать команду, предоставить необходимые ресурсы, нацелить команду на максимально быструю демонстрацию минимально жизнеспособного продукта или инкремента.

Реализацию подхода Agile в менеджменте и бизнесе поддерживают и усиливают стандарты менеджмента качества ИСО 9000, в основе которых лежат идеи и положения теории всеобщего менеджмента качества TQM и которые декларируют такие принципы как: сфокусированность на клиенте; лидерство; максимальное вовлечение сотрудников; процессный и системный подход; внедрение непрерывных улучшений; принятие решений, основанных на фактах и показателях в виде ССП – сбалансированной системы показателей; формирование взаимовыгодных отношений с поставщиками для создания ценности для клиентов. На принципах теории всеобщего менеджмента качества построена система разработки, представленная каскадной моделью, которая сегодня по отдельным направлениям усиливается, а иногда и конкурирует с Agile-подходом, который выстраивается на итерационной модели Scrum [4].

Сравнительная характеристика Scrum и классического подхода в разработке проектов представлена в таблице 2.

Таблица 2

Характеристика методов Waterfall и Scrum

Waterfall – каскадная модель	Scrum – итерационная модель
Все требования известны и задокументированы, не изменяются	Требования могут изменяться по ходу проекта
Наличие подробного ТЗ	Бэклог (перечень задач на итерацию)
Тестирование продукта в конце разработки	Тестирование после каждой итерации
Негибкая модель	Гибкая модель
Готовый продукт предъявляется заказчику в конце проекта	Заказчику предъявляется работающая часть продукта после первой итерации
Клиент не видит промежуточный вариант до окончания проекта	Клиент видит промежуточный вариант и может инициировать изменение
Модель трудно адаптируется к цифровой динамике – не соответствует особенностям цифрового рынка	Соответствует особенностям цифровой динамики: скорость, адаптивность, согласованность, масштабность, точность

В реальном исполнении Agile можно рассмотреть на примере гибкой технологии разработки Scrum, которая представлена системой построения команд, взаимодействующих со стратегическим и операционным уровнями управления и, одновременно, с конкретными заказчиками проектов [10; 11].

Scrum следует принципам Agile и помогает решать изменяющиеся в процессе работы задачи, чтобы своевременно поставлять клиентам продукты с максимально возможной ценностью. С точки зрения управления проектами, технология Scrum определяет три роли: Product Owner (собственник продукта или представитель заказчика (Product Owner), Scrum Master (scrum мастер или действующий тренер/менеджер команды) и Development team (команда разработчиков).

Инструментом гибкого управления в Scrum является серия спринтов, длительность которых составляет одну-четыре недели в зависимости от сложности проекта. Каждый спринт включает в себя *планирование командой времени и скорости разработки* прототипа продукта (MVP) или его фрагмента (инкремента), а также проведение анализа и оценки информации по обратной связи с представителем заказчика (Product Owner). Во время спринта выполняются задачи (Sprint backlog) из полного списка работ по проекту (Product backlog), то есть, это не навязывание команде задачи, а выбор самой команды, учитывающий опыт и компетенции, что подчеркивает самоорганизацию команды. Планирование работ должно удовлетворять следующим принципам:

- соответствовать конкретной задаче и иметь детализацию;
- иметь описанные критерии для точной оценки выполнения задачи;
- быть производным (частью) решения основной задачи;
- учитывать приоритизацию важности и срочности выполнения задач.

На рисунке 2 продемонстрирована последовательность выполняемых процедур в Scrum-процессах, где product backlog представлен задачами разделов проекта, а в sprint backlog вносятся конкретные задачи для каждого последовательного спринта [10–13].

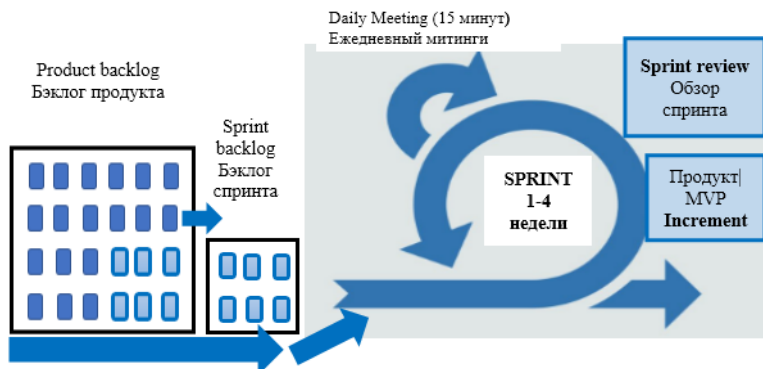

Рис. 2. Блок-схема ключевых scrum-процессов

В процессе разработки кросс-функциональная команда общается с заказчиком и информирует его о ходе разработки. Критические замечания и промежуточные одобрения заказчиков обеспечивают непрерывность улучшений

по ходу выполнения спринтов. По результатам спринтов в мини-проекты вносятся изменения, инициируемые заказчиком. Эти изменения считаются нормальной процедурой, которая учитывает изменения рынка и, соответственно, требований к продукту.

По завершению очередного спринта у команды есть минимально жизнеспособный продукт (с ограниченным функционалом), условно функционирующий прототип или его презентация, которые рассматриваются и обсуждаются на sprint-обзорах.

В обзоре спринта (sprint review) командой и заинтересованными сторонами рассматривается результат или *что* было сделано, а обзор ретроспективы спринта (sprint retrospective) является только командным мероприятием, на котором выясняется, *как* сделано: что «хорошо», что «пошло не так», что надо улучшить в следующем спринте.

Далее результаты работ по мини-проектам (спринтам) окончательно собираются в готовый продукт, предъявляемый заказчику по контракту.

Технология Scrum, как правило, использует встроенную систему Kanban, которая является неотъемлемой частью Lean-методологии и хорошо согласуется с принципами Agile. Можно выделить ряд преимуществ применения kanban-подхода в бизнес-проектах [11; 13].

1) *Командность*. Подразумевается расстановка приоритетов и контроль ситуации посредством инструмента «канбан-доска», которая позволяет визуализировать задачи и степень вовлеченности в реализацию проекта каждого члена команды по стадиям: перечень задач к выполнению (today), задачи в работе (in progress), выполненные задачи (done).

2) *Фокусирование на задачах*. Многозадачность в системе канбан предполагает ограничение одновременно выполняемых заданий каждым членом команды, благодаря этому специалист может максимально сосредоточиться и фокусировать усилия на выполнении очередного задания.

3) *Управление загрузкой*. Менеджер может быстро оценить загрузку каждого специалиста и, в случае необходимости, перераспределить ресурсы.

4) *Мотивация*. Канбан не устанавливает промежуточные сроки, именно поэтому команда должна быть опытной и мотивированной на достижение конечного результата.

Как уже отмечалось, Agile, Scrum и Kanban ассоциируются в первую очередь с IT-разработкой, хотя сегодня все принципы и преимущества описанных технологий широко используются компаниями в комплексной трансформации бизнеса. На практике эти технологии обычно используются как микс – выбираются подходящие инструменты и техники, в наибольшей степени соответствующие продукту и бизнесу, их принято называть гибкими методами управления Agile.

Фактор гибкости является ключевым для бизнеса в принятии решений. Это одно из требований цифровой трансформации. *Комплексная трансформация бизнеса* предполагает, в первую очередь, изменение всей корпоративной культуры. В процессе трансформации компания переходит к тому, что на каждом уровне, начиная от генерального директора и заканчивая рядовыми сотрудниками, работа строится через призму создания ценности для клиента и понимания целей и задач бизнеса в целом, а не отдельно взятого отдела, направления, продукта и т. д.

При трансформации прививается культура постоянного улучшения и непрерывной поставки ценности клиентам, что, в свою очередь, становится возможным благодаря формированию процедур получения обратной связи и достижения максимальной прозрачности процессов.

Трансформация меняет схему подчинения и роли внутри компании, так как основной бизнес-единицей становятся небольшие по численности, самоорганизующиеся кросс-функциональные команды, которые полностью ответственны за определенный продукт и использование клиентского опыта.

В своей сущности методология Agile подразумевает итеративную разработку проекта (продукта), что позволяет *минимизировать риски выхода продукта на рынок*.

Можно выделить несколько *факторов*, которые необходимо учитывать при внедрении методологии Agile:

1. Заказчик должен быть готов на регулярной основе взаимодействовать с командой разработчика и выделять для этого достаточно времени.

2. Разработчик и заказчик должны быть готовы к быстрому запуску минимально жизнеспособного продукта и его дальнейшей доработки.

3. Организация-разработчик должна понимать, что в условиях неопределенности недостаточно четко определены долгосрочные планы заказчика и возможно только среднесрочное планирование.

4. Разработчик должен учитывать риск того, что в проекте может быть не совсем четко определен ожидаемый результат, так как заказчик может недостаточно хорошо представлять себе конечный продукт.

5. Разработчик и заказчик должны быть готовы к тому, что будет достаточно сложно определить конечный бюджет и сроки инновационного проекта.

Способность к взаимодействию, личностные и профессиональные характеристики команды выступают в качестве основного элемента реализации принципов Agile. Для того, чтобы перейти на методологию Agile, необходимо создать ряд поддерживающих процедур в менеджменте и бизнесе (таблица 3).

Таблица 3

Процессы и процедуры, поддерживающие Agile

Процессы и процедуры	Менеджмент	Бизнес
Система ценностей и компетенций организации	+	+
ОСУ с элементами проектного типа	+	
Система и процедуры внесения изменений в проекты	+	+
Гибкая система подбора и обучения персонала	+	
Система мотивации профессионалов	+	
Процедуры формирования команд	+	

Бизнес-команды организации должны быть мобильными и участвовать в предоставлении и поддержке инновационных бизнес-решений одновременно в нескольких проектах. Бизнес-команды принимают Agile-ценности, принципы и практики, которые соответствуют их обязанностям, корректируют (адаптируют) существующие процессы, постоянно развиваясь.

Как использовать Agile в практике бизнеса? Чтобы преодолеть разрыв между ценностями и принципами Agile, с одной стороны, а также методами

и практиками Agile – с другой, в преобразованиях важно выйти за рамки «механического» следования Agile и сформировать мышление, нацеленное на эффективную трансформацию. Изменение степени мышления подразумевает следующее – гибко мыслить и принимать решения, основываясь на своем опыте, опыте участников команды и дополнительной информации о рынке (total experience).

Внедряя методы Agile, компании открывают новые возможности за счет:

- изменения модели мышления у сотрудников и руководителей;
- создания новой коммуникационной среды;
- создания новых форматов взаимодействия сотрудников и клиентов.

А новые возможности соответственно способствуют достижению долгосрочных целей компании в более короткие сроки с требуемыми финансовыми показателями. При этом следует помнить, что разработка стратегии и планирование остаются базовыми требованиями любой системы управления, стадии которой представлены на рисунке 3.

Рис. 3. Стадии формирования Agile-бизнеса

Формирование цифровой зрелости организации и выход на Agile-бизнес происходят от изолированности частного применения цифровых технологий до их синхронизации и интеграцию в общую архитектуру бизнеса для достижения состояния Agile-бизнеса.

Дальнейшее развитие методологии Agile получило в SAFe (Scaled Agile Framework). SAFe рассматривается как системная масштабированная платформа для разработки программного обеспечения и (или) других продуктов/проектов, позволяющая использовать принципы Agile и Lean методологий в больших компаниях, реализующих одновременно множество проектов. Scaled Agile Framework рассматривается в бизнес-практике как платформа набора методик, процессов и шаблонов, основу которой составляют три ключевых блока, представленных такими концепциями, как:

- гибкая (agile) разработка проектов;
- «бережливая» (lean) разработка продукции;
- системное мышление на принципах менеджмента всеобщего качества (TQM) и стратегическое планирование на базе сбалансированной системы показателей, определяющих цели и задачи управления и бизнеса.

Этот факт подтверждается интеграцией методологии Agile с методологией управления Lean Production, включающей в себя широко используемые методики JIT, Kanban, Kaizen, 5S и др. [4].

Интеграция методов и инструментов трех концепций на единой платформе позволяет структурировать систему управления в организациях, занимающихся не только разработкой программных продуктов, но и проектов в других отраслях. Это является базой и предпосылкой для того, чтобы создать единое руководство и распределить роли и обязанности, описать способы планирования и управления проектами, сформулировать и закрепить внутренние ценности и ценности организации по отношению к клиентам [14].

Встраивание основных принципов Lean в Agile создает гибкую платформу для их использования в управлении современными организациями по созданию ценности для клиентов в условиях трансформации бизнес-моделей, использовании клиентского опыта и в операционных цифровых преобразованиях, объединяя организационную структуру, IT-инфраструктуру и бизнес-архитектуру.

Интегрированные принципы SAFe Lean-Agile представляют собой системный подход в создании ценности для клиента в условиях клиентоцентричности бизнеса и рекомендуют руководствоваться десятью интегрированными принципами: придерживаться экономического взгляда; применять системное мышление; предусматривать внесение изменений в виде опций; осуществлять инкрементальные поставки с быстрыми циклами обучения, встроенными в процесс; учитывать, что циклы определяются только объективной оценкой работающих систем; визуализировать и ограничивать количество работ WIP (Work in Process), уменьшать объем работ и длину очереди; придерживаться ритма движения (такты); синхронизировать кросс-командное планирование; задействовать внутреннюю мотивацию сотрудников; децентрализовывать принятие решений; фокусироваться вокруг ценности для клиента (обеспечивая клиентоцентричность) [14].

SAFe объединяет на одной платформе все категории, требуемые в цифровой трансформации бизнеса: видение, стратегии развития бизнеса, формирование и развитие бизнес-портфеля, бизнес-модель, технологии и принципы Lean, ключевые бизнес-процессы, гибкие технологии (agility), операционный уровень управления проектами, бюджетирование, пользовательский опыт и др. Платформа SAFe позволяет решить главную проблему повышения эффективности управления организации – обеспечивает синергетический эффект управления, *объединяя технологии современного менеджмента и цифровые технологии*, делая возможным перенос опыта IT-индустрии в другие сферы деятельности, включая реальный сектор экономики.

Таким образом, Agile как гибкий метод управления вышел за пределы IT-сферы, он нужен в госсекторе, его начали внедрять в самых разных организациях, прежде всего часть методов Agile, то есть Scrum, Kanban и другие подходы, адаптируя их к существующей культуре организации в условиях цифровой трансформации бизнеса. Главное достоинство использования методологии Agile заключается в том, что она позволяет заказчику постоянно следить за движением проекта и корректировать направление, чтобы прогнозы становились более реалистичными, – это и обеспечивает эффективное сотрудничество IT и бизнеса в решении проблем и достижении возможностей.

Список использованных источников

1. *Бринкер, С.* Agile-маркетинг. Хакерские практики для эффективного бизнеса / С. Бринкер. – М.: Манн, Иванов и Фербер, 2019. – 272 с.
2. *Архипова, Л. И.* От цифровой трансформации к цифровому бизнесу: проблемы управления / Л. И. Архипова, Л. Ф. Медведева // Научные труды Республиканского института высшей школы, вып. 19. – 2020. – Минск: РИВШ, 2020. – С. 335–343.
3. *Медведева, Л. Ф.* Особенности цифровой трансформации и процессов внедрения IT-решений в организации / Л. Ф. Медведева // XVII Международная науч.-практ. конференция «Управление информационными ресурсами» (12 мар. 2021 г.): сб. науч. ст. – Минск: Акад. упр. при Президенте Респ. Беларусь, 2021. – С. 106–108.
4. *Медведева, Л. Ф.* Стратегический менеджмент бизнес-процессов предприятия / Л. Ф. Медведева, Л. И. Архипова // Проблемы управления. – 2018. – № 1 – С. 53–60.
5. Основопологающие принципы Agile-манифеста [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://agilemanifesto.org/iso/ru/principles.html>. – Дата доступа: 15.01.2021.
6. Принципы гибкой методологии управления проектами Agile: почему люди важнее бюрократии [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://te-st.ru/2017/07/06/principles-of-agile/>. – Дата доступа: 15.01.2021.
7. 12 принципов гибкой разработки программного обеспечения [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.cossa.ru/288/164520/>. – Дата доступа: 15.01.2021.
8. Что такое Agile-подход и зачем он нужен бизнесу? [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://scrumtrek.ru/blog/chto-takoe-agile-podhod-i-zachem-on-nuzhen-biznesu/>. – Дата доступа: 15.01.2021.
9. Комплексная agile-трансформация бизнеса [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://onagile.ru/trends/business-agility/agile-transformation>. – Дата доступа: 15.01.2021.
10. Что вы знаете о Scrum? [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://skillsup.ua/about/blog/2019/06/about-scrum/>. – Дата доступа: 11.01.2021.
11. Agile или Waterfall? Сравнение методологий веб-разработки [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://vc.ru/flood/42084-agile-ili-waterfall-sravnienie-metodologiy-veb-razrabotki>. – Дата доступа: 11.01.2021.
12. Как управлять проектом с помощью методов Agile, Scrum и Kanban [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://te-st.ru/2017/06/13/agile-scrum-i-kanban/>. – Дата доступа: 17.12.2020.
13. Как и зачем использовать канбан-доску для работы [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://happymonday.ua/ru/kanban-doska-dlja-raboty-kak-ispolzovat>. – Дата доступа: 17.12.2020.
14. What is a Scaled Agile Framework (SAFe)? [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.guru99.com/scaled-agile-framework.html>. – Дата доступа: 16.01.2021.

(Дата подачи: 24.02.2021)

Г. С. Болтутъ

Белорусский государственный экономический университет, Минск

G. S. Boltut

Belarus State Economic University, Minsk

УДК 336.02:351.72

ПОВЫШЕНИЕ ЭФФЕКТИВНОСТИ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ ТРАНСФЕРТОВ МЕЖДУНАРОДНЫХ ФИНАНСОВЫХ ОРГАНИЗАЦИЙ: ДИАГНОСТИКА ОСНОВНЫХ ПРОБЛЕМ ПРИВЛЕЧЕНИЯ И ОСВОЕНИЯ ТРАНСФЕРТНЫХ ПОТОКОВ

IMPROVING THE PERFORMANCE OF INTERNATIONAL FINANCIAL ORGANIZATIONS TRANSFERS LEVERAGE: MAIN PROBLEMS OF TRANSFER FLOWS DRAWING AND USAGE DIAGNOSTICS

В статье рассматриваются основные проблемы привлечения и освоения трансфертов международных финансовых организаций (далее – МФО). Описываются ограничения, которые МФО накладывают на деятельность государств в процессе предоставления трансфертов. Раскрывается положительное влияние предоставляемых странам международных трансфертов, которое заключается в: ускорении процессов национального воспроизводства, повышении конкурентоспособности компаний-резидентов, развитии отдельных сегментов международного финансового рынка, увеличении эффективности внешнеэкономической деятельности страны.

Ключевые слова: международные трансферты; международные финансовые организации; Всемирный банк; Международный банк реконструкции и развития; Международный валютный фонд; Европейский банк реконструкции и развития; внешние заимствования.

The article presents main problems of transfers of international financial institutions (further – IFI) drawing and usage. The limitations that countries are facing under IFI transfers provision are described in article as well. The role and value of the international transfers are coming into focus, positive effects from cooperation were analyzed and include: acceleration of processes of national reproduction, increase in competitiveness of the resident companies, development of separate segments of the international financial market, increase in efficiency of foreign economic activity of the country.

Keyword: international transfers; international financial institutions; World Bank; International Bank for Reconstruction and Development; International Monetary Fund; European Bank for Reconstruction and Development; external loans.

В современном мире ситуация складывается таким образом, что для обеспечения экономического роста страны необходимым является накопление капитала. Источники такого накопления могут быть как внутренними (прибыль предприятий, средства государственного бюджета, сбережения населения и т. п.), так и представлять категорию внешних ресурсов. В основном внешние источники образуются посредством привлечения из-за рубежа государственных и частных средств, в том числе в виде трансфертов. Тем самым привлечение средств в страну служит объективной основой для возникновения международного движения капитала, в частности финансовых ресурсов, аккумулированных

в процессе распределения и перераспределения, одной из форм которого выступают трансферты. Трансферт, согласно определению А. Г. Грязновой, представляет собой одностороннюю передачу на безвозмездной и безвозвратной основе денежных средств, товаров, услуг, материальных ценностей (права собственности) в порядке оказания финансовой помощи и предоставления компенсации [2]. Согласно Л. И. Лопатникову, трансферты – передача, перемещение денежных средств и других экономических объектов (смена их собственника или просто изменение места нахождения) [9].

Освещение вопросов использования и движения трансфертных ресурсов международных финансовых организаций и их специфики отражено в работах таких исследователей, как Д. В. Толстых, А. В. Павлов, А. В. Бардин, Е. В. Тарасова, М. Э. Султанова и др.

Современные авторы проявляют большой интерес к вопросам использования международных трансфертов в рамках узкой проблематики реализации конкретных проектов, но в обобщенном виде проблемы, связанные с освоением и привлечением государством трансфертов в процессе реализации совместных с МФО инвестиционных проектов, в научной литературе не исследуются и не анализируются.

Привлеченные инвестиции, в том числе трансферты международных финансовых организаций (далее – МФО), способствуют развитию отраслей экономики и, как следствие, появлению новых рабочих мест и увеличению уровня квалификации работников, вовлекаемых в процесс модернизации производства. Наряду с этим использование иностранного капитала для развития экономики страны позволяет совершенствовать рыночные методы хозяйствования, что приводит к ускорению проведения экономических реформ в стране и делает их более эффективными.

Среди основных причин привлечения трансфертов государствами из внешних источников можно определить следующие:

- происходит более интенсивное углубление процессов международного разделения труда;
- расширяется влияние глобализационных процессов посредством интернационализации хозяйственных связей;
- появляется необходимость рационализации использования средств в мировом хозяйстве;
- большинству стран требуется регулирование сальдо платежного баланса, а также приведение взаимного товарооборота к сбалансированному состоянию [3, с. 447].

Привлечение финансовых трансфертов МФО позволяет государству решить ряд вопросов в области:

- перераспределения финансовых и материальных средств между странами;
- экономии издержек обращения;
- стабилизации развития экономики (посредством ускорения концентрации капитала);
- развития научно-технического прогресса;
- обслуживания товарооборота страны и др.

Решение приведенных вопросов оказывает как положительное, так и отрицательное влияние. Одним из очевидных положительных эффектов является использование проектного финансирования, под которое привлекаются средства

МФО, что приводит к компенсации ограниченных возможностей национальной финансовой системы и, соответственно, расширению возможностей использования такого финансирования в Республике Беларусь.

Также положительное влияние привлеченных ресурсов проявляется в том, что происходит:

- ускорение и расширение процессов национального воспроизводства;
- развитие внешнеэкономической деятельности страны в областях внешней торговли, трансграничного движения капиталов, оказания международных услуг;
- увеличение конкурентоспособности компаний страны-кредитора;
- создание благоприятной среды для реализации зарубежных частных инвестиций, так как привлечение международных кредитов обычно подразумевает предоставление льгот инвесторам страны-кредитора;
- формирование благоприятных условий для развития других сегментов международного финансового рынка;
- повышение экономической эффективности всех видов внешнеэкономической деятельности страны.

Отметим, что наряду с положительными факторами возникает проблема, которая заключается в том, что использование средств, привлеченных от МФО в рамках проектного финансирования для решения определенных проблем, будет эффективным лишь при условии оптимальности масштабов заимствований и эффективности их освоения, что является недостатком в силу несовершенства используемой для оценки эффективности системы.

Решение приведенной проблемы, на наш взгляд, видится в ориентации на оценку не только финансовых результатов в денежном выражении, но и, например, оценку эффекта от увеличения занятости населения и изменения ее структуры в разрезе областей, развитие сопутствующей инфраструктуры в процессе реализации инвестиционного проекта и ряд других. Использование такого критерия в дополнение к проектному финансированию на данный момент не представляется возможным в силу отсутствия необходимых специфических знаний у отечественных специалистов, участвующих в реализации совместных инфраструктурных проектов, в связи с чем особую актуальность в современных условиях приобретает так называемый «трансферт знаний и технологий» со стороны МФО в контексте оценки реализуемых проектов.

Отрицательное влияние на экономику страны в процессе освоения международного финансирования посредством привлечения финансовых трансфертов на возвратной основе также проявляется в следующем:

- активизируются процессы углубления диспропорции в национальных экономиках, выраженные в стимулировании быстрого роста прибыльных отраслей экономики и сдерживании развития отраслей, которые не получают финансирования за счет привлечения иностранных источников;
- довольно часто международное финансирование используется частными инвесторами и странами с целью повышения конкурентоспособности на рынках сбыта и рынках сырья, а со стороны инвестора – в качестве инструмента влияния на страну-заемщика в отношении стратегии экономического развития;
- преимущества внешних заимствований реализуются заемщиком лишь при условии оптимального масштаба заимствования. В случае неэффективности использования заемных средств и нарушения оптимальности их объема

могут возникнуть трудности с погашением долга и его обслуживанием, что впоследствии становится фактором ухудшения финансового состояния должника. Для государства такая ситуация может привести к усложнению валютно-финансового положения, а также появлению угрозы развития финансового экономического кризиса [8, с. 596—597].

Важной также является проблема источников и методов погашения привлеченных ресурсов. В частности, при уплате процентов по международному кредиту необходимо учитывать, что уплата по внутреннему долгу не меняет объем валового внутреннего продукта страны, а лишь перераспределяет его. Уплата процентов по внешнему долгу, напротив, приводит к уменьшению валового национального продукта страны-должника [1].

Отсюда логически вытекает следующая проблема в области использования финансовых ресурсов, привлеченных извне, — оно должно быть таким, чтобы при уплате всех процентов и погашении основной суммы долга валовой внутренний продукт и национальное богатство страны не уменьшились. При этом не всеми ресурсами и не из всех источников можно рассчитываться с кредиторами. Нельзя признать нормальным положение, когда для погашения задолженности используется национальное богатство страны, ее невозобновляемые природные ресурсы (что не создавалось на заемные средства усилиями людей) и снижается насыщение внутреннего рынка товарами за счет форсированного экспорта товаров в счет покрытия задолженности [11].

Следующей проблемой по привлечению иностранных кредитов является слабое развитие инфраструктуры инвестирования, поскольку функционирование белорусского рынка таких услуг, как факторинг, консалтинговые, инженеринговые, информационные услуги и т. д., в современных условиях не в полной мере соответствует мировым требованиям, в частности, в области проектного финансирования. Поэтому ощутимую помощь в привлечении международных кредитов может оказать развитие сети консалтинговых фирм и экспортных организаций, специализирующихся на услугах по подготовке инвестиционных проектов, комплексной независимой экспертизе и осуществляющих активный мониторинг реализуемых проектов.

Также к числу проблем, связанных с привлечением финансирования для реализации инвестиционных проектов с участием капитала МФО, можно отнести недостатки, выявляемые в процессе администрирования проектов:

- недостаточное обеспечение министерствами и ведомствами, ответственными за новые проекты, комплексного и своевременного рассмотрения и согласования всех вопросов, связанных с подготовкой и будущей реализацией новых проектов. Одним из недостатков при работе с займами МФО является отсутствие системного подхода, как при их привлечении, так и при управлении, особенно со стороны ответственных министерств и ведомств;
- слабая востребованность результатов реализации займов МФО соответствующими министерствами, ведомствами и хозяйствующими субъектами;
- отсутствие механизмов, обеспечивающих устойчивость тиражирования положительных результатов реализации проектов после их завершения, в том числе в долгосрочной перспективе;
- низкий уровень замещения кредитов МФО (после завершения проектов) адекватным финансированием за счет внебюджетных источников, а также за счет региональных бюджетов;

- низкое качество администрирования со стороны отраслевых министерств, отсутствие должной ответственности, зафиксированной законодательно, за эффективность управления действующими проектами. Результатом является медленное расходование средств, которые приводят к экономическим потерям в виде упущенных возможностей развития и инвестиций и к финансовым – в виде расходов на дополнительные выплаты комиссии за взятые на себя обязательства. Низкая ответственность отраслевых министерств за финансовую эффективность инвестиционных займов приводит к расточительному отношению к заемным средствам;

- при принятии решений о предоставлении средств субъектам Республики Беларусь недостаточно учитываются темпы и особенности хода экономических реформ, а также эффективность осуществляемых органами исполнительной власти мер по финансовому оздоровлению.

Республика Беларусь по причине нехватки средств выступает заемщиком. Недостаток собственных финансовых ресурсов, а также международных резервных активов (МРА) (на рис. 1, как видим, в течение последних двух лет наблюдается нисходящий тренд уровня МРА в иностранной валюте), необходимых для целей проводимой экономической политики, приводит к тому, что государство вынуждено обратиться к внешнему финансированию, которое осуществляется в том числе и за счет кредитов, предоставленных международными финансово-кредитными организациями (Международного валютного фонда, Группы Всемирного банка, Европейского банка реконструкции и развития).

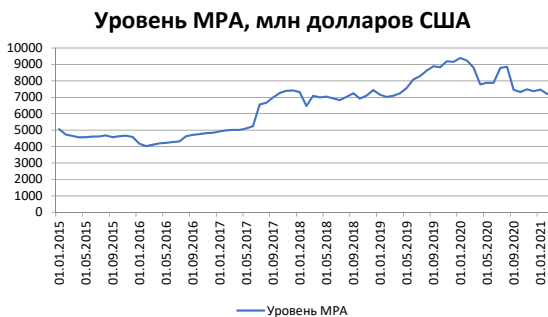

Рис. 1. Уровень международных резервных активов в иностранной валюте

Примечание. Источник: собственная разработка на основе [10].

Решение вопросов о кредитах для Республики Беларусь зависит, прежде всего, от качества экономических программ, их соответствия мировым стандартам и хода воплощения этих программ.

Международная кредитная помощь хотя и играет важную роль, но может быть лишь дополнением к усилиям страны, к ее бережливости, инвестициям в инфраструктуру, расширению производительной сферы экономики, сокращению непроизводительных бюджетных затрат. Кредитная активность МВФ в Республике Беларусь за последние годы невысокая. Получение кредитных линий от МВФ по условиям кредитора должно быть поддержано экономическими реформами, другими мерами со стороны заемщика, в частности, направленными

на укрепление платежного баланса, сокращение внешнего долга, увеличение международных резервов, укрепление курса валюты. Единственным безусловным видом кредитов, который страна – член МВФ может получить «автоматически», является кредит в рамках кредитной доли (транша) в фонде. Кредиты МВФ являются платными и условными. Наиболее распространенный вид – краткосрочные кредиты («стэнд-бай»), предоставление которых обеспечивает финансовую помощь странам с низкими доходами, испытывающим краткосрочные потребности в финансировании платежного баланса [6; 7].

Так, при наличии определенных договоренностей между Республикой Беларусь и МВФ и разработанной программы стабилизации экономики стране был выделен стабилизационный кредит в объеме, превышающем размер запрашиваемого займа, что было обусловлено расхождением в рассмотрении экономической ситуации каждой из сторон.

По мнению МВФ, государство столкнулось с достаточно серьезными трудностями в вопросах проводимой экономической политики (рис. 2). В связи с этим рассматривается вопрос о необходимости сокращения бюджетных расходов.

Рис. 2. Неблагоприятные факторы проведения экономической политики Республики Беларусь, по мнению специалистов МВФ

Примечание. Источник: собственная разработка на основе [5].

Так, на рисунке 2 показано, что правительство Республики Беларусь должно обращать внимание на ряд достаточно значимых факторов при проведении экономической политики, которые предусматривают поддержание оптимального для государства уровня международных резервов, повышение активности во взаимодействии с торговыми партнерами, а также поиск новых источников внешнего финансирования.

Деятельность Европейского банка реконструкции и развития в Республике Беларусь акцентирована на техническом сотрудничестве в вопросах реализации проектного финансирования, но по мере выполнения правительственных программ усиливается роль Банка в обеспечении такого проектного финансирования, которое, в свою очередь, имеет ряд проблем, представленных на рисунке 3 [4].

Подводя итог, отметим, что привлечение ресурсов в национальную экономику осуществляется за счет внутренних или внешних источников. В основном внеш-

ние источники образуются посредством привлечения из-за рубежа кредитных средств. Привлечение международного кредита осуществляется по причине:

- углубления процессов международного разделения труда;
- интернационализации хозяйственных связей;
- рационализации использования средств в мировом хозяйстве;
- поддержания сбалансированности государственного бюджета.

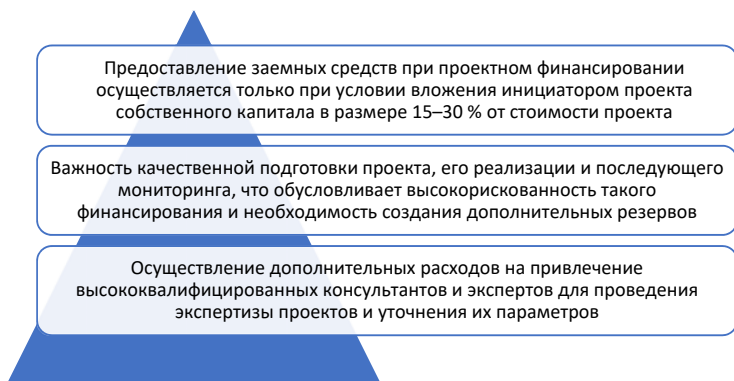

Рис. 3. Проблемы проектного финансирования

Примечание. Источник: собственная разработка на основе [12].

Выделяют как положительное, так и отрицательное влияние привлечения ресурсов из внешних источников: с одной стороны, происходит расширение производства и обеспечение его непрерывности, с другой – привлечение международного кредита для решения определенных проблем будет эффективным лишь при условии оптимальности масштабов заимствований и эффективности их использования, а также решения проблемных вопросов в области администрирования проектов ответственным исполнителем.

Нехватка собственных ресурсов Республики Беларусь обуславливает статус страны-заемщика, негативная роль которого проявляется в дополнительной нагрузке для субъектов отечественной экономики и выдвижении особых требований при реализации проектов с целью привлечения инвесторов в различные отрасли народного хозяйства.

Проблемы финансирования национальной экономики обусловлены, по мнению МВФ, достаточно серьезными трудностями в вопросах проводимой экономической политики, в частности, высокого уровня бюджетных расходов. По мнению группы Всемирного банка (в лице МБРР), страна имеет низкую конкурентоспособность экономики, поэтому для решения вопроса повышения нашего рейтинга МБРР совместно с государством разрабатывает и утверждает на периодической основе Стратегию партнерства для Республики Беларусь.

Особое значение в вопросе привлечения международных ресурсов в последнее время приобретает проблема источников и методов. Эта проблема актуализирована в силу того, что уплата всех процентов по привлеченным ресурсам на открытом рынке капитала должна осуществляться с учетом сохранения, а не снижения показателя ВВП и уровня национального богатства страны

Список использованных источников

1. Батзаяа, Г. Международное кредитование стран с переходной экономикой: дис. ... канд. экон. наук: 08.00.10 / Г. Батзаяа. – М., 2005. – 146 с.
2. Грязнова, А. Г. Финансово-кредитный энциклопедический словарь / под общ. ред. А. Г. Грязновой – М.: Финансы и статистика, 2012. – 519 с.
3. Дадалко, В. А. Международные экономические отношения: учеб. пособие / В. А. Дадалко. – Минск: Армита-Маркетинг, Менеджмент, 2000. – 488 с.
4. ЕБРР может увеличить число финансируемых проектов в госсекторе Беларуси [Электронный ресурс]. – Режим доступа: belapan.com/archive/2016/01/14/825477. – Дата доступа: 05.01.2021.
5. Как правительство постепенно отказывается от социальной модели экономики [Электронный ресурс]. – Режим доступа: zautra.by/art.php?sn_nid=22826. – Дата доступа: 29.12.2020.
6. Деньги. Кредит. Банки / Г. И. Кравцова [и др.]; под ред. Г. И. Кравцовой. – Минск: БГЭУ, 2012. – 639 с.
7. Кредитный механизм «стэнд-бай» МВФ (ССФ) [Электронный ресурс]. – Режим доступа: www.imf.org/external/np/exr/facts/rus/scfr.pdf. – Дата доступа: 18.01.2021.
8. Ливенцев, Н. Н. Мировая экономика и международные экономические отношения / Н. Н. Ливенцев; под ред. А. С. Булатова. – М.: Магистр, 2008. – 654 с.
9. Экономико-математический словарь: словарь современной экономической науки / под общ. ред. Л. И. Лопатникова – М.: Дело, 2003. – 520 с.
10. Международные резервные активы [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.nbrb.by/statistics/reserveAssets/assets.asp>. – Дата доступа: 26.01.2021.
11. Международный кредит [Электронный ресурс]. – Режим доступа: konspekts.ru/dengi-kredit-banki/mezhdunarodnye-kredit. – Дата доступа: 11.12.2020.
12. Петрикова, Е. М. Сущность и проблемы проектного финансирования / Е. М. Петрикова // Проектное финансирование. – 2015. – № 6(113). – С. 85–94.

(Дата подачи: 26.02.2021 г.)

A. A. Brass

Академия управления при Президенте Республики Беларусь, Минск

A. Brass

Academy of Public Administration under the aegis of the President
of the Republic of Belarus, Minsk

УДК 314.172

ВЛИЯНИЕ РАЗНОНАПРАВЛЕННЫХ ФАКТОРОВ НА ДЕМОГРАФИЧЕСКУЮ СИТУАЦИЮ В МИРОВОЙ ЭКОНОМИКЕ И РЕСПУБЛИКЕ БЕЛАРУСЬ

INFLUENCE OF DIFFERENTIAL FACTORS ON THE DEMOGRAPHIC SITUATION IN THE WORLD ECONOMY AND THE REPUBLIC OF BELARUS

В статье рассматривается ряд факторов (образование, экология, четвертая промышленная революция), влияющих на численность населения, текущую и долгосрочную демографическую политику. Обосновывается вывод о естественности процессов сниже-

ния численности населения, материального и социального расслоения общества как следствия роста образования населения, снижения востребованности персонала, особенно низкой квалификации, в условиях роботизации производства.

Ключевые слова: демография; рождаемость; снижение численности населения; образование; доходы; информация; мир вещей; четвертая промышленная революция; роботизация; потребности в кадрах.

The article examines a number of factors (education, ecology, the fourth industrial revolution) that affect the population, current and long-term demographic policy. The conclusion is substantiated about the naturalness of the processes of population decline, material and social stratification of society as a consequence of the growth of education of the population, a decrease in the demand for personnel, especially low qualifications, in conditions of robotization of production.

Keywords: demography; fertility; population decline; education; income; information; the world of things; the fourth industrial revolution; robotization; staffing needs.

Рассматривая проблемы современной демографии, необходимо учитывать:

- 1) стремление руководства большинства стран не просто к увеличению численности населения, а к росту рождаемости, к омоложению граждан своей страны;
- 2) влияние на рождаемость таких факторов, как образование населения, прежде всего женщин; экология и продукты питания;
- 3) влияние, которое оказывает на рынок труда, на востребованность различных специалистов развитие современных технологий производства и организации быта.

Рассмотрению этих аспектов и посвящена данная статья.

На протяжении всего существования человеческой цивилизации вполне справедливо считалось, что рост населения страны является залогом ее богатства и процветания. Сокращение количества жителей воспринималось как трагедия. Во всяком случае, в странах, заботящихся о своем будущем. Хотя стараниями государства население некоторых стран сокращалось, причем весьма высокими темпами. Например, в Кампучии времен красных кхмеров благодаря действиям собственного правительства, без какой-либо внешней агрессии за 3,5 года по разным оценкам было уничтожено от 1 до 3 миллионов человек (примерно от 6 до 18 % населения страны).

По прогнозам, представленным в [1], общая численность населения Земли достигнет максимума к 2064 г. и составит 9,73 млрд человек. Затем она начнет уменьшаться, и к концу текущего столетия будет составлять около 8,79 млрд человек. Основная причина этого – падение рождаемости. Если в 1950 г. среднее число детей у одной женщины равнялось 4,7, то в 2017 г. этот показатель упал до 2,4 [2], а в 2100 г. он будет равен 1,7 [1]. Хотя для некоторых стран ситуация является печальной уже сегодня; в Швеции показатель рождаемости равен 1,9, в Сингапуре 1,3 [2], а в США – 1,7 [3]. На Филиппинах коэффициент рождаемости упал с 3,7 до 2,7 за последние 15 лет, хотя в США аналогичное снижение заняло целых полтора века – с 1800-х до конца Второй мировой войны [3]. Количество малышей в возрасте до пяти лет в мире сократится с нынешних 681 млн до 401 млн к 2100 г., а число тех, кому за 80, наоборот, вырастет от 141 млн до 866 млн [2]. А ведь просто для того чтобы поддерживать население на прежнем уровне, показатель рождаемости должен составлять примерно 2,2 [3].

В Республике Беларусь за последние 24 года население сократилось на 768,9 тысяч человек (или на 7,56 %) [4], что отражено на рисунке 1. Это естественным образом вызывает тревогу руководства страны и побуждает говорить о ее демографической безопасности, что нашло свое отражение в Концепции национальной безопасности Республики Беларусь [5]. В этом документе отмечено, что основным приоритетом государственной политики в демографической сфере является стимулирование рождаемости.

Этой же проблемой озабочены все развитые страны. Например, Япония сегодня переживает острый демографический кризис [6]: в стране самые низкие показатели рождаемости в мире при самом высоком проценте пожилого населения. В 2019 г. число рожденных младенцев упало до рекордно низкого значения – 865 тысяч. При сохранении существующей тенденции численность населения Японии к концу текущего столетия упадет до 53 млн человек при существующей ныне численности в 126,5 млн человек. С целью решения обозначенной проблемы в стране наращивается использование искусственного интеллекта для помощи одиноким гражданам в поисках своей любви. С 2021 г. правительство Японии будет выделять в местные бюджеты дополнительные средства на новые или уже существующие проекты, которые используют интеллектуальные системы для создания идеальных любовных союзов.

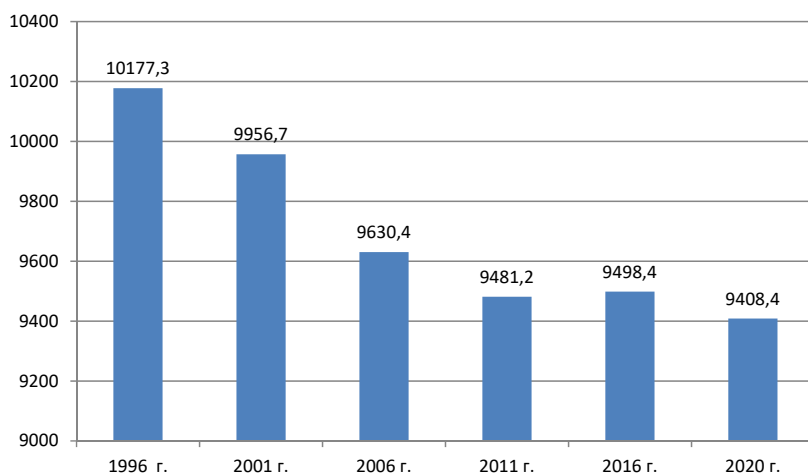

Рис. 1. Изменение численности населения Республики Беларусь по данным [4] (данные за 2020 год – предварительные)

В работах [1; 3; 7] отмечено, что глобальными факторами рождаемости сегодня являются:

- доступность образования для женщин;
- доступность средств контрацепции;
- изменение гендерных ролей в современной семье;
- влияние экологии на репродуктивное здоровье женщин и мужчин.

Эти факторы проявляют себя достаточно явственно. Еще в конце 20-го столетия в развитых странах, прежде всего в США, существовало две достаточно ярко выраженные тенденции, связывающие образование и рождаемость [7]:

1) высокообразованные женщины (с ученой степенью выше бакалавра) имели меньше детей, чем женщины с более низким уровнем образования, что подтверждалось и статистическими данными [7]. Эта тенденция имела два вполне логичных объяснения:

- сложность совмещения высокообразованными женщинами карьеры и воспитания детей, а поскольку они в большей степени сосредоточены на карьере, то на детей у них оставалось очень мало времени;

- ведение домашнего хозяйства и уход за детьми в большей степени было сферой ответственности матери, а не отца;

2) более образованные женщины стремятся дать своим детям более высокое образование. Но поскольку больше детей было в семьях, не стремящихся к высокому образованию детей, то доля людей со степенью магистра и выше практически не росла.

Однако с начала XXI века данная тенденция, во всяком случае в США, стала меняться. У высокообразованных женщин стало появляться все больше детей (у них рождаемость возросла с 1,2 ребенка в 1980 г. до 1,89 ребенка в 2010 г.), чем у женщин с низким образованием. Такое изменение явилось следствием следующих причин:

1) увеличение средней почасовой оплаты труда за период 1980–2010 гг. с \$24 до \$40 для женщин (с \$51 до \$63 для мужчин) с самым высоким доходом, с одновременной стагнацией зарплат для женщин и мужчин с наиболее низким доходом: с \$7,9 до \$8,5 (с \$13 до \$12,7);

2) люди с высокими доходами получили возможность отдавать часть домашних работ, в том числе уход за детьми, людям с низкими доходами;

3) появилось множество бытовых приборов, облегчающих ведение домашнего хозяйства и вполне доступных для людей с высокими доходами (т. е. с высоким образованием);

4) на основе интернета получила развитие услуга доставки товаров, в том числе продуктов питания;

5) изменились гендерные роли, исполняемые обоими родителями: сегодня появление детей сказывается на карьере женщины и мужчины практически в одинаковой степени.

Благодаря этому сегодня в развитых странах меняется уровень образования населения: образованные родители, у которых становится больше денег и детей, хотят для них хорошего образования, которое позволит им в дальнейшем иметь высокие доходы. В результате:

- растет востребованность высококачественных и дорогих магистерских программ (до \$150 000 за 2-годичный курс обучения);

- именно образование становится основой материального и социального расслоения общества.

Развивающиеся страны вступили, а некоторые только начинают вступать на этот путь. Во-первых, образование там становится доступным. Во-вторых, оно предоставляет любому человеку некоторые гарантии будущего успешного трудоустройства. И в семьях на образование детей, в том числе девочек, родители смотрят как на обеспечение их будущего благополучия.

В результате женщины имеют возможность получить востребованную профессию, а вместе с ней определенные доход и независимость. Благодаря этому они сами (в том числе благодаря доступности средств контрацепции) могут определять, когда и сколько детей они хотят иметь. Это приводит к тому, что даже в африканских странах, расположенных южнее Сахары, которые грозили перенаселением земному шару, рождаемость начинает падать [1; 3].

Не менее значимым фактором снижения рождаемости является постоянное ухудшение экологии и, как неизбежное следствие, женского и мужского репродуктивного здоровья. Все чаще пары, желающие иметь ребенка, просто не в состоянии это сделать без помощи врачей. Например, согласно [3], качество семенной жидкости (концентрация сперматозоидов и их способность к оплодотворению) у мужчин западных стран за период с 1973 по 2011 г. сократилось вдвое. В значительной степени виновны в этом два химических соединения (ДЕНР и PCB153), широко применяемые в быту и при производстве полуфабрикатов.

На женское здоровье значительно влияет загрязнение окружающей среды. У женщин, проживающих в местности с загрязненной атмосферой, присутствует нарушение работы яичников и снижение количества яйцеклеток, способных к оплодотворению [3].

Еще одним фактором, который необходимо учитывать при формировании долгосрочной демографической политики, являются постоянно увеличивающиеся темпы развития четвертой промышленной революции (4ПР), основанной на массовом внедрении информационно-кибернетических, био-технологических и нано-технологий в производство изделий и услуг, ведение домашних хозяйств и досуга людей. Потенциал этой революции огромен: путем решения многих существующих ныне проблем можно поднять уровень жизни всего человечества, обеспечивая демографическую безопасность многих стран. Одновременно необходимо учитывать, что наступающие благодаря 4ПР перемены:

- затронут взаимоотношения человека с окружающим миром, в первую очередь с информацией и «миром вещей», с самим собой и с другими людьми;
- будут оказывать влияние на рынок труда, в том числе на востребованность специалистов различной квалификации и специальностей, качество и образ жизни [8];
- приведут к появлению множества новых проблем, в том числе касающихся организации трудовой и личной жизни людей, их востребованности на рынке труда, удовлетворения их динамичных потребностей.

Взаимоотношения человека с информацией во многом определяется ее доступностью и понятностью (легкостью восприятия). И 4ПР, в которой информатизация жизни играет одну из ведущих ролей, в этом плане уже обозначает две противоположенные тенденции, важные с точки зрения демографии:

1) информации о действиях политиков, органов государственного управления и бизнеса появляется все больше, она становится все доступнее. В результате мир становится более предсказуемым. Людям проще прогнозировать будущее свое и своих детей, что способствует росту рождаемости;

2) автоматизация производственных и инфраструктурных (жилищно-коммунальное хозяйство, торговля, транспорт и т. д.) систем неизбежно поднимает вопросы обеспечения их безопасности и, соответственно, ограничения доступа под вполне благовидными, порой вполне реальными предложениями, т. е. к закры-

тию информации. Окружающий мир для людей становится менее прозрачным и предсказуемым, людям, стремящимся к ответственности за будущее свое и своих детей, проще иметь меньше потомков (рис. 2).

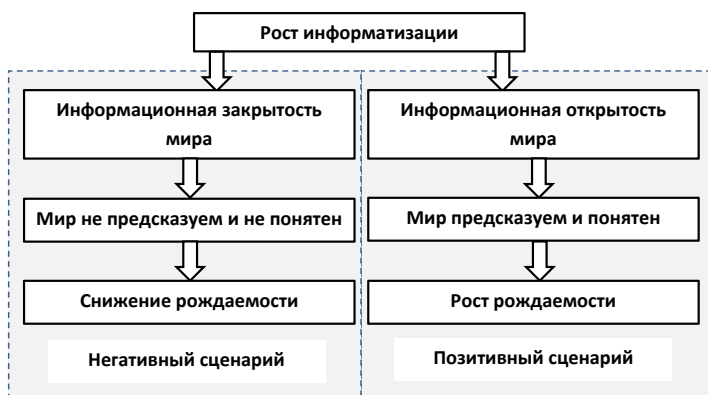

Рис. 2. Позитивные и негативные последствия роста информатизации

В развитии окружающего человека мира вещей возможности 4ПР практически безграничны, так как,

во-первых, гибкие технологии позволяют настраивать производство товаров и услуг на потребности конкретного потребителя по их желанию. Например, уже сегодня, сидя где-нибудь в кафе в центре Минска, можно скачать приложение Nike или зайти на сайт компании, выбрать понравившуюся модель кроссовок, раскрасить их цветами любимой команды, оплатить и получить спустя несколько недель. Стоить это будет около \$120 без учета доставки, что не намного дороже, чем обычные неперсонализированные кроссовки этой компании. Технологии производства компании Harley-Davidson позволяют заказать понравившуюся модель легендарного Харлея в любимых цветах и с достаточно большими изменениями в комплектации. С конвейера этот заказ сойдет уже через шесть часов после его получения. Далее вопрос доставки по адресу заказчика [9];

во-вторых, цифровизация жизни людей делает более доступным для производителей учет и анализ индивидуальных потребностей, что является основой для персонализации предложений. Это безусловно, позитивно как для человека, так и для производителя. Вместе с тем, возможности влиять на выбор человека, зная особенности его предпочтений, ненавязчиво апеллируя к его потребностям, открывает широкий простор для фишинга – умения заставлять людей делать что-либо в интересах фишера, а не их собственных интересах [10]. Например, основываясь на притягательности для человека бесплатного и эффекте обладания [11; 12], человеку предлагается бесплатно в течение трех месяцев пользоваться каким-либо приложением для любимого телефона или компьютера. Оно не очень надо, но так как бесплатно, то почему не попробовать. Человек три месяца пользуется приложением. Иногда с его помощью он решает какие-то свои небольшие проблемы, иногда оно оказывается бесполезным, чаще просто забирает время. Три месяца проходит, но отказаться от него человеку сложно,

т. е. сказать «нет» оказывается сложнее, чем сказать «да». Ведь нам действительно сложно вести себя не так, как от нас ожидают. В результате человек оплачивает использование не очень нужного ему приложения. А если оно еще иногда ориентируется на его личные предпочтения, что сегодня несложно, а завтра будет еще проще, то человек испытывает позитивные эмоции, ради которых он, по сути, и живет. Как следствие люди теряют свою индивидуальность и принимают решения, выгодные в большей степени бизнесам и политикам, сохраняя при этом иллюзию собственной свободы.

Таким образом, формируется мир вещей, для жизни в котором человеку не нужны другие люди. Ему не нужно с кем-то советоваться, ощущать чью-то поддержку при покупке товара или услуги. Он просто приобретает то, что якобы ненавязчиво советуют ему производители. В результате брак, семья, просто долговременные отношения будут естественным образом утрачивать свою значимость.

Еще одним аспектом четвертой промышленной революции является роботизация производства, что имеет ряд последствий:

- существенное снижение потребности производств в работниках низкой и средней квалификации, что приводит к запуску цикла, представленного на рисунке 3;

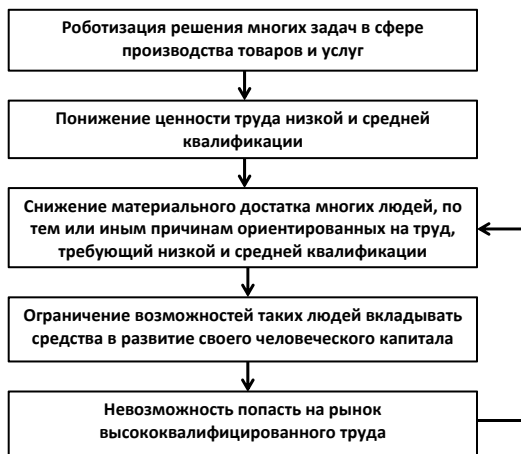

Рис. 3. Цикл падения жизненного уровня людей с низкой и средней квалификацией

- утрата развивающимися странами преимущества дешевой рабочей силы. Например, роботизированные заводы компания Tesla развернула в Калифорнии, а не в странах третьего мира. Это гораздо дешевле, чем использовать труд низкоквалифицированных рабочих, а потом платить за транспортировку готовых машин. Компания Adidas переносит свое производство обратно в Германию, где на новых фабриках все операции будут выполнять роботы. Это не только сокращает себестоимость продукции, но и существенно увеличивает скорость производства, что позволяет создавать эффект масштаба без увеличения про-

изводственных площадей [9]. В результате развивающиеся страны утрачивают возможности догоняющего развития. Ведь в таких условиях новые технологии поставлять им никто не станет. Соответственно эти страны будут постепенно утрачивать рабочие места в более или менее современных производствах;

- сокращение потребностей стран с высоким развитием экономики в мигрантах с низкой квалификацией, так как своих таких людей девать будет некуда.

Таким образом, роботизация производства товаров и услуг, быта и досуга людей приводит:

- к сокращению потребности в кадрах вообще, что можно компенсировать сокращением продолжительности рабочего дня или недели;

- к весьма существенному сокращению потребности в кадрах с низкой квалификацией, которые не имеют высокой социальной ответственности. Что развитые страны будут делать с такими людьми – вопрос очень сложный;

- к сокращению потребности развитых стран в мигрантах, которые и сегодня создают им массу проблем;

- к увеличению разрыва в уровне жизни стран с разным уровнем технологического развития, который, вероятнее всего, будет только увеличиваться.

Таким образом, увеличивающиеся темпы 4ПР будут постоянно уменьшать потребности производства в людях. Поэтому снижение рождаемости и численности населения естественным путем, а не за счет войн и пандемий, возможно, не самый плохой сценарий развития. А демографическая политика, формирующаяся под воздействием множества факторов, должна становиться более гибкой. Важным становится не только (возможно не столько) рост численности населения, но и развитие его компетенций.

Список использованных источников

1. Штайн, Э. Ф. Сценарии рождаемости, смертности, миграции и народонаселения для 195 стран и территорий с 2017 по 2100 год: прогнозный анализ для исследования глобального бремени болезней [Электронный ресурс] / Э. Ф. Штайн [и др.]. – Режим доступа: [https://www.thelancet.com/journals/lancet/article/PIIS0140-6736\(20\)30677-2/fulltext](https://www.thelancet.com/journals/lancet/article/PIIS0140-6736(20)30677-2/fulltext). – Дата доступа: 11.10.2020.

2. Мир ждет резкое падение рождаемости. В чем причина и чем это грозит? [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.bbc.com/russian/features-53417388>. – Дата доступа: 11.11.2020.

3. Воронин, Н. «Рассказ служанки» – антиутопия или реальность будущего? Демография глазами ученых [Электронный ресурс] / Н. Воронин. – Режим доступа: <https://www.bbc.com/russian/features-48993061>. – Дата доступа: 12.11.2020.

4. Численность населения по областям и городу Минску [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.belstat.gov.by/ofitsialnaya-statistika/solialnaya-sfera/naselenie-i-migratsiya/naselenie/>. – Дата доступа: 22.10.2020.

5. Концепции национальной безопасности Республики Беларусь [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.prokuratura.gov.by/ru/acts/kontseptsiya-natsionalnoy-bezопасnosti-respubliki-belarus/>. – Дата доступа: 22.10.2020.

6. Как искусственный интеллект может поднять рождаемость в Японии [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.bbc.com/russian/features-55230860>. – Дата доступа: 23.11.2020.

7. Зоаби, Х. Экономика материнства: как связаны образование, карьера и семейная жизнь [Электронный ресурс] / Х. Зоаби. – Режим доступа: <https://www.forbes.ru/forbes->

woman/344987-ekonomika-materinstva-kak-svyazany-obrazovanie-karera-i-semeynaya-zhizn. – Дата доступа: 24.11.2020.

8. Шваб, К. Четвертая промышленная революция / К. Шваб. – М.: Эксмо-Пресс, 2018 – 208 с.

9. Рагимова, С. Цифровая Индустрия 4.0 [Электронный ресурс] / С. Рагимова. – Режим доступа: <https://www.forbes.ru/brandvoice/sap/345779-chetyre-nol-v-nashu-polzu>. – Дата доступа: 14.10.2020.

10. Акерлоф, Дж. Охота на простака. Экономика манипуляций и обмана / Дж. Акерлоф. – М.: Манн, Иванов и Фербер, 2017. – 320 с.

11. Ариели, Д. Предсказуемая иррациональность. Скрытые силы, определяющие наши решения / Д. Ариели. – М.: Манн, Иванов и Фербер, 2010. – 296 с.

12. Канеман, Д. Думай медленно... Решай быстро / Д. Канеман. – М.: АСТ, 2013. – 656 с.

(Дата подачи 19.02.2021 г.)

Вэй Вэнь

Белорусский государственный университет, Минск

Wei Wen

Belarusian State University, Minsk

УДК 339.5

ВНЕШНЕТОРГОВЫЕ ОТНОШЕНИЯ КНР И АВСТРАЛИИ

FOREIGN RELATIONS OF THE PRC AND AUSTRALIA

Почти в то же самое время, когда было достигнуто соглашение Всестороннее региональное экономическое партнерство (ВРЭП – это соглашение о «зоне свободной торговли плюс» («ЗСТ+»)), охватывающее 10 государств-членов Ассоциации государств Юго-Восточной Азии (АСЕАН), Китай ужесточил экономические санкции против Австралии. С помощью прогнозирования модели GTAP и анализа данных в данной статье всесторонне изучаются торговые отношения между Китаем и Австралией, экспорт стран АСЕАН, структура экспорта и инвестиций Австралии. Результаты показывают, что экономические санкции Китая против Австралии будут сохраняться, и это повлияет на инвестиции в регионе, цены на сельскохозяйственную продукцию. Внешнеторговая стратегия Китая свидетельствуют о том, что в дальнейшем КНР активно стремиться к позиции регионального экономического лидера.

Ключевые слова: ВРЭП; санкции; внешнеторговая стратегия; Китай.

Almost at the same time that the Comprehensive Regional Economic Partnership (RCEP) is a Free Trade Area Plus (FTA +) agreement covering the 10 member states of the Association of Southeast Asian Nations (ASEAN), China tightened economic sanctions against Australia. Using GTAP forecasting and data analysis, this article comprehensively examines China-Australia trade relations, ASEAN exports, and Australia's export and investment structure. The results indicate that China's economic sanctions against Australia will continue, and this will affect investments in the region, prices for agricultural products China's foreign trade strategy indicates that in the future, the PRC will actively strive for the position of a regional economic leader.

Keywords: RCEP; sanctions; foreign trade strategy; China.

15 ноября 2020 г. официально было подписано соглашение о региональном всеобъемлющем экономическом партнерстве ВРЭП (Всестороннее региональное экономическое партнерство, RCEP). Участниками этого соглашения стали Австралия, Китай, Японию, Южная Корея, Новая Зеландия и десять стран-членов АСЕАН. Важным аспектом этого Соглашения является снижение тарифных ставок на импорт для большинства торговых продуктов, включая сельскохозяйственную продукцию, в странах региона до 0. Это стало важным событием для внешнеторговой политики КНР.

В мае 2020 г. КНР объявил, что четырем австралийским экспортерам говядины запрещено экспортировать говядину в Китай, а затем вводятся антидемпинговые пошлины на импортируемый из Австралии ячмень. Одновременно Австралия вводит ограничения на экспорт сельскохозяйственной продукции из КНР.

Эти события демонстрируют позицию, противоречащую активному продвижению внутрирегиональной свободной торговли.

Многие китайские СМИ в настоящее время интерпретируют китайские санкции как месть Китая Австралии в ответ на ранее инициированные 104 австралийских торговых споров, в первую очередь, для ограничения инвестиции китайского капитала в Австралию.

Целью исследования является анализ современных внешнеторговых отношений КНР и Австралии.

В соответствии с поставленной целью в работе сформулированы следующие задачи:

- рассмотреть проблемы внешнеторговых отношений КНР и Австралии;
- спрогнозировать последствия введения санкций КНР против Австралии для обеих стран.

Результатом исследования стало прогнозирование последствий внешнеторговых санкций для стран Юго-Восточной Азии.

Внешнеторговое сальдо КНР с большинством стран является положительным, поэтому Китай в основном пассивен в торговых конфликтах: он никогда не выступает с инициативой введения экономических санкций в отношении других стран. В отличие от торговых отношений с большинством стран, торговля сырьевыми товарами Китая с Австралией имеет отрицательное сальдо ежегодно около 50 млрд долл. США в год, а совокупное положительное внешнеторговое сальдо торгового баланса Австралии с Китаем в 2019 г. составило 48,83 млрд долл. США, увеличившись на 51,1 % по сравнению с 2018 г. [7]. Экономисты в целом считают, что Китай должен увеличивать экспорт, оптимизировать структуру экспорта сырьевых товаров, а китайское правительство должно стремиться к переговорам о ценах с австралийским правительством на основные импортные энергоносители и руду. Более того, создание беспошлинной зоны свободной торговли между двумя странами является положительным сценарием развития торговых отношений между странами, хотя Китай должен должным образом защищать внутренние интересы производителей сельскохозяйственной продукции [8; 9].

Экономические санкции, в отличие от торговых конфликтов в целом, имеют не только экономические, но и политические цели, требуя изменений в политической системе и других направлениях санкционных стран [11]. Сегодняшняя международная политика больше, чем когда-либо, зависит от экономических

санкций, которые стали ключевым средством управления межгосударственными отношениями, и неизбежно оказывают негативное влияние на экономику стран, в отношении которых они введены [10].

Нынешняя ситуация в международной торговле заключается в том, что США активно внедряют меры по защите торговли, а Китай активно продвигает новый раунд движения за свободную торговлю. Активное участие и продвижение ВРЭП, предложенного АСЕАН, является важным действием в рамках внешней торговой стратегии КНР.

ВРЭП нацелен на создание торгового союза с нулевым тарифом. 15 государств, участвующих в настоящее время, подписали договор, но еще не выполнили его. Согласно моделированию программного обеспечения GTAP10, используя данные стран за 2019 г., тарифы между участвующими государствами-членами были снижены до 0. Поскольку Договор не был выполнен, необходимо провести ожидаемое моделирование результатов его осуществления. Статический GTAP10 может имитировать торговую ситуацию со следующей точкой равновесия на основе базового периода.

Таблица 1

**Имитация изменения торговли между странами
после снижения тарифов до 0**

Страны Товары	КНР	Республика Корея	Япония	США	Индия	РСЕР/ ВРЭП	ЕС	Другие страны в мире
Зерновые культуры	1650	-2369	-727	23	-6	934	1	131
Мясо	303	-516	-1314	-6	-25	1453	3	34
Обработанные продукты питания	1207	-1219	-1737	-40	-11	1485	-40	57

Примечание: данные о Мьянме отсутствуют, но таблица представляет общую тенденцию и показатели о Мьянме не влияют на изменение общей тенденции.

Согласно прогнозам, спрос на сельскохозяйственную продукцию и полезные ископаемые в регионе возрастет, что повлияет на увеличение экспорт сельскохозяйственной продукции и полезных ископаемых в странах ВРЭП. Южная Корея и Япония являются чистыми импортерами этих двух продуктов. Сельскохозяйственная продукция Китая также сохранит довольно высокую долю в экспорте.

В КНР проводится долгосрочная политика стимулирования производства сельскохозяйственной продукции и поощряется ее импорт.

В последние годы доля импорта сельскохозяйственной продукции в Китае продолжала увеличиваться. В 2019 г. на импорт сельскохозяйственной продукции приходилось 11,06 % импорта первичной продукции.

С 2020 г. из-за влияния вируса многие экспортеры зерна приостановили его экспорт (Россия, Вьетнам и др. страны). Организация Объединенных Наций выпустила раннее предупреждение, призывая все государства к активному реагированию на грядущий продовольственный кризис. Согласно отчету, опубликованному этой организацией и Всемирной продовольственной программой,

в этом году мир столкнется с серьезным продовольственным кризисом в течение 50 лет.

Рис. 1. Импорт первичных продуктов и составов КНР (доля в %)

Примечание: Отдел статистики КНР.

В то же время одной из проблем, связанных с продовольствием, является количество населения, которое составляет почти 1,4 миллиарда человек. Поэтому в стране уделяется такое внимание продовольственной безопасности. КНР стремиться сохранить мировые цены и уровень предложения сельскохозяйственной продукции на мировом рынке.

С точки зрения предложения сельскохозяйственной продукции в регионе, страны АСЕАН и Австралия являются важными экспортерами сельскохозяйственной продукции.

Таблица 2

Доля готовой продукции, сельскохозяйственной продукции и топлива в экспорте стран АСЕАН, %

Доля экспорта	Готовая продукция	Сельскохозяйственная продукция, топливо и руда
Бруней	9,60	90,40
Индонезия	43,60	56,40
Малайзия	68	32,00
Филиппины	34,20	65,80
Сингапур	76,60	23,40
Вьетнам	83,20	16,80

Примечание: данные статистического отдела АСЕАН.

ВВП Австралии в 2019 г. составило 44,96 % совокупного ВВП всех стран АСЕАН (исключая Мьянму), а прирост капитала составил 42,89 % от общей суммы стран АСЕАН. В отличие от других стран-членов АСЕАН, у которых большая часть инвестиций должна быть направлена на инфраструктуру,

в Австралии она развита достаточно хорошо. Производство первичной продукции в Австралии в основном зависит от капиталовложений, и страны-члены АСЕАН по-прежнему поддерживает трудоемкое производство.

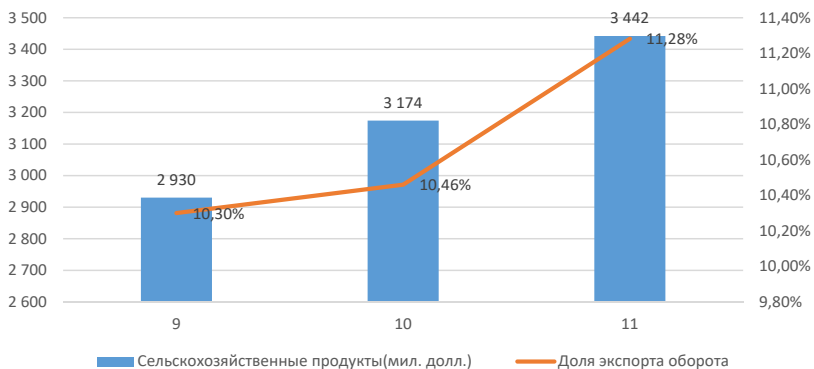

Рис. 2. Экспорт сельскохозяйственной продукции Австралии в 2020 г.

Примечание: данные статистического отдела Австралии.

Производство первичной продукции в Австралии имеет не только сравнительные преимущества, но и определяющие преимущества в рамках ВРЭП. Первичные продукты обладают характеристиками высокой взаимозаменяемости, и производственные мощности Австралии, безусловно, окажут сильное влияние рынок первичных товаров стран АСЕАН. В то же время Китай, Япония и Южная Корея пока слабо конкурируют на рынках первичных продуктов, что может привести и в будущем к монополии Австралии на поставку и экспорт первичных продуктов в рамках ВРЭП.

Поэтому КНР пытается повлиять на Австралию, пытаясь сдержать ее стремление к монополии и обеспечить долгосрочную стабильность цен на сельскохозяйственную продукцию и ее предложение в рамках ВРЭП.

Будучи развитой страной, Австралия имеет высокопроизводительное сельскохозяйственное производство и наращивание производства в основном зависит от инвестиций в капитал. В сельском хозяйстве и горнодобывающей промышленности, которые являются основными экспортными отраслями, на долю занятого населения приходится всего 4 % от общей численности занятого населения в Австралии. Это отличается от общей структуры производства, которое сохраняет трудоемкую структуру в большинстве стран Южной Азии.

Пятью крупнейшими экспортерами Австралии в 2019–2020 гг. были Китай, Сингапур, Япония, Великобритания и Южная Корея. Китай является крупнейшим торговым партнером Австралии: 39 % всех товаров экспортировалось в 2019–2020 гг. в КНР, в то время как 27 % всех товаров импортируется из Китая.

Рост экспорта в последние годы происходил за счет сырьевых товаров, в частности металлизирующих руд (в основном железной руды) и угля. В 2019–2020 гг. экспорт железной руды составил 56 % всех австралийских товаров, экспортируемых в Китай, и был значительным драйвером увеличения экспорта между 2014–2015 и 2019–2020 гг.

Основной импорт Австралии из Китая включает в себя:

- телекоммуникационное и звуковое оборудование (включая мобильные телефоны);
- офисная и вычислительная техника (включая ноутбуки);
- электрические машины и приборы (включая стиральные машины и сушилки).

Объединенные, эти три продукта составляют треть стоимости всего импорта Австралии из Китая в 2019–2020 гг.

Но после введения санкций Китаем, импорт Китая из Австралии в ноябре 2020 г. сократился на 10 % (1,218 млн долл. США):

- металлоносные руды, снижение на 1,003 млн долл. США (–11 %);
- уголь снизился на 266 млн долл. США (–69 %);
- напитки, снижение на 83 млн долл. США (–50 %);
- мяса на 52 % [2].

Инвестиции являются основным средством развития австралийской промышленности, в то время как австралийскими источниками инвестиций являются в основном США. Австралия была богата ресурсами, но бедна капиталом для экономического роста. Соединенные Штаты являются крупнейшим иностранным инвестором Австралии, крупнейшим пунктом назначения австралийских иностранных инвестиций и третьим крупнейшим торговым партнером Австралии.

Более 26 % иностранных инвестиций в Австралию поступает из США, в то время как более 28 % иностранных инвестиций в США поступает из Австралии. Инвестиции Китая в Австралию заняли шестое место.

Инвестиции США в Австралию в основном сосредоточены в сфере образования и финансов: финансовые инвестиции США в Австралию составляют 82 % от общего объема иностранных инвестиций в эту сферу; в образование составляет – 50 %, в обрабатывающую промышленность – 49 %.

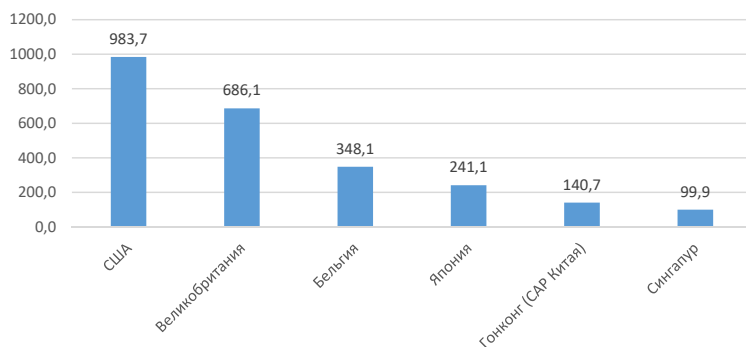
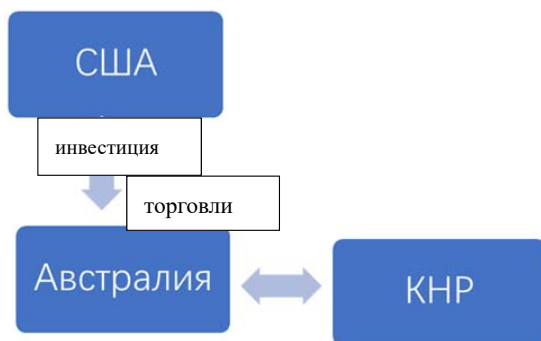

Рис. 3. Иностранные инвестиции в Австралию по странам (млрд долл. США)

Примечание: данные статистического отдела Австралии.

Австралия является важным звеном глобальной системы оборота доллара США. Был сформирован инвестиционный и торговый цикл «США – Австралия – Китай».

США ввели крупномасштабное денежно-кредитное смягчение в 2020 г., увеличив ликвидность на 20 триллионов долларов. Однако санкции КНР пресекли гегемонию в долларах США.

Таким образом, введение Китаем санкций в отношении Австралии является важным инструментом стратегии внешней торговли Китая на текущем стратегическом этапе. Санкции против Австралии позволили:

1. Стабилизировать мировой рынок продовольствия, стимулировать производство и экспорт продовольствия в регионе ВРЭП, сбалансировать развитие сельского хозяйства и торговли в странах региона и укреплять торговые отношения со странами-членами АСЕАН, развивая альтернативных поставщиков сельскохозяйственной продукции, угля, железной руды.

2. Расширить использование юаня при торговле зерном и продуктами питания в регионе и лидировать Китаю в системе торговли в регионе.

3. Противодействовать торговым санкциям США и Австралии.

Санкции против Австралии могут принести следующие эффекты:

1. Усилить экономический спад в Австралии.

2. Стимулировать приток иностранных инвестиций и рост производства в странах Юго-Восточной Азии.

3. Повлиять на решение Индии присоединиться к ВРЭП. Индийские экспортные продукты, такие как уголь и железная руда, могут заменить австралийскую продукцию. Если экспортная прибыль вышеуказанных продуктов может компенсировать некоторые потери индийской промышленности, вызванные открытым рынком, это может способствовать более позитивному отношению Индии к присоединению к региональным торговым соглашениям.

Дальнейшие действия Китая будут состоять в активном поиске альтернативных поставщиков в регионе и увеличении инвестиций в другие страны. Стоит отметить, что в этой операции Китай изменил свое обычное мягкое отношение и очень жестко выступил в международном диалоге. После введения санкций почти все переговоры с австралийской стороной были отклонены.

Таким образом, на этом примере мы видим попытку КНР изменить стратегию внешней торговли и перейти от защиты к атаке. Конкретный следующий шаг Китая должен учитывать два международных фактора: первый – реакцию Австралии и США на действия Китая и их возможности влиять на действия Китая. Второй – время вступления в силу Соглашения ВРЭП в регионе. Фун-

даментальная позиция Китая – это по-прежнему поддерживать свободную торговлю в Азиатско-Тихоокеанском регионе. После вступления соглашения в силу существует большая вероятность того, что санкции будут отменены, чтобы поддерживать свободную торговлю в регионе. Однако, поскольку для вступления в силу соглашения потребуется несколько лет, большая вероятность заключается в том, что правительство Австралии заранее достигнет поэтапного соглашения с Китаем, чтобы защитить занятость своих рабочих и экономический рост. Поскольку Китай сильно полагается на импорт железной руды из Австралии, это стало проблемой для стратегии Китая в отношении Австралии. Стратегия следующего этапа будет в значительной степени сосредоточена на экспорте и ценообразовании железной руды. И именно обмен взаимными уступками между Китаем и Австралией по торговле железной рудой будут в центре внимания следующих переговоров.

Список использованных источников

1. THE WORLD BANK [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://data.worldbank.org.cn/indicator>. – Дата доступа: 10.01.2020.
2. Australian Bureau of Statistics [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.abs.gov.au>. – Дата доступа: 10.01.2020.
3. ASEAN Stats [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://investasean.asean.org/>. – Дата доступа: 10.01.2020.
4. Galtang, J. On the Effect of International Sanction: With Examples from the Case of Rhodesia / J. Galtang // World Politics. – Vol. 19. – 1967.
5. M.S.Daoudi and M.S.Dajani. Economic Sanctions Ideals and Experience. Roulledge& Kegan Paul Plc. – 1983.
6. Willan H. Kaemfe and Anton D. Lowen Berg. The Theory of International Economic Sanctions: A Public Choice Approach. The American Economic Review, September 1988.
7. Economic and Trade Service of the Consulate General of the People's Republic of China in Brisbane [Электронный ресурс] // Обзор двусторонней торговли Китая и Австралии в 2019 г. (2019 年中澳双边贸易概况). – Режим доступа: <https://data.worldbank.org.cn/indicator>. – Дата доступа: 10.01.2020.
8. Ли Вэньцзюнь. Исследования эффекта торговли в зоне свободной между Китаем и Австралией / Ли Вэньцзюнь // Хуачжунский педагогический университет. Магистерская диссертация. – 2016. – 52 с. (李文军 中国-澳大利亚自贸区的货物贸易研究).
9. Ван Цзин. Положение, факторы и стратегии развития китайско-австралийской торговли / Ван Цзин // Китайская экономика и торговля 10.2015 (王晶; 卢进勇. 中国与澳大利亚贸易的现状、影响因素和发展策略/中国经贸) 10.2015.
10. Нуреев, Р. М. Экономические санкции: издержки и выгоды конфронтации / Р. М. Нуреев, Е. Г. Бусыгин // TERRA ECONOMICUS. – 2017. – Т. 15. – № 3.
11. Mahmoud, J. J. Международные экономические санкции и их влияние на национальное развитие / Mahmoud Jameel Jdeed // Цилинский университет. Докторская диссертация. – 2013. – 189 с. (Mahmoud Jameel Jdeed 国际经济制裁及其对国家发展的影响).
12. Лю Цзяньпин. Экономические санкции и торговые реванши: новое определение экономических санкций / Лю Цзяньпин // Теоретическая дискуссия – 05.2005(经济制裁与贸易报复 – 对经济制裁内涵的再界定 / 柳剑平 刘威//理论探讨 – 05.2005).

(Дата подачи: 26.02.2021 г.)

Е. А. Готовцева

Белорусский национальный технический университет, Минск

K. Hatoutsava

Belarusian National Technical University, Minsk

УДК 334.7

ПРОБЛЕМА ЦЕНТРАЛИЗАЦИИ И ДЕЦЕНТРАЛИЗАЦИИ МАРКЕТИНГОВЫХ ПРОЦЕССОВ ПРИ РАЗЛИЧНЫХ ФОРМАХ МЕЖФИРМЕННЫХ ОБЪЕДИНЕНИЙ

THE PROBLEM OF CENTRALIZATION AND DECENTRALIZATION OF MARKETING PROCESSES IN DIFFERENT FORMS OF INTER-COMPANY ASSOCIATIONS

В статье рассматриваются различные формы межфирменных объединений, описываются их особенности. Приводятся преимущества и недостатки стратегических союзов. Систематизируется информация и осуществляется сравнительный анализ централизации и децентрализации сфер хозяйственной деятельности при различных формах межфирменных объединений. Обозначается проблема централизации и децентрализации маркетинга при интеграции. Выдвигается предположение о пересмотре роли маркетинга и степени его вовлеченности в процесс слияния при некоторых формах объединений.

Ключевые слова: межфирменные объединения; интеграция; стратегические объединения; концерн; конгломерат; консорциум; картель; синдикат; пул; трест; ассоциация; стратегический альянс; маркетинговый альянс.

The article discusses various forms of inter-company associations, describes their features. The advantages and disadvantages of strategic alliances are presented. The information is systematized and a comparative analysis of the centralization and decentralization of the spheres of economic activity in various forms of inter-firm associations is carried out. The problem of centralization and decentralization of marketing during integration is outlined. It is suggested that the role of marketing and the degree of its involvement in the merger process in some forms of mergers will be revised.

Keywords: inter-company associations; integration; strategic alliances; concern; conglomerate; consortium; cartel; syndicate; pool; trust; association; strategic alliance; marketing alliance.

Вхождение многих предприятий в различные межфирменные объединения и альянсы обозначается необходимостью стратегического преимущества компании в условиях конкурентной борьбы. Существуют различные типы межфирменных объединений, которые зависят от целей, придерживаемых руководством фирмы, специфики хозяйственных отношений между участниками такого объединения, а также того, на сколько независимым является каждый из участников межфирменного сотрудничества. При этом «золотой серединой» любого из существующих объединений является поиск баланса между централизацией и децентрализацией, как менеджмента предприятия, так и степени ответственности каждого из участников. Таким образом, можно сделать предположение о том, что существует проблема выбора руководством предприятия организационной формы стратегически оптимального межфирменного объединения. Вопросами организационных форм интеграции компаний как на международном, так и на

национальном уровне занимались такие ученые, как Р. Грант [8], Д. Кревенс [9], И. Г. Владимирова [1], А. Н. Асаул [5], Ю. А. Волкова [6], В. И. Тарасов [7].

Основная цель каждого хозяйствующего субъекта – реализация экономических интересов [2], а также их согласованность в случае кооперации. Степень интеграции каждого из участников стратегического альянса отличаются в зависимости от формы объединения. К основным формам межфирменных объединений можно отнести [5]: концерн, конгломерат, консорциум, картель, синдикат, пул, трест, ассоциацию, стратегический альянс (рис. 1). Каждая из форм объединения имеет свои особенности, а также подвиды со своей степенью интеграции. Именно руководству предприятия предстоит решить вопрос о выборе одной из форм с соответствующими обязательствами законодательного характера. При этом важно отметить, что в каждом случае интеграции регистрация в качестве юридического лица в той или иной организационно-правовой форме является обязательной и осуществляется в соответствии с текущим законодательством страны (ее правовых особенностей) места осуществления межфирменного объединения.

Рис. 1. Формы стратегических объединений
Источник: разработка автора на основе [1, с. 249].

Для решения проблемы выбора менеджментом предприятия организационной формы стратегически оптимального межфирменного объединения необходимо рассмотреть основные особенности каждого из них.

И. Г. Владимирова дает следующее определение понятию «концерн – это форма объединения самостоятельных предприятий, связанных посредством системы участия в капитале, финансовых связей, договоров об общности интересов, личных уний, патентно-лицензионных соглашений, тесного производственного сотрудничества» [1, с. 229]. Одной из основных особенностей концернов является то, что головное предприятие, которое имеет контрольный пакет акций дочерних предприятий (каждая из которых является отдельным юридическим лицом), полностью контролирует их деятельность. Форма собственности материнской компании чаще всего является смешанным холдингом с производственным характером объединения. А в рамках межкорпоративных взаимодействий концерн позволяет головному предприятию грамотно

диверсифицировать инвестиции в дочерние компании. Маркетинговая деятельность всех организаций, входящих в концерн, также как и другие сферы хозяйственной деятельности централизована головным предприятием. Концерны можно классифицировать по двум основным направлениям:

1) в зависимости от характера интеграционных связей между компаниями на вертикальный и горизонтальный;

2) в зависимости от степени участия в капитале на концерн подчинения и концерн координации.

«Конгломерат – это организационная форма интеграции компаний, объединяющая под единым финансовым контролем целую сеть разнородных предприятий, которая возникает в результате слияния и поглощения различных фирм вне зависимости от их горизонтальной и вертикальной интеграции, без всякой производственной общности» [1, с. 230–231]. В случае если руководство предприятия выбирает данную форму кооперации, то данное решение позволяет сохранить юридическую и производственно-хозяйственную самостоятельность всем участникам межфирменного объединения путем значительной децентрализации управления. Управление при этом осуществляется путем косвенного регулирования головным предприятием деятельности подразделений конгломерата. При таком объединении в отличие от концерна происходит децентрализация производства и маркетинга [8]. Отсутствие производственной общности, избыточная диверсификация, субоптимизация, необходимость усиленной мотивации управленческого персонала также являются отличительными чертами конгломерата, что в настоящее время приводит к потере прибыльности.

«Консорциум – временный союз хозяйственно независимых фирм, целью которого могут быть разные виды их скоординированной предпринимательской деятельности, чаще для совместной борьбы за получение заказов и их совместного исполнения» [1, с. 233]. Одним из основополагающих документов при данном способе объединения является соглашение, в результате которого может создаваться новое юридическое лицо, возглавляемое, к примеру, советом директоров. Каждый из участников консорциума сохраняет свою экономическую и юридическую независимость, если это соответствует его целям. Маркетинговая деятельность при данном виде межфирменного объединения носит децентрализованный характер, не обязывая участников интеграционного процесса к однотипным стратегиям [8]. Это может носить как позитивный, так и негативный характер, так как отсутствие четкой системы координирования маркетинга может привести к неэффективности самого объединения.

«Картель – объединение, как правило, фирм одной отрасли, которые вступают между собой в соглашение, касающееся различных сторон коммерческой деятельности компании, – о ценах, рынках сбыта, об объемах производства и сбыта, ассортименте и т. д.» [1, с. 237]. При выборе картеля как формы межфирменного объединения права собственности всех участников сохраняются, а само объединение носит договорной характер. И. Г. Владимирова отмечает, что у предприятий данной формы интеграции компании централизация направлена на бизнес-планирование и маркетинг. Такая управленческая стратегия носит негативный характер, так как чаще всего в картель объединяются предприятия одной отрасли, что позволяет им убрать с рынка ненужных конкурентов. И как следствие – это привело к тому, что в ряде стран мира картельные соглашения запрещены, исключением являются отдельные отрасли (прежде всего,

сельское хозяйство). В мировой практике выделяются несколько видов картелей: денежный картель, долевой картель (квотный, территориальный), закупочный картель, калькуляционный картель, кондиционный картель, контингентированный картель, кризисный картель, патентный картель, производственный картель, региональный картель, ценовой картель [1, с. 238].

«Синдикат – объединение однородных промышленных предприятий, созданное в целях сбыта продукции через общую сбытовую контору, организованную в форме особого торгового общества или товариществ (ОАО, ООО и т. п.), с которой каждый из участников синдиката заключает одинаковый по своим условиям договор на сбыт своей продукции» [1, с. 239]. Интеграция предприятий в синдикат ограничивает коммерческую самостоятельность всех участников объединения, однако, позволяет им сохранить производственную и юридическую независимость. Стоит отметить, что при данном виде кооперации также как и при картеле существует проблема централизации маркетинга, однако, исчезает децентрализация сбыта, что позволяет унифицировать их логистическую деятельность и оптимизировать закупку сырья.

«Пул – форма объединения компаний, отличающаяся тем, что прибыль всех участников поступает в общий фонд (котел) и затем распределяется между ними согласно установленной пропорции» [1, с. 240]. Централизация маркетинговой деятельности осуществляется, как и в картеле. Пул является одной из разновидностей картелей: монополистического объединения предприятий, которое носит краткосрочный характер. Выделяют следующие виды пулов: биржевой, «конкретный», патентный, торговый.

«Трест – объединение, в котором входящие в него предприятия сливаются в единый производственный комплекс и теряют свою юридическую, производственную и коммерческую деятельность, а руководство их деятельностью осуществляется из единого центра» [1, с. 241]. Такая форма межфирменного объединения имеет достаточно сильную интеграцию со стороны всех участников: коммерческую, производственную, хозяйственную и юридическую. Все участники подчиняются головной компании. Централизация всех сфер деятельности предприятия при данном виде межфирменного объединения, в том числе и маркетинга, аналогична концерну, но имеет перед ним большие преимущества. Трест является выгодным для предприятий разных отраслей промышленности, взаимосвязанных в последовательности выполняемых действий или выполняющих вспомогательную роль. Стоит отметить также, что в настоящее время, при данном виде интеграции стоит усилить централизацию маркетинга [9].

«Ассоциация – добровольное объединение юридических или физических лиц для достижения общей хозяйственной, научной, культурной или какой-либо другой, как правило, некоммерческой, цели» [1, с. 242]. При объединении в ассоциации ее участники сохраняют как свою хозяйственную, так и юридическую независимость, и не несут ответственности по обязательствам своих членов. Децентрализация маркетинга при вступлении предприятий в ассоциацию приводит к некоторым негативным последствиям, так как некоторые из участников могут использовать инсайдерскую информацию в нечестной конкурентной борьбе с организациями входящими в объединение [7]. Отмечается, что ассоциации в основном носят информационный безвозмездный характер для ее участников. Чаще всего используется предприятиями для лоббирования своих интересов в законодательных органах и правительстве.

«Стратегический альянс – одна из наиболее распространенных организационных форм межфирменной интеграции, основанная соглашениях о долгосрочном сотрудничестве двух или более независимых компаний для реализации совместных стратегических целей на основе получения синергии объединенных взаимодополняющих ресурсов компаний» [1, с. 243]. Стратегический альянс является одним из самых популярных форм межфирменного объединения. Интеграция хозяйствующих субъектов данным способом может носить как формальный характер, так и неформальное объединение для реализации какой-то одной определенной цели или проекта. Альянсы создаются на определенный срок, являются достаточно гибкими, могут иметь как многостороннее, так и двустороннее соглашение, в зависимости от стратегических планов партнеров. Стоит обозначить, что правильная политика децентрализации маркетинга привела к появлению отдельной и достаточно эффективной формы стратегического альянса – маркетинговый альянс [9]. Характерной чертой современных стратегических альянсов становится их международный и сетевой характер [1, с. 244]. Эта же черта может носить и негативный характер из-за территориальной и стратегической разрозненности всех участников объединения.

При различных формах межфирменных объединений всегда существует разная степень вовлечённости каждой из сфер хозяйственной деятельности предприятия. Сравнительный анализ централизации и децентрализации сфер хозяйственной деятельности при кооперации предприятий в виде концерна, конгломерата, консорциума, картеля, синдиката, пула, треста, ассоциации и стратегического альянса наглядно представлены в таблице 1.

Таблица 1

**Сравнительный анализ централизации и децентрализации
сфер хозяйственной деятельности при различных формах
межфирменных объединений**

Форма межфирменного объединения	Сфера хозяйственной деятельности				
	Производство	Маркетинг	Финансы	Учет	Бизнес-планирование
Концерн	Ц	Ц	Ц	Ц	Ц
Конгломерат	ДЦ	ДЦ	Ц	Ц	Ц
Консорциум	ДЦ	ДЦ	ДЦ	ДЦ	Ц
Картель	ДЦ	Ц	ДЦ	ДЦ	Ц
Синдикат	ДЦ	Ц	ДЦ	ДЦ	Ц
Ассоциация	ДЦ	ДЦ	ДЦ	ДЦ	ДЦ
Трест	Ц	Ц	Ц	Ц	Ц
Стратегический альянс	ДЦ	ДЦ	ДЦ	ДЦ	Ц
Условные обозначения: (Ц) – централизация сферы хозяйственной деятельности в рамках формы межфирменного объединения; (ДЦ) – децентрализация сферы хозяйственной деятельности в рамках формы межфирменного объединения.					

Источник: разработка автора на основе [1, с. 249], [6].

При рассмотрении основных сфер хозяйственной деятельности форм межфирменных объединений видно, что наиболее перспективной формой интеграции являются стратегические альянсы. Динамичность и не предсказуемость современной бизнес-среды обуславливает данный вывод. К основным преимуществам стратегических альянсов можно отнести [1, с. 260]:

- совершенствование слабых сторон существующих на предприятии, путем поддержки предприятиями партнерами или их помощи в диверсификации производства;
- простота и гибкость в формировании стратегического альянса;
- отсутствие ограничений в действии предприятий партнеров, что позволяет оперативно реагировать на все изменения;
- совместные методы и стратегии по продвижению новых и уже существующих товаров на рынке;
- совместная клиенто-ориентированная политика, влияющая на покупательскую лояльность.

Среди недостатков стратегических альянсов можно выделить следующие риски [1, с. 261]:

- обострение конкуренции среди предприятий партнеров;
- потеря текущих позиций на рынке из-за интеграционных процессов;
- потеря идентичности бренда (брендов);
- простота досрочного расторжения контракта о партнерских отношениях одним из участников объединения.

Однако, существующих при некоторых недостатках, преимущество такой формы межфирменного объединения как стратегический альянс высокое. Также в рамках данного объединения стоит выделить четыре группы движущих сил интеграционных процессов [1, с. 272]: достижение синергетического эффекта; выход на новые рынки; мотивы, связанные с конкуренцией предприятий вступающих в объединение; приобретение новых знаний и навыков. Классификация стратегических альянсов по характеру инвестиций в международной практике представлены на рисунке 2.

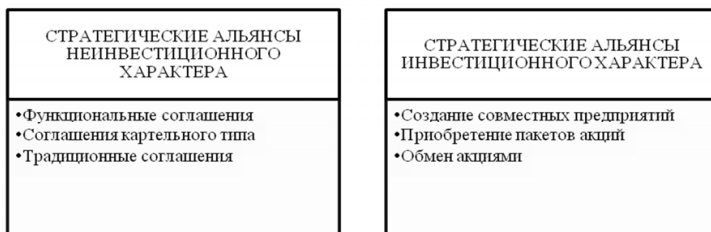

Рис. 2. Формы стратегических объединений

Источник: разработка автора на основе [1, с. 264].

Также стратегические объединения можно классифицировать по типу партнерства – на пять видов межфирменных соглашений [3]:

1. Стратегическое маркетинговое партнерство (маркетинговый альянс). В данном случае объединяются маркетинговые усилия организаций-партнеров с целью расширения рынков сбыта, поиска новых клиентов, диверсификации

производства или ребрендинга. В Республике Беларусь можно наблюдать единичные совместные маркетинговые мероприятия, такие как [4]: перекрестное сотрудничество по предоставлению клиентской базы банков и сети дискаунтеров; акции, проводимые сетями магазинов розничной торговли (бонусные наклейки на приобретение посуды, скидки на сопутствующие товары и т. д.); отдельные кросс-мероприятия в сфере услуг.

2. Стратегическое партнерство в продвижении. В интеграцию вступают все возможные посредники от производителя до конечного потребителя – с целью сокращения расходов, оптимизации канала продвижения или улучшения качества существующего способа логистики.

3. Стратегическое интеграционное партнерство. С развитием информационных технологий такой вид сотрудничества становится наиболее распространенным – происходит оптимизация работы различных приложений на одном цифровом устройстве. Это осуществляется путем соглашения между производителями оборудования и программного обеспечения или соглашения между двумя или более разработчиками программного обеспечения [10].

4. Стратегическое технологическое партнерство. При данном типе стратегического сотрудничества предполагает работу предприятий, входящих в объединение, с ИТ-компаниями: веб-дизайн, облачная платформа хранения данных, стратегический опыт сотрудничества.

5. Стратегическое финансовое партнерство. Партнерство осуществляется с целью оптимизации ведения финансов, как посредством привлечения сторонних организаций, так и компаний партнеров стратегического объединения.

При этом, вне зависимости от типа межфирменного объединения целесообразно систематически проводить оценку результатов его деятельности с целью выявления как позитивных, так и негативных тенденций в развитии объединения. Это позволит всем участникам интеграционного процесса оптимизировать стратегическое планирование выбранного способа кооперации.

Целесообразно отметить, что при всем многообразии существующих форм межфирменных объединений проблема выбора руководством предприятия оптимального пути интеграции будет всегда. Все зависит от стратегических целей компании, состояния различных сфер хозяйственной деятельности организации и степени юридической независимости каждого из участников. Существующая проблема централизации и децентрализации маркетинга при интеграционных процессах, приводит к выдвиганию предположения о пересмотре степени вовлеченности маркетинга в процесс объединения – вовлеченность в процесс слияния по указанному выше направлению должна быть более глубокой. Решение данной проблемы является одним из перспективных направлений развития вопроса межфирменного объединения, которое может позволить участникам кооперации принимать более эффективные стратегические решения для предприятия.

Список использованных источников

1. *Владимирова, И. Г.* Международный менеджмент: учебник / И. Г. Владимирова. – М.: КНРОУС, 2011. – С. 229–247.
2. Межфирменная интеграция как одна из форм кооперации [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/mezhfirmennaya-integratsiya-kak-odna-iz-form-kooperatsii/viewer>. – Дата доступа: 10.02.2021.

3. 5 types of strategic partnership agreements to help grow your business [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/mezhfirmennaya-integratsiya-kak-odna-iz-form-kooperatsii/viewer>. – Дата доступа: 12.02.2021.

4. *Хватик, М. В.* Совместный маркетинг: теория и практика применения белорусскими компаниями / М. В. Хватик, Ю. А. Власюк / Вестник Брестского государственного технического университета. – 2016. – № 3. – БрГТУ. – С. 41–45.

5. Коммерческие организации как субъект предпринимательской деятельности [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.aup.ru/books/m6/6_5.htm. – Дата доступа: 12.02.2021.

6. Организационные формы интеграции субъектов хозяйствования [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://edoc.bseu.by:8080/bitstream/edoc/62180/1/Volkova_Yu._A._s._16_18.pdf. – Дата доступа: 14.02.2021.

7. TACIT vs EXPLICIT: почему производители вступают в явный сговор? [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://elib.bsu.by/bitstream/123456789/45236/1/tarasov-dragun-ivanovskaja.pdf>. – Дата доступа: 14.02.2021.

8. *Грант, Р.* Современный стратегический анализ (Contemporary Strategy Analysis) / Р. Грант. – СПб.: ООО «Питер Мейл», 2018. – 672 с.

9. *Кревенс, Д.* Стратегический маркетинг: пер. с англ. / Д. Кревенс. – 6-е изд. – Вильямс, 2017. – 512 с.

10. *Готовцева, Е. А.* Женский взгляд на стратегии продвижения маркетинговых альянсов в интернете / Е. А. Готовцева // Женщины-ученые Беларуси и Польши: материалы междунар. науч.-практ. конф., Минск, 26 мар. 2020 г. / БГУ; редкол.: И. В. Казакова, И. В. Олюнина (отв. ред.). – Минск: БГУ, 2020. – С. 296–300.

(Дата подачи: 28.02.2021 г.)

И. А. Даукиш

Академия управления при Президенте Республики Беларусь, Минск

I. A. Dauksh

Academy of Public Administration under the President
of the Republic of Belarus, city of Minsk

УДК [338.23:339.562](476)

МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ АНАЛИЗА ВНЕШНЕЭКОНОМИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ ФАРМАЦЕВТИЧЕСКОГО РЫНКА РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ

METHODOLOGICAL ASPECTS OF ANALYSIS OF EXTERNAL ECONOMIC PHARMACEUTICAL MARKET OF REPUBLIC BYELORUSSIA DEVELOPMENT

Рассмотрена методология статистического анализа процесса импортозамещения. Определена система показателей внешнеторговой самообеспеченности страны фармацевтической продукцией. Выявлены тенденции внешнеэкономического развития фармацевтического рынка Республики Беларусь. Уточнена система показателей конкурентоспособности продукции фармации и фармацевтики с целью построения региональных кластеров. В целевые показатели государственной программы развития

фармацевтической отрасли Беларуси предлагается включить структурные коэффициенты, характеризующие источники формирования внутреннего рынка страны.

Ключевые слова: фармацевтический рынок; фармацевтическая продукция; показатели эффективности внешнеторгового оборота; показатели импортозамещения; показатели международной конкурентоспособности; показатели кластеризации региональных фармацевтических рынков.

The article considers the methodology of statistical analysis of the import substitution process. The system of indicators of the country's foreign trade provision with pharmaceutical products is determined. The trends of foreign economic development of the pharmaceutical market of the Republic of Belarus are revealed. The system of indicators of competitiveness of pharmacy and pharmaceutical products in order to build regional clusters is clarified. The author proposes to include structural coefficients characterizing the sources of formation of the country's domestic market in the target indicators of the state program for the development of the pharmaceutical industry in Belarus.

Keywords: pharmaceutical market; pharmaceutical products; indicators of efficiency of foreign trade turnover; indicators of import substitution; indicators of international competitiveness; clustering indicators of regional pharmaceutical markets.

В научных трудах последних десятилетий отмечается, что фармацевтический рынок является самым перспективным и динамично развивающимся. Эффективное функционирование фармацевтической отрасли обеспечивает национальную безопасность страны в области здравоохранения, лекарственного и медико-технического обеспечения. Национальная лекарственная политика Республики Беларусь заключается в реализации следующих задач: развитие фармацевтической науки, переход к международным стандартам организации производства лекарственных средств, снижение импортозависимости, совершенствование нормативно-правовой базы.

Состояние отечественного фармацевтического рынка в своих трудах изучали Т. Бизунок, Е. Карачевская, И. Тимохова, С. Флерко и др. Динамика розничного товарооборота позволила определить основные тенденции развития фармотрасли: рост количества зарегистрированных новых лекарственных средств; снижение цен на отечественные лекарственные средства-дженерики; производство биоаналогов [1–5].

Существенный вклад в изучение тенденций мирового фармацевтического рынка внесли: Е. Андреева, Е. Сапир, Д. Карх, И. Карачев [6–7]. Исследователями проверялась достоверность гипотезы о существовании тесной зависимости между наличием в продуктовых портфелях производителей инновационных медпрепаратов и размерами фармэкспорта. Полученные результаты показали, что обозначенная закономерность подтверждается не во всех странах. Например, по данным российских фармацевтических компаний корреляционный анализ экспортного потенциала выявил высокую и заметную степень тесноты связи между объемами экспорта и расходами на НИОКР. Показатели американского фармэкспорта определили обратную зависимость: значительные финансовые вложения в инновационные разработки и масштабный перенос производства в другие страны не привели США к лидерству в области экспорта фармацевтической продукции [7–10].

В настоящее время перед отечественной наукой стоит задача проанализировать выполнение показателей «Государственной программы развития фармацев-

тической промышленности Республики Беларусь на 2016–2020 годы» с целью определения факторов влияющих на производительность труда отрасли, оценки способности продукции конкурировать на внешних рынках по уровню цен и инновационности. В рамках решения обозначенной задачи и были изучены методологические аспекты статистического анализа процессов импортозамещения на отечественном фармацевтическом рынке.

По состоянию на 1 января 2020 г. в Республике Беларусь зарегистрировано 101 организация по производству фармацевтической продукции, в том числе по регионам: город Минск – 37; Минский – 37; Витебский – 11; Гродненский – 5; Брестский – 4; Гомельский – 4; Могилевский – 3 [12].

Объем производства основных фармацевтических продуктов и фармацевтических препаратов в 2019 г. равен 1 365 млн руб, что на 37 % больше чем в 2016 г. Доля инновационноактивных организаций в общем количестве зарегистрированных в фармотрасли в 2019 г. составляла 70,8 % (что на 2,5 пп меньше 2016 г.) [13].

Экспортная ориентированность фармпродукции входит в общенациональную стратегию Беларуси как условие расширения производства, роста занятости, снижения затрат, и как следствие, увеличение финансовых результатов. Департамент фармацевтической промышленности Министерства здравоохранения Республики Беларусь осуществляет поставки на традиционные рынки стран СНГ, налаживает связи с перспективными рынками сбыта стран Африки, Латинской Америки, Азии. В настоящее время экспорт товаров отечественной фарминдустрии осуществляется около 30 странам мира. В 2020 г. запланировано достигнуть 40,0 % доли экспорта лекарственных средств от объема производства продукции. В 2019 г. показатель составил 29,9 % (по плану 35,0 %) [13].

При оценке внешнеторговой деятельности необходимо учитывать, что экспортно-импортные операции для экономики страны имеют двойное значение. Экспорт – в стоимостном выражении увеличивает доходы национальной экономики, а в натуральном выражении уменьшает запасы соответствующей продукции внутреннего рынка. Импорт имеет обратную тенденцию влияния на рынок. В таблице 1 представлены показатели внешнеэкономических операций лекарственных средств *розничной продажи* в Республике Беларусь за период 2010–2019 гг.

Таблица 1

**Показатели экспорта и импорта лекарственных средств
розничной продажи в Республике Беларусь, 2010–2019 гг.**

Показатель	2010 г.	2011 г.	2012 г.	2013 г.	2014 г.	2015 г.	2016 г.	2017 г.	2018 г.	2019 г.
Экспорт, тонн	–	–	10820	9776	9403	9691	9676	10364	10404	12662
Импорт, тонн	7387	6402	6721	7766	8134	6497	6436	8053	7399	8794

Примечание: собственная разработка на основе [13].

С 2012 г. физический объем экспорта лекарственных средств превышает импорт, что является положительной тенденцией процесса импортозамещения отрасли. Востребованность отечественных препаратов за рубежом свидетельствует о высоких качественных характеристиках выпускаемой в стране продукции. Изучение стоимостных показателей в динамике не представляется

возможным, так как сборники Белстата содержат показатели экспортно-импорт-ной деятельности только в натуральном выражении, а указанные усредненные цены на лекарственные средства (долларов за тонну) не применимы в макроэ-кономическом анализе, так как товарные группы имеют разную натурально-ве-щественную структуру.

В международной практике оценка эффективности внешнеэкономической деятельности страны осуществляется на основе следующих показателей (Э – экспорт; И – импорт):

Коэффициент покрытия импорта экспортом	$\frac{\text{Э}}{\text{И}}$	>1 – высокий уровень; <2 – низкий уровень.	(1)
Коэффициент эффективности внешнеторгового оборота	$\frac{\text{Э} - \text{И}}{\text{Э} + \text{И}}$	–1 «нетто-импортер»; 1 «нетто-экспортер».	(2)
Экспортная квота	$\frac{\text{Э}}{\text{ВВП}}$	нет нормативного значения.	(3)

В качестве индикаторов обеспеченности лекарственными средствами Рес-публики Беларусь определены коэффициенты покрытия импорта экспортом и эффективности внешнеторгового оборота (таблица 2). Экспортная квота не рассчитана, так как официально опубликованные статистические данные экс-порта и внутреннего продукта имеют разные единицы измерения.

Таблица 2

**Показатели внешнеторговой самообеспеченности лекарственными средствами
Республики Беларусь, 2012–2019 гг.**

Показатель	2012 г.	2013 г.	2014 г.	2015 г.	2016 г.	2017 г.	2018 г.	2019 г.
Коэффициент покрытия импорта экспортом	1,609	1,259	1,156	1,492	1,503	1,287	1,406	1,439
Коэффициент эффектив-ности внешнеторгового оборота	0,233	0,115	0,072	0,197	0,201	0,125	0,168	0,180

Примечание: собственная разработка на основе таблицы 1.

За исследуемый период среднее значение коэффициента покрытия импорта экспортом составило 1,394. Полученный результат позволяет утверждать, что в целом население и организации здравоохранения лекарствами обеспечены. Однако реальную картину обеспеченности внутреннего рынка медикаментами можно получить, только проведя анализ по каждой фармакотерапевтической группе с учетом ежегодно меняющихся моделей заболеваемости населения страны, тем более, что в динамике коэффициент не имеет четко выраженной тенденции развития.

Коэффициент эффективности внешнеторгового оборота характеризует долю прироста чистого экспорта в торговом обороте на внешнем рынке. За 2012–2019 гг. все показатели имеют положительные значения. Учитывая возможный диапазон коэффициента от –1 до 1 отечественный фармацевтический сектор можно характеризовать как обладающий средней степенью экспортоориенти-рованности.

В «Государственной программе развития фармацевтической промышленности Республики Беларусь на 2016-2020 годы» основным сводным целевым показателем был выделен удельный вес отечественных лекарственных средств на внутреннем рынке страны (определяется с использованием показателей в стоимостных единицах измерения):

$$\frac{ЛС - ЛС_{\text{Э}}}{ЛС - ЛС_{\text{Э}} - ЛС_{\text{Э}^{\text{рез}}} - ЛС_{\text{И}} - ЛС_{\text{И}'} - ЛС_{\text{И}^{\text{К-И}}}}, \quad (4)$$

где ЛС – объем производства организациями лекарственных средств;

ЛС_Э – объем экспорта лекарственных средств, страной происхождения которых является Республика Беларусь, по отдельным кодам ТН ВЭД ТС;

ЛС_{Э^{рез}} – объем экспорта лекарственных средств, страной происхождения которых не является Республика Беларусь, по отдельным кодам ТН ВЭД ТС;

ЛС_И – объем импорта лекарственных средств по отдельным кодам ТН ВЭД ТС;

ЛС_{И'} – объем импорта лекарственных средств, оплата за которые не предусмотрена по отдельным кодам ТН ВЭД ТС;

ЛС_{И^{К-И}} – объем финансовых скидок, полученных в виде кредит-нот за импортируемые лекарственные средства, по отдельным кодам ТН ВЭД ТС.

В 2019г. доля отечественных лекарственных средств в розничном товарообороте страны составила 48,9 %, что на 5,1 пп ниже запланированного значения. В связи с отсутствием структурных данных формулы (4) детальный функционально-стоимостной анализ выполнения планового задания произвести нельзя.

Из формулы (4) следует, что сводный показатель госпрограммы охватывает производство и движение только лекарственных средств, хотя фармацевтический рынок включает и изделия медицинского назначения, услуги научно-консультативной информацией. Отечественные организации фармацевтики выпускают две товарные группы: фармацевтические продукты и фармацевтические препараты. Значит, методологически верно оценку эффективности функционирования сектора осуществлять по всему объему производства и товарооборота фармпродукции (с учетом экспорта и импорта).

Автор предлагает дополнить целевые показатели госпрограммы развития фармацевтической отрасли рядом производных коэффициентов, которые характеризуют источники формирования внутреннего рынка страны:

- коэффициент соотношения фармэкспорта отечественной продукции к объему фармацевтической продукции внутреннего рынка:

$$\frac{\text{Э}}{\text{Пр} - (\text{Э} + \text{Э}^{\text{рез}}) + (\text{И} - \text{И}' - \text{И}^{\text{К-И}})}, \quad (5)$$

где Пр – объем производства отечественной фармацевтической продукции;

- коэффициент покрытия импорта (исключая фармпродукцию, оплата за которые не предусмотрена; финансовые скидки, полученные в виде кредит-нот) экспортом (включая фармпродукцию, страной происхождения которой не является Беларусь):

$$\frac{\mathcal{E} + \mathcal{E}^{\text{pc}}}{\text{И} - \text{И}' - \text{И}^{\text{к-н}}}; \quad (6)$$

- коэффициент покрытия импорта (исключая фармпродукцию, оплата за которые не предусмотрена; финансовые скидки, полученные в виде кредит-нот) фармэкспортом отечественного производства:

$$\frac{\mathcal{E}}{\text{И} - \text{И}' - \text{И}^{\text{к-н}}}; \quad (7)$$

- удельный вес фармэкспорта отечественного производства в общем объеме экспорта (включая фармпродукцию, страной происхождения которой не является Беларусь):

$$\frac{\mathcal{E}}{\mathcal{E} + \mathcal{E}^{\text{pc}}}; \quad (8)$$

- коэффициент соотношения импорта фармацевтической продукции, оплата за которые не предусмотрена, включая финансовые скидки, осуществленные в виде кредит-нот к фармимпорту:

$$\frac{\text{И} + \text{И}^{\text{к-н}}}{\text{И}}. \quad (9)$$

Показатели (5)–(9) целесообразно рассчитывать по всем фармакотерапевтическим группам продукции, в том числе в разрезе отдельных кодов ТН ВЭД ТС. Удельный вес фармэкспорта отечественного производства в общем объеме экспорта (включая фармпродукцию, страной происхождения которой не является Беларусь) возможно рассчитать и с использованием натуральных единиц измерения. Для однозначной интерпретации полученных результатов необходимо для каждого показателя установить шкалу оценок эффективности экспортно-импортной деятельности.

Таким образом, расширенная система целевых показателей отрасли позволит Департаменту фармацевтической промышленности Министерства здравоохранения Республики Беларусь проводить детальный анализ выполнения программных заданий (договорных обязательств), а значит более точно определять вектор развития фармацевтического сектора.

Конкурентоспособность фармацевтической отрасли Республики Беларусь в сравнении с группой стран евразийского региона была определена по данным международной отчетности за 2018 г. (расчеты произведены на основе показателей в стоимостных единицах измерения).

В 2018 г. Беларусь имела самые устойчивые оценки коэффициента покрытия импорта экспортом и экспортной квоты среди стран ЕАЭС. Сальдо внешней торговли стран данного региона имеют отрицательные значения, что свидетельствует о превышении импорта над экспортом. В мировом рейтинге конкурентоспособности промышленности Беларусь занимала 47-е место, уступив из стран евразийского региона только России (32), а по глобальному индексу конкурентоспособности наша страна не была представлена.

Одним из современных направлений изучения фармацевтического рынка является кластеризация регионов по уровню конкурентоспособности. Как правило, исследования проводят на основе показателей [1, 14, 15]: затраты на

здравоохранение; численность занятых в фармацевтической промышленности; добавленная стоимость при производстве фармацевтической продукции; средняя продолжительность жизни населения; потребление фармацевтической продукции на душу населения.

Таблица 3

**Показатели внешнеторговых операций фармацевтической продукции
стран ЕАЭС, 2018 г.**

Страна	Сальдо внешней торговли, млрд долл. США	Коэффициент покрытия импорта экспортом	Экспортная квота, %	Коэффициент эффективности внешнеторгового оборота	Мировой рейтинг конкурентоспособности промышленности стран, СІР	Глобальный индекс конкурентоспособности
Армения	-0,137253	0,134	0,1838	-0,763	99	70
Беларусь	-0,491139	0,328	0,3042	-0,506	47	—
Казахстан	-1,143048	0,029	0,0158	-0,942	69	59
Кыргызстан	-0,155961	0,004	0,0083	-0,992	121	97
Россия	-9,790373	0,075	0,0210	-0,861	32	43

Примечание: собственная разработка на основе [URL: <https://www.trademap.org/Index.aspx>; URL: https://www.unido.org/sites/default/files/files/2019-05/CIP_Report_2019.pdf].

Доказательством несовершенства данной системы показателей служат Индия и Китай, которые оказывают существенное влияние на развитие мировой фарминдустрии. Значения показателей добавленной стоимости и численности занятых в фармацевтическом секторе у этих стран самые высокие, но отмечается низкая продолжительность жизни населения, низкий уровень потребления фармацевтической продукции на душу населения, не значительные затраты на здравоохранение. Следовательно, обозначенный перечень показателей региональной конкурентоспособности необходимо подвергнуть существенной корректировке.

Показатель «затраты на здравоохранение» предполагает, что расходы должны осуществляться только из средств государственного бюджета. Например, по данным Белстата в Республике Беларусь бюджетные расходы на здравоохранение с 2010 г. постоянно увеличивались и в 2019 г. составили 34,3 %. Безусловно, фармацевтическое направление является важным разделом здравоохранения, но производители фармпродукции относятся к другому виду экономической деятельности. Госпрограмма развития фармпромышленности Беларуси предусматривает несколько источников финансового обеспечения: республиканский бюджет – 13,3 %, средства инновационных фондов заказчиков – 2,5 %; собственные средства организаций – 84,2 % [11].

«Численность занятых в фармацевтической промышленности» не полностью охватывает участников фармацевтического рынка (в 2019 г. в Беларуси зарегистрировано 11 тыс. чел. занятых [13]), так как не учитывается деятельность производственных аптек, в функции которых входит изготовление лекарственных средств по рецептам и назначениям врачей.

Использование *«добавленная стоимость при производстве фармацевтической продукции»* предполагает, что во взаимосвязи с численностью занятых и затратами будут получены значения производительности труда и эффективности использования потребленных ресурсов. Видится, что для сводной оценки эффективности функционирования отрасли более логично использовать показатели рентабельности, что предполагает использование показателей прибыли.

«Средняя продолжительность жизни населения» и *«потребление фармацевтической продукции на душу населения»* зависят от целого ряда социальных, культурных, экономических и экологических факторов, а не только от уровня обеспеченности медицинскими препаратами [16–17].

Таким образом, при построении региональных кластеров фармацевтических рынков более точным будет использовать показатели: затраты фармацевтических организаций направленные на финансирование научных исследований и разработок; численность занятых в фармации и фармацевтике; прибыль организаций фармации и фармацевтики.

Результаты исследования позволили оценить фармацевтический рынок Республики Беларусь как средней степени экспортоориентированности и импортозависимости. С целью сокращения государственных затрат на приобретение медицинских препаратов иностранного производства отечественным производителям необходимо увеличить производство инновационной фармпродукции.

Предлагается расширить перечень целевых показателей развития фармацевтической отрасли для функционально-стоимостного анализа выполнения программных заданий (договорных обязательств). В сводные показатели по каждой фармакотерапевтической группе целесообразно включить: коэффициент соотношения фармэкспорта отечественной продукции к объему фармпродукции внутреннего рынка; коэффициент покрытия импорта (исключая фармпродукцию, оплата, за которую не предусмотрена; финансовые скидки, полученные в виде кредит-нот) экспортом (включая фармпродукцию, страной происхождения которой не является Беларусь); коэффициент покрытия импорта (исключая фармпродукцию, оплата за которые не предусмотрена; финансовые скидки, полученные в виде кредит-нот) фармэкспортом отечественного производства; удельный вес фармэкспорта отечественного производства в общем объеме экспорта (включая фармпродукцию, страной происхождения которой не является Беларусь); коэффициент соотношения импорта фармацевтической продукции, оплата за которые не предусмотрена, включая финансовые скидки, осуществленные в виде кредит-нот к фармимпорту.

Уточнены показатели конкурентоспособности фармацевтических рынков, в целях построения региональных кластеров: затраты фармацевтических организаций направленные на финансирование научных исследований и разработок; численность занятых в фармации и фармацевтике; прибыль организаций фармации и фармацевтики.

Функцию анализа статистики фармацевтической отрасли целесообразно передать Национальному статистическому комитету Республики Беларусь, так как только под его руководством возможно построение научно обоснованной системы показателей, отвечающей современным условиям развития экономики и общества.

Список использованных источников

1. *Бизунок, Т. А.* Конкурентоспособность фармацевтической отрасли Республики Беларусь и пути ее повышения / Т. А. Бизунок // Белорусский экономический журнал: науч.-теор. журн. – 2019. – № 4 – С. 126–137.
2. *Карачевская, Е. В.* Методологические основы концепции стратегического развития лекарственной отрасли Республики Беларусь / Е. В. Карачевская // Проблемы экономики: сб. науч. трудов / Министерство сельского хозяйства и продовольствия Республики Беларусь, УО «Белорусская сельскохозяйственная академия». – 2019. – № 2. – С. 85–95.
3. *Тимохова, И. А.* Импортозамещение в фармацевтике: достижения и перспективы / И. А. Тимохова, С. Л. Флерко // Гермес: респ. науч.-попул. произв.-практ. журнал / учр. Министерство торговли Республики Беларусь. – 2018. – № 5. – С. 48–49.
4. *Флерко, С. А.* Политика импортозамещения Республики Беларусь / С. Л. Флерко, И. А. Тимохова // Менеджмент и маркетинг: опыт и проблемы: сб. науч. трудов / Белорусский государственный экономический университет [и др.]. – Минск, 2018. – С. 234–237.
5. *Даукиш, И. А.* Белорусский фармацевтический рынок: тенденции и проблемы / И. А. Даукиш, Д. В. Биратко // Современные научные исследования: тенденции и перспективы: сб. ст. / ЧУДПО «НИОЦ»; под общ. ред. Е. А. Назарова. – Казань: ООО ПК «Астор и Я», 2020. – С. 121–124.
6. Компаративный анализ внешнеэкономического развития фармацевтического сектора в РФ и США / Е. Л. Андреева [и др.] // Экономика региона. – 2019. – Т. 15, вып. 2. – С. 576–589.
7. *Бекарев, А. А.* Что определяет современное состояние и конкурентоспособность российской фармацевтической отрасли / А. А. Бекарев, С. В. Бекарева // Вестник Новосибирского государственного университета. – 2015. – Т. 15, вып. 1. – С. 23–31.
8. *Andreeva, E. L.* Export potential assessment of Russian pharmaceutical clusters / E. L. Andreeva, E. V. Sapir, I. A. Karachev, D. A. Zherenkov // SGEM International Multidisciplinary Scientific Conference on Social sciences and Arts. – 2016. – Vol. 2, No. 5. – Pp. 245–252.
9. *Frolova, E.* Assessment of the international development level of Kazakhstan national pharmaceutical complex / E. Frolova, E. Andreeva, Z. Abdurahmanova // D. Vrontis & Y. Weber & E. Tsoukatos (Eds.), Proceedings of the 10th Annual Conference of the EuroMed Academy of Business. – Marseille: EuroMed Press. – 2017. – P. 624–637.
10. *Capo, F.* Innovative Business Models in the Pharmaceutical Industry: A Case on Exploiting Value Networks to Stay Competitive / F. Capo, F. Brunetta, P. Boccadelli // International Journal of Engineering Business Management. – 2014. – Vol. 6, special iss. [Innovations in Pharmaceutical Industry]. – P. 6–23. – DOI: 10.5772/59155.
11. О государственной программе инновационного развития Республики Беларусь на 2016–2020 годы: Указ Президента Республики Беларусь, 31 января 2017 г., № 31 // Национальный правовой интернет-портал Республики Беларусь [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://pravo.by/main.aspx?guid=12551&p0=C214_00137&p1=1&p5=0. – Дата доступа: 01.12.2020.
12. Регионы Республики Беларусь, 2020: стат. сб. / Национальный статистический комитет Республики Беларусь. – Минск, 2020. – Т. 1. – 776 с., т. 2. – 584 с.
13. Статистический ежегодник Республики Беларусь, 2020: стат. сб. / Национальный статистический комитет Республики Беларусь. – Минск, 2020. – 436 с.
14. *Сапир, Е. В.* Экспортный потенциал российских фармацевтических предприятий в формирующихся региональных кластерах / Е. В. Сапир, И. А. Карачев, М. Чжан // Экономика региона. – 2016. – Т. 12, вып. 4. – С. 1194–1204.

15. Зиньковская, Н. В. Международные фарма-медицинские кластеры. Предпосылки и проблемы формирования / Н. В. Зиньковская, М. А. Толстолятенко // Проблемы экономики, финансов и управления производством. – 2015. – № 36. – С. 112–119.

16. Воробьев, В. Трудовой потенциал. Здоровье нации и экономика / И. Воробьев, Е. Сидорова // Аграрная экономика: науч. журнал / учр.: НАН Беларуси, РУП «Институт системных исследований в АПК НАН Беларуси». – 2016. – № 1. – С. 49–50.

17. Жарко, В. И. Здоровье нации – необходимое условие стабилизации экономики / В. И. Жарко // Проблемы управления: науч. практ. журнал / учр. Академия управления при Президенте Республики Беларусь. – 2015. – № 1 – С. 19–21.

(Дата подачи: 25.02.2021 г.)

Л. С. Климченя

Белорусский государственный экономический университет, Минск

L. Klimchenia

Belarus State Economic University, Minsk

УДК 338:004

ЦИФРОВАЯ ЭКОНОМИКА КАК РЕЗУЛЬТАТ ЦИФРОВОЙ ТРАНСФОРМАЦИИ БИЗНЕС-ПРОЦЕССОВ

DIGITAL ECONOMY AS A RESULT OF DIGITAL TRANSFORMATION OF BUSINESS PROCESSES

В статье отражены результаты исследования процессов цифровой трансформации, раскрыто ее содержание. Автор характеризует современный этап экономического развития. Автор представил трактовку дефиниции и выделил составляющие цифровой экономики. Проведено сравнение характеристик цифровой и нецифровой экономик.

Ключевые слова: цифровая экономика; цифровая трансформация; составляющие цифровой экономики; характеристики и признаки цифровой экономики.

The article reflects the results of the study of the processes of digital transformation, reveals its content. The author characterizes the current stage of economic development. The author presented the interpretation of the definition and highlighted the components of the digital economy. The characteristics of digital and non-digital economies are compared.

Keywords: digital economy; digital transformation; components of the digital economy; characteristics and signs of the digital economy.

Ключевой и наиболее обсуждаемой темой является цифровая трансформация экономики как приоритетное направление государственной политики, что находит отражение в программах и направлениях развития многих стран. В научных кругах также сформировалось единое мнение, что цифровая экономика (ЦЭ) является определяющим фактором экономического развития стран. При этом пока еще не выработано единого подхода к раскрытию сущности как самой ЦЭ, так и цифровой трансформации.

Новая концепция экономики, характеризующая современное социально-экономическое развитие, отражает изменения в системе экономических отношений, которые приобретают устойчивый характер, что позволяет определить их как тенденции. Изучение устойчивых тенденций, присутствующих в экономике

многих стран с той или иной степенью, позволило выделить наиболее общие из них, представленные на рисунке 1.

Рис. 1. Устойчивые тенденции в экономике

Источник: собственная разработка.

Представленные тенденции, отражают качественные изменения в экономике, что позволяет сделать вывод о протекании в ней трансформационных процессов, которые обусловлены во многом развитием цифровых методов коммуникаций.

Для быстроты и точности раскрытия сущности трансформации, рассмотрим ее сначала ее трактовку в узком смысле. В узком смысле процесс цифровой трансформации – это переход от материальных носителей информации к цифровым (информационным). При таком подходе изменяется только форма представления информации, а ее содержание и качество остаются без изменений. Но процесс цифровой трансформации не может быть охарактеризован только заменой формы ресурса (аналогового на цифровой).

Поэтому следует раскрыть сущность цифровой трансформации в широком смысле, которая увязывается многими авторами с 4-й промышленной революцией.

Одним из первых определений приведем определение Boston Consulting Group (BCG), в рамках которого цифровая трансформация включала такие элементы как данные, бизнес-задачи и цифровые технологии и представляла собой «максимально полное раскрытие потенциала цифровых технологий через их использование во всех аспектах бизнес – процессов, продуктах и сервисах, подходах к принятию решений» [1]. Исходя из представленного трактования дефиниции, отметим, что основное внимание аналитики BCG уделено направлениям внедрения цифровых технологий, т. е. масштабу. При этом в определении не отражены ожидаемые изменения в аспектах как бизнес-процессов, сервисах и т. п.

Практический и научный интерес представляет опыт Российской Федерации по изучению трансформационных процессов в экономике. Так Методические рекомендации по цифровой трансформации государственных корпораций и компаний с государственным участием, разработанные в рамках реализации

мероприятий и ключевых направлений федерального проекта «Цифровые технологии» в 2019 г., содержит следующее определение цифровой трансформации: «цифровая трансформация – комплексное преобразование бизнеса, связанное с успешным переходом к новым бизнес-моделям, каналам коммуникаций с клиентами и поставщиками, продуктам, бизнес- и производственным процессам, корпоративной культуре, которые базируются на принципиально новых подходах к управлению данными с использованием цифровых технологий, с целью существенного повышения его эффективности и долгосрочной устойчивости» [2, с. 5]. Исходя из данного определения, можно предположить, что трансформация в первую очередь связана с комплексным преобразованием бизнеса, а если оно комплексное, то затрагивает изменения количественных и качественных показателей бизнеса, которые в итоге обеспечат повышение эффективности бизнеса. В приведенных Методических рекомендациях по цифровой трансформации государственных корпораций и компаний с государственным участием выделены следующие направления цифровой трансформации:

- 1) создание и развитие новых бизнес-моделей;
- 2) внедрение цифровых технологий и платформенных решений;
- 3) формирование нового подхода к управлению данными;
- 4) создание цифровой среды.

Если сравнить элементы цифровой трансформации Методических рекомендаций и элементы цифровой трансформации BCG, то Методические рекомендации дополняют разработки BCG, расширяя перечень элементов и конкретизируют их.

Не только отдельные страны уделяют внимание цифровой трансформации экономики, но и интеграционные региональные объединения. Согласно 1-й статье Основных направлений реализации цифровой повестки Евразийского экономического союза до 2025 года, «цифровая трансформация» – проявление качественных, революционных изменений, заключающихся не только в отдельных цифровых преобразованиях, но в принципиальном изменении структуры экономики, в перенос её центров создания добавленной стоимости в сферу выстраивания цифровых ресурсов и сквозных цифровых процессов. В результате цифровой трансформации осуществляется переход на новый технологический и экономический уклад, а также происходит создание новых отраслей экономики» [3]. Исходя из приведенного определения, следует отметить, что трансформация предполагает изменение параметров, пропорций, связей и элементов экономической системы, которые, накапливаясь, обуславливают переход ее в новое качественное состояние.

Научный интерес по исследуемой проблематике представляют публикации Ю. А. Ковальчука, Ю. Е. Хохлова, А. Б. Долгина, М. М. Ковалева и др.

Автор Ю. А. Ковальчук характеризует происходящие изменения в экономике как революционное проникновение цифровых технологий, которое выражается в создании:

- цифровых предприятий на основе цифровизации всех систем предприятия и их интеграции в цифровую экосистему вместе с партнерами, участвующими в цепочке создания стоимости (Industrie 4.0);
- массового кастомизированного производства с возможностью интерактивного обмена идеями и разработками на основе развития 3D-проектирования и 3D-печати и использовании аддитивных технологий;

- инноваций, базирующихся на комбинациях технологий, информационных платформ, соединяющим в себе спрос и предложение и нарушающим существующие производственные структуры;
- новых организационных форм и моделей бизнеса «совместное пользование» («sharing» economy) и «по заказу» («on-demand» economy);
- новой индустриализации экономики в развитых богатых странах, которая повлияет на промышленность во всем мире (пятая промышленная революция) [4].

Исследователь Ю. Е. Хохлов так трактует исследуемую дефиницию: «Под цифровой трансформацией мы будем понимать формирование нового уклада экономики и общества, основанного на знаниях и цифровых ИКТ» [5]. В качестве факторов, обеспечивающих и определяющих современный этап трансформации, он выделил: мобильность; облачные вычисления; социальные сети; сенсорные сети и интернет вещей; технологии искусственного интеллекта.

Основная цель использования приведенных выше цифровых технологий – повышение результативности деятельности субъектов хозяйствования, населения и государства.

Как показывает проведенное исследование, авторы, затрагивающие в своих исследованиях вопросы цифровой трансформации, сходятся во мнении, что такая трансформация означает фундаментальные изменения в:

- 1) хозяйственной деятельности;
- 2) организационном поведении;
- 3) взаимодействии людей.

Следовательно, трансформация меняет организацию экономической системы, обеспечивает ее переход на новый уровень функционирования.

Таким образом, трансформация представляет собой объективно-субъективный процесс, с одной стороны, происходящий в соответствии с объективными законами, а с другой – инициируемый и регулируемый субъектами с целью его ускорения и придания ему направленности. Исходя из отмеченного, *цифровая трансформация*, по мнению автора, есть ни что иное как *принципиальное изменение общества и экономики, способствующее переходу на новый технологический и экономический уклад с максимально полным использованием потенциала цифровых технологий*.

Современное экономическое развитие можно охарактеризовать следующим образом: глобализация и урбанизация; ускорение темпов научно-технического прогресса; информатизация общества; повышение внимания к экологии как значимому ресурсу; трансформацией функций государства; переоценкой используемых производственных технологий и ресурсов.

Современные технологии распространения информации создают предпосылки и возможности программирования спроса, изменения предпочтений и вкусов. В новых условиях увеличивается спрос на посредников, которые обладают уникальной информацией и умеют ею распоряжаться в динамично меняющихся условиях внешней среды.

Заслуживает внимания позиция профессора А. Б. Долгина, в рамках которой под ЦЭ понимается современная стадия социально-экономического развития, «новая экономика, которая расширяет возможности развития человека и способствует повышению благосостояния благодаря активному использованию информации, знаний и инновационных технологий. Цель новой экономики –

изучить новые закономерности и факторы, основанные на знании о человеке и мире, и «заставить работать во благо общества» [6, с. 15].

Исследователь М. М. Ковалев в монографии «Цифровая экономика – шанс для Беларуси» представил следующий подход к трактовке: «ЦЭ – это деятельность, непосредственно связанная с развитием цифровых компьютерных технологий, в которую входят и сервисы по предоставлению онлайн-услуг, и электронные платежи, и интернет – торговля, и краудфандинг и прочее» [7, с. 26].

Аналитики Международного банка реконструкции и развития в докладе о мировом развитии «Цифровые дивиденды: обзор» представили следующее определение: «ЦЭ – это система экономических, социальных и культурных отношений, основанных на использовании информационно-коммуникационных технологий» [8]. При этом они определяют выгоды от использования этих технологий [8]:

- субъектам хозяйствования: повышение производительности труда; снижение транзакционных издержек (становятся практически нулевыми), т. е. экономическая деятельность становится дешевле и удобнее;
- населению: расширение возможностей, в том числе в поиске работы; доступ к ранее не доступным услугам;
- правительству: расширение охвата населения оказываемыми государственными услугами и повышение их качества.

В Программе «Развитие цифровой экономики в России до 2035 года», определяющей направления государственной политики Российской Федерации по формированию цифровой (электронной) экономики, закреплено: «ЦЭ (электронная) – совокупность общественных отношений, складывающихся при использовании электронных технологий, электронной инфраструктуры и услуг, технологий анализа больших объемов данных и прогнозирования в целях оптимизации производства, распределения, обмена, потребления и повышения уровня социально-экономического развития государств» [9].

В Концепции Национальной стратегии устойчивого развития Республики Беларусь на период до 2035 года представлены «главные составляющие ЦЭ – электронное правительство, цифровая трансформация промышленности, сельского хозяйства, энергетики, строительства, транспорта, финансовой и социальной сферы» [10].

В Государственной программе «Цифровой Казахстан», утвержденной в 2017 году Постановлением Правительства Республики Казахстан № 827, уделено внимание цифровизации отраслей экономики, под которым понимают «направление преобразования традиционных отраслей экономики Республики Казахстан с использованием прорывных технологий и возможностей, которые повысят производительность труда и приведут к росту капитализации» [11].

В «Основных направлениях реализации цифровой повестки Евразийского экономического союза до 2025 года» содержится следующее определение термина: «ЦЭ» – часть экономики, в которой процессы производства, распределения, обмена и потребления прошли цифровые преобразования с использованием информационно-коммуникационных технологий» [3].

Как видно из приведенных определений, ЦЭ возникает вследствие преобразования отношений посредством использования не только цифровых технологий, но и развития новой инфраструктуры, которая обеспечивает возможность развития отношений.

Автор А. Русин в одной из своих публикаций отмечал, что «ЦЭ сама по себе, без реального и сырьевого секторов, без производства, которое превращает сырье в продукты, без сельского хозяйства и без транспорта, доставляющего сырье на завод, продукцию на склад и товары со склада в магазин или к вам на дом – существовать не может. То есть ЦЭ – это не целостная экономика, а ее сектор, состоящий из электронных товаров и услуг (в том числе услуг по выбору и заказу реальных товаров)» [12]. При этом стоит отметить, что сам цифровой сектор не создает товары или блага, он создает условия для более эффективного производства этих товаров или благ, т. е. обеспечивает экономический рост.

В документах ЕАЭС ЦЭ так же трактуется как часть экономики [3]. Это позволяет сделать вывод, что наряду с цифровой составляющей (новой составляющей экономики) в экономике функционируют и традиционные сектора экономики.

Схематично основные составляющие ЦЭ представлены на рисунке 2.

Рис. 2. Составляющие цифровой экономики

Источник: собственная разработка.

В условиях ЦЭ происходят количественные и качественные изменения в системе индивидуальных и общественных потребностей. Эти новые условия обусловили развитие новой социальной структуры общества, основу которой составляют новые знания и информация.

Теория ЦЭ является основной характеристикой постиндустриального общества, иногда ее называют информационной стадией развития постиндустриальной экономики.

Цифровая экономика имеет признаки, существенно отличающие ее от нецифровой экономики (индустриальной) (таблица 1).

Таблица 1

Признаки цифровой и нецифровой экономик

Нецифровая экономика	Цифровая экономика
Доминирует первичный сектор экономики (промышленное и сельскохозяйственное производство; горнодобывающая и лесная промышленность)	Рост третичного сектора как отражение нарастания роли информации в производственных процессах
Наниматель предоставляет рабочие места	Повышается роль домашнего умственного труда
Традиционные профессии	Появление новых профессий с высокой насыщенностью знаниями и информацией

Нецифровая экономика	Цифровая экономика
Сложившаяся структура занятости	Усиливается конкуренция на рынке труда за счет качественного изменения в структуре и квалификации занятых
Сложность и трудность в обработке больших объемов информации; скорость перемещения информации несущественно выше скорости передвижения людей	Скорость перемещения больших объемов информации намного больше скорости передвижения людей и товаров
Традиционные коммуникации	Новые возможности коммуникаций и доступа к информации субъектов хозяйствования и физических лиц
Опосредованное взаимодействие	Плоскостное взаимодействие (каждый с каждым)
Капитал – фактор роста производства	Знания, интеллект – факторы роста производства
Средства и предметы труда – ресурсы производства	Информация – ресурс производства
Локальные научные и исследовательские центры	Создание глобальных сетей знаний
Длительность принятия решений	Повышается оперативность принятия решений
Постоянные бизнес – партнеры	Увеличивается динамика смены бизнес – партнеров
Массовое и стандартное потребление	Кастомизированное потребление
Наличные и безналичные средства платежа	Новые платежные средства (электронные деньги)
Перемещение людей к товарам, информации	Перемещения людей заменяются перемещением информации и товаров

Источник: собственная разработка.

Доминирующей чертой ЦЭ является производство и распределение информации, а не материальных продуктов, в результате чего происходит качественное изменение структуры и квалификации занятых в национальной экономике. При этом отметим, что производство и потребление информационного продукта определяют темп развития ЦЭ.

Таким образом, развитие национальных экономик отдельных стран, мировой экономики характеризуется не просто структурными, технологическими и социальными преобразованиями, а трансформацией всего экономического процесса. При этом цифровая трансформация представляет собой принципиальное изменение общества и экономики, способствующее переходу на новый технологический и экономический уклад с максимально полным использованием потенциала цифровых технологий. Трансформация экономики формирует новую парадигму социально-экономического развития общества – цифровую экономику, которая базируется на двух секторах: цифровом и нецифровом. При этом отсутствие согласованной политики в цифровой сфере может стать препятствием для достижения синергетических эффектов в развитии цифровой экономики.

Список использованных источников

1. Цифровой забег: почему для успеха цифровизации так важна скорость [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.bcg.com/ru-ru/about/bcg-review/digital-zone.aspx>. – Дата доступа: 26.01.2021.
2. Методические рекомендации по цифровой трансформации государственных корпораций и компаний с государственным участием [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://digital.gov.ru/uploaded/files/mr-po-tst-gk.pdf>. – Дата доступа: 08.02.2021.
3. Основные направления реализации цифровой повестки Евразийского экономического союза до 2025 года: решение Высшего Евразийского экономического суда 11 октября 2017 года № 12 / Национальный правовой Интернет-портал Республики Беларусь [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.pravo.by/document/?guid=3871&p0=F91700293>. – Дата доступа: 26.01.2021.
4. Ковальчук, Ю. А. Высокотехнологичность организационных платформ как прототип институциональный признак индустриальных преобразований в экономике [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/>. – Дата доступа: 06.02.2021.
5. Хохлов, Ю. Е. Дискуссия по докладу «Цифровая экономика. Индустрия 4.0 как бизнес» [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://ecinf.econ.msu.ru/sys/raw.php?o=734&p=attachment>. – Дата доступа: 06.02.2021.
6. Долгин, А. Б. Манифест новой экономике. Вторая невидимая рука рынка / А. Б. Долгин. – М.: АСТ, 2010. – 256 с.
7. Ковалев, М. М. Цифровая экономика – шанс для Беларуси: моногр. / М. М. Ковалев, Г. Г. Головенчик. – Минск: Изд. центр БГУ, 2018. – 327 с.
8. Цифровые дивиденды / World Bank, 2016. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://docviewer.yandex.by/view/0/>. – Дата доступа: 08.00.2021.
9. Развитие цифровой экономики в России: Программа до 2035 года [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://innclub.info/wp-content/uploads/2017/05/strategy.pdf>. – Дата доступа: 06.02.2021.
10. Концепция Национальной стратегии устойчивого развития Республики Беларусь на период до 2035 года [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.economy.gov.by/uploads/files/ObsugdaemNPA/Kontseptsija>. – Дата доступа: 26.01.2021.
11. Государственная программа «Цифровой Казахстан» [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://zerde.gov.kz/upload/docs/%D0%A6%D0%9A%20-%20%D1%80%D1%83%D1%81.pdf>. – Дата доступа: 06.02.2021.
12. Русин, А. Цифровая путиномика / А. Русин // Livejournal [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://amfora.livejournal.com/530954.html>. – Дата доступа: 26.01.2021.

(Дата подачи: 18.02.2021 г.)

Т. Д. Макарецкая

Академия управления при Президенте Республики Беларусь, Минск

T. Makaretskaya

Academy of Public Administration under the aegis of the President
of the Republic of Belarus, Minsk

УДК 338.1

ЦИФРОВИЗАЦИЯ КАК НОВЫЙ ВЕКТОР ЭКОНОМИЧЕСКОГО РОСТА РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ

DIGITALIZATION AS A NEW VECTOR OF ECONOMIC GROWTH OF THE REPUBLIC OF BELARUS

В статье рассмотрены сущность и значение цифровизации как тенденции развития современного общества. Проанализированы подходы к определению цифровой экономики, приведены международные индексы, характеризующие степень развития цифровой экономики отдельных государств. Проанализированы показатели, характеризующие динамику цифровизации в Беларуси, сформулированы перспективы дальнейшей цифровизации.

Ключевые слова: цифровая экономика; цифровые технологии; цифровые платформы; цифровизация; экономический рост.

The article discusses the essence and meaning of digitalization as a trend of the development of modern society. Approaches of the definition of the digital economy are analyzed, and international indices describing the degree of development of the digital economy of individual States are presented. The indicators characterizing the dynamics of the digital economy development in Belarus are analyzed, and the prospects for further digitalization are formulated.

Keywords: digital economy; digital technologies; digital platforms; digitalization; economic growth.

В современных условиях все более актуальными становятся проблемы поиска новых драйверов экономического роста, что обуславливает необходимость исследования процесса цифровизации и направлений его влияния на экономический рост, возможности достижения различных социальных целей, в том числе повышения качества жизни населения. При разработке стратегических направлений развития государства следует учитывать, что сегодня цифровизация становится важным направлением инновационного развития экономики и движущей силой устойчивого развития.

Впервые концепция цифровой экономики была обоснована в 1994 г. канадским экономистом Доном Тапскоттом [1]. В данной работе Д. Тапскотт не применяет категорию «цифровая экономика», однако использует понятие «эпоха сетевого интеллекта» и обосновывает происходящие изменения в социально-экономических отношениях изменениями в развивающихся цифровых технологиях.

Впервые термин «цифровая экономика» был применен Николасом Негропonte (американский ученый, Массачусетский университет) в 1995 г. для объяснения превосходства новой экономики по сравнению со старой по причине бурного развития информационно-коммуникационных технологий (ИКТ) [2].

В настоящее время мир находится на ранних этапах цифровизации, поэтому экономические термины в данной области не имеют общепринятых определе-

ний. Может быть много толкований одного и того же термина в различных источниках. В частности, можно привести такие определения цифровой экономики:

1) всемирная сеть социальных и экономических сфер функционирования, поддерживаемых такими платформами, как, например, Internet, сенсорные и мобильные сети [3];

2) новый тип экономики, который основан на IT-знаниях и IT-технологиях, в пределах которой создаются цифровые способности и возможности у государства, бизнеса, общества [4];

3) экономика, основывающаяся на IT-технологиях [5];

4) рынки, основанные на IT-технологиях, облегчающие продажу товаров и услуг при помощи различных платформ в Internet [6];

5) экономика, обусловленная цифровыми технологиями [7].

Ник Лэйн определил цифровую экономику как совокупность коммуникационных и IT-технологий, стимулирующих бурное развитие электронной коммерции, а также изменения в организационно-экономической и финансовой структурах практически всех организаций [8].

Томас Месенбург также использует понятие «электронной торговли», определяя цифровую экономику как совокупность инфраструктуры электронного бизнеса, собственно электронного бизнеса и электронной коммерции [9].

А. В. Бабкин считает, что цифровая экономика характеризуется внедрением и применением IT-технологий для сбора и передачи информации в различных областях жизнедеятельности общества; это совокупность отношений на основе применения IT-технологий [10].

Изложенное свидетельствует, что существует два основных подхода к трактовке термина «цифровая экономика»:

1) «классический» подход, который определяет цифровую экономику как экономику, которая основана на IT-технологиях и включает электронные товары и сервисы, созданные электронным бизнесом и электронной торговлей;

2) расширенное толкование: цифровая экономика представляет собой систему экономических отношений и процессов производства, которые основаны на применении IT-технологий.

В отечественной экономической литературе вопросы цифровизации рассматривались в трудах ведущих ученых. Так, проанализированы мировые технологии и тренды цифровой трансформации общества, предложены рекомендации по строительству цифровой экономики в Республике Беларусь [11], разработан методика измерения индекса готовности к цифровой экономике [12], выявлено влияние цифровизации на изменение организационно-технологических взаимодействий между факторами производства и между самими субъектами технологических процессов [13], проанализированы особенности инноваций в условиях новых вызовов цифровой экономики [14], проведена оценка влияния цифровизации на формирование новых бизнес-моделей [15, 16]. Вопросы формирования новых бизнес-моделей на основе внедрения ИКТ, изменения структуры экономики рассмотрены В. Ф. Байневым [17], проблемы оптимизации процессов производства и цифровой трансформации – А. В. Данильченко [18].

В зарубежной литературе рассмотрены вопросы влияния цифровизации на новую модель экономического роста в Центральной и Восточной Европе [19], роли международных цифровых платформ как фактора трансформации производства [20], подходы к развитию инструментария планирования

на предприятии в условиях цифровизации экономики [21], обоснованы целевые показатели развития цифровой экономики [22].

В Республике Беларусь перспективы создания и роста цифровой экономики были определены в Декрете Президента № 8 «О развитии цифровой экономики» [23]. В качестве направлений были выбраны:

- 1) информационно-коммуникационная инфраструктура;
- 2) инфраструктура информатизации;
- 3) цифровая трансформация [24].

Помимо этого, реализуется стратегия развития информатизации на 2016–2022 гг. [25].

ИКТ являются необходимым инструментом создания и развития высокотехнологического инновационного сектора современной экономики, который создает необходимые условия для поступательного движения к новой экономике, трансформации институциональной и создания необходимой среды для развития бизнеса. В этих целях в республике был образован Парк высоких технологий (ПВТ) [26]. В настоящее время ПВТ включает более 970 резидентов, где трудятся более 65 000 работников; экспорт продукции и услуг оценивается в 2,2 млрд долл. США [27]. Созданные резидентами ПВТ программные продукты используются во многих странах мира.

Для оценки уровня международной цифровизации и рейтинга стран в мировой практике используются различные индексы, характеризующие степень развития цифровой экономики. Например, DESI (Digital Economy and Society Index), GCI (Global Connectivity Index), DEI (Digital Evolution Index), WDCI (World Digital Competitiveness Index), NRI (Networked Readiness Index), IDI (ICT Development Index), GII (Global Innovation Index). EGDI (E-Government Development Index).

Наиболее сложным, полным и современным является индекс DESI, с помощью которого оцениваются достижения стран ЕС в сфере развития ИКТ и определяется динамика развития в пяти направлениях, а именно: коммуникации, человеческий капитал, использование Интернета, цифровая интеграция, цифровые услуги. Каждое из направлений включает различные показатели, имеющие определённый вес в направлении; в целом существует более 40 показателей.

The Digital Economy and Society Index (DESI)

DESI 2020

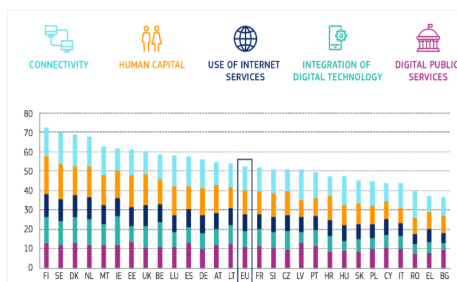

Рис. 1. The Digital Economy and Society Index (DESI) [28]

Динамика цифровизации в Беларуси

Наименование показателя	2017 г.	2018 г.	2019 г.
Число организаций – резидентов Парка высоких технологий, единиц	191	454	751
Удельный вес экспорта услуг сферы ИКТ организаций – резидентов ПВТ в общем объеме экспорта услуг сферы ИКТ, %	69,8	75,9	82,2
Удельный вес оказанных услуг инновационного характера организациями – резидентами ПВТ в общем объеме оказанных услуг организациями -резидентами ПВТ, %	0,9	0,8	1,0
Удельный вес заключенных договоров, предоставляющих право использования компьютерных программ, в общем числе заключенных договоров, предоставляющих право использования результатов интеллектуальной деятельности, %	56,7	67,3	75,9
Удельный вес экспорта услуг сферы ИКТ в общем объеме экспорта услуг, %	18,4	21,0	25,0
Валовая добавленная стоимость (далее – ВДС) сектор ИКТ, в текущих ценах, млн руб.	5539,6	6 92,6	8743,2
к ВДС по экономике, %	6,0	6,5	7,6
к валовому внутреннему продукту (ВВП), %	5,2	5,6	6,6
Объем производства продукции (работ, услуг) организаций, сектор ИКТ, млн руб.	7 233,4	576,8	10878,1
к общему объему производства продукции (работ, услуг), %	4,6	4,7	5,5
Инвестиции в основной капитал, поступившие в сектор ИКТ, млн руб.	668,5	775,7	756,0
Иностранные инвестиции, поступившие в организации, сектор ИКТ, млн долл. США	509,2	585,8	715,4
к общему объему иностранных инвестиций, %	5,2	5,4	7,1
Списочная численность работников организаций, сектор ИКТ, чел.	92,193	100,655	111,316
к списочной численности работников организаций, %	2,4	2,7	2,9

Примечание: источник [29].

Данные показатели позволяют оценить вклад соответствующих мероприятий в экономический рост. Так, удельный вес ВДС сектора ИКТ в ВДС по экономике вырос с 6 % в 2017 г. до 7,6 % в 2019 г. (или на 1,6 п.п.), в ВВП – с 5,2 % до 6,6 % соответственно (или на 1,4 п.п.). Если анализировать данные за последние 9 лет, то вырос с 3,2 % в 2011 г. до 7,6 % в 2019 г. (или на 4,4 п.п.), в валовом внутреннем продукте – с 2,8 % до 6,6 % соответственно (или на 3,8 п.п.).

Удельный вес объема производства продукции (работ, услуг) организаций сектора ИКТ в общем объеме производства продукции (работ, услуг) вырос с 4,6 % в 2017 г. до 5,5 % в 2019 г. (или на 1,2 п.п.). Доля списочной численности сотрудников организаций ИКТ в списочной численности сотрудников организаций выросла с 2,4 % в 2017 г. до 2,9 % в 2019 г. (или на 0,5 п.п.).

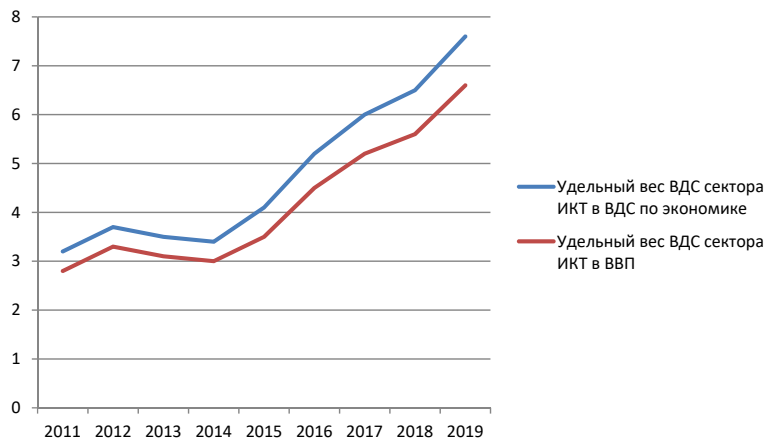

Рис. 2. Динамика и ВВП

Доля иностранных инвестиций, поступивших в организации сектора ИКТ, в общем объеме иностранных инвестиций выросла с 5,2 % в 2017 г. до 7,1 % в 2019 г. (или на 1,9 п.п.).

Увеличение инвестиций в основной капитал, поступивших в сектор ИКТ, за анализируемый период составил 113 %; числа организаций – резидентов Парка высоких технологий – 393 %.

Удельный вес экспорта услуг сферы ИКТ в общем объеме экспорта услуг имеет положительную динамику: он вырос с 18,4 % в 2017 г. до 25 % в 2019 г. (или на 6,6 п.п.). Если анализировать данный показатель за последние 9 лет, то он увеличился почти втрое – с 8,1 % до 25,0 %.

Такую динамику развития сферы ИКТ можно объяснить стимулирующим воздействием государства на основе создания соответствующей правовой и экономической системы, включающей, например, налоговые льготы. Кроме того, на внешних рынках наблюдается спрос на IT-продукты и услуги.

В 2019 г. Республикой Беларусь было экспортировано услуг в объеме 9,7 млрд долл., что превышает уровень 2010 г. почти в два раза. Около четверти общего объема экспорта занимают компьютерные услуги [30].

Изложенное свидетельствует о том, что развитие сферы ИКТ осуществляется динамично, высокими темпами, влияя на возможности роста экономики в целом за счет создания новых продуктов, систем их обслуживания, снижения издержек, расширения рынков сбыта. Другими словами, формируются новые источники доходов и расширяются экономические возможности государства.

Кроме того, цифровизация способствует оптимизации процессов производства и логистики, росту производительности оборудования, эффективности научных исследований, снижению затрат и производственных потерь.

Однако развитие цифровой экономики связано с рядом рисков, вызовов и угроз. Сюда относится, например, обеспечение информационной безопасности инновационных технологий, противодействие киберугрозам, сохранение конфиденциальности частной информации, возможность вторжения путем

наблюдения за гражданами и др. Кроме того, следует учесть, что население должно быть социально адаптировано к реалиям цифровизации, что предполагает обучение и непрерывное повышение квалификации на основе более гибких образовательных систем и развитие новых навыков жизнедеятельности в цифровом пространстве.

Сегодня цифровизацию можно рассматривать как новый вектор экономического роста, поскольку она приводит в первую очередь к существенной трансформации потребностей в факторах производства. ИКТ способствуют формированию новых видов бизнес-моделей, преобразованию отдельных секторов, межотраслевых связей и структуры экономики в целом.

Максимальный эффект на основе цифровизации достижим в первую очередь в высокотехнологичных и наукоемких отраслях, что будет способствовать росту инвестиций в ИКТ и совершенствованию инфраструктуры различных секторов экономики. Результатом подобной трансформации станет значительный рост вклада фактора капитала в создание валовой добавленной стоимости. Вместе с тем, применение кадров высокой квалификации не сможет компенсировать высвобождение неквалифицированных и низкоквалифицированных кадров, что будет способствовать негативному воздействию фактора труда на темпы экономического роста.

По мнению экспертов ООН, современный кризис приведет к быстрому переходу к цифровизации, упразднению большого числа существующих сегодня рабочих мест и созданию принципиально новых рабочих мест, которые основаны на IT-технологиях. Такая тенденция будет отрицательно влиять на занятость и доходы населения во всех странах. Кроме того, это еще больше увеличит сложившееся неравенство [31].

В Республике Беларусь поставлена задача увеличения доли цифровой экономики к 2025 г. до 15 % [32]. Планируется внедрение цифровых технологий в различные сферы деятельности и формирование новой экономики, основанной на интеллектуальных продуктах и услугах. IT-технологии должны стать источником роста для развития экономики. Кроме того, при этом следует учитывать необходимость привлечения иностранных инвестиций, а также процесс высвобождения значительного количества работников. В этой связи необходимо сделать данный процесс управляемым на основе формирования новых рабочих мест и производств, что позволит получить прирост ВВП без сокращения занятых в экономике.

Экономическая модель следующей пятилетки выстроена на запуске нового инвестиционного цикла для восстановления экономики, росте производительности труда в традиционных отраслях в результате цифровизации и технологическом перевооружении и создании нового высокотехнологичного сектора.

Что касается России, то к 2030 г. планируется обеспечить повышение ВВП на основе цифровизации вследствие роста эффективности, инновационности, конкурентоспособности экономики. При годовом росте ВВП 4,35 % рост за счет цифровизации должен достичь более 2 %. При этом дополнительный результат будет обеспечен ростом IT-индустрии, а цифровизация станет важным структурным фактором роста экономики в долгосрочной перспективе [33].

Изложенное свидетельствует, что цифровизацию можно рассматривать как огромный потенциал развития любого государства. Практическая реализация такого потенциала будет способствовать экономическому росту, повышению

конкурентных преимуществ традиционных отраслей, созданию новых секторов экономики, повышению качества жизни населения и позиций страны в мировых рейтингах.

Список использованных источников

1. *Tapscott, D.* The Digital Economy: Promise and Peril in the Age of Networked Intelligence / D. Tapscott., 1994. – 368 с.
2. Being Digital [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://habr.com/ru/company/philtech/blog/354418/>. – Дата доступа: 28.12.2020.
3. Digital Sourcing Policies [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.dta.gov.au/help-and-advice/ict-procurement/digital-sourcing-framework-ict-procurement/digital-sourcing-policies/>. – Дата доступа: 28.12.2020.
4. Цифровые дивиденды [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://openknowledge.Worldbank.org/bitstream/handle/10986/23347/210671RuSum.pdf>. – Дата доступа: 28.12.2020.
5. The Digital Economy [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://policy.bcs.org/position_statements/digital-economy. – Дата доступа: 28.12.2020.
6. Challenges for Competition Policy in a Digitalised Economy [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.europarl.europa.eu/RegData/etudes/STUD/2015/542235/IPOL_STU%282015%29542235_EN.pdf. – Дата доступа: 28.12.2020.
7. Expert Group on Taxation of the Digital Economy [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://ec.europa.eu/taxation_customs/sites/taxation/files/resources/documents/taxation/gen_info/good_governance_matters/digital/report_digital_economy.pdf. – Дата доступа: 28.12.2020.
8. *Lane, N.* Advancing the Digital Economy into the 21st Century / N. Lane // Information Systems Frontiers. – 1999. – № 3. – С. 317–320.
9. *Mesenbourg, T.* Measuring the Digital Economy / T. Mesenbourg // U.S. Bureau of the Census [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.census.gov/content/dam/Census/library/working-papers/2001/econ/umdigital.pdf>. – Дата доступа: 28.12.2020.
10. *Бабкин, А. В.* Инновационные кластеры цифровой экономики [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://search.rsl.ru/ru/record/01009845750>. – Дата доступа: 28.12.2020.
11. *Ковалев, М. М.* Цифровая экономика – шанс для Беларуси: моногр. / М. М. Ковалев, Г. Г. Головенчик. – Минск: Изд. центр БГУ, 2018. – 327 с.
12. *Головенчик, Г. Г.* Цифровая трансформация и экономический рост (на примере белорусской экономики) / Г. Г. Головенчик, М. М. Ковалев // Журнал БГУ. Серия Экономика. – 2018. – № 1. – С. 102–121.
13. *Новикова, И. В.* Цифровая технико-экономическая парадигма в смене стратегии цифровизации Республики Беларусь [Электронный ресурс] / И. В. Новикова. – Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/tsifrovaya-tehnoekonomicheskaya-paradigma-v-smene-strategii-tsifrovizatsii-respubliki-belarus/viewer>. – Дата доступа: 28.12.2020.
14. *Нехорошева, Л. Н.* Инноваций в условиях новых вызовов цифровой экономики [Электронный ресурс] / Л. Н. Нехорошева, R. van de Poll. – Режим доступа: http://www.bseu.by:8080/bitstream/edoc/79078/1/Nekhorosheva_L_160_162.pdf. – Дата доступа: 28.12.2020.
15. *Нехорошева, Л. Н.* Современные глобальные вызовы и угрозы: «новая нормальность» и «турбулентность экономики» / Л. Н. Нехорошева // Экономический рост Республики Беларусь: глобализация, инновационность, устойчивость: материалы IX Междуна-

науч.-практ. конф., Минск, 19–20 мая 2016 г. // БГЭУ; редкол.: В. Н. Шимов [и др.]. – Минск: БГЭУ, 2016. – С. 207–209.

16. *Нехорошева, Л. Н.* Инновационная безопасность в условиях новых глобальных вызовов и угроз / Л. Н. Нехорошева // Актуальные проблемы социально-гуманитарного знания в контексте обеспечения национальной экономики: материалы IV Междунар. науч.-практ. конф. Минск, 13–14 апр. 2017 г.: в 4 ч. // Военная академия Респ. Беларусь; редкол.: В. А. Ксенофонов [и др.]. – Минск: Военная академия Респ. Беларусь, 2017. – Ч. 2. – С. 123–128.

17. *Байнев, В. Ф.* Проблемы модернизации и перехода к инновационной экономике / В. Ф. Байнев // Проблемы современной экономики. – 2019. – № 3(71). – С. 132–136.

18. *Данильченко, А. В.* Цифровая трансформация обрабатывающей промышленности Республики Беларусь: тенденции и перспективы развития / А. В. Данильченко, И. А. Зубрицкая, К. В. Якушенко // Белорусский национальный технический университет. – Минск: Право и экономика, 2019. – 246 с.

19. *Repansek, L.* How Digitalization Supports a New Economic Growth Model in CEE [Electronic resource] / L. Repansek. – Mode of access: <https://www.opportunitynetwork.com/insights/digitization-central-eastern-europe/>. – Date of access: 28.12.2020.

20. World Bank Group (2019). World Development Report. Global Value Chains: Trading for Development (Working title). – 2019. – Jan. 11. – P. 33.

21. *Флад, Р. Л.* Обзор интерактивного планирования [Электронный ресурс] / Р. Л. Флад, М. С. Джексон. – Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/v/obzor-interaktivnogo-planirovaniya>. – Дата доступа: 28.12.2020.

22. *Dierkes, M.* Investment horizon and the attractiveness of investment strategies: A behavioral approach / M. Dierkes, C. Erner, S. Zeisberger // Journal of banking & finance. – 2010. – V. 34(5). – P. 1032–1046.

23. О развитии цифровой экономики [Электронный ресурс]: Декрет Президента Респ. Беларусь, 21 дек. 2017 г., № 8 // ЭТАЛОН-ONLINE. – Режим доступа: http://etalonline.by/search/?search_str. – Дата доступа: 28.12.2020.

24. Об утверждении Государственной программы развития цифровой экономики и информационного общества на 2016–2020 годы [Электронный ресурс]: Постановление Совета Министров Респ. Беларусь, 23 марта 2016 г., № 235. – Режим доступа: <https://pravo.by/document/?guid=3871&p0=C21600235>. – Дата доступа: 28.12.2020.

25. Стратегия развития информатизации в Республике Беларусь на 2016–2022 годы [Электронный ресурс]: одобр. постановлением коллегии М-ва связи и информатизации Респ. Беларусь, 30 сент. 2015 г., № 35. – Режим доступа: <http://nmo.basnet.by/concept/strategia2022.php>. – Дата доступа: 28.12.2020.

26. О Парке высоких технологий [Электронный ресурс]: Декрет Президента Респ. Беларусь, 22 сент. 2005 г., № 12: в ред. Указа Президента Респ. Беларусь от 16 июля 2019 г. // ЭТАЛОН-ONLINE. – Режим доступа: http://etalonline.by/search/?search_str. – Дата доступа: 28.12.2020.

27. Парк высоких технологий [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.park.by/>. – Дата доступа: 28.12.2020.

28. The Digital Economy and Society Index (DESI) [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://ec.europa.eu/digital-single-market/en/digital-economy-and-society-index-desi>. – Дата доступа: 28.12.2020.

29. Национальные статистические показатели развития цифровой экономики в Республике Беларусь [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.belstat.gov.by/ofitsialnaya-statistika/makroekonomika-i-okruzhayushchaya-sreda/informatsionno-telekommunikatsionnye-tehnologii/tsifrovaya-ekonomika/>. – Дата доступа: 28.12.2020.

30. Общая информация о внешней торговли: направления, задачи, итоги за актуальный период [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://mfa.gov.by/export/foreign_trade/. – Дата доступа: 28.12.2020.

31. World Economic Situation and Prospects as of mid-2020 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://veorus.ru/upload/img/logo/WESP2020MID_%20YEAR_%20UPDATE_watermarked.pdf. – Дата доступа: 28.12.2020.

32. Программа на пятилетку: о чем мечтает правительство [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://naviny.media/article/20201204/1607062590-programma-na-pyatiletku-o-chem-mechtaet-pravitelstvo>. – Дата доступа: 28.12.2020.

33. Что такое цифровая экономика? Тренды, компетенции, измерение [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.hse.ru/data/2019/04/12/1178004671/2_%20Цифровая_экономика.pdf. – Дата доступа: 28.12.2020.

(Дата подачи 30.12.2021 г.)

И. В. Мальгина

Академия управления при Президенте Республики Беларусь, Минск

I. V. Malgina

Academy of Public Administration under the President of the Republic of Belarus, Minsk

УДК 338.22.021.1

«ЗЕЛЕННЫЕ» РАБОЧИЕ МЕСТА В МАЛОМ И СРЕДНЕМ ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСТВЕ

«GREEN» JOBS IN SMALL AND MEDIUM ENTREPRENEURSHIP

В статье рассматриваются основные положения зеленой экономики и связанных с ней процессов создания рабочих мест малым и средним предпринимательством, анализируется роль малого и среднего предпринимательства в создании «зеленых» рабочих мест. Особое внимание уделяется аспекту «зеленых» рабочих мест, их пониманию в зарубежных странах.

Ключевые слова: малое и среднее предпринимательство; зеленый рост; зеленая экономика; зеленые рабочие места.

The article examines the main provisions of the green economy and related processes of job creation by small and medium-sized businesses, analyzes the role of small and medium-sized businesses in the creation of “green” jobs. Particular attention is paid to the aspect of “green” jobs, their understanding in foreign countries.

Keywords: small and medium entrepreneurship; green growth; green economy; green jobs.

Концепция зеленой экономики как важного пути к устойчивому развитию была рассмотрена Конференцией Организации Объединенных Наций по устойчивому развитию (Конференция «Рио + 20»), состоявшейся в Рио-де-Жанейро в июне 2012 г. Согласно итоговому документу конференции «Будущее, которое мы хотим» [1], Конференция «Рио + 20»:

- рассматривает «зеленую» экономику как один из важных инструментов для достижения устойчивого развития (параграф 56);

- предлагает правительствам расширять знания и статистический потенциал о тенденциях, изменениях и ограничениях в сфере занятости и интегрировать соответствующие данные в национальную статистику при поддержке соответствующих учреждений Организации Объединенных Наций в рамках их мандатов (параграф 62);
- предлагает системе Организации Объединенных Наций в сотрудничестве с соответствующими донорами и международными организациями координировать и предоставлять информационные методологии для оценки политики в области зеленой экономики в контексте устойчивого развития и искоренения нищеты (пункт 66);
- принимает решение содействовать доступу к надежным, актуальным и своевременным данным в областях, связанных с тремя измерениями устойчивого развития (параграф 76).

Отечественные и зарубежные ученые изучают зеленую экономику, однако «зеленые» рабочие места (ЗРМ) еще не достаточно изучены [2–4]. Так, О. Н. Пряжников обращает внимание, что переход к зеленой экономике предполагает наличие у работников технических и профессиональных навыков для работы на зеленых рабочих местах. В то же время И. Ф. Хакимова, рассматривая опыт зеленой экономики Республики Корея отмечает, что «нисходящие» стратегии зеленого роста пришлось скорректировать в соответствии с меняющейся администрацией и политическими приоритетами. Достаточно интересными являются изыскания отечественных ученых. Так, И. П. Деревяго в своей работе отмечает, что эффективные институциональная и отраслевая структуры позволяют Беларуси преодолеть отставание от развитых стран в «зеленом» росте [5]. В свою очередь С. В. Григорцевич, рассматривая рынок труда как социальный аспект в рамках «зеленой» экономики Республики Беларусь отмечает, что «рабочие места считаются «зелеными», когда они способствуют уменьшению негативного воздействия хозяйственной деятельности на окружающую среду, приводят к образованию экологически, экономически и социально эффективных предприятий и экономики в целом» [6].

«Зеленый» рост означает достижение экономического роста без ущерба для здоровья окружающей среды. Инклюзивный рост и «зеленый» рост – взаимосвязанные цели государственной экономической политики и они могут усиливать друг друга. Например, поскольку изменение климата является основной причиной снижения производительности сельского хозяйства, угрозы продовольственной безопасности и роста голода, борьба с изменением климата также может способствовать сокращению бедности. Однако, «зеленый» рост и инклюзивный рост также могут быть противоречивыми целями. Политика экологизации – будь то экологическое регулирование или налоги – может налагать на предприятия экономические издержки, делать это неравномерно и, таким образом, ограничивать их способность создавать рабочие места. Субъекты малого и среднего предпринимательства (МСП) – из-за их небольшого размера и гибкости – уникально подходят для того, чтобы внедрять «зеленые» инновации и вносить свой вклад в «зеленый» рост, особенно на местных и развивающихся рынках, которые могут игнорироваться крупными корпорациями. Учитывая их экономическое и экологическое значение, субъекты МСП являются жизненно важными игроками в достижении как инклюзивного, так и «зеленого» роста. При этом «зеленый» рост следует рассматривать в широкой перспективе,

и включать направления всей цепочки создания стоимости и всей предпринимательской экосистемы, включая усилия участников промышленного производства по снижению экологического следа их продукции, производственных процессов, деловой практики и др.

МСП предлагает инновационные решения в ответ на местные социальные, экологические и экономические проблемы в любой стране мира. Благодаря инновационным бизнес-примерам субъекты МСП – экологически инклюзивные предприятия – уже продвигают инклюзивную и устойчивую экономику. В то же необходимо отметить, что бизнес-модели экологически инклюзивных субъектов МСП гарантируют, что никто не отстанет в переходе к зеленой экономике. Как правило, экологически инклюзивные субъекты МСП создают рабочие места для маргинализированных сообществ, обездоленных женщин и безработной молодежи.

В целом, ЗРМ – это достойные рабочие места в любом секторе экономики, которые сокращают потребление энергии и сырья; ограничивают выбросы парниковых газов; минимизируют отходы и загрязнение; и обеспечивают защиту и восстановление экосистем [7]. ЗРМ помогают снизить воздействие на окружающую среду, в конечном счете, до уровня, который является устойчивым.

Темпы создания ЗРМ постоянно увеличиваются, особенно в последние годы и думается эта тенденция сохранится и в предстоящие годы. Глобальный переход к низкоуглеродной и устойчивой экономике может создать большое количество ЗРБ во многих секторах экономики и действительно может стать двигателем экономического развития любой страны. В настоящее время создание ЗРМ происходит как в богатых странах, так и в некоторых крупных развивающихся странах.

Можно определить ЗРМ как работу в сельском хозяйстве, производстве, исследованиях и разработках (НИОКР), административной деятельности и сфере услуг, которые вносят существенный вклад в сохранение или восстановление качества окружающей среды. В частности, ЗРМ включают рабочие места, которые помогают защитить экосистемы и биоразнообразие; сократить потребление энергии, материалов и воды с помощью стратегий повышения эффективности; декарбонизация экономики; и минимизировать или вообще избежать генерации все формы отходов и загрязнения.

По мере продвижения принципов зеленой экономики, с концептуальной точки зрения, занятость будет осуществляться по крайней мере четырьмя способами, поскольку экономика различных стран ориентирована на большую устойчивость [9; 11]:

- рабочие места могут быть ликвидированы без прямой замены – например, когда упаковочные материалы не поощряются или запрещаются, а их производство прекращается;
- в некоторых случаях будут созданы дополнительные рабочие места – например, при производстве устройств для контроля загрязнения, добавленных к существующему производственному оборудованию;
- рабочие места будут замещены – например, при переходе от ископаемого топлива к возобновляемым источникам энергии, или от производства грузовиков к производству железнодорожных вагонов, или от захоронения отходов и сжигания отходов к переработке;

- многие существующие рабочие места (особенно такие, как сантехники, электрики, слесари и строители) будут просто преобразованы и переопределены, поскольку повседневные навыки, методы работы и профили будут вынуждены подчиняться требованиям зеленой экономики.

По сути, можно выделить несколько ролей МСП в создании ЗРМ [8–11].

Эко-новаторы, т. е. те субъекты МСП, которые участвуют в эко-инновациях, определяемых как «внедрение нового или значительно улучшенного продукта (товара или услуги) или процесса, нового метода маркетинга или нового организационного метода в деловой практике, организации рабочего места или внешних отношениях» [8], которые собираются уменьшить воздействие на окружающую среду (намеренно или без намерения). Эко-инновации, в частности, могут также включать изменения в социальных и институциональных структурах (т. е. ценностных моделях, поведенческих моделях, социальных структурах и взаимодействиях). Данный процесс свидетельствует, что экологические выгоды от экологических инноваций не ограничиваются фирмами; вместо этого эко-инновации могут принести пользу окружающей среде в масштабах всего общества, выгоды за счет изменения социальных норм, культурных ценностей и институциональных структур [8].

Конкретно, эко-инновации, технологические или нетехнологические, могут быть постепенными (изменение существующей парадигмы без изменения лежащего в основе ядра), разрушительными (изменением того, как специфические технологические функции выполняются без изменения лежащего в основе режима) и радикальными (создание принципиально новых решений и осуществление полномасштабных сдвигов) [9]. Экологические инновации МСП играют большую роль в ведущих прорывных и радикальных инновациях. В частности, более мелкие фирмы, являющиеся новыми участниками рынка, с большей вероятностью будут первопроходцами радикальных и разрушительных инноваций, используя рыночные возможности, которыми пренебрегают более крупные фирмы.

Эко-предприниматели имеют сходство с традиционными предпринимателями в том, что они ищут новые возможности, вызванные сдвигом в ценностях или предпочтениях, нормативных актах или проблемах, а затем разрабатывают и коммерциализируют решение выявленной возможности. Но они различаются по своим стратегическим целям и мотивам и склонны рассматривать большую устойчивость как одну из целей своего предпринимательства [9]. При этом эко-предприниматели не являются единой группой участников. Анализ показал, что фактически имеются различные уровни финансовых и экологических мотивов экологических предпринимателей [8; 11]. Эко-предприниматели также не являются статичной группой; то есть некоторые свидетельства того, что они переходят от «зеленых» бизнес-моделей к «традиционным» бизнес-моделям. Это может быть связано с тем, что некоторым предпринимателям трудно поддерживать «экологичность», и поэтому они могут пойти на компромисс обычных проектов [9].

Эко-адаптеры – группа, которая, вероятно, представляет подавляющее большинство малых и средних предприятий. Для них деятельность в сфере зеленой экономики предполагает внедрение экологических технологий и устойчивых методов ведения бизнеса. В отличие от эко-новаторов и эко-предпринимателей, устойчивость вряд ли станет частью их основной бизнес-модели [8].

Экологизация для многих эко адаптеров заключается в соблюдении экологических норм, что является важным фактором для этой группы субъектов МСП. В данном случае это заключается в побуждении их выйти за рамки соблюдения требований практики устойчивого развития и [8]. Важным моментом в экологической адаптации является то, что субъекты МСП редко применяют целостные подходы и интегрированные методы управления для снижения воздействия на окружающую среду. Вместо этого они по частям применяют экологические методы в ответ на немедленное повышение цен.

Для разработки программ поддержки создания ЗРМ в сфере МСП весьма важны статистические данные. Необходимость внимания как на статистические данные, так и на концептуальные руководящие принципы измерения ЗРМ (с точки зрения размера, состава и вклада конкретных групп рабочих и экономических единиц в зеленую экономику) выполняет функции улучшения понимания влияния различных инициатив «зеленой» государственной политики на рынке труда, а также способствует гарантированию внедрения эффективных мер государственной экономической политики и инструментов для перехода к более «зеленой» экономике.

В принципе, ЗРМ – это часть занятости в экологическом секторе, которая отвечает требованиям достойной работы – адекватной заработной плате, безопасным условиям, правам рабочих, социальному диалогу и социальной защите [11]. Работа в любой экономической единице статистически определяется как «зеленая», если она связана со следующим:

- природоохранные мероприятия, основной целью которых является предотвращение, уменьшение, устранение загрязнения и других форм деградации окружающей среды (предотвращение, сокращение, устранение выбросов в атмосферу, обработка и удаление загрязненных почв и грунтовых вод и т. д.); и
- деятельность по управлению ресурсами, основной целью которой является сохранение и поддержание запасов природных ресурсов и защита от истощения (сокращение изъятия природных ресурсов, восстановление запасов природных ресурсов и т. д.).

Например, в США, начиная с 2010 финансового года Бюро статистики труда получило финансирование для разработки и внедрения сбора новых данных о ЗРМ. Эти мероприятия проводятся в рамках программ ежеквартальной переписи занятости, заработной платы и статистики профессиональной занятости [10].

Целью инициативы по зеленым рабочим местам США (ИЗРМ) является получение информации о количестве и тенденциях развития ЗРМ во времени; промышленном, профессиональном и географическом распределении ЗРМ.

В данном случае весьма интересен общий подход к измерению ЗРМ. ИЗРМ использует два подхода к измерению ЗРМ: подход на основе результатов, который определяет заведения, которые производят зеленые товары и услуги и подсчитывает связанные с ними рабочие места; процессный подход, определяющий предприятия, которые используют экологически безопасные производственные процессы (практикует и считает связанные рабочие места). При этом, в подходе на основе результатов ИЗРМ анализирует рабочие места, связанные с производством определенного набора товаров и услуг, а не воздействием производственного процесса на окружающую среду. Однако только подход на основе результатов не может охватывать некоторые виды деятельности и связанные

с ними рабочие места, которые благоприятно влияют на окружающую среду, хотя производимый продукт или услуга сам по себе не является «зеленым». В то же время, процессный подход предназначен для решения этого аспекта ЗРМ. В процессном подходе ИЗРМ анализирует использование субъектами МСП методов или технологий, оказывающих благоприятное воздействие на окружающую среду, независимо от производимых товаров или услуг. Следует отметить, что процессный подход актуален для любой отрасли.

Несомненно, что наряду с подходами к измерению ЗРМ весьма важно само определение ЗРМ, которое в ИЗРМ содержит два компонента, согласующихся с подходами к результатам и процессам [10]. Так, считается, что ЗРМ это рабочие места:

- на предприятиях по производству товаров, предоставлению услуг, которые приносят пользу окружающей среде или сохраняют природные ресурсы;
- в которых в обязанности работников входит повышение экологичности производственных процессов предприятия или использование меньшего количества природных ресурсов.

В то же время, в Нидерландах ЗРМ определяются следующим образом: «зеленые рабочие места определяют занятость в компаниях и учреждениях, производящих товары и услуги, которые измеряют, предотвращают, ограничивают, минимизируют или корректируют экологический ущерб, истощение и ухудшение состояния ресурсов» [11]. При этом, основой для экологических товаров и услуг является экологическая цель, то есть защита окружающей среды и управление ресурсами. «Экологическая цель» означает, что технология, товар или услуга были произведены с целью:

- предотвращения или минимизации загрязнения, деградации или истощения природных ресурсов;
- снижения, устранения, обработки и регулирования загрязнения, деградации и истощения природных ресурсов или восстановление экологического ущерба, нанесенного воздуху, воде, отходам, шуму, биоразнообразию и ландшафтам;
- осуществления других видов деятельности, таких как измерение и мониторинг, контроль, исследование и разработки, образование, обучение, информация и коммуникация, связанные с охраной окружающей среды и/или управлением ресурсами.

Необходимо отметить, что экологизация МСП может стать бременем для их ограниченных ресурсов. Экологичность обычно связана с затратами, связанными с инвестициями в технологии и инфраструктуру, соблюдением нормативных требований и инновациями. Эти затраты варьируются в зависимости от сектора и страны, и, в конце концов, эти затраты могут быть небольшими по сравнению с потенциальными выгодами от озеленения. Но, поскольку у субъектов МСП обычно возникают проблемы с доступом к адекватному финансированию (например, к кредитам в банках), финансовые затраты на экологизацию могут быть для них особенно высокими. Также, реализация «зеленых» мер также требует определенной степени управленческих навыков, понимания технологий и способности к обучению, которых субъектам МСП часто не хватает.

Совершенно очевидно, что при разработке государственной экономической политики, способствующей экологизации МСП, необходимо соблюдать баланс; они должны гарантировать, что предполагаемое бремя не превышает

потенциальных выгод. Например, проблема уничтожения рабочих мест в субъектах МСП из-за мер по экологизации, все еще недостаточно изучена. Также неизвестно, какое влияние окажет экологизация МСП на разные сектора, страны (например, развитые и развивающиеся) и временные рамки (долгосрочные и краткосрочные). Но у МСП есть очевидные возможности для обеспечения как зеленого, так и инклюзивного роста. Необходимо учитывать, например, что в настоящее время в зарубежных странах основное внимание уделяется высокотехнологичным субъектам МСП, развивающим «зеленые» инновации, но существует потребность в поддержке других компаний в соблюдении экологических норм, реализации мер по «зеленым инновациям» и улучшении их экологических показателей; тогда как эко-инновации могут быть идеей для новой компании, но также и мерой по улучшению существующего бизнеса в рамках зеленой экономики.

Целесообразно коренным образом изменить предпринимательскую культуру, чтобы способствовать экономическому росту за счет увеличения числа людей, открывающих собственный бизнес и поиска дополнительных возможностей для бизнеса, особенно в области «зеленого» роста.

В рамках региональной политики целесообразно разработать конкретные программы, включающие все соответствующие элементы «зеленого» роста для МСП, а также учитывать необходимость полного использования потенциала молодежного предпринимательства в контексте зеленого роста МСП. Один из ключевых моментов, на которых правительство любой страны должно сосредоточиться, чтобы продолжить «зеленый» рост, сохраняя при этом бюджет под контролем, – это поиск зрелых технологий, которые являются рентабельными, отказавшись от стремления к крупномасштабному внедрению новых дорогостоящих инноваций [11]. Очевидно, что существует большой потенциал «зеленого» роста в Республике Беларусь, но этот потенциал нельзя использовать в полной мере, если не будут выполнены несколько основных условий, а именно: создание более предпринимательского мышления, разработка открытых и дружественных к инновациям правил, обеспечение более разнообразного доступа к финансам или создание дополнительных возможностей для обмена знаниями.

Список использованных источников

1. The future we want [Electronic resource] // United Nations Conference on Sustainable Development, Rio de Janeiro, Brazil on 20–22 June 2012. – Mode of access: <http://www.uncsd2012.org/content/documents>. – Date of access: 27.02.2021
2. *Пряжникова, О. Н.* Развитие зеленых навыков и социальный диалог: опыт зарубежных стран [Электронный ресурс] / О. Н. Пряжникова // РСМ. – 2021. – № 1(110). – Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/razvitie-zelenyh-navykov-i-sotsialnyy-dialog-opyt-zarubezhnyh-stran>. – Дата доступа: 07.05.2021.
3. *Хакимова, И. Ф.* Зеленая экономика Республики Кореи: новый зеленый курс [Электронный ресурс] / И. Ф. Хакимова // Корееведение в России: направление и развитие. – 2021. – № 3. – Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/zelenaya-ekonomika-respubliki-korei-novyy-zelenyy-kurs>. – Дата доступа: 07.05.2021.
4. *Карапетян, Д. Т.* Эволюция взглядов на сущность устойчивого развития [Электронный ресурс] / Д. Т. Карапетян // Известия СПбГЭУ. – 2021. – № 2(128). – Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/evolyutsiya-vzglyadov-na-suschnost-ustoychivogo-razvitiya>. – Дата доступа: 07.05.2021.

5. Деревяго, И. П. Концепция «зеленой» экономики и возможности ее реализации в условиях Республики Беларусь [Электронный ресурс] / И. П. Деревяго // Белорусский экономический журнал. – 2017. – № 1. – С. 24–37.

6. Григорцевич Станислав Вячеславович. Рынок труда как социальный аспект б рамках «Зеленой» экономики республики Беларусь [Электронный ресурс] // Труды БГТУ. Серия 5: Экономика и управление. – 2016. – № 7(189). – Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/rynok-truda-kak-sotsialnyy-aspekt-b-ramkah-zelenoy-ekonomiki-respubliki-belarus>. – Дата доступа: 07.05.2021.

7. Hawken, P. Natural Capitalism: Creating the Next Industrial Revolution / P. Hawken – Boston: Little, Brown and Company. – 1999. – 78 p.

8. Sustainable Manufacturing and Eco-Innovation: Framework, Practices and Measurement [Electronic resource] // OECD, 2009 – Mode of access: <http://www.oecd.org/innovation/inn/534289.pdf>. – Date of access: 27.02.2021.

9. Environmental Policy Toolkit for SME Greening in EU Eastern Partnership Countries / OECD Green Growth Studies. – OECD Publishing, Paris. – 2018. – 98 p.

10. Бюро трудовой статистики США [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.bls.gov/>. – Дата доступа – 07.05.2021.

11. Платформа «Зеленые рабочие места [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://greenjobs.nl/en/about-greenjobs>. – Дата доступа: 07.05.2021.

(Дата доступа: 28.02.2021 г.)

С. В. Марцева, Г. Д. Веренич
Белорусский национальный технический университет, Минск

S.V. Martseva, G. D. Verenich
Belarusian national technical university, Minsk

УДК 629.735

СУЩНОСТЬ И ВЗАИМОСВЯЗЬ ПОНЯТИЙ «ЗАТРАТЫ», «РАСХОДЫ», «ИЗДЕРЖКИ», «СЕБЕСТОИМОСТЬ»

THE ESSENCE AND RELATIONSHIP OF THE CONCEPTS “COSTS”, “EXPENSES”, “COSTS”, “COST PRICE”

В данной статье рассматриваются понятия «издержки», «затраты», «расходы», «себестоимость».

Ключевые слова: издержки; затраты; расходы; себестоимость.

This article discusses the concepts of costs, costs, expenses, cost price.

Keywords: costs; costs; expenses; cost price.

Ведение экономики страны в условиях рыночных отношений требует внедрения эффективного управления затратами на производство продукции. Управление затратами характеризует профессиональный уровень менеджеров, специалистов технических служб и руководства субъекта хозяйствования в целом.

Затраты на производство формируют себестоимость продукции. Малый экономический словарь под редакцией А. Н. Азрилияна дает следующие определение «затрат на производство» (производственные затраты) – это выраженные в денежной форме расходы на производство промышленной продукции.

Учет затрат на производство организуется по экономически однородным их видам (элементам затрат на производство). В планировании, учете и отчетности выделяют следующие элементы затрат на производство: стоимость сырья и основных материалов; стоимость покупных полуфабрикатов; стоимость вспомогательных материалов; стоимость израсходованных топлива и энергии, полученных со стороны; заработная плата и отчисления на социальное страхование; амортизация основных средств; прочие (денежные) расходы.

Производственные затраты могут возрастать или снижаться в зависимости от объема потребляемых трудовых и материальных ресурсов, уровня техники, организации производства и других факторов. Следовательно, субъект хозяйствования располагает множеством рычагов снижения затрат, которые он может привести в действие с целью достижения запланированных финансовых результатов, а в стратегическом плане – обеспечение конкурентоспособности производства.

Важное место в производственной деятельности предприятия отводится себестоимости, которая связана с затратами.

М. М. Коростелкин в диссертационной работе «Учетно-аналитическая система автономного учета затрат на предприятиях машиностроительного комплекса» предлагает следующую трактовку категорий «затраты», «издержки», «расходы» и «себестоимость», которые выражают денежную оценку производственных трат предприятия, но при этом по степени охвата информации значительно отличаются (рис. 1). Неправильное определение этих понятий может исказить их экономический смысл. В данном случае под тратами понимается понятие, условно объединяющее в себя рассматриваемые категории. Процентные соотношения, приведенные на рис. 1, получены в результате анализа, проведенного по данным предприятий машиностроительного комплекса.

Затраты – денежное выражение объема ресурсов за определенный период, использованных на производство продукции.

Издержки – денежное выражение части ресурсов за определенный период, связанных с производством и со сбытом продукции, а так же с незапланированными или дополнительными тратами или потерями. Необходимо отметить, что часть издержек может быть связана непосредственно с процессом производства (зона 1) (потери от брака, от простоев по внутрипроизводственным причинам и т. д.), часть ни как не связана с производством, но при этом относимая на себестоимость незавершенного производства и готовой продукции (зона 2) (заработная плата управленческого персонала, недостачи материальных ценностей на складах в пределах норм естественной убыли и т. д.) и не относимая на себестоимость (зона 3) (пени, штрафы и иные санкции, перечисляемые в бюджет).

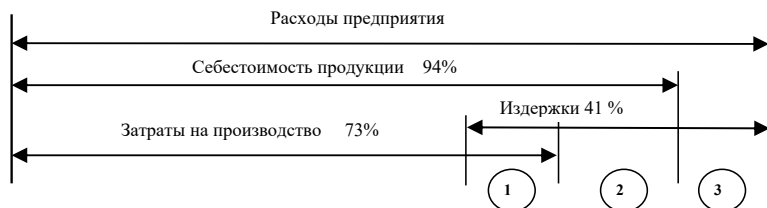

Рис. 1. Соотношение понятий «затраты», «издержки», «расходы» и «себестоимость»

Понятие «расходы» являются обобщающим термином, объединяющим в себе затраты и издержки, частично относимые на себестоимость незавершенного производства и изготовленной продукции, выполненных работ и оказанных услуг за отчетный период времени [1, с. 8–9].

В отечественной экономической практике понятия «затраты», «расходы» и «издержки» употребляются, как правило, в качестве синонимов. Так, Большой бухгалтерский словарь под редакцией А. Н. Азрилияна дает следующие определения:

Затраты: смотреть издержки.

Издержки:

1. Израсходованная на что-либо сумма, затраты.

2. Истекшие затраты, включающие:

- обобщенные производственные затраты по использованию продуктов и услуг в процессе производства конечной продукции; затраты, относящиеся к уже проданной продукции и соответствующей выручке с продаж;

- собственно издержки, не входящие в производственную себестоимость товаров проданных, к примеру: издержки реализации, общие и административные издержки, издержки по выплате процентов и налогов;

- убытки, относимые на издержки, например: незастрахованные активы, пострадавшие от пожара, судебные издержки.

Расходы:

1. Затраты, издержки.

2. Уменьшение средств предприятия или увеличение его обязательств, которые возникают в процессе хозяйственной деятельности в целях получения прибыли и приводят к уменьшению величины собственного капитала. К расходам относятся различные затраты средств – себестоимость реализованной продукции, внепроизводственные и административные расходы, выплата процентов, арендной платы, заработной платы, налогов и т. д.

3. Расход (потребление, затрата для определенной цели) [2, с. 23].

Словарь современных экономических и правовых терминов под редакцией В. Н. Шимова предлагает следующие определения:

Издержки – уменьшение суммы средств или увеличение суммы обязательств как результат приобретения товаров или оплаты за услуги. Отличаются от расходов, отражающих факт использования товаров или услуг. Расходы могут иметь место после издержек.

Расходы – уменьшение средств предприятия или увеличение его обязательств, которые возникают в процессе хозяйственной деятельности; графа в бухгалтерских книгах для записи издержек.

Затраты (расходы, издержки) – совокупность расходов объединения, предприятий, организаций, выраженных в денежной форме, на производство продукции, оказание услуг, выполнение работ [3, с. 100].

С точки зрения зарубежной терминологии между рассматриваемыми понятиями существуют определенные различия.

Так, издержки – это реальные или предположительные затраты финансовых ресурсов предприятия. Издержки представляют собой совокупность перемещений финансовых средств и относятся или к активам, если способны принести доход в будущем, или к пассивам, если этого не произойдет и уменьшится нераспределенная прибыль предприятия за отчетный период.

Под затратами понимают потребленные ресурсы или деньги, которые нужно заплатить за товары и услуги. Затраты характеризуют в денежном выражении объем ресурсов, использованных в определенных целях, и трансформируются в себестоимость продукции.

Характерно, что в Методических рекомендациях по прогнозированию, учету и калькулированию себестоимости продукции (приказ Министерства промышленности Республики Беларусь от 05 июня 2015 г. № 273 «Об утверждении методических рекомендаций по прогнозированию, учету и калькулированию себестоимости продукции (товаров, работ, услуг) в промышленных организациях системы Министерства промышленности Республики Беларусь»), речь идет именно о затратах на производство, а не расходах или издержках.

В то время как термин «затраты» относится ко всякому использованию ресурсов, термин «расходы» касается использования лишь тех ресурсов, которые при определении прибыли субъекта хозяйствования за данный период времени ставятся в соответствие доходам.

В определении, данном Советом по стандартам бухгалтерского учета (FASB), расходы представляют собой отток или иное использование активов и возникновение кредиторской задолженности в результате отгрузки или производства товаров, оказания услуг или осуществления иных операций, составляющих основу деятельности хозяйствующего субъекта.

Исходя из вышеизложенного следует, что расходы представляют собой финансовые затраты на зарабатывание доходов в течение отчетного периода. В этом проявляется реализация принципа соответствия доходов и расходов. Затраты в части, приходящейся на реализованную продукцию, становятся расходами в момент реализации этой продукции.

Затраты, которые характеризуют в денежном выражении объем ресурсов, использованных в определенных целях трансформируются в производственную себестоимость продукции (работ, услуг). Себестоимость продукции представляет собой стоимостную оценку используемых в процессе производства продукции природных ресурсов, сырья, материалов, топлива, энергии, основных средств, нематериальных активов, трудовых ресурсов, а также других затрат на ее производство и реализацию [4].

От уровня себестоимости продукции зависят объем прибыли и уровень рентабельности. Расчет себестоимости продукции предприятию необходим для:

- оценки выполнения плана по данному показателю и его динамики;
- определения рентабельности производства отдельных видов продукции;
- осуществления внутривозвратного оборота;
- выявления резервов снижения себестоимости продукции;
- определения цен на продукцию;
- расчета экономической эффективности внедрения новой техники, технологий и организационно-технических мероприятий;
- обоснования решения о снятии с производства устаревших изделий и т. д.

Снижение себестоимости является важнейшим фактором развития экономического субъекта. Получение наибольшего эффекта с наименьшими затратами, экономия трудовых, материальных и финансовых ресурсов зависят от того, как решает предприятие вопросы снижения себестоимости продукции. От характера формируемой себестоимости (полная, усеченная) зависит вся система учета затрат.

В отечественной учетной практике в зависимости от полноты включаемых в себестоимость затрат выделяют: технологическую, производственную и полную себестоимость продукции (таблица 1).

Метод учета затрат по полной себестоимости позволяет получить представление обо всех затратах, которые несет предприятие в связи с производством и реализацией одного изделия.

Таблица 1

Виды себестоимости в отечественной учетной практике

Себестоимость	Характеристика
Технологическая	Включает прямые затраты (стоимость сырья, материалов, зарплата производственных рабочих и т. п.) и общепроизводственные расходы, характеризует затраты цеха на производство продукции
Производственная	Состоит из цеховой себестоимости и общехозяйственных расходов, характеризует затраты предприятия, связанные с выпуском продукции
Полная	Производственная себестоимость, увеличенная на сумму коммерческих и сбытовых расходов. Этот показатель характеризует общие затраты предприятия, связанные как с производством, так и с реализацией продукции

Значительную долю в формировании себестоимости продукции составляют накладные расходы. Общепроизводственные расходы возникают в производственных подразделениях – участках, цехах, производствах. По своему назначению, характеру и функциональной связи эти расходы связаны непосредственно с производством, а их размеры в определенной степени зависят от объема производства, однако это не пропорциональная зависимость.

В конце отчетного периода производится распределение фактических общепроизводственных расходов между подразделениями основного производства, вспомогательных производств, исправимым браком на основании выбранных баз распределения (время работы производственных рабочих, заработная плата производственных рабочих, машино-часы работы оборудования, прямые затраты, стоимость основных материалов, объем произведенной продукции и т. п.).

Общехозяйственные расходы связаны с общим обслуживанием, организацией производства и управлением предприятием в целом. В конце отчетного периода общехозяйственные расходы списываются на затраты подразделений основного и вспомогательных производств пропорционально выбранной базе распределения.

В таблице 2 приведены основные проводки по формированию себестоимости при традиционном учете полной себестоимости с полным распределением затрат.

При выборе оптимального варианта списания накладных расходов необходимо руководствоваться правилом, что каждый вид расходов должен распределяться по видам продукции пропорционально той базе, от которой данные расходы зависят.

В ситуации, когда некоторые цехи предприятия резко выделяются по уровню комплексной механизации и автоматизации производства, то в них численность производственных рабочих и фонд их заработной платы будут небольшими.

А расходы, связанные с организацией производства и управлением в цеху и на предприятии не только не уменьшатся, а даже могут возрасти. Распределение в таких условиях общехозяйственных расходов пропорционально основной заработной плате приведет к искажению себестоимости отдельных изделий.

Таблица 2

**Схема бухгалтерских проводок по учету полной себестоимости
(с полным распределением накладных расходов)**

Содержание операции	Дебет	Кредит
Формирование прямых затрат	20	10, 70, 69, 68
Формирование общепроизводственных расходов	25	10, 70, 69, 68, 76 и др.
Формирование общехозяйственных расходов	26	10, 70, 69, 68, 76 и др.
Списание общепроизводственных расходов	20	25
Списание общехозяйственных расходов	20	26
Оприходование готовой продукции	43	20

Распределение общепроизводственных расходов по видам продукции пропорционально объемам ее выпуска или пропорционально ценам на отдельные виды продукции приводит к тому, что чем выше цена изделия, тем больше общепроизводственных расходов будет отнесено на него.

При таком способе распределения затрат выравнивается рентабельность продукции (на продукцию с более высокой ценой относится и больше общепроизводственных расходов), но рассчитанная таким образом себестоимость изделий не отражает действительных затрат на их производство, и не позволяет проводить эффективную ассортиментную политику.

Накладные расходы играют важную роль в формировании себестоимости продукции. Субъекты хозяйствования стремятся их уменьшать в целях снижения величины показателя себестоимости продукции, и повышения прибыли.

От правильной оценки затрат субъекта предпринимательской деятельности, зависит точность и объективность принимаемых стратегических и тактических управленческих решений.

Список использованных источников

1. Коростелкин, М. М. Учетно-аналитическая система автономного учета затрат на предприятиях машиностроительного комплекса: автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата экономических наук: 08.00.12 / М. М. Коростелкин; Орловский государственный технический университет. – Орел, 2006. – 24 с.
2. Большой бухгалтерский словарь / А. Н. Азрилян [и др.]; под общ. ред. А. Н. Азриляна. – М.: Институт новой экономики, 2010. – 1683 с.
3. Словарь современных экономических и правовых терминов / В. Н. Шимов [и др.]; под общ. ред. В. Н. Шимова. – Минск: Амалфея, 2002. – 816 с.
4. Приказ Министерства промышленности Республики Беларусь от 5 июня 2015 г. № 273 «Об утверждении методических рекомендаций по прогнозированию, учету и калькулированию себестоимости продукции (товаров, работ, услуг) в промышленных организациях системы Министерства промышленности Республики Беларусь»

(Дата подачи 15.02.2021 г.)

В. Е. Павляк

Балтийский Федеральный Университет имени Иммануила Канта,
Калининград

V. Pavlyak

Immanuel Kant Baltic Federal University, Kaliningrad
post@kantiana.ru

08.00.05

КЛАССИФИКАЦИЯ УСЛУГ УПРАВЛЕНЧЕСКОГО КОНСАЛТИНГА

MANAGEMENT CONSULTING SERVICES CLASSIFICATION

В данной статье анализируются существующие подходы к классификации услуг управленческого консалтинга, предложенные разными авторами. Изменчивость сферы обуславливает необходимость поиска и переосмысления текущих группировок и вскрывает их недостатки. На основании анализа предложена авторская классификация услуг управленческого консалтинга.

Ключевые слова: управленческий консалтинг; управленческое консультирование; виды консалтинга; классификация консалтинговых услуг.

In this article the existing approaches on how to classify management consulting services are being analysed. Variability of this industry leads to the necessary search and rethinking of the current groups and sheds light on their disadvantages. Based on the analysis, an own classification of the management consulting services is proposed by the author.

Keywords: management consulting; management consultancy; types of consulting; classification of consulting services.

Несмотря на высокую развитость и стремительно увеличивающиеся масштабы глобального рынка управленческого консалтинга, по нескольким причинам на сегодняшний день не существует общепринятой и четкой классификации услуг менеджмент-консалтинга, к которой можно было обратиться с целью понять, какие услуги к нему относятся, а какие – нет. Во многом это объясняется самой спецификой профессии, которая не является древней и хорошо известной (как медицина или преподавание), а возникает только при достижении определенного уровня развития общества в условиях капиталистического общественного строя и конкурентного рынка (этим объясняется запоздалость становление консалтинга в России – только в 90-е годы). Другой причиной является изменчивость не только каких-то аспектов бизнеса, но и отраслевых стандартов. Методы, приемы и знания теряют свою актуальность в течение 5–10 лет, вынуждая консультантов постоянно искать и генерировать новые подходы и пути решения проблем клиентов. Это и объясняет нестабильность услуг, их постоянную трансформацию и адаптацию к уникальным характеристикам того или иного бизнеса, а также вынужденный поиск новых технологий под давлением рыночной конкуренции.

Такая изменчивость услуг еще больше путает карты тем, кто пытается категоризировать и задокументировать все возможные аспекты управленческого консалтинга. А отсутствие внятной классификации, в свою очередь, является камнем преткновения для всех, кто исследует рынок управленческого

консалтинга. Задачей данной работы не является группировка всех возможных видов управленческого консалтинга, но выделение общих принципов, на основе которых могут быть четко разделены группы этих услуг, охватывающие всю отрасль.

Один из мировых классиков управленческого консалтинга, чешский экономист Милан Кубр еще в 1976 г. в книге «Management Consulting: A guide to the profession» [1, с. 261–599] выделил 15 основных направлений услуг управленческого консалтинга. Эти направления представлены ниже:

- общий и стратегический консалтинг;
- IT-консалтинг;
- управление финансами;
- маркетинг и управление поставками;
- электронный бизнес;
- операционный менеджмент;
- HR-консалтинг;
- управление знаниями;
- улучшение продуктивности и результатов деятельности;
- управление качеством;
- трансформация компании;
- социальная ответственность компании;
- развитие и поддержка малого бизнеса;
- услуги для неформального сектора;
- услуги для правительственных организаций.

Со времен классификации Кубра консалтинговый рынок неоднократно изменился и некоторые направления существенно трансформировались или попросту потеряли свою актуальность. Так, например, услуги по созданию электронного бизнеса (налаживание каналов онлайн-продаж) сейчас едва ли существуют как отдельный подвид консалтинга, скорее входя в группу стратегических услуг как один из элементов. То же касается и консалтинга в области маркетинга. Вопросы стратегического маркетинга, как правило, могут входить в группу услуг компании, предлагающий стратегический управленческий консалтинг, но в остальном маркетинговый консалтинг сегодня сильно фрагментирован, и компании специализируются на частных его проявлениях. Существуют фирмы, специализирующиеся на услугах SMM (Social Media Marketing), на брендинге, на создании позиционирования, дизайн-элементах, на запуске рекламы, на SEM и SEO-услугах (оптимизация выдачи в поисковых системах), на ценообразовании и др.

Несмотря на то, что в мировом консалтинговом сообществе предпринимались попытки обобщить виды консалтинговых услуг, подходы к выделению разных типов этих услуг все равно множатся и различаются в зависимости от автора. Самой цитируемой и известной классификацией является группировка, разработанная организацией FEACO¹ и представленная в Европейском справочнике управленческого консалтинга в 1995 г. [2]. Согласно этому справочнику существуют 84 вида консалтинговой деятельности, которые, в свою очередь, объединены в 8 категорий:

- общее управление;
- администрирование;

¹ FEACO – Federal European Association of Consulting Organizations // Федерация Европейских Ассоциаций Консультантов.

- финансовое управление;
- управление кадрами (HR);
- маркетинг;
- производство;
- IT-консалтинг;
- специализированные услуги.

При этом важно уточнить несколько деталей. Во-первых, разница между общим управлением и администрированием, по мнению авторов данной классификации заключается в том, что второе направление больше связано с оптимизацией деятельности, операций, процессов, в то время как первое имеет более стратегический характер. Такое разделение выглядит логически верным с точки зрения планирования и управления деятельностью предприятия, однако не совсем логичным, если судить с точки зрения оказания услуг консультантами. Иными словами, консультант не может разработать стратегию для предприятия, абсолютно игнорируя операционную деятельность, и наоборот. Второй важный аспект состоит в том, что под консалтингом в области информационных технологий здесь подразумеваются услуги по подключению автоматизированных систем учета бизнеса и других элементов автоматизации деятельности. На сегодняшний день, IT-консалтинг представляет собой куда более обширную сферу с разнообразным набором услуг, например, цифровизация деятельности компании, создание онлайн-каналов продаж, управление CRM-системами, кибербезопасность, облачные технологии, блокчейн и многое другое. В-третьих, категория специализированных услуг представляет собой портфель достаточно разрозненных и мало схожих между собой услуг: сюда включены и юридические услуги, и инжиниринг, и консалтинг в государственном секторе. При этом критерии, на основе которых следует выделить какой-либо вид консалтинга в отдельную категорию, а какой – в специализированные услуги, не указаны.

Однако важность данной классификации недооценивать не стоит, так как она послужила первой общепризнанной попыткой задокументировать очень многообразный и иногда хаотичный рынок консультационных услуг. Несмотря на то, что консалтинговые услуги безусловно эволюционируют, многие и по сей день ссылаются на данную классификацию как самую авторитетную.

Но как уже было сказано, сфера управленческого консалтинга относится к тем отраслям, которые претерпевают фундаментальные изменения по мере прогресса технологий и развития экономики. В условиях постоянно растущей конкуренции, консалтинговые компании смещают фокус с одних услуг на другие, диверсифицирует продуктовый портфель, осваивают новые ниши и постоянно находятся в поисках нового, уникального предложения для компаний. И это всего лишь вынужденная мера, чтобы сохранить прибыльность.

В 2010 г. профессор Кардиффской бизнес-школы Джо О'Махоуни и консультант, автор нескольких книг, Калверт Маркхэм выпустили книгу «Управленческий консалтинг» и предложили свое видение того, как следует разделять услуги управленческого консалтинга [3]. Они делят услуги управленческого консалтинга на три ключевые общие группы: стратегический консалтинг, IT-консалтинг и «общий консалтинг»/управление изменениями. При этом в третью группу, по их мнению, следует включить операционный консалтинг, бизнес-процессы и проектный менеджмент. Более наглядно классификация представлена в таблице 1.

Таблица 1

Классификация консалтинговых услуг по Д. О'Махоуни

Группа консалтинговых услуг	Осуществляемые услуги
Стратегический консалтинг	Разработка стратегических решений для компании и плана, как их реализовать
IT-консалтинг	Внедрение IT-технологий, аналитика больших данных, интеграция систем, разработка IT-продуктов, IT-аутсорсинг и другие услуги
«Общий консалтинг»/ Управление изменениями	Бизнес-процессы (разработка, картирование, внедрение); улучшение качества (TQM, управление качеством процессов); менеджмент изменений, включая корпоративные изменения (создание ценности, корпоративной культуры); HR-консалтинг (найм и обучение сотрудников, улучшение условий труда, разработка стратегии и улучшение процессов управления персоналом); операционный консалтинг (повышение эффективности операций, сокращение затрат, оптимизация и др.); программный/проектный менеджмент (программный менеджмент – наладка полной имплементации ряда проектов, проектный – обеспечение и контроль ресурсов, действий для осуществления конкретного проекта); узконаправленный консалтинг (сопровождение M&A сделок, частная собственность, адаптация бизнеса в соответствие с новыми НПА/законами/соглашениями, маркетинг и продажи); аутсорсинг

Однако данный подход содержит ряд уязвимостей. Во-первых, авторы не поясняют четкие критерии, объединяющие перечисленные виды консалтинга в группу «Общего консалтинга» и почему, например, в эту группу нельзя включить стратегический консалтинг. «Общие услуги» получаются слишком обширной и широкой категорией, которая вбирает в себя принципиально разные сервисы. Во-вторых, О'Махоуни и Маркхэм отсекают часть услуг, относящуюся к так называемому бизнес-консалтингу: финансы, отчетность, налоговое планирование, но при этом добавляют в эту же группу, например, HR-консалтинг, хотя управлением персоналом, как и финансами, и налоговым планированием, зачастую занимаются отдельные специализированные фирмы, а не компании, предлагающие услуги управленческого консалтинга. Наконец, в-третьих, данная классификация не включает еще ряд услуг, которые предоставляются консалтинговыми компаниями на рынке.

Согласно крупнейшему в мире онлайн-порталу, посвященному теме бизнес-консалтинга consultancy.org [4], выделяют шесть основных типов консалтинга, описание которых приведено в таблице 2.

В данной классификации обращает на себя внимание разграничение управленческого и стратегического консалтинга на два разных вида, что является несколько спорным исходя из того, что фирмы, специализирующиеся на управленческом консалтинге, оказывают в первую очередь стратегические услуги, и данный вид услуг является по сути ядром управленческого консалтинга. Кроме того, по вышеупомянутой ранее причине взаимосвязанности, отделение

операционного консалтинга и от стратегического, и от управленческого, также выглядит неоднозначным. Иначе говоря, разница между операционным консалтингом и стратегическим консалтингом (которая безусловно существует) не настолько глобальна как разница между стратегическим консалтингом и финансовым. Если в первом случае за критерий разделения берется горизонт планирования и охват, то во втором случае разница заключена в самой сущности услуг, в их профиле и образовательном базисе.

Таблица 2

Классификация консалтинговых услуг по consultancy.org

Вид консалтинга	Характеристика
Стратегический консалтинг	Стратегические консультанты обычно работают на высшем уровне консалтингового рынка, оказывая услуги вроде корпоративной или организационной стратегии, экономической политики, политики управления или функциональной стратегии
Управленческий консалтинг	Управленческие консультанты на практике занимаются всеми видами управления организацией, начиная со стратегии и заканчивая различными тонкостями менеджмента компании
Операционный консалтинг	Консультанты по операциям помогают компаниям наладить эффект от, очевидно, осуществляемых компанией операций. Сюда относится работа по улучшению как первостепенных функций (Производство, Маркетинг, Продажи), так и второстепенных (Финансы, Цепи поставок, HR, ИКТ и др.)
Финансовый консалтинг	Финансовые консультанты, несмотря на достаточно узкую направленность, тоже могут различаться и варьироваться внутри этой категории, так как область этих услуг охватывает также и сделки по слияниям и поглощениям (M&A), и управление рисками, и вопросы налогообложения, и реструктуризации, и даже вопросы, связанные с недвижимостью. Сюда же относится и специалисты в области противодействия финансовому мошенничеству
HR-консалтинг	Консультанты в области HR помогают компаниям в вопросах текущих правил и условий труда в компании, организационных изменений, обучения и развития внутри компании, а также отношений работодателя и сотрудника в целом и процесса увольнения
IT-консалтинг	IT-консультанты занимаются вопросами развития и использования информационных технологий в организациях. Наиболее быстро растущими и востребованными подкатегориями на рынке IT-консалтинга являются услуги по диджитализации, аналитике данных (data science), кибербезопасности и противодействия IT-мошенничеству

Обобщая анализ вышеперечисленных вариантов классификаций консалтинговых услуг, следует выделить факторы, обуславливающие необходимость их критического осмысления:

1. Не хватает четких критериев, по которым можно было бы бесспорно разграничить категории друг от друга.

2. Даже самая полная классификация не учитывает ряд услуг, в реальности оказываемых консалтинговыми компаниями. В силу особенностей консультационного бизнеса услуги сильно дифференцированы и любая компания может оказать доселе неизвестную услугу, суть которой была сгенерирована вместе с клиентом исходя из специфических, уникальных нужд. Но вместе с тем, есть и вполне распространенные, неуникальные услуги, не учтенные в существующих классификациях. К таковым можно отнести, например, помощь стартапам и компаниям в подготовке и подаче заявок на финансирование от международных и национальных организаций, а также в привлечении других источников финансирования.

3. Категория «других» или «специализированных» услуг имеет причины существовать, однако она не должна включать типовые, хорошо известные услуги (например, юридический консалтинг), но в то же время отражать и обобщать те уникальные услуги, которые рождаются из специфических запросов клиентов.

С учетом изложенных факторов и для более точной классификации услуг необходимо сперва разграничить виды консультационных услуг. Основным критерием разделения стала специализация фирм и обособленность друг от друга. Как правило, одна компания не предлагает два каких-либо разных вида консультаций из представленных, так как каждый из видов требует познаний из принципиально разных областей. По этому принципу следует различать:

- консалтинг в области юридических услуг;
- консалтинг в области финансов;
- консалтинг в области маркетинга;
- HR-консалтинг;
- IT-консалтинг (разработка и внедрение ПО и автоматизированных систем);
- инжиниринг;
- управленческий консалтинг.

Как отдельный вид консалтинга IT-консалтинг следует рассматривать исключительно в разрезе разработки и сопровождения внедрения программных продуктов, обеспечения и автоматизированных систем. Такие продукты/услуги не относятся к управленческому консалтингу, так как являются стандартизированной, типовой услугой. Такие продукты не производятся исходя из запросов клиентов (хотя кастомизация и тонкая настройка под клиента вполне возможны), но уже предлагаются как готовые к употреблению.

После отсеечения всех «лишних» типов консалтинговых услуг целесообразно классифицировать услуги уже непосредственно управленческого консультирования с учетом современного рынка, актуальных запросов со стороны бизнеса, а также метаморфоз услуг, которые неизбежно трансформировались под влиянием глобальных изменений. На основе изучения гносеологии развития консалтинговой деятельности, проведенного анализа различных подходов к ее классификации и выявленных проблемных вопросов, предложена авторская классификация, предполагающая использование достаточно устойчивых классификационных признаков, менее подверженных влиянию постоянного расширения и модификации данного вида деятельности. Предлагаемая классификация услуг представлена в таблице 3.

Таблица 3

Классификация услуг управленческого консалтинга

Группа услуг управленческого консалтинга	Услуги
Стратегический консалтинг	• разработка стратегии компании; • организационное управление и структура; • разработка, изменение и внедрение бизнес-процессов; • управление качеством; • оптимизация деятельности и процессов; • повышение эффективности производства/труда; • сопровождение M&A сделок (не юридическое); • управление изменениями; • управление рисками; • трансформация деятельности; • управление корпоративной социальной ответственностью
IT-консалтинг	• цифровизация деятельности; • внедрение информационных технологий в бизнес; • IT-стратегия; • аналитика больших данных (big data); • управление электронными продажами; • проектирование клиентского опыта (customer journey); • кибербезопасность; • разработка сопровождающих кастомизированных IT-продуктов
Исследования и Аналитика	• маркетинговые исследования; • сопровождение проникновения на рынок; • ценообразование; • аналитика деятельности компании, продуктов, процессов
Аудит	• аудиторские услуги; • мошенничество и репутационные убытки (forensic); • расследование экономических преступлений; • адаптация под законы, регламенты, нормативно-правовые акты (compliance); • сертификация
Услуги для государственного сектора	• стратегия развития регионов; • исследования и стратегия для государственных учреждений; • оценка государственной политики; • управление государственными проектами; • внедрение инноваций в государственных органах
Услуги в области инноваций и стартапов	• поддержка развития стартапов и малого бизнеса; • привлечение финансирования из национальных/региональных фондов, программ, грантов; • создание стартап-экосистемы; • внедрение корпоративного предпринимательства; • управление НИОКР (R&D); • управление инновациями на предприятии
Аутсорсинг и предоставление трудовых ресурсов	• управление проектами или реализация проектов собственной командой; • аутсорсинг корпоративных задач; • предоставление консультантов/аналитиков по найму

Следует отметить, что в ходе формирования данной классификации не ставилась задача охватить всевозможные услуги, предлагаемые консалтинговыми компаниями. Как было замечено ранее, новые услуги и ответвления появляются ежедневно, рождаясь из уникальных запросов клиентов. Однако важно выделить группы услуг, которые бы охватили весь сегмент управленческого консалтинга без необходимости вводить категорию «другие услуги».

Таким образом, в данной статье была предложена две классификации: видов консалтинга и услуг управленческого консалтинга, что являлось первоначальной и главной задачей. Существование единой классификации упростило бы описание и понимание сферы управленческого консалтинга всем тем, кто занимается ее исследованием. Под влиянием развития технологий и конкурентного рынка данная классификация может дополняться и расширяться, однако ядро и предложенные критерии являются тем фундаментом, который позволит сохранить структуру и основные категории.

Список использованных источников

1. Milan Kubr, «Management Consulting: A guide to the profession. Fourth Edition». – Geneva: International Labour Office, 2002.
2. European Directory of Management Consultants. – London: FEACO-AP Information services, 1995.
3. Joe O'Mahoney, Calvert Markham, «Management Consultancy» – Oxford: Oxford University Press, 2010.
4. Информационный портал об управленческом консалтинге [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.consultancy.org/>. – Дата доступа: 10.02.2021.

(Дата подачи: 25.02.2021 г.)

А. К. Петрашкевич

Белорусский национальный технический университет, Минск

A. K. Petrashkevich

National Technical University, Minsk

УДК 316.101.262

РОЛЬ ЧЕЛОВЕЧЕСКОГО ПОТЕНЦИАЛА В ИННОВАЦИОННОЙ ЭКОНОМИКЕ

THE ROLE OF HUMAN POTENTIAL IN AN INNOVATIVE ECONOMY

В статье рассматривается роль человеческого потенциала в инновационной экономике. Акцент сделан на анализе концепции формирования человеческого потенциала в инновационной экономике.

Ключевые слова: инновационная экономика; человеческий потенциал; система образования; источники человеческого потенциала; инновационные структуры.

The article deals with the role of human potential in the innovation economy. The emphasis is placed on the analysis of the concept of human potential formation in an innovative economy.

Keywords: innovative economy; human potential; education system; sources of human potential; innovative structures.

Одной из актуальных тем, обсуждаемых современным научным сообществом, является роль человеческого потенциала в инновационной экономике. Особенно важным данное проблемное поле стало в двадцать первом веке, так как в последнюю четверть XX в. человечество вступило в новую стадию своего развития – построения постиндустриального, информационного общества, вызванной происходящей в мире социально-экономической революцией. Известно, что в основе каждого преобразования общественного уклада лежат определенные специфические технологии, производственно-технологические системы и промышленные отношения. Для постиндустриального общества эту роль, в первую очередь, играют ИТ-продукты, цифровые технологии и компьютеризированные системы, высочайшие наукоемкие технологии, являющиеся результатом новых физико-технических и биохимических принципов, и основанные на них новаторские технологии, инноваторские системы и инновационная организация разных сфер жизнедеятельности деятельности индивида, социальных групп и общества в целом. Конечным итогом подобного совершенствования социального развития должно стать формирование нового типа организации хозяйственной деятельности – инновационной экономики.

Инновационная экономика – это экономика общества, которая основана на познаниях, нововведениях, благожелательном восприятии новых идей, машин, систем и технологий, готовности их исполнения на практике в различных сферах человеческой деятельности. Она выделяет специальную роль знаний и инноваций, первым делом научных.

Стратегической целью формирования инновационной экономики и развития инновационной деятельности на ближайшие годы должно быть комплексное динамически устойчивое прогрессивное социально-экономическое развитие отечественных производств, отраслей и территорий до уровня их конкурентоспособности на международном уровне, следствием чего будет рост уровня общего благосостояния общества и жителей до уровня развитых стран мира [1, с. 2].

Главным ресурсом для достижения поставленной цели должна стать целенаправленная и согласованная работа высшей школы, предприятий военного-промышленного комплекса и государственных научных центров (научно-технологических, научно-производственных и др.). Комплекс инфраструктурных объектов системы высшего образования, который обеспечивает главную составляющую становления и развития интеллектуальной экономики – кадровую составляющую, обязан быть дополнен инновационно-инвестиционными структурами (центрами, комплексами, компаниями, институтами и т. п.) так, чтобы университеты образовали учебно-научно-инновационные центры, ответственные за формирование, развитие и использование человеческого потенциала.

«Человеческий потенциал» как научное понятие стало интенсивно употребляться в белорусском обществознании сравнимо недавно, с конца девяностых годов двадцатого века до начала двадцать первого века. Его появление в понятийном аппарате было вызвано объективными, социально-экономическими причинами, связанными с необходимостью эффективного использования имеющихся у населения страны трудовых навыков, знаний и т. д. Сейчас принято выделять два основных подхода к анализу человеческого потенциала.

В прикладном и прагматичном ключе развивался ресурсный подход к трактовке человеческого потенциала, согласно которому человеческий потенциал является социальным феноменом, который мало зависит от личностных качеств

субъектов; он социален не только по происхождению, но и по своим проявлениям.

Человеческий потенциал представляет собой готовность и способность этнической общности к активному самосовершенствованию, своевременному и соответствующему ответу на многочисленные вызовы внешней среды и успешной конкуренции с другими странами; системно дополняет структурные признаки публичного устройства и является единой чертой жизнеспособности общества [2, с. 10].

Формирование человеческого потенциала в рамках данного подхода рассматривается как объективный процесс, в наименьшей степени зависящий от личности. Это разъясняется тем, что человеческий потенциал «закреплен в таких физических и духовных качествах людей, существенная доля которых зависит от генофонда государства, критериев социализации новых поколений и особенностей этнической культуры. Характер склада ума, структура ценностей, типы личностей сравнимо слабо меняются в протяжении жизни людей и в существенной мере передаются от поколения к поколению» [2, с. 12].

Ресурсный подход широко используется при изучении потенциала организации, региона, страны, позволяя охарактеризовать имеющийся объективный «запас» человеческих качеств. Социальная детерминация человеческого потенциала имплицитно предполагает возможности для формирования необходимых для социума социальных качеств. Человек, носитель данных качеств, выступает как объект целенаправленного воздействия со стороны активных субъектов общественной жизни. Таким субъектами могут выступать государственные структуры, социальные слои и группы, занимающие в существующей социальной структуре высшие позиции.

Вектор социальной направленности «желаемых» свойств членов социальной общности будет в значительной мере определяться общественными целями, задачами, эталонами субъектов, которые участвуют в формировании человеческого потенциала. Если эти цели соответствуют интересам государственной общности, то общество получит «прирост» человеческого потенциала. Если эти группы замкнуты на себе, а правительство служит этим ограниченным целям, то человеческий потенциал будет поглощаться вершиной социальной структуры.

Вместе с ресурсным подходом при исследовании человеческого потенциала применяется также личностный подход, который был представлен в исследовательских работах О. И. Иванова [3], И. Г. Саксельцева [4] и др. Данный подход учитывает активность человека по реализации своих социальных качеств. Фокусируется внимание на том, что человеческий потенциал как совокупность социальных свойств может быть реализован лишь тогда, когда каждый его носитель – определенный человек – готов к его воплощению.

Готовность выполнять определенные виды деятельности, по мнению О. И. Иванова, означает, что тот или иной человек и (или) группа может приступить к деятельности без специальной подготовки, как профессиональной, так и социально-психологической. Другими словами, в готовности как одной из внутренних элементов потенциала в перевоплощенном виде представлены и потребности, способности, и ранее сформированная мотивация к реализации той или иной деятельности [3, с. 150].

О. И. Иванова утверждает, что ядро человеческого потенциала составляют человеческие способности, поэтому человеческий потенциал формируется как

потенциал каждого отдельного члена общества, малых групп, различных социальных организаций (предприятий, корпораций). Человеческий потенциал больших социальных общностей (жителей определенной территории, народа, этноса, демографических групп, социальных слоев и классов) недоступен для конкретного воздействия, он образуется косвенно [3, с. 145].

Для актуализации человеческого потенциала необходимы две группы условий: внешние и внутренние. Это означает, во-первых, что имеющиеся в наличии человеческие качества должны быть востребованы обществом, а во-вторых, чтобы люди были готовы их использовать. Внедрение предложенного подхода позволит учесть, как социальные запросы, идущие от общества, так и желание индивидуума применять социальные качества. Человек сам делает конечный выбор, проявляя свою волю и желание.

В теориях человеческого потенциала принято выделять системные уровни и структурные элементы человеческого потенциала. Так, различают общностный, личностный, местные, групповой и государственные уровни человеческого потенциала, которые связаны тесным сотрудничеством. Здесь и кроится главное различие ресурсного и личностного подхода. Как ранее было отмечено, человеческий потенциал в ресурсном подходе не сводится к сумме частных потенциалов, это надындивидуальная суть. Согласно личностному подходу, простая единица человеческого потенциала общности, страны – потенциал отдельного человека.

Сотрудничая вместе и объединяясь в разные социальные группы, общности, люди формируют человеческий потенциал группы, общности, который по своей мощности превосходит потенциалы частных личностей (частные личности могут внедряться в группы и уходить из них, но сформированные при их участии потенциал группы остается).

Взаимодействуя друг с другом, группы создают человеческий потенциал высшего уровня, например, потенциал страны и государства. Так формируются, взаимодействуют, взаимоусиливаются или взаимоослабляются различные человеческие потенциалы, либо различные уровни единого комплексного человеческого потенциала.

Одной из наиболее перспективных в этом плане теоретических конструкций представляется концепция человеческого потенциала предложенная И. Г. Саксельцевым. Положения этой концепции позволяют выявить существующие противоречия, определить новые принципы и условия перехода к инновационной модели развития.

Сейчас контекст применения термина «человеческий потенциал» преимущественно инструментально увязанный с характеристикой социально-экономических, культурных, экологических и иных аспектов условий жизни людей, не имеет единых критериев определения уровня его развития, а сама концепция человеческого потенциала пока не выработала общепризнанных постулатов, что обуславливает необходимость превентивной разработки ее теоретических основ.

Возникновение концепции человеческого потенциала связано, прежде всего, с признанием определяющей роли человека в общественном воспроизводстве, которое произошло благодаря разработкам теорий постиндустриального общества, экономики знаний, социальной рыночной экономики и национальных инновационных систем. Научные достижения этих теорий положены

в основу новой постиндустриальной парадигмы, в рамках которой и происходит становление концепции человеческого потенциала. Исследователи проблем человеческого потенциала инновационной экономики С. Соболевой, А. Задорожного, Б. Шевченко, Л. Яковенко, С. Степаненко и многие другие внесли вклад в разработку концепции человеческого потенциала.

Однако, несмотря на значительное количество публикаций по исследуемой проблеме, тема формирования человеческого потенциала инновационной экономики как совокупности накопленных содержательных качеств общества, которые могут быть целенаправленно реализованы в русле обеспечения инновационного развития экономики, еще не стала предметом комплексного экономического исследования. Поэтому считаем необходимым изучить отдельные положения концепции человеческого потенциала в целом и человеческого потенциала инновационной экономики в частности.

Главная цель процесса формирования человеческого потенциала инновационной экономики состоит в обеспечении достаточного уровня профессиональных и особых качеств его представителей. Количественные границы человеческого потенциала инновационной экономики огромны, поскольку потенциал – это не целостный и определенный во времени объект, в отличие от, скажем, ресурса, где значимым признаком выступает принадлежность человека к определенной сфере деятельности, как конкретного объекта направленности труда. Человеческий потенциал инновационной экономики включает и потенциальных субъектов, которые при изменении определенных факторов могут стать востребованными в настоящее время. Таким образом, человеческий потенциал инновационной экономики в статистическом плане – это неопределенное множество, а не просто количество субъектов, задействованных в некоторых экономических сферах.

Учитывая современные инновационные императивы, решение задачи повышения качества и развития человеческого потенциала должно брать на себя государство. Однако современная государственная политика настроена не на «выращивание» творческих личностей, а на отбор и поддержку «особенно одаренных» детей, поскольку принято считать талант редкостью. Элитарный подход к проблеме творчества не может соответствовать целям инновационного развития. Это все равно, что убедить часть населения в его тривиальности и, следовательно, закрыть перспективы для развития. Множество примеров из образовательной практики показали, что те или иные способности есть у всех людей. Нужно уметь их открыть, сформировать, развить, увлечь деятельностью. Кроме того, история свидетельствует, что таланты могут проявить себя и в послешкольном возрасте. Поэтому на макроуровне государственная политика относительно поддержки талантов должна развивать каждого члена общества и делать так, чтобы каждый стремился раскрыть свой талант [7, с. 86].

Компетенции, необходимые для научной, предпринимательской, образовательной, творческой и иной деятельности, а также позволяющие вырабатывать нестандартные решения, формируются на основе профессионально-квалификационных и личностных качеств, определенной совокупности знаний, навыков и умений, ширины кругозора.

Базовым институтом в формировании компетенций выражаемых в профессионально-квалификационных качествах человеческого потенциала инновационной экономики выступает образование. В настоящее время отечественная

система образования переживает период кардинальных реформ, цель которых находится в тандеме с задачами инновационного развития страны. В этом смысле может быть полезен опыт Японии, где в 1962 г. была разработана правительственная концепция «формировании человека» (хитодзукури), которая была положена в основу программы экономического и социального развития страны. В дальнейшем совместными усилиями президентов крупнейших японских компаний, руководителей правительственных учреждений и ведущих ученых была создана и принята программа «Развитие человека в новом индустриальном обществе», в которой излагались принципы всестороннего и повсеместного поощрения творчества в процессе школьного и университетского обучения, развития способностей, необходимых для информационного общества. Главная идея названной программы заключается в утверждении приоритета всестороннего образования, интеллектуального и физического развития, морального воспитания, эстетического и художественного совершенствования. Примечательно, что этот принцип является отражением концепции о гармоническом развитии личности, взаимодополняющую природу научного и художественного способов познания мира [9, с. 87].

Наиважнейшая роль в воспроизводстве человеческого потенциала инновационной экономики принадлежит системе высшего образования. Здесь проходит подготовка специалиста начальной научной квалификации. На этом этапе, как правило, проявляется склонность к научной работе. Специфика формирования человеческого потенциала инновационной экономики с помощью системы высшего образования заключается в том, что она не представлена в нем как некоторая автономная совокупность специальных учебных заведений, а присутствует во всех структурных элементах этого процесса. Следовательно, качество подготовки человеческого потенциала инновационной экономики в большей степени зависит от функционирования системы высшего образования в целом.

Сейчас все научно обоснованные проекты по подготовке и отбору молодежи для научной и инновационной деятельности базируются на принципе интеграции науки и образования. Следует заметить, что научно-исследовательская работа студентов в современных условиях должна прививать не только исследовательские навыки, но и формировать опыт интеллектуального предпринимательства. В таком случае творческий и инновационный потенциал будущего ученого получат свое развитие не изолированно друг от друга, а в кооперации и интеграции, как единое целое [9].

Для инновационно-ориентированного общества характерна и другая, по сравнению с рыночной и административно-командной экономикой, система национальных ценностей и целей развития. Главными компонентами здесь выступают актуализация и развитие творческих способностей человеческого потенциала страны, достижения баланса между традициями и инновациями, формирование и содержание международных конкурентных преимуществ в научно-технической сфере. Поэтому сегодня миру нужна единая в своих базовых принципах культурная, социально-экономическая и научно-техническая политика, направленная на установление общественного сознания на инициативу и творчество, на пробуждение интереса к получению знаний и их сознательного и уместного применения. Глубина понимания и принятие массовым сознанием того факта, что именно самореализация становится главным мотивом деятельности, без сомнения, определит перспективы инновационного развития.

Таким образом, процесс формирования человеческого потенциала инновационной экономики характеризуется специфичностью ряда детерминирующих факторов: психофизиологических, профессионально-квалификационных, духовно-нравственных. Актуальность практического анализа качественных составляющих процесса формирования человеческого потенциала инновационной экономики обусловлено тем, что противоречивость между качеством этих составляющих и динамично развивающимися требованиями времени значительно обострилась. Изменение существующих институциональных условий, а также развитие новых форм подготовки специалистов на основе принципов интеграции, опережения, непрерывности и доступности, по нашему мнению, должно способствовать интенсификации процесса формирования человеческого потенциала инновационной экономики на высоком качественном уровне, что требует дальнейших исследований и обоснований.

Список использованных источников

1. Попов, А. И. Инновационная экономика: лекция / А. И. Попов. – Тамбов: Изд-во Тамб. гос. тех. ун-та, 2008. – 24 с.
2. Захаров, В. М. Реновационная система воспроизводства профессионального потенциала как условие обеспечения эффективности регионального управления / В. М. Захаров. – Белгород: ИД «Белгород» НИУ «БелГУ», 2016. – С. 20–39.
3. Павлов, А. П. Интеллектуальный потенциал образовательного учреждения / А. П. Павлов // Качество образования, качество человеческого капитала, качество жизни // Сборник докладов и статей Междунар. науч.-практ. конф., Москва, 26 июня 2012. – М.: Изд-во СГУ, 2012. – С. 80–89.
4. Заславская, Т. И. Человеческий потенциал в современном трансформационном процессе / Т. И. Заславская // Общественные науки и современность. – 2005. – № 3. – С. 5–16.
5. Иванов, О. И. Человеческий потенциал современной российской экономики / О. И. Иванов // Проблемы теоретической социологии. – СПб., 2011. – С. 140–156.
6. Саксельцев, И. Г. Человеческий потенциал современного российского общества (социологический анализ): автореф. дис. ... канд. соц. наук. / И. Г. Саксельцев. – Саратов, 2006. – 21 с.
7. Кузьменчук, И. Технологии развития творческой личности / И. Кузьменчук. – Режим доступа: <https://www.slideshare.net/ipppo-kubg/ss-29690041>.
8. Национальный доклад Правительства Украины «Цели устойчивого развития: Украина 2016–2030». – Режим доступа: <http://www.un.org.ua/tsili-rozvytku-tysiacholittia/tsilistaloho-rozvytku>.
9. Задорожная, А. Г. Современное хозяйство: постнеоклассическая методология как основа развертывания антикризисных трансформаций: монография / А. Г. Задорожная. – Харьков: Точка, 2018. – 356 с.
10. Киященко, Н. Современные концепции эстетического воспитания (теория и практика) / Н. Киященко. – М.: ИФ РАН, 1998. – 302 с.
11. Фейнберг, Е. Две культуры. Интуиция и логика в искусстве и науке / Е. Фейнберг. – М.: Век-2, 2014. – 288 с.
12. Интеграция науки и высшего образования как фактор становления экономики знаний: кол. монография / под ред. Л. И. Яковенко. – Полтава: Скайтек, 2014. – 176 с.
13. Непокупна, Т. Современные экономические трансформации: кризис ценностный ориентаций / Т. Непокупна, С. Степаненко // Materiały IX Międzynarodowej naukowo-praktycznej konferencji “Nauka: teoria i praktyka – 2013”. – Vol. 3. Ekonomiczne nauki. – Przemysł: Nauka i studia, 2013. – 104 s.

14. Кучин, С. Пути реформирования экономических отношений в социально-культурной сфере Украины. Инновационная экономика / С. Кучин. – 2012. – № 8. – С. 129–133.

(Дата подачи: 06.02.2021 г.)

Д. Н. Прищепа

Академия управления при Президенте Республики Беларусь, Минск

D. N. Prishchepa

Academy of Public Administration under the aegis of the President
of the Republic of Belarus, Minsk

УДК 331.1

СОСТАВ И СТРУКТУРА ЧЕЛОВЕЧЕСКОГО КАПИТАЛА ОРГАНИЗАЦИИ

COMPOSITION AND STRUCTURE OF THE ORGANIZATION'S HUMAN CAPITAL

В данной статье рассмотрено, как представляют себе структуру человеческого капитала организации ученые-экономисты, каким элементам человеческого капитала организации они отдают предпочтение, а так же как представляет себе структуру человеческого капитала организации автор данной статьи и каким элементам он отдает предпочтение и почему.

Ключевые слова: человеческий капитал; индивидуальный человеческий капитал; человеческий капитал организации; структура человеческого капитала организации; элементы человеческого капитала организации; интеллектуальный капитал; структурный капитал; синергетический эффект.

This article examines how scientists and economists imagine the structure of the human capital of an organization, what elements of the human capital of an organization they prefer, as well as how the author of this article imagines the structure of the human capital of an organization and what elements he prefers and why.

Keywords: human capital; individual human capital; human capital of the organization; structure of the human capital of the organization; elements of the human capital of the organization; intellectual capital; structural capital; synergetic effect.

Человеческий капитал (ЧК) для организации имеет огромное значение, которое невозможно переоценить. Именно ЧК определяет уровень эффективности использования всех остальных ресурсов в организации. Он также оказывает существенное влияние на конкурентоспособность и рыночную стоимость самой организации, так как именно от уровня человеческого капитала организации (ЧКО) зависит то, насколько высока будет рыночная стоимость самой организации. И чем выше уровень ЧКО, тем вероятнее, что ее рыночная стоимость может во много раз превышать балансовую стоимость этой организации.

Управление человеческим капиталом организации можно назвать одной из наиболее важных задач в организации, так как конкурентоспособность организации заключена, прежде всего в ЧК [1–11]. При этом важное место следует отводить командной работе, так как задача руководства организации это находить и выращивать профессионалов в той сфере, в которой работает организация,

и формировать на их основе профильные команды, которые позволят решать комплексные проблемы. Также организации необходимо уделять внимание вопросам этики среди сотрудников организации, вопросам культуры и морали, моральному климату в организации, а также таким ценностям, как идеалы, принципы и нормы. Одной из современных тенденций в мировом менеджменте является управление именно ЧК в организации и формирование стратегии развития компании посредством понимания ее главных ресурсов, таких как нематериальные отношения и компетенции, а также через выстраивание систем управления компаний [12–14]. И если организация хочет и стремится добиться успеха, она должна научиться управлять в первую очередь нематериальными активами, такими как бренд, репутация, компетенция сотрудников, то есть всем тем, чем обладает предприятие.

Переход от управления человеческими ресурсами к управлению ЧК характерен для так называемого постиндустриального общества. В постиндустриальном обществе на смену финансовому капиталу приходят знания, а ЧК становится определяющим фактором развития современной организации. Он включает в себя умения и навыки людей, опыт, профессиональные знания, мотивацию, психологические, физические, общественные, культурные качества и способности людей. Основные черты постиндустриального общества состоят в том, что в экономике возрастает роль сферы услуг и информации, меняется природа капитала и его сущность, производство автоматизируется и компьютеризируется. А когда одним из основных конкурентных преимуществ компании становятся информация и накопленный ЧК, то можно говорить уже об информационном обществе, которое характеризуется постоянными изменениями [15–17]. ЧКО окажется в будущем перед постоянной необходимостью приспосабливаться к ситуации периодических изменений, причем эти изменения уже перестанут восприниматься как исключения, а станут нормой жизни. И те организации, чей ЧК сумеет чутко уловить тенденции изменений и мгновенно приспособиться к ним, используя себе во благо открывающиеся возможности, смогут выжить в этом новом мире. Более того ЧК в организации, желающей добиться успеха, должен сам генерировать изменения, постоянно задавая при этом себе вопросы о причинах, из-за которых та или иная работа выполняется недостаточно эффективно.

Сегодня ЧК является основным средством производства, можно сказать даже драйвером социально-экономического развития как отдельной компании, так и государства в целом. Организации, которые осознают важность человеческого фактора и способностей своих работников и рассматривают их как капитал, и понимают, что ЧКО состоит из людей, работающих в ней, и от этих людей зависит успех самой организации, по утверждению английского ученого М. Армстронга являются самыми перспективными и успешными на рынке [18–19]. Важный момент – понимание той пользы, выгоды, которую ЧК приносит организации.

Помимо того, что благодаря высокому уровню человеческого капитала рабочий процесс в компании протекает более равномерно и стабильно, он работает еще и на прирост стоимости компании. ЧКО следует рассматривать не только как основной актив организации, но она должна осуществлять инвестиции в этот актив для обеспечения своего роста. Благодаря инвестициям в ЧК организация будет иметь умных, опытных, преданных и мотивированных сотрудников. Итак, основу формирования ЧКО составляют инвестиции, которые спо-

способствуют повышению квалификационного и производительного потенциала персонала организации [20]. Причем очень часто в организации такие инвестиции рассматриваются как затраты, однако в долгосрочном периоде они являются именно инвестициями, так как в будущем будут гарантировать организации многократное получение дохода. Большая часть средств, которые инвестирует организация в ЧК, используется в целях финансирования его обучения, получения образования, а также повышения квалификации, развития творческих способностей и уровня профессионализма [21]. Помимо этого, эти же средства могут использоваться для проведения мероприятий по охране труда и здоровья сотрудников организации, для обеспечения техники безопасности и др.

Еще одной целью использования средств, инвестированных в ЧК предприятия, может быть их перераспределение на финансирование как корпоративных мероприятий, связанных с организацией отдыха и досуга сотрудников, так и участие членов коллектива в различных спортивных, оздоровительных и творческих мероприятиях. При этом некоторая часть инвестиций в ЧК может быть использована для оплаты услуг кадровых агентств, которые занимаются поиском необходимого и отвечающего потребностям предприятия персонала. Довольно часто инвестиции в ЧК выражаются в виде различных социальных пакетов, предлагаемых сотрудникам организации. А с учетом уровня доходности и ценностных ориентаций владельцев и руководства предприятия состав социального пакета может различаться, включая в себя как выплаты, определенные законодательством, так и широкий спектр финансируемых организацией льгот для своих сотрудников.

Из всего вышесказанного можно отметить, что ЧК становится новой мерой стоимости современных компаний, что в свою очередь может служить поводом к переосмыслению роли человека в организации и предпосылкой к формированию новой парадигмы управления персоналом, в которой сотрудник организации рассматривается не как носитель какого-либо ресурса, а как носитель потенциала. Исполнительские качества сотрудника замещаются способностями и талантом. Новые подходы в управлении ЧК становятся стратегическим конкурентным преимуществом любой организации.

Когда рассматривается структура ЧКО, то надо понимать, что она будет существенно отличаться от структуры индивидуального человеческого капитала. Так как организация, как правило, состоит из множества сотрудников, то на деятельность организации будут оказывать влияние индивидуальные человеческие капиталы этих сотрудников, то есть они в совокупности будут формировать ЧКО, но это будет именно совокупность, но никак не сумма индивидуальных человеческих капиталов. Так как внутри организации существует множество различных сил, которые как содействуют увеличению величины ЧКО, так и противодействуют этому увеличению, то есть мы можем говорить о позитивных и негативных синергетических эффектах.

Как отмечает ученый-экономист А. А. Брасс [22], что создание того или иного синергетического эффекта полностью зависит от руководства организации и определяется стратегией развития организации. На уровне организации социально-психологические особенности человеческого капитала становятся весьма ощутимыми и значимыми. Дело в том, что организация может обучать своих сотрудников, проводить их переподготовку, повышение квалификации, но организация не сможет в полной мере изменить характер человека и систему

жизненных ценностей человека. А в свою очередь характер и жизненные ценности определяют поведение человека, в том числе и в организации. И это поведение человека может оказывать влияние на ЧКО, создавая как позитивные, так и негативные синергетические эффекты. Индивидуальные человеческие капиталы, взаимодействуя между собой, так или иначе, будут вызывать положительные или отрицательные синергетические эффекты и чем сложнее будет это взаимодействие, чем более сложные вопросы предстоит решать организации, тем сильнее будет эффект. Так же важно обратить внимание на то, что человеческий капитал в организации является первичным по отношению к таким капиталам как физический и финансовый, так как только с помощью человека могут развиваться эти капиталы. Отдельно следует обратить внимание на то, что недостаточно просто вложить денежные средства в обучение сотрудника, но нужно сделать так, чтобы этот сотрудник не уволился из организации и имел желание и интерес работать в ней дальше. То есть сотрудник должен быть мотивирован как материально, так и нематериально. И в то же время организация постоянно отслеживает, чтобы доход приносимый сотрудником в организацию был больше того дохода, который сотрудник получает в этой организации.

Ученый-экономист В. Г. Вольвач [23], чтобы облегчить анализ ЧКО, рассматривает его в более узком значении и подразумевает под ним такие качества сотрудника организации, которые он приобрел в образовательном учреждении или в ходе профессиональной подготовки на предприятии. При этом он отмечает, что ЧКО имеет сложную структуру, а рыночная его цена состоит из нескольких составляющих, и постоянно встает вопрос, в какие элементы человеческого капитала организации инвестировать средства, чтобы получить максимальную отдачу от них. Перечень элементов ЧКО, в которые необходимо инвестировать средства, по мнению В. Г. Вольвача, следующий:

- профессиональные знания, умения, навыки, которые составляют основу любой профессии;
- саморазвитие или умение сотрудников организации непрерывно пополнять, совершенствовать и развивать свои знания непосредственно в процессе функционирования организации;
- навыки самоорганизации, заключающиеся в способности не только самостоятельно совершенствовать свои знания, но и принимать самостоятельные решения в нестандартных ситуациях;
- умение работать в команде и адаптация к нормам организационной культуры, которая заключается в способности сотрудников организации принять набор правил и норм как деловой, так и профессиональной этики, организационного поведения, морально-нравственных ценностей и социально-психологических особенностей, принятых и существующих в организации;
- умение сотрудника повышать свой социальный статус в организации, который он занимает благодаря определенному набору своих умений и которым должен обладать сотрудник организации, занимающий ту или иную должность в организации, например, знать иностранный язык или быть уверенным пользователем какой-то определенной компьютерной программы.

Другими словами, эти элементы представляют собой определенные компетенции сотрудника организации, востребованные как внутри какой-то определенной организации, так и за ее пределами. Обладая данными компетенциями, сотрудники организации имеют возможность рассчитывать на максимальный

доход от своего ЧК и соответственно продвижения по карьерной лестнице в той организации, где они трудятся.

Как представляет себе структуру ЧКО автор статьи, представлено на рисунке 1.

Рис. 1. Структура человеческого капитала организации

Источник: собственная разработка на основе [24–26].

При изучении структуры ЧКО следует рассматривать его как систему, включающую в себя такие элементы, как:

- интеллектуальный капитал организации, который представляет собой совокупность знаний, умений и навыков которыми обладает весь персонал предприятия [27], то есть это совокупность знаний, умений и навыков индивидуальных человеческих капиталов, он сочетает в себе объединение различного рода нематериальных ресурсов, которыми располагает конкретная организация;
- синергетический эффект от взаимодействия индивидуальных человеческих капиталов, который появляется в результате именно взаимодействия между индивидуальными человеческими капиталами и чем это взаимодействие плотнее и сложнее, тем большего эффекта можно ожидать; синергия – это когда результат совместного труда нескольких сотрудников оказывается больше, чем сумма результатов работы каждого из них по отдельности;
- структурный капитал организации представляет собой управление организационным потенциалом компании, ее организационной структурой, а также способность адаптироваться к меняющейся конъюнктуре рынка и одновременно изменять ее в выгодном для себя направлении; структурный капитал тем больше, чем больше свободы имеют сотрудники организации – носители ЧК и тем он ценнее, чем выше конкурентность внутри той среды, в которой

существует организация; эффективным структурный капитал организации можно назвать только тогда, когда идеи в ней ценятся выше, чем положение на иерархической лестнице; сюда же относится и корпоративная культура, которая представляет определенную модель поведения внутри организации, сформированную в процессе ее функционирования и поддерживаемая всеми сотрудниками организации, которая является также эффективным средством управления персоналом организации; это определенная система ценностей, принципов, правил и норм которых придерживаются сотрудники организации;

- процент задействования всех имеющиеся элементов индивидуального ЧК у каждого отдельного человека в той организации, где трудится этот человек, то есть насколько эффективно использует организация индивидуальные человеческие капиталы своих сотрудников а именно насколько эффективно организация использует природные врожденные и приобретенные способности, дарования, творческий потенциал, морально-психологическое и физическое здоровье, накопленные и усовершенствованные в результате инвестиций знания и профессиональный опыт своих сотрудников; это своеобразное искусство управления командой и ее наиболее результативными сотрудниками;

- рыночный или клиентский капитал, который включает такие элементы организации, как брэндинг, фирменное наименование, деловая репутация, хозяйственные договоры, логистическая система, лицензии, а также представляет собой систему надежных, долгосрочных и доверительных отношений предприятия с клиентами, то есть покупателями и заказчиками, что может накапливаться, увеличивать прибыль компании в долгосрочной перспективе; это ценность, заключенная в отношениях с клиентами, так как то, что создается и понимается под рыночным или клиентским капиталом, строится на отношениях между как работающими в организации, так и не работающими в ней людьми, но соприкасающимися с этой организацией по каким-либо вопросам;

- совокупные знания [28] – знания, принадлежащие организации, а не каждому отдельному сотруднику. Знания, которые существуют внутри данной организации и носителями их являются все члены организации вместе, а не какой-то отдельный человек; степень приспособляемости и гибкости организации зависит от способности как отдельных ее сотрудников, так и целых коллективов накапливать опыт и обучаться на его основе; только те организации, персонал которых способен к быстрому обучению, имеют возможность выжить и победить своих конкурентов; чем выше скорость изменений, тем востребованнее потребность в быстром обучении как на уровне отдельного индивидуума, так и на уровне всей организации;

- социальный капитал [29–30] представляет собой как количественное, так и качественное выражение социальных взаимодействий на предприятии, которые проявляются в социальных связях, разделяемых ценностях, нормах, доброжелательности, взаимной симпатии, дружеских отношениях, доверии и ответственности каждого отдельного члена организации; его наличие в организации позволяет иметь более высокие выгоды от кооперативного поведения сотрудников по сравнению с индивидуальными действиями каждого работника в отдельности. Он служит своеобразной основой для создания и развития синергетических эффектов;

- приверженность организации – это желание принадлежать к коллективу конкретной организации, разделять ценности организации, сопоставлять

интересы организации со своими интересами и корректировать в случае необходимости свои интересы в пользу интересов организации; приверженность организации – это отождествление человека со своей организацией, которое выражается в желании трудиться в ней и содействовать ее успеху; приверженные сотрудники стремятся сделать для своей организации больше, чем от них требуется по контракту или по должностным инструкциям; приверженность сотрудников своей организации дает возможность ей сократить издержки, которые связаны с текучестью кадров; приверженные сотрудники не покидают организацию, даже если организация испытывает временные трудности, что позволяет ей сохранить коллектив и в дальнейшем легче выйти из кризисных ситуаций.

В данной статье было рассмотрено, как представляют себе структуру ЧКО некоторые ученые-экономисты, каким элементам человеческого капитала организации они отдают предпочтение и какой видит структуру ЧКО автор статьи. Он считает, что в рассмотренной структуре ЧКО основополагающими элементами являются интеллектуальный капитал, структурный капитал и синергетический эффект. Так как, только обладая знаниями, умениями и навыками, правильно выстраивая организационную структуру внутри предприятия, адаптируясь к меняющейся окружающей среде, персонал организации способен развивать ЧКО. А также в любой организации основополагающую роль в ее работе играет синергетический эффект, который появляется в результате именно взаимодействия между индивидуальными человеческими капиталами внутри организации. И если он положительный, то результат совместного труда нескольких сотрудников оказывается существенно больше суммы результатов работы каждого из них по отдельности. Именно командная работа порождает синергию и позволяет решать такие задачи, которые могут быть непосильны для одного сотрудника. И чтобы обеспечить в коллективе по-настоящему высокую эффективность труда и положительный синергетический эффект, необходимо чтобы в нем поддерживался хороший командный дух, взаимовыручка и взаимопомощь. И поскольку наличие положительного синергетического эффекта в организации способствует ее дальнейшему развитию, то ему необходимо уделять особое внимание на всем протяжении существования предприятия. Организации необходимо вкладывать свои ресурсы в поддержание командного духа, взаимовыручки и взаимопомощи у своих сотрудников, сплачивая их между собой, выделяя средства на это. И в качестве примера премиривать отдельные команды сотрудников или весь коллектив организации, а не отдельных сотрудников, и использовать не только денежную составляющую, а предоставлять коллективам сотрудников различные абонементы для посещения спортивных залов, секций, бассейна и других спортивных мероприятий. И будь то спортивные соревнования или спортивные праздники важно, чтобы сотрудники проводили их вместе, сплачиваясь между собой, создавая единую команду. Но так как сплочение коллектива подразумевает под собой не только физическую составляющую, но и психологическую и духовную, то можно предлагать работникам совместное посещение различных культурных мероприятий, кружков и тренингов, направленных на выстраивание между ними психологических и душевных отношений. Все эти меры в совокупности позволят сотрудникам не только поддерживать на высоком уровне командный дух в организации, создавать положительный синергетический эффект, но и в целом развивать ЧКО.

Список использованных источников

1. *Петти, В.* Экономические и статистические работы / В. Петти. – М.: Соцэкгиз, 1940. – 324 с.
2. *Смит, А.* Исследование о природе и причинах богатства народов / А. Смит. – М.: Соцэкгиз, 1962. – 684 с.
3. *Афанасьев, В. С.* Глава 2. Давид Рикардо / В. С. Афанасьев // Всемирная история экономической мысли: в 6 т. / гл. ред. В. Н. Черковец. – М.: Мысль, 1988. – Т. II. От Смита и Рикардо до Маркса и Энгельса. – 574 с.
4. *Schulz, T.* Capital Formation bi Edukathion / T. Schulz // Journal of Politikal Economu. – 1960. – p. 25.
5. *Schulz, T.* Investment in Human Capital / T. Schulz // American Economic Reven. – 1961, March. – № 1.
6. *Becker, G. S.* Investment in Human Capital: A Theoretical Analysis / G. S. Becker // Journal of Political Economy. – Vol. 70, № 5. – Part 2. – 1962. – P. 9–49.
7. *Becker, G. S.* Human Capital: A Theoretical and Empirical Analysis with Special Reference to Education / G. S. Becker. – Third Edition. – Chicago and London: The University of Chicago Press, 1993.
8. *Беккер, Г. С.* Человеческое поведение: экономический подход. Избранные труды по экономической теории: пер. с англ. / Г. С. Беккер; сост., науч. ред., послесл. Р. И. Капелюшников; предисл. М. И. Левин – М.: ГУ ВШЭ, 2003. – 672 с.
9. *Беккер, Г. С.* Теория распределения времени / Г. С. Беккер // Вехи экономической жизни. Рынки факторов производства / под ред. В. М. Гальперина. – СПб.: Экономическая школа, 2000. – Т. 3. – 489 с.
10. *Беккер, Г.* Экономический взгляд на жизнь. Лекция лауреата Нобелевской премии в области экономических наук за 1992 г. / Г. Беккер // Вестник С.-Петербургского университета, серия 5., вып. 3. – 1993.
11. *Базаров, Т. Ю.* Психология управления персоналом. Теория и практика: учебник для бакалавров / Т. Ю. Базаров. – М.: Изд-во «Юрайт», 2014. – 381 с.
12. *Свейби, К.-Э.* Интеллектуальный капитал / К.-Э. Свейби. – Т. 2, № 4. – 2001.
13. *Sveiby, K. E.* Wissenskapital. Das unentdeckte Vermögen / K. E. Sveiby. – Lech., 1998.
14. *Коротков, Э.* Управление человеческим капиталом: эффективность, деловая репутация, креативный потенциал / Э. Коротков // Проблемы теории и практики управления. – 2010. – № 4. – С. 18–30.
15. *Махлуп, Ф.* Производство и распространение знаний в США / Ф. Махлуп. – М.: Прогресс, 1966.
16. *Друкер, П.* Практика менеджмента / П. Друкер. – М.: «Манн, Иванов и Фербер», 2015. – 416 с.
17. *Друкер, П.* Управление в обществе будущего / П. Друкер. – М.: «Вильямс», 2007. – С. 320.
18. *Армстронг, М.* Стратегическое управление человеческими ресурсами / М. Армстронг. – М., 2002. – 328 с.
19. *Армстронг, М.* Практика управления человеческими ресурсами / М. Армстронг; пер. с англ. под ред. С. К. Мордовина. – 10-е изд. – СПб.: Питер, 2012. – 848 с.
20. *Думова, И. И.* Инвестиции в человеческий капитал / И. И. Думова, М. В. Колесникова // Современные аспекты регионального развития: сб. статей. – Иркутск, 2001. – С. 47–49.
21. *Лукашевич, В. В.* Эффективность инвестиции в человеческий капитал / В. В. Лукашевич // Полиграфист и Издатель. – 2002. – № 6. – С. 29–35.

22. *Брасс, А. А.* Человеческий капитал организации / А. А. Брасс // Кадровик. Управление персоналом. – 2014. – № 11. – С. 58–64.

23. *Вольвач, В. Г.* Структура человеческого капитала: социологический аспект / В. Г. Вольвач // Актуальные методологические и теоретические проблемы в российской науке: сб. научных трудов. – Ч. 1. – Омск: Изд-во Омского экономического института, 2006. – С. 123–128.

24. *Брасс, А. А.* Человеческий капитал как основа личной и организационной продуктивности / А. А. Брасс // Психология в системе социально-производственных отношений: материалы Междунар. науч.-практ. конф. (20 апреля 2018 г., Красноярск) / редкол.: Ю. Ю. Логинов, Н. С. Ливак, Н. В. Лукьянченко. – Красноярск, СибГУ им. М. Ф. Решетнева 2018. – С. 58–63.

25. *Брасс, А. А.* Индивидуальный и организационный человеческий капитал / А. А. Брасс // Управление социально-экономическими системами и правовые исследования: теория, методология и практика: сб. науч. работ Междунар. науч.-практ. конф. препод., асп. и студ. / редкол.: Н. М. Горбов [и др.]. – Брянск: ИЭиП БГУ, 2017. – С. 46–52.

26. Исследование человеческого капитала в зарубежной литературе: реферат книги Орда Нордхога «Человеческий капитал в организациях» // Общество и экономика. – 1997. – № 7–8. – С. 244–255.

27. *Стюарт Томас, А.* Интеллектуальный капитал. Новый источник богатства организаций / А. Стюарт Томас; пер. с англ. В. Ноздриной. – М.: Поколение, 2002. – С. 132.

28. *Паникарова, С. В.* Управление знаниями и интеллектуальным капиталом: учеб. пособие / С. В. Паникарова, М. В. Власов; М-во образования и науки Рос. Федерации, Урал. федер. ун-т. – Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2015. – 140 с.

29. Coleman J. S. (1988), «Social capital in the creation of human capital», American Journal of Sociology. – Vol. 94. – S. 95–120.

30. Coleman J. (1994), «A Rational Choice Perspective on Economic Sociology» // Smelser N., Swedberg R. (eds.). The Handbook of Economic Sociology, Princeton, Princeton University Press. – P. 166–180.

(Дата подачи: 24.02.2021г.)

Е. И. Сапёлкина

Академия управления при Президенте Республики Беларусь, Минск

A. Sapiolkina

Academy of Public Administration under the aegis of the President of the Republic of Belarus, Minsk

УДК 332.146

СОВЕРШЕНСТВОВАНИЕ МЕТОДИЧЕСКОГО И ИНФОРМАЦИОННОГО ОБЕСПЕЧЕНИЯ ОЦЕНКИ КОНКУРЕНТОСПОСОБНОСТИ РЕГИОНА

IMPROVING METHODOLOGICAL AND INFORMATION SUPPORT FOR ASSESSING THE COMPETITIVENESS OF THE REGION

В статье раскрываются современные конкурентные доминанты и определяют направления актуализации методического и информационного обеспечения оценки конкурентоспособности региона. Внимание акцентируется на учете спроса различных

целевых групп на развитие информационной составляющей и аналитических методов оценки потенциала и привлекательности региона.

Ключевые слова: конкурентоспособность; регион; конкурентные доминанты; методическое обеспечение; информационное обеспечение

The article reveals the modern competitive dominants and determines the directions of updating the methodological and information support for assessing the competitiveness of the region. Attention is focused on taking into account the demand of various target groups for the development of the information component and analytical methods for assessing the potential and attractiveness of the region.

Keywords: competitiveness; region; competitive dominants; methodological support; information support.

Региональный компонент Программы социально-экономического развития Беларуси на 2021–2025 годы отражен в приоритете «сильные регионы». Эффективные механизмы реализации данного приоритета требуют максимального учета потенциала регионов и активизации инвестиционных потоков для поддержания (создания) точек экономического роста с учетом естественных конкурентных преимуществ и целесообразности формирования новых компетенций на базе оценки возможностей развития региона и повышения его конкурентоспособности.

Наиболее существенными факторами, определяющими особенности и содержание оценки конкурентоспособности такого объекта, как регион, являются методические подходы к решению данной проблемы и спрос конкретных групп потребителей на результаты такой оценки (государственных органов, организаций, потенциальных инвесторов и др.). Важной областью применения комплексной оценки конкурентоспособности региона является формирование региональной политики и обоснование перспективных направлений социально-экономического развития региона. В современных условиях политика равномерного развития территорий, базирующаяся на постулате пространственной несбалансированности экономического роста, имеет ограничения. Актуальность приобретает концепция приоритетного развития регионов исходя из наличия благоприятных предпосылок (уникальных характеристик, природных и институциональных активов, конкурентных преимуществ).

Логическая схема решения обозначенной проблемы, в первую очередь, предполагает существенную характеристику конкурентоспособности региона, выявление ее особенностей и определяющих признаков. В этом контексте значимым является необходимость учета следующих позиций:

- конкурентоспособность региона – дифференцированная характеристика, учитывающая его потенциал и вклад в решение национальных задач;
- ориентация на оценку возможностей развития региона;
- использования данной характеристики для сравнительных оценок регионов и построения их рейтингов;
- некорректность сведения конкурентоспособности региона к суммарной оценке конкурентоспособности находящихся на его территории организаций и бизнес-систем.

Наиболее соответствующим вышеприведенным требованиям видится определение конкурентоспособности региона как результативности использования его конкурентных преимуществ, создания новых компетенций, позволяющих

реализовывать стратегические факторы успеха для увеличения потенциала региона в национальной и международной системе разделения труда. Конкурентоспособность региона отражает привлекательность конкретной территории для размещения различных видов экономической деятельности и проживания. В свою очередь территориальная привлекательность является результатом наличия и продвижения конкурентных преимуществ.

В этом контексте, отталкиваясь от общеизвестного тезиса М. Портера о развитии как истории использования своих преимуществ и борьбы с неблагоприятными условиями, подчеркнем важность концентрации на формировании, поддержании и использовании конкурентных преимуществ. Адаптируя данный тезис к объекту исследования, отметим, что именно дифференциация и создание (развитие) конкурентных преимуществ в современных условиях позволяют региону сохранять и наращивать свой экономический потенциал, т. е. развиваться. Именно совокупность региональных конкурентных преимуществ определяет конкурентные позиции конкретного региона среди других территорий и его привлекательность для тех целевых групп (инвесторы, предприниматели, люди, квалифицированный персонал, туристы и т. д.), в притоке которых регион заинтересован.

Признавая полезность различных подходов к классификации конкурентных преимуществ региона, с позиций управления данными процессами считаем важным акцентировать внимание на естественных конкурентных преимуществах региона (географическое положение, природные, культурные факторы) и целенаправленно формируемых дополнительных возможностях. Главный трек – новые продукты, новые подходы к комбинированию ресурсов, освоение новых рыночных ниш, модернизация систем управления, грамотное сочетание естественных конкурентных преимуществ региона и новых приобретенных компетенций. С точки зрения последних особое значение имеет инфраструктура региона, использование современных информационных технологий, объектов интеллектуальной собственности.

Таким образом, в качестве основных современных конкурентных доминант региона наряду с естественными конкурентными преимуществами, по нашему мнению следует рассматривать: бренд (позиционирование региона, которое вызывает устойчивые положительные ассоциации у целевых групп), эффективное региональное управление, развитую инфраструктуру, логистику.

Качественный бренд региона обеспечивает его презентацию и дифференциацию в информационном пространстве. Как инструмент регионального управления позволяет консолидировать интересы населения, инвесторов, бизнеса, организаций, органов республиканского и местного управления, обеспечить приток финансовых ресурсов, инвестиционных, туристических и миграционных потоков, повышение конкурентоспособности региона в целом.

Соответствующая современным требованиям региональная инфраструктура создает благоприятные условия для эффективной экономической деятельности и жизнедеятельности населения на территории региона, стимулирует его развитие.

Особое значение для регионального развития имеет логистическая инфраструктура, позволяющая субъектам региональной экономики встраиваться в национальные и мировые цепочки формирования добавленной стоимости. Повышение привлекательности региональной логистики возможно только на основе применения цифровых технологий, формирования IT-инфраструктуры, «электронной логистики», интеллектуализации процессов управления.

В основе эффективного регионального управления лежит использование информационно-технологических инноваций и смещение целевых ориентиров на экономическое развитие и создание комфортной среды жизнедеятельности.

Оценка конкурентных преимуществ региона носит качественный характер и предполагает их идентификацию в качестве детерминант развития с дифференциацией уровня их использования: не используется, используется частично, не используется. Применение такой технологии позволяет выявить потенциальные направления повышения конкурентоспособности региона и стратегические направления его развития.

Весьма широк спектр применяемых методов оценки и анализа конкурентоспособности региона (использование системы частных и интегральных показателей, экспертные оценки, проведение репрезентативных опросов, методология оценки национальной конкурентоспособности Всемирного экономического форума и др.). Выбор методического подхода к оценке конкурентоспособности региона определяется целями оценки конкретной целевой группы.

Анализ предлагаемых подходов к оценке конкурентоспособности региона во взаимосвязи с его целями, позволяет в качестве базовых и универсальных элементов рекомендовать оценку потенциала территориального образования и определение его инвестиционной привлекательности. Актуальными слагаемыми оценки потенциала региона видится: достигнутый уровень и динамика макроэкономических показателей и тенденций социально-экономического развития региона; определение ресурсного и инфраструктурного потенциала региона; конкурентных преимуществ региона; выявление рейтинговой позиции региона при оценке инвестиционной привлекательности (инвестиционный потенциал, инвестиционные риски).

Значимым фактором, определяющим возможности, объективность и полноту оценки обозначенных выше слагаемых конкурентоспособности региона, является наличие и доступность соответствующей информации. Требования к качеству такой информации диктуются не только возможностью расчета определенной совокупности показателей, но и потребностью создания актуального информационного продукта.

В контексте общей обозначенной задачи совершенствование информационного обеспечения оценки конкурентоспособности регионов предполагает:

- формирование (актуализацию) информационного потока (совокупности данных);
- создание (совершенствование) условий для информационного мониторинга (отслеживания с определенной периодичностью данных и показателей).

При этом отметим, что результативность информационного обеспечения оценки конкурентоспособности регионов определяется возможностью формирования информационного продукта или аналитического документа в соответствии с потребностями лиц, принимающих управленческие, в том числе стратегические, решения.

Примерные группы потребителей информационно-аналитического продукта в рамках оценки и управления конкурентоспособностью региона представлены в таблице.

**Потребители информационно-аналитического продукта
«оценка конкурентоспособности региона»**

Группы	Области использования информационно-аналитического продукта
Органы государственного управления (республиканский уровень)	Выработка экономической и социальной политики исходя из конкурентных характеристик территориальных единиц Обоснование регионов размещения новых производств Обоснование создания региональных кластеров, территорий с преференциальными режимами
Органы государственного управления (региональный уровень)	Определение стратегических направлений развития, выработка конкурентной стратегии региона
Организации, предприниматели	Разработка инвестиционных планов Размещение новых производств
Потенциальные инвесторы	Оценка инвестиционной привлекательности региона Определение направлений, объектов, форм инвестирования

Имеющиеся в открытом доступе источники информации, которые могут быть использованы для оценки слагаемых конкурентоспособности регионов, представлены статистическими бюллетенями и справочниками, данными о тенденциях социально-экономического развития областей и г. Минска на официальных сайтах органов республиканского и местного управления, обзорами независимых аналитических центров. В качестве направлений развития данного информационного сопровождения видится создание тематических информационных потоков, имеющих установленные сроки актуализации, повышение уровня их оперативности и презентабельности, создание блоков аналитического сопровождения, включая построение рейтингов регионов [1, с. 143].

Повышение качества информации на уровне регионального управления, в первую очередь, связано с ее фокусированием на презентации конкурентных преимуществ, диагностике и прогнозировании развития значимых для региона факторах. Данное направление рассматривается как составляющая общей задачи развития информационной инфраструктуры региона, включающей, «организационные структуры, обеспечивающие функционирование и развитие ЕИП, в частности сбор, обработку, хранение, распространение, поиск и передачу информации; средства информационного взаимодействия граждан и организаций, обеспечивающие им доступ к информационным ресурсам на основе соответствующих информационных технологий, включающие программно-технические средства и организационно-нормативные документы» [2, с. 33].

Одним из условий реализации информационно-аналитического обеспечения оценки конкурентоспособности региона в контексте отмеченных задач является институционализации (организационное оформление) данного вида деятельности. Вариативность решения данной задачи предполагает два направления: выполнение специалистами органов управления соответствующих информационных и аналитических функций; осуществление данного вида управленческой

деятельности как функции, реализуемой на условиях аутсорса специализированными агентствами и центрами.

Таким образом, в контексте максимального учета спроса различных целевых групп на развитие информационной составляющей и аналитических методов оценки потенциала и привлекательности региона, особое значение приобретает:

- акцентирование внимания на конкурентных преимуществах и потенциале формирования новых ключевых компетенций территориальных образований, позволяющих реализовывать стратегические факторы успеха с учетом их роли в национальной и международной системе разделения труда;
- качественная оценка региональных конкурентных преимуществ, включающая их идентификацию в качестве детерминант развития и дифференцированную оценку степени их использования;
- реализация актуальных направлений развития информационного обеспечения оценки конкурентоспособности регионов по формированию информационного потока и созданию условий для информационного мониторинга и разработки информационного продукта.

Список использованных источников

1. Сапелкина, Е. И. Конкурентоспособность региона как объект оценки: состояние и перспективы развития информационной составляющей / Е. И. Сапелкина // Проблемы прогнозирования и государственного регулирования социально-экономического развития: материалы XXI Междунар. науч. конф. (Минск, 22–23 окт. 2020 г.): в 3 т. / редкол.: Ю. А. Медведева [и др.]. – Минск: НИЭИ М-ва экономики Респ. Беларусь, 2020. – Т. 3. – С. 142–143.

2. Килин, А. П. Информационно-аналитическая деятельность в органах государственного управления субъектов Российской Федерации: учеб. пособие / А. П. Килин, Д. В. Колобова, О. В. Чистякова; М-во образования и науки Рос. Федерации, Урал. федер. ун-т. – Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2014. – 154 с.

(Дата подачи: 24.02.2021 г.)

А. В. Семак

НИИ экономики Национальной академии наук Беларуси, Минск

A. V. Semak

Institute of Economics National academy of sciences of Belarus, Minsk

УДК 339.9

ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ КОРПОРАТИВНОЙ ИНТЕГРАЦИИ В РЕГИОНАЛЬНЫХ ИНТЕГРАЦИОННЫХ ГРУППИРОВКАХ

THEORETICAL FOUNDATIONS OF CORPORATE INTEGRATION IN THE CONTEXT OF DEVELOPMENT OF REGIONAL INTEGRATION GROUPINGS

В статье выявляется роль корпоративной интеграции, которая является одной из форм «интеграции снизу», проводится теоретический анализ понятия «корпоративная интеграция». Дан краткий обзор теоретических разработок по проблемам корпоратив-

ной интеграции и исследований в области взаимосвязи государства и субъектов хозяйствования в ходе региональной экономической интеграции. Выявлены сущность и основные характеристики понятия «корпоративная интеграция» в контексте развития региональных интеграционных группировок.

Ключевые слова: корпорация; корпоративная интеграция; «интеграция снизу»; формы корпоративной интеграции; региональная интеграционная группировка.

The article reveals the role of corporate integration, which is one of the forms of “bottom-up integration”, and provides a theoretical analysis of the concept of “corporate integration”. A brief overview of theoretical developments on the problems of corporate integration and research in the field of the relationship between the state and business entities in the course of regional economic integration is given. The essence and main characteristics of the concept of “corporate integration” in the context of the development of regional integration groups are revealed.

Keywords: corporation; corporate integration; “bottom-up integration”; forms of corporate integration; regional integration grouping.

В условиях интернационализации мировой экономики, возрастания масштабов концентрации и централизации капитала и производств, у компаний в конкурентной борьбе возникает острая необходимость в эффективных инструментах управления. Одним из таких инструментов являются стратегии интегрирования, которые обеспечивают компаниям доступ к ресурсам, новейшим технологиям и инновациям, новым рынкам сбыта и, позволяющее компаниям быстро расширяться. В рамках интеграционных объединений начали формироваться корпорации стран-членов, которые, в отличие от процессов слияния и поглощения в обычной рыночной экономике, возникают параллельно процессам региональной интеграции. Корпоративная интеграция в рамках региональных интеграционных группировок влияет на наднациональные органы и взаимодействует с ними. Актуальность статьи обусловлена ролью акционерных форм ведения бизнеса в процессе приватизации и при формировании интеграционных объединений и, в том числе, Евразийского экономического союза.

В экономической литературе недостаточно представлены комплексные исследования в области взаимосвязи государства и субъектов хозяйствования в ходе региональной экономической интеграции, общие проблемы которой, и в частности проблемы интеграции постсоветского пространства, были освещены в работах А. Барковского, О. Богомолова, О. Буториной, Вашанова, Ю. Шишкова.

Большинство авторов (И. Ансофф, Е. Коростышевская, Г. Марголит, М. Мескон, Д. Кэмпбел, А. Абалкина, М. Головнин, Е. Винокуров, А. Кузнецов, С. Рязанцев) исследовали процессы формирования и развития корпоративного сектора, интеграции производства и капитала, науки и производства, организации управления, взаимное инвестирование, миграцию, т. е. отдельные аспекты корпоративной интеграции. Современные исследования посвящены проблемам становления и развития систем интеграционных взаимодействий субъектов хозяйствования. (Б. Хейфец, А. Либман, С. Авдашева, И. Беляева, Дж. К. Гэлбрэйт, Ю. Винслав, Е. Семак).

В работах А. Либмана, выполненных совместно с Б. Хейфецом, была предложена концепция «корпоративной модели интеграции», обобщающая различные аспекты взаимодействия негосударственных бизнес-структур как

движущих сил экономического сближения стран. В этих исследованиях отождествляются понятия «корпоративная модель интеграции», «корпоративная интеграция», «интеграция снизу», «неформальная интеграция», «регионализация». На наш взгляд, подобное отождествление показывает лишь на недостаточную проработанность этой концепции и заставляет обратить внимание на необходимость уточнения понятия этих явлений. По нашему мнению, только термины «интеграция снизу» и «неформальная интеграция», на первый взгляд, можно считать синонимами. «Интеграция снизу» по Либману – это интеграция стран на микроуровне, которая происходит посредством неформальных, по отношению к деятельности государства, отношений между субъектами хозяйствования этих стран.

Целью исследования является теоретический анализ корпоративной интеграции в условиях региональной экономической группировки.

В соответствии с поставленной целью в работе сформулированы следующие задачи:

- рассмотреть основные теории корпоративной интеграции;
- дать понятие корпоративной интеграции в контексте экономической интеграции;
- определить роль корпоративной интеграции в развитии региональной интеграционной группировки.

Результатом исследования стало определение понятия корпоративной интеграции в контексте РИГ и выявление ее характеристик.

Новизна полученных результатов заключается в разработке теоретических подходов к корпоративной интеграции как форме развития «интеграции снизу», выявлении ее роли и особенностей.

В процессе развития мировой экономики многие компании вышли на международные рынки и для роста конкурентоспособности укрупнялись. Учитывая постоянную волатильность международных рынков, фирмы периодически изменяют свою организационную структуру из-за процессов роста. По мере укрупнения бизнеса, чаще всего организуется корпорация. В экономической жизни современного общества корпорации являются наиболее значимой формой организации бизнеса. В экономике развитых стран они занимают ведущее место. Так, в США на долю корпораций, занимающих 5 % общего количества компаний, приходится 80 % объема продаж [1]. По данным исследований объемы продаж крупнейших корпораций сопоставимы с ВВП многих государств: среди 100 крупнейших экономических субъектов в мировой экономике 51 является корпорациями и только 49 государствами [2].

Процессы глобализации повлияли на стремление компаний к укрупнению масштабов деятельности. Концентрация и централизация капитала привела к расширению межфирменных связей. Одной из важнейших тенденций развития крупных промышленных предприятий конца XX в. стала активная интеграция их деятельности – объединение для достижения общей стратегической цели, повышения конкурентоспособности и эффективности [3, с. 49–52]. Все эти факторы повлияли на формирование большого числа институциональных форм реализации интеграции компаний.

Если обратиться к анализу мировой экономической мысли по определению интеграции компаний, то уже в сер. XIX в. описали данное явление (обобщил исследования К. Маркс в своем фундаментальном труде «Капитал»). Затем

неоклассики первыми обратили внимание на возможность повышения экономической эффективности от вертикальной интеграции по технологическому принципу. Наиболее яркие работы по данной проблеме принадлежат М. Гринхату и Х. Оту [4], которые выявили экономию от вертикальной интеграции там, где существует технологическая взаимозависимость процессов производства товара. Были показаны и другие преимущества вертикальной интеграции компаний, такие как минимизация рисков при возникновении противоречий между поставщиками. В тоже время было уделено существенное внимание процессам монополизации, появлению барьеров входа в отрасль при формировании вертикально интегрированных компаний, на которые указывали Ф. М. Шерер и Д. Росс [5].

Еще одним направлением является эволюционная теория экономических систем, которая широко использует аппарат математического моделирования для описания самоорганизации экономических систем. Так наиболее яркие представители данного направления Л. Прахалад и Г. Хэмела доказали идею о том, что экономические агенты, связанные конкретной технологией под влиянием конкуренции, формируют специфическую институциональную инфраструктуру, создавая интегрированные компании [7; 8].

Большой вклад в теорию интеграции компаний внесли неоинституционалисты, которые развили несколько направлений: теорию прав собственности, теорию общественного выбора, теорию транзакционных издержек, теорию агентских отношений [8, с. 93]. Неоинституционалисты интеграцию компаний рассматривают как процесс взаимодействия субъектов хозяйствования, и центральной проблемой изучения становятся движущие мотивы субъектов на различных этапах интеграции. Теория транзакционных издержек, основателем которой является Р. Коуз, получила большее распространение и считается классической в анализе интеграции компаний и ее эффективности. Р. Коуз в своей статье «Природа фирмы» обосновывает размеры фирмы минимизацией транзакционных затрат в сравнении со средними рыночными затратами: «Фирма будет стремиться расширяться до тех пор, пока издержки организации дополнительных транзакций в рамках фирмы не станут равными издержкам выполнения тех же самых транзакций средствами обмена на открытом рынке или же издержкам по организации другой фирмы» [9, с. 53]. Теория Р. Коуза была развита О. Уильямсон, который дополнил интеграционные параметра специфическими активами (местоположение, человеческий капитал, физические активы, торговая марка и т. д.) [10, с. 44–47]. В свою очередь Д. Норт расширил понятие транзакционных издержек, добавив затраты на координационные механизмы [11, с. 86–88]. Представители теории прав собственности (А. Алчиан, Й. Барцель, Г. Демсец, Р. Познер, О. Уильямсон, Э. Фьюроботн, О. Харт) внесли свой вклад в теорию корпоративной интеграции, выявив, что: права собственности влияют на затраты и доходы субъектов за определенные действия; изменение прав собственности обязательно приводит к изменению системы экономических стимулов и поведения экономических агентов. Поэтому делается следующий вывод: собственность является не только материальным объектом, но и системой прав на соотношение действий с этими объектами (использование, присвоение, дохода от их эксплуатации, изменение формы и т. д.). Представители теории экономических организаций (Ф. Найт, Р. Коуз, К. Менар, О. Уильямсон,) рассматривают фирму как сеть контрактов, как информационную

систему, которая обеспечивает экономическую власть и контролирует объекты собственности. Поэтому данные ученые уделяли большое внимание поиску эффективных форм взаимоотношений между фирмами, их слияниям. Так, О. Уильямсон подробно изучал процессы вертикальной интеграции, выявив, что процессы вертикальных слияний необходимо проводить выборочно, так как этот процесс не всегда эффективен [12, с. 49–50]. Развили эту идею Йенсен и Меклинг, анализируя группу вопросов известных под названием «проблема принципала-агента» (в литературе встречаются ее интерпретации «проблема аутсайдера-инсайдера» или «проблема поручителя-исполнителя»). Суть идеи в том, что отделение собственности от контроля в крупных интегрированных структурах порождает конфликт интересов между собственниками и управляющими. При росте организации собственник вынужден переходить к схеме сложных властных отношений и делегировать часть своих функций по контролю за частями крупной компании своим представителям [12]. Возникает эффект «убывающей предельной эффективности менеджмента» [13]. Таким образом представители неинституционализма с разных сторон рассмотрели проблему корпоративной интеграции.

Постепенно в менеджменте сформировалась обобщенная теория, включающая теорию слияний, транзакционных издержек, теорию агентских отношений и теории гордыни [14]. Последние развитие корпораций объясняют компромиссом интересов аутсайдеров и инсайдеров в управлении компаний, когда они оказываются в зависимости от центрального элемента и стремятся получить все выгоды интеграции, но сохраняя определенную автономию. Поэтому А. Мовсесяна [15], Дж. Гэлбрейта [16] предлагают учитывать волевой компонент в действиях экономических субъектов.

В современной экономической литературе существует две трактовки интеграции компаний:

первая подразумевает традиционный процесс интеграции бизнес-структур. Под «корпоративной интеграцией подразумевается процесс кластерных взаимодействий предпринимательских организаций в системе общественного разделения труда, основанный на согласовании корпоративных интересов, что создает новые конкурентные преимущества его участникам» [17]. Под корпоративной интеграцией понимается «система взаимосвязей, возникающих в рамках межгосударственного внутрифирменного пространства, где свободно перемещаются товары, рабочая сила, капитал», т. е. систему взаимосвязей внутри транснациональной корпорации [18].

вторая увязывает понятия экономической интеграции и корпорации: корпоративная интеграция – это высшая форма обобществления хозяйственной жизни, представляющая собой взаимодействие и взаимопроникновение различных субъектов хозяйствования, вплоть до их объединения и функционирования на более эффективном уровне посредством установления и постоянного изменения субординации между элементами созданной целостной интегрированной структуры [18, с. 54].

Несомненно, внутрифирменные процессы ТНК оказывают огромное влияние на экономическое сближение стран базирования материнской компании и дочерних подразделений. Однако в этом контексте корпоративная интеграция не рассматривает взаимодействие и объединение остальных субъектов хозяйствования стран мира, что предполагает «интеграция снизу».

Как экономическая категория корпоративная интеграция выполняет определённую роль на различных этапах и уровнях её функционирования в региональной экономической группировке. В соответствии с основными свойствами можно выделить следующие её функции:

- *организационная*. На микроуровне она раскрывается в установлении международных долгосрочных и упорядоченных взаимоотношений между субъектами хозяйствования различных отраслей и регионов стран-членов РИГ, повышении их эффективности. На макроуровне проявляется в установлении и укреплении взаимосвязей национальных экономик, стирании их границ, изменении отраслевой структуры и повышении конкурентоспособности; в укреплении целостности и эффективности международных интеграционных группировок.

- *стимулирующая*. На микроуровне проявляется в стремлении к положительному синергетическому эффекту, получению конкурентных преимуществ, в том числе за счёт сокращения издержек, развитию инновационных технологий на едином рынке стран-участниц РИГ и международном. На макроуровне данная функция также проявляется в эффективности развития национальных экономик в целом, установлении долгосрочных связей международных интегрированных структур с финансовыми институтами.

- *ресурсная*. Она выражается на микроуровне в привлечении иностранных инвестиций, высвобождении дополнительных финансовых ресурсов интегрирующихся субъектов хозяйствования. На макроуровне – в привлечении иностранных инвестиций в реальный сектор экономики стран-членов РИГ.

- *согласующая*. На уровне субъектов хозяйствования данная функция проявляется в согласовании взаимодействия на различных этапах производственного процесса, обеспечении его бесперебойности, формирования цепочек создания стоимости на территории стран-членов РИГ. На уровне отраслей и регионов – в систематизации и обеспечении единства международных межотраслевых и межрегиональных отношений. На уровне национальных экономик – в повышении конкурентоспособности за счёт замены конкуренции на межфирменное сотрудничество.

- *средство разрешения противоречий*. Эта функция интеграции на микроуровне выступает как средство гармонизации экономических интересов в рамках международных интегрированных структур. А на макроуровне международная корпоративная интеграция создаёт условия для выработки согласованного взаимодействия международных интегрированных структур с государственными органами власти стран базирования.

Большинство исследователей рассматривают интеграцию как систему. Поэтому целесообразно выделение основных системных и специфических свойств корпоративной интеграции:

1. Целостность. Данное свойство предполагает, что внутренние связи элементов системы преобладают над внешними связями. Это означает, что корпоративная интеграция отличается определённой устойчивостью связей вызванной осознанием выгоды объединения.

2. Синергичность. Означает появление интегральных свойств системы, которые отсутствуют в её элементах. Таким образом, корпоративная интеграция развивается нелинейно и является объединением качественно иного порядка, благодаря наличию синергетического эффекта.

3. Иерархичность. Данное свойство означает, что каждый элемент корпоративной интеграции является системой и одновременно подсистемой более общей системы национальной экономики.

4. Целесообразность. Корпоративная интеграция возникает для достижения определённой цели и развивается в соответствии с поставленными задачами.

5. Структурность. Корпоративная интеграция представляет собой совокупность функциональных и уровневых форм организации производства и является следствием его интернационализации.

6. Международность. Означает обязательное наличие в качестве объединяющихся элементов разных субъектов хозяйствования, а также международной внешней среды создания и функционирования объединения.

Количественными параметрами, по которым можно судить об процессах корпоративной интеграции могут быть отчеты о слияниях и поглощениях (количество сделок, объемы сделок, эффективность сделок). Однако необходимо отметить, что в экономической литературе понятия «слияние и поглощения» и «корпоративная интеграция» различаются: под первым подразумеваются сделки, под вторым – реальная интеграция компаний, объединение управления и культуры, которые дают синергетический эффект после объединения. «По статистике восемь компаний из десяти попадают в так называемую синергетическую ловушку, когда фирма стремиться захватить другую или слиться с конкурентом для того, чтобы увеличить стоимость компании, достигнув синергии, а вместо этого теряет еще больше ресурсов, чем было до начала сделки» [19, с. 21]. Поэтому процессы корпоративной интеграции являются объектом научного направления в менеджменте, которое рассматривает модели, способы и особенности реальной интеграции корпораций после проведения сделок по слиянию и поглощению, что особенно характерно для региональных интеграционных процессов.

Разработано также множество критериев эффективности формирования корпоративных структур, из которых можно выделить следующие:

- формирование комплекса слагаемых будущей синергии с использованием логики: «производственно-хозяйственные составляющие синергии – финансовый результат интеграции»;

- «ожидаемый чистый выигрыш», который показывает, насколько дисконтированная стоимость будущих доходов выше цены приобретаемой организации. Наибольшую сложность представляет оценка будущих доходов от объединения компаний, поэтому данный показатель используют для оценок долговременных эффектов;

- «рост прибыли в расчете на одну акцию»;
- народнохозяйственный критерий оценки эффективности слияния, так как это бывает существенно не только для государства, но и для частных инвесторов, которые должны предвидеть отношение правительства к проекту [20; 21].

Показателями развития корпоративной интеграции в территориальном (или региональном) разрезе может служить анализ потоков прямых инвестиций, так как формируется иностранное или совместное предприятие. В международной региональной экономической группировке взаимные потоки инвестиций отражают уровень инвестиционного сотрудничества стран-членов и производственной кооперации. С одной стороны, прямые инвестиции между членами региональной группировки стимулируют деятельность наднациональных органов по формированию единого рыночного пространства, с другой стороны – углубле-

ние региональной интеграции создает новые возможности для корпоративного взаимодействия стран-участниц интеграционных проектов.

Формы развития корпоративной интеграции укрупненно можно разделить следующим образом.

А. *Система участия*, которая является одной из самых распространенных форм интеграции. Она возникает путем приобретения крупным собственником капитала из одной страны-члена РИГ контрольного пакета основной корпорации (материнской) в другой стране-члене РИГ. Основная корпорация приобретает контрольный пакет акций дочерних компаний и т. д. Например, во многих странах корпорация признается зависимой если другое (преобладающее) общество приобретает в собственность более 20 % голосующих акций.

Б. *Холдинговый контроль*. Холдинг-компания (или «держательская» компания) – за счет своих капиталов приобретает контрольные пакеты нескольких акционерных обществ и управляет ими. И хотя холдинговый контроль напоминает «систему участия», однако он значительно сложнее. Холдинг-компания проводит единую политику и контроль общих интересов крупных корпораций в масштабе нескольких отраслей в нескольких странах-членах РИГ. Акционерные банки, как правило, участвуют и стимулируют создание многоступенчатых пирамид холдингов.

В. *Траст-компания*. При этой форме корпоративной интеграции ключевым игроком является банк. По трасту (доверенности) своих вкладчиков банк проводит операции с ценными бумагами (чаще всего акциями) физических и юридических лиц, включая участие в собраниях акционеров, и оставляют за собой только право получать дивиденды.

В рамках интеграционных объединений начали формироваться корпорации стран-членов, которые, в отличие от процессов слияния и поглощения в обычной рыночной экономике, возникают параллельно процессам региональной интеграции. Корпоративная интеграция в рамках региональных интеграционных группировок влияет на наднациональные органы и взаимодействует с ними.

Корпоративная интеграция может содействовать формированию интеграционной группировки, а может препятствовать. Выявлены формы корпоративной интеграции в рамках интеграционных группировок.

Процессы интернационализации мировой экономики проявляются в интеграции как на уровне корпораций, так и на региональном уровнях. Современные процессы слияний и поглощений проходят волнами, однако уже прослеживается корреляция между формированием интеграционных группировок с различным уровнем развития наднациональных органов и корпоративной интеграцией, проявляющейся через сделки по слияниям. В региональных группировках слияния и поглощения проходят активнее.

В различных интеграционных группировках корпоративная интеграция имеет различные формы проявления и взаимодействия с региональной интеграцией. В региональных группировках развитых странах превалирует прямое лоббирование или блокада, в региональных группировках развивающихся стран – косвенная поддержка или противодействие.

Список использованных источников

1. Корпоративный сектор экономики [Электронный ресурс]: Финэкон. – Режим доступа: <http://www.finekon.ru/korp/%20sektor.php>. – Дата доступа: 25.11.2020.

2. *Herd, T.* Where has all the synergy gone? / T. Herd, K. Ficery, B. Pursche // *The M&A puzzle. Journal of Business Strategy.* – 2007. – 28(5): 29-3.
3. Ретейл [Электронный ресурс]: Белретеилер. – Режим доступа: <https://belretail.by/news/set-magazinov-sosedi-kupila-ostatki-stareyshey-seti-supermarketov-preston>. – Дата доступа: 20.12.2020.
4. *Гринхат, М.* Вертикальная интеграция и успешная конкуренция / М. Гринхат, Х. Ото. – СПб., 2001. – 250 с.
5. *Шерер, Ф. М.* Структура отраслевых рынков / Ф. М. Шерер, Д. Росс. – М., 1997. – 698 с.
6. Слияния и поглощения М&А [Электронный ресурс]: Государство. Бизнес. ИТ. – Режим доступа: http://www.tadviser.ru/index.php/-Статья:Слияния_и_поглощения_М%26А. – Дата доступа 21.12.2020.
7. *Прахалад, К.* Стержневые компетенции корпорации / К. Прахалад, Г. Хамел // *Стратегический процесс* / под ред. Г. Минцберга, Дж. Б. Куинна, С. Гоглана. – СПб., 2001.
8. *Прахалад, К.* Стержневые компетенции корпорации / К. Прахалад, Г. Хэмел // *Стратегический процесс* / пер. с англ.; под ред. Ю. Н. Катуревского. – СПб.: Питер, 2001. – С. 112–123.
9. *Анохина, М. Е.* Развитие экономической интеграции: теория и практика / М. А. Анохина, Д. Г. Коростылев // *Экономические науки.* – 2014. – № 8(117). – С. 92–99.
10. *Коуз, Р.* Природа фирмы / Р. Коуз // *Теория фирмы* / пер. с англ. Б. Пинскера; сост. В. М. Гальперин. – М., 2001.
11. *Норт, Д.* Институты, институциональные изменения и функционирование экономики / Д. Норт; пер. с англ. А. Н. Нестеренко, предисл. и науч. ред В. З. Мильнера. – М., 1997. – С. 86–88.
12. Финансы [Электронный ресурс]: Cfin. – Режим доступа: <http://www.cfin.ru>. – Дата доступа 10.01.2021.
13. *Jensen, M. C.* Theory of the Firm: Managerial Behavior, Agency Costs, and Owership Structure / M. C. Jensen, W. H. Meckling // *J. of Financial Economics.* – 1976. – Vol. 3, 4.
14. *Цветков, В. А.* Корпоративный бизнес: теория и практика / В. А. Цветков. – СПб., 2011. – 205 с.
15. *Мовсесян, А. Г.* Анатомия экономической власти / А. Г. Мовсесян // *Бизнес и банки.* – 1998. – № 2. – С. 12–20.
16. *Galbraith, J. K.* The Anatomy of Power / J. K. Galbraith. – Boston, 1983. – P. 47.
17. Корпоративная интеграция как фактор формирования конкурентных преимуществ [Электронный ресурс]: Электронная библиотека диссертаций. – Режим доступа: <http://www.dissercat.com/content/korporativnaya-integratsiya-kak-faktor-formirovaniya-konkurentnykh-preimushchestv-v-predprin>. – Дата доступа 11.01.2021.
18. *Хейфец, Б. А.* Корпоративная интеграция: Альтернатива для постсоветского пространства./ Б. А. Хейфец, А. М. Либман. – М.: Изд-во ЛКИ, 2008. – 160 с.
19. *Aiello, R.* The fine art of friendly acquisition / R. Aiello, M. Watkins // *Harvard Business Review.* – 2000. – P. 23–35.
20. *Ансофф, И.* Новая корпоративная стратегия / И. Ансофф; пер. с англ. под ред. Ю. Н. Каптуревского. – СПб.: Изд-во «Питер», 1999.
21. *Азроянц, Э. А.* Холдинговые компании: особенности, опыт, проблемы, перспективы / Э. А. Азроянц, Б. А. Ерзнкян. – М.: НИИУ, 1992. – 350 с.

(Дата подачи: 26.02.21 г.)

Б. У. Сарвіраў, А. М. Баранаў

Гомельскі дзяржаўны ўніверсітэт імя Францыска Скарыны, Гомель

B. V. Sorvirov, A. M. Baranov

Francisk Skorina Gomel State University, Gomel

УДК 330.1:330.12

АДУКАЦЫЯ ЯК ГРАМАДСКАЯ КАРЫСЦЬ У РЫНАЧНАЙ ЭКАНОМІЦЫ

EDUCATION AS A PUBLIC GOOD IN A MARKET ECONOMY

У артыкуле прааналізаваны працэс вытворчасці адукацыйнай паслугі з пазіцыі яе месца ў сістэме абнаўлення чалавечага капіталу, выяўлена роля адукацыйнага патэнцыялу і адукацыйнай паслугі; ацэнена ўнутраная сістэма эфектыўнасці адукацыі і канкрэтных вынікаў дзейнасці інстытутаў рынку адукацыйных паслуг. Прыводзіцца вопыт ЗША па ўзнаўленні нематэрыяльных актываў эканомікі, у першую чаргу ў сферы адукацыі і навукі, зроблены аналіз вопыту развіцця адукацыі ў сістэме эканомікі лідзіруючых краін свету.

Ключавыя словы: эканоміка адукацыі; рынак адукацыйных паслуг; рабочая сіла; рынак працы; чалавечы капітал; інвестыцыйны комплекс; прафесійная падрыхтоўка; нацыянальная эканоміка; эфект адукацыі.

The article analyzed the process of educational service production from the position of its place in the system of reproduction of human capital, revealed the role of educational potential and educational service. The internal system of education efficiency and concrete results of educational services market institutions were evaluated. The experience of the USA on reproduction of intangible assets of the economy, primarily in the sphere of education and science is given, the experience of development of education in the system of economy of leading countries of the world is analyzed.

Keywords: economics of education; educational services market; labor force; labor market; human capital; investment complex; professional training; national economy; effect of education.

Важная эканамічная роля адукацыі ў развіцці грамадства нязменна адзначалася ў навуковых працах большасці вядомых эканамістаў-тэарэтыкаў пачынаючы з XVIII ст. Аднак рэальная аснова для ўзнікнення эканомікі адукацыі як галіны спецыяльных даследаванняў склалася не раней сярэдзіны XX ст., калі адбыўся беспрэцэдэнтны скачок у развіцці сістэмы адукацыі ў большасці краін свету, у выніку чаго сістэма адукацыі канчаткова пераўтварылася ў буйную народна-гаспадарчага сферу, дзе ствараецца велізарная па велічыні і ўнікальная па сваёй значнасці частка нацыянальнага багацця краіны. У цяперашні час ўнутраныя працэсы адукацыі, уключаючы і іх эканамічны аспект, можна правільна ацаніць толькі ў самым шырокім маштабе народнагаспадарчых сувязей, глыбокіх якасных і структурных зрухаў у вытворчасці, у патрэбах, у інтарэсах і матывацыі і ў цэлым у ладзе жыцця грамадства.

Умовы сучаснага этапу жыцця грамадства паставілі сферу адукацыі на шлях цывілізацыйнага развіцця ва ўсіх лідзіруючых краінах свету. Галоўнай пераменаў у іх сацыяльна-эканамічным жыцці стала тое, што ўжо амаль пяць

дзесяцігоддзяў таму была не толькі тэарэтычна даказаная, але і ў нацыянальных маштабах практычна выкарыстаная аб'ектыўная патрэба ў змене падыходу да ролі і месца чалавечага патэнцыялу. Інакш кажучы, грамадства ўспрыняло неабходнасць глыбокай сацыяльнай пераарыентацыі эканамічных прыярытэтаў. Менавіта гэта і складае асноўную лінію і магутную рухаючую сілу сучаснага этапу сусветнага развіцця.

Адукацыя стала ў перадавых краінах галоўнай галіной, кансалідаванай у народнагаспадарчай структуры прынцыпова па-новаму як інвестыцыйны від дзейнасці ў сферы нематэрыяльнай вытворчасці.

Нематэрыяльныя запасы, гэта значыць перш за ўсё ўкладанні ў «чалавечы капітал», у тым ліку сферу навуковых даследаванняў і распрацовак, узростаючы апераджальнымі тэмпамі, пераадолелі бар'ер, пасля якога іх перавага над матэрыяльнымі стала відавочнай. Гэзіс пра «вырашальную ролю чалавека» ў рэчаіснасці, які лічыўся у недалёкім мінулым банальным, праявіўся ў развітых краінах свету ў радыкальнай перакройцы галоўных народнагаспадарчых прапорцый, у замене шэрагу рухаючых механізмаў і матываў развіцця, без чаго стала немагчымым заставацца ў рамках дынамічнай, канкурэнтназдольнай эканомікі. Гэты зрух гістарычнага значэння з'яўляецца адначасова і галоўным вынікам, і непасрэднай прычынай эфектыўнага ў эканамічным і сацыяльным плане развіцця ўсіх сусветных эканамічных цэнтраў.

Самым паказальным для айчынных умоў па маштабах і характары развіцця з'яўляецца вопыт ЗША. Найбольш важныя і значныя па сваіх наступствах зрухі ва ўзнаўленым працэсе гэтай краіны адбываюцца ў наш час па-за матэрыяльнай сферай. На працягу 70-х і 80-х гг. XX ст. працягваліся сур'ёзныя змены ў амерыканскай эканоміцы і ў грамадстве, звязаныя з зацвярджэннем іх мэтавай арыентацыі на развіццё чалавека і сацыяльнай інфраструктуры. У выніку гэтых працэсаў за пасляваенны перыяд адбылося карэннае змяненне эканамічных прыярытэтаў і самога паняцця капіталаўкладанняў, іх складу, а таксама зместу інвестыцыйнай палітыкі. Гэта было выклікана тым, што побач з матэрыяльнымі запасамі ў структуры народнай гаспадаркі цалкам аформілася самастойная шматгаліновая сфера ўзнаўлення сучаснага, «дарагога чалавека», па вызначэнні расійскага эканаміста Ю. Васільчука. У гэтую сферу ўключаны ўсе дзяржаўныя і прыватныя выдаткі на адукацыю, падрыхтоўку кадраў, значная частка навукі і шэраг іншых сацыяльных выдаткаў. Пры вызначэнні прыярытэтаў расходавання ўсіх эканамічных рэсурсаў і фондаў асноўная частка сацыяльных выдаткаў на чалавека ўжо ў 60-х гг. XX ст. была роўнай інвестыцыям у матэрыяльную сферу, а ў цяперашні час значна пераўзыходзіць іх (табліца 1) [1–4].

Табліца 1

Суадносіны ўкладанняў у чалавека* і ў матэрыяльную базу вытворчасці ў ЗША

Сацыяльныя выдаткі ў працэнтах да вытворчых капіталаўкладаннях	1970 г.	1980 г.	1985 г.	1990 г.	2015 г.
адукацыя	50	42	45	55	62
ахова здароўя	54	63	76	101	120
сацыяльнае забеспячэнне	90	107	123	162	183
Усяго па трох галінах	194	212	244	318	365

У дадзенай табліцы знайшоў адлюстраванне векавы гістарычны пералом у суадносінах выдаткаў на сацыяльнае абслугоўванне чалавека і на яго матэрыяльнае і вытворчае асяроддзе, які адбыўся ў сярэдзіне XX ст. Велізарны запас сродкаў вытворчасці ў вядучых краінах свету абыходзіцца грамадству штогод ў 12–15 % валавога нацыянальнага прадукту. Норма запаса, якая перавышае гэтую мяжу, з’яўляецца, як паказвае вопыт, часовай з’явай і апраўдваецца выключна высокімі тэмпамі эканамічнага развіцця, характэрнымі, напрыклад, для германскай, японскай або кітайскай эканомікі. У эканоміцы ЗША ўжо даўно набылі ўстойлівыя формы суадносін, паводле якіх на развіццё сферы адукацыі расходзецца прыблізна ў 2,5 разы больш, чым на сферу навукова-даследчых і доследна-канструктарскіх работ, а на ахову здароўя – у 1,7–2,0 разы больш, чым на адукацыю.

Асноўная частка запасаў нематэрыяльнага багацця прыпадае на сферы адукацыі і навукі, якія і складаюць ядро народнагаспадарчага інвестыцыйнага комплексу гэтай сферы. У эканоміцы ЗША нематэрыяльная сфера развіваецца апераджальнымі тэмпамі, а яе матэрыяльная база пастаянна ўмацоўваецца. У рамках сучаснай эканомікі асабліваю роль іграе «матэрыяльна-духоўны комплекс» галін і відаў дзейнасці, канчатковым вынікам працы якога з’яўляецца шырокі доступ насельніцтва да ўсіх патрэбных яму відаў інфармацыі. Вытворчасць рознага электроннага абсталявання і ўся матэрыяльна-рэчавая інфармацыйная інфраструктура іграюць, па сутнасці, абслуговую ролю адносна вытворчасці ведаў і духоўных каштоўнасцей.

Прыведзеныя ў табліцы статыстычныя дадзеныя ў гранічна абагульненай форме адлюстроўваюць разнастайнасць якасных змен у вытворчасці і ва ўмовах жыцця насельніцтва ЗША. За гэтымі зменамі, у прыватнасці, адбыўся велізарны скачок у развіцці адукацыі, пік якога прыйшоўся на 60-я гг. XX ст. За чатыры з невялікім дзесяцігоддзі выдаткі на адукацыю ўзраслі ў нязменных цэнах больш чым у тры разы, а іх доля паднялася з 5,9 % нацыянальнага даходу ў 1960 г. да больш за 9 % у цяперашні час. (Гэтыя дадзеныя адносяцца толькі да сістэмы адукацыі ў школах і ВНУ і складаюць частку агульнанацыянальных адукацыйных мерапрыемстваў).

На працягу паўстагоддзя ў ЗША рэзка павялічылася колькасць студэнтаў ВНУ, адбыліся карэнныя змены ў матэрыяльным аснашчэнні навучальнага працэсу, на базе амерыканскіх універсітэтаў сфармаваўся магутны і тонка структураваны навукова-адукацыйны комплекс, у якім скацэнтралася галоўная частка фундаментальных даследаванняў краіны. Адбыўся скачок у адукацыйным узроўні насельніцтва, у насычанасці рынку працоўнай сілы асобамі з закончанай і незакончанай вышэйшай адукацыяй. Пры гэтым рынак вызначыў такую структуру масавай падрыхтоўкі кваліфікаваных кадраў, якая была зусім нечаканай з пазіцыі спецыялістаў планавай эканомікі, а менавіта – гранічна нізкую долю інжынераў і тэхнікаў і высокую насычанасць рынку працы выпускнікамі ВНУ з шырокай агульнаадукацыйнай агульнакультурнай гуманітарна-сацыяльнай і прыродазнаўчай падрыхтоўкай. Такого роду кадры запаўняюць працоўныя месцы ў адміністрацыйным апарате, гандлі, фінансавых установах, сферы паслуг і г. д. Яны лёгка паддаюцца прафесійнай падрыхтоўцы на працоўных месцах, на розных курсах перакваліфікацыі; іх масавы прыток спрыяе агульнаму павышэнню культуры працы ва ўсіх сферах народнагаспадарчай дзейнасці, росту агульнай культуры, якасці сямейнага выхавання і зносін паміж людзьмі.

Сярод асаблівацей, характэрных для сучаснага рынку працы, можна назваць практычнае пераўтварэнне агульнаадукацыйнай школьнай і вузаўскай падрыхтоўкі, у тым ліку яе гуманітарна-сацыяльнага кампанента, у састаўную частку прафесійнай кваліфікацыі кадрў, пераўтварэнне поўнай сярэдняй адукацыі з ўзроўню, які дае пачатковую перавагу для будучай кар’еры, у мінімальнае патрабаванне рынку працы. Іншым прыкладам такога роду з’яўляецца пачатак скарачэння ў сярэдзіне 80-х гадоў XX ст. долі так званых паўкваліфікаваных рабочых, да ліку якіх належаць, напрыклад, зборшчыкі і станочнікі масавых спецыяльнасцей. На першы план выйшлі новыя дыферэнцыраваныя паказчыкі выкарыстання і матывацыі работнікаў: недавыкарыстанне кваліфікацыі і здольнасцей чалавека, ступень задаволенасці працай.

Усе гэтыя і многія іншыя «нестандартныя», з пазіцыі эканомікі, арыентаванай на матэрыяльную вытворчасць і навукова-тэхнічны прагрэс, працэсы патрабуюць асаблівай увагі, бо, з аднаго боку, яны ўсё яшчэ разглядаюцца на постсаветскай прасторы як трэцяродныя, з другога – пакуль яшчэ не склаўся рынкавы, некамерцыйны і адміністрацыйны інструментар для выкарыстання глыбінных магчымасцей развіцця чалавечага фактару.

З усіх тэндэнцый адпостроўваецца галоўнае фундаментальнае змяненне, якое складае аснову сучаснай эканамічнай парадыгмы – пераарыентацыя народнагаспадарчай дзейнасці на максімальна спрыяльны рэжым для развіцця і матывацыі творчых відаў працы. Заахвочванне творчасці, якое з’яўляецца сэнняй самой перспектывай сацыяльна-эканамічнай тэндэнцыяй, пачынаецца ад сямейнага выхавання і «культу» розных формаў утварэнняў дарослых (уключаючы пенсіянераў), ад мерапрыемстваў тыпу «гурткоў якасці» для рабочых (гэтая форма першапачаткова ўзнікла менавіта ў ЗША) і канчаючы заахвочваннем венчурнага прадпрымальніцтва як у камерцыйнай сферы, так і ў непрыбытковых арганізацыях.

Прымаючы ва ўвагу вопыт развіцця адукацыі ў сістэме эканомікі лідзіруючых краін свету, учарашні і сённяшні дзень развіцця якіх уяўляе для нас своеасаблівы прагнастычны сігнал, варта ўлічваць не толькі велізарныя паступальныя зрухі, але і наяўнасць сталых глыбінных ачагоў слабасці, звязаных з аднамомантнай ліквідацыяй дэфектаў чалавечага фактару. Да іх ліку адносіцца захаванне ў ЗША неадукаванага сацыяльнага пласта, характарызуюцца так званай «функцыянальнай непісьменнасцю». Гэты непрудукцыйны і сацыяльна небяспечны пласт пастаянна адсейваецца за кошт стабільнага адсеву з агульнаадукацыйных сярэдніх школ (20–25 % усіх навучэнцаў у ЗША). Значная яго частка складаецца з прадстаўнікоў яшчэ не цалкам асіміляваных нацыянальных меншасцей, што прыводзіць да ўтварэння адукацыі сацыяльна-нацыянальнай «выбуховай сумесі». Яна становіцца асабліва небяспечнай ў перыяды пагаршэння эканамічнай сітуацыі ў краіне, як гэта было ў краіне ва ўмовах сусветнага фінансаванага крызісу 2007–2009 гг., ва ўмовах прыродных катаклізмаў, напрыклад, у Лос-Анджэлесе падчас урагану Катрына.

Варта адзначыць і прыкметны спад працоўнай актыўнасці сярод значнай часткі работнікаў, асабліва ў масавай стандартызаванай вытворчасці прадукцыі і паслуг, паслабленне задаволенасці такога роду працай у моладзі. Гэта з’яўляецца негатыўным складаным у шэрагу прычын таго, што адбываецца павышэнне ацэнкі вольнага часу ў адносінах да працоўнага, а таксама ў пэўным аслабленні працоўнай маралі, што адбываецца на якасці вытворчых вынікаў

і служыць, у прыватнасці, адной з прычын зніжэння канкурэнтаздольнасці амерыканскіх тавараў масавага спажывання нават на ўнутраным рынку краіны. Менавіта такога роду складаныя па сваім паходжанні дэфекты чалавечага фактару паясняюць турбуючую амерыканскую грамадскасць мінімальную аддачу велізарных урадавых сродкаў, патрачаных не толькі на праграмы дапамогі, але і на перападрыхтоўку беспрацоўных, інфармацыю аб рынку працы, на жыллё для бедных, на сацыяльную рэабілітацыю, аздаравленне бедных раёнаў і г. д. Значная частка змястоўнага боку гэтых праграм папросту не засвойваецца пасіўным і малаадукаваным «адрасатам» і знікае з-за гэтага дарэмна.

Працэсы, звязаныя са сферай духоўнага ўзнаўлення чалавека, з аднаго боку, вельмі спецыфічныя па сваёй канкрэтнай «тэхналогіі», з другога – маюць і «звыклы» эканамічны аспект, гэта значыць адпавядаюць пэўнай патрэбе на рынку паслуг і працы, удзельнічаюць у ранжыраванні гаспадарчых прыярытэтаў новая з іншымі альтэрнатыўнымі таварамі і паслугамі, патрабуюць адпаведных выдаткаў рэсурсаў і такім чынам на роўных уключаны ў народнагаспадарчы абарот. Разам з тым менавіта канкрэтныя асаблівасці фарміравання рабочай сілы ЗША і складаюць адзін з тых важных аспектаў «амерыканскай нацыянальнай спецыфікі», з якога складаюцца асаблівасці мадэлі канкурэнтаздольнасці яе эканомікі, рысы ўнутранай і знешняй палітыкі краіны. Гэта адносіцца, безумоўна, да любой краіны.

У выніку інтэнсіўных даследаванняў за пяць дзесяцігоддзяў склалася сістэма адпраўных паняццяў, якія складаюць катэгарыяльную базу сучаснай эканомікі адукацыі. Паводле гэтых паняццяў рынак адукацыйных паслуг з’яўляецца буйной шматгаліновай народнагаспадарчай сферай, дзе ствараецца найважнейшы элемент нацыянальнага багацця – фонд ведаў, навыкаў, асабістых якасцей насельніцтва і працоўнай сілы, які атрымаў у айчынай літаратуры назву «фонд адукацыі». Гэты нематэрыяльны фонд выступае ў цяперашні час у якасці самага доўгачасовага з усіх актыўных вытворчых фактараў. У гэтай якасці адукацыя ўяўляе інвестыцыйную галіну духоўнай вытворчасці (падобна, напрыклад, машынабудаванню ў сістэме галін матэрыяльнай вытворчасці). Унутры сферы адукацыі ў якасці асноўнага рэсурсу выступае праца навучэнцаў, а выдаткі на матэрыяльную базу, педагагічны і адміністрацыйны персанал разглядаюцца ў эканамічным плане як умовы і сродкі, якія забяспечваюць павышэнне якасці і выніковасці гэтай працы.

Значная частка заходніх даследаванняў па эканоміцы адукацыі тычыцца тэорыі «чалавечага капіталу», а таксама шэрагу альтэрнатыўных ёй навуковых напрамкаў, пры гэтым у процівагу інвестыцыйнай канцэпцыі вылучаюцца на першы план розныя аспекты адукацыі, у прыватнасці, яе роля ў выяўленні здольнасцей людзей і ў адпаведным прафесійным і сацыяльным іх ранжыраванні, замацоўваемым выдачай адпаведных сертыфікатаў, пасведчанняў, дыпламаў, неабходных для эфектыўнага функцыянавання рынку працы («тэорыі фільтра»). Да ліку асновавальных прац гэтага напрамку можна аднесці працы лаўрэатаў Нобелеўскай прэміі Т. Шульца і Г. Бекера [5, 6].

У выніку эмпірычных даследаванняў матэрыялаў многіх развітых краін устаноўлены і атрымалі тлумачэнне векавыя тэндэнцыі «падаражэння» матэрыяльных і педагагічных кампанентаў выдаткаў на навучанне ў разліку на аднаго навучэнца, а таксама была ўстаноўлена прамая залежнасць паміж узроўнем долі выдаткаў і якасцю атрыманай адукацыі.

Пры комплексным вивучэнні адукацыйных структур рынкаў працы і сацыяльных патрэб выяўлена, што найбольш распаўсюджаныя тыпы і формы адукацыі, профільныя структуры яго сярэдняй і вышэйшай ступеней знаходзяцца ў дынамічнай адпаведнасці са структурай здольнасцей насельніцтва (па іх узроўню і скіраванасці), а таксама з патрэбамі вытворчасці і жыцця.

Была прызнана роўная неабходнасць агульнага і прафесійнага кампанентаў адукацыі з пазіцыі кваліфікацыйных патрабаванняў эканомікі і для развіцця асобы (хоць на рынку працы ацэнкі агульнай і спецыяльнай адукацыі не аднолькавыя з-за адрозненняў у крыніцах фінансавання).

Для правядзення даследаванняў у сферы адукацыі патрабуецца ў параўнанні з аналагічнымі працамі ў галіне прыродазнаўчых і тэхнічных навук значна менш сродкаў (відаць, гэта і з'яўляецца адной з прычын яе «эканамічнай непрыкметнасці»). Аднак зыходзячы з важнасці развіцця эканомікі адукацыі для эканамічнага і сацыяльна-гуманітарнага развіцця краіны гэтая галіна ўжо зараз наўрад ці саступае ўсім астатнім галоўным складнікам навуковага патэнцыялу грамадства. Акрамя таго, значнасць сацыяльна-гуманітарных ведаў узрасла ў наш час апераджальнымі тэмпамі як з прычыны неабходнасці пераадолець пэўнае іх адставанне, так і з-за аб'ектыўных патрэбаў сучаснага этапу цывілізацыйнага развіцця. У гэтым плане неабходны даследаванні і ацэнкі навуковага патэнцыялу грамадскіх навук і пытанняў унутранай і знешняй эфектыўнасці іх развіцця.

У заключэнне адзначым, што ў артыкуле вялікая ўвага нададзена замежнаму матэрыялу. Ва ўсякай рэформе, у тым ліку і ў адукацыйнай сферы, вырашальную ролю адыгрывае апора на адэкватны ўлік ўнутраных умоў і асаблівасцей кожнай краіны. Больш за тое, канечнай крыніцай руху з'яўляецца назапашванне масавага вопыту спроб і памылак, пераадоленне стэрэатыпаў і інерцыі ў менталітэце насельніцтва. Аднак калі мы прымаем стратэгічную канцэпцыю рашучага пераадолення аджылых формаў і ўстаём на шлях пераходу ў новую сацыяльна-эканамічную сітуацыю, то вопыт краін развітой рынкавай гаспадаркі, якія забяспечылі за многія дзесяцігоддзі высокую прадукцыйнасць і стварылі заснаваны на ёй іншы лад жыцця, проста незаменны ў якасці свайго роду «прагнастычнага сігнала» як з пазіцыі канкрэтнай інфармацыі, так і для паступовай пераарыентацыі масавай свядомасці на новую сістэму каштоўнасцей.

Спіс выкарыстаных крыніц

1. Информационный вектор экономической системы / Б. В. Сорвилов, Р. М. Нижегородцев, А. М. Баранов; под ред. Б. В. Сорвилова. – Минск: Право и экономика, 2019. – 258 с.
2. Васильчук, Ю. А. Сацыяльнае развіццё чалавека. Фактар сям'і / Ю. А. Васильчук // Грамадскія навукі і сучаснасць. – 2008. – № 3. – С. 52–63.
3. Васильчук, Ю. А. «Дарагі чалавек» эпохі НТР / Ю. А. Васильчук // Сусветная эканоміка і міжнародныя адносіны. – 1991. – № 11. – С. 8–24.
4. Ивлева, М. Г. Эволюция теоретических концепций общественных благ и их воспроизводства / М. Г. Ивлева // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: экономика и управление. – 2016. – С. 10–15.
5. Сюпова, М. С. Образование как социально-значимое благо / М. С. Сюпова, Н. А. Бондаренко // Ученые записки ТГУ. – 2015. – Т. 6, № 1. – С. 274–277.
6. Schulz, T. W. Investment in human capital: the role of education and of research / T. W. Schulz. – N.Y., 1975.

7. Becker, G. S. Human Capital a theoretical analysis with a special reference to education / G. S. Becker. – N.Y., 1975.

(Дата подачи: 04.02.2021 г.)

T. B. Сорокина

Белорусский государственный экономический университет, Минск

T. V. Sorokina

Belarusian State Economic University, Minsk

УДК 336.5

КОНЦЕПТУАЛЬНЫЕ ПОДХОДЫ К ПОВЫШЕНИЮ ЭФФЕКТИВНОСТИ ГОСУДАРСТВЕННЫХ РАСХОДОВ В СОЦИАЛЬНОЙ СФЕРЕ

CONCEPTUAL APPROACHES TO INCREASING THE EFFICIENCY OF PUBLIC SPENDING IN THE SOCIAL SPHERE

Статья посвящена проблемам повышения эффективности государственных расходов в социальной сфере. Проанализированы расходы бюджета на развитие социальной сферы, подтверждена необходимость повышения эффективности расходов. Проведен анализ качества составления государственных программ, организации контроля над их эффективностью. Обоснованы концептуальные подходы к повышению эффективности расходов в социальной сфере.

Ключевые слова: государственный бюджет; социальная сфера; расходы бюджета; государственные программы; программные расходы; эффективность расходов; контроль эффективности реализации госпрограмм.

The article is devoted to the problems of increasing the efficiency of public spending in the social sphere. The budget expenditures for the development of the social sphere, their sectoral structure and dynamics are analyzed, the need to increase the efficiency of expenditures is confirmed. The analysis of the quality of drawing up individual state programs, the organization of control over their effectiveness is carried out. Conceptual approaches to increasing the efficiency of spending in the social sphere have been substantiated.

Keywords: state budget; social sphere; budget expenditures; state programs; program expenditures; cost effectiveness; control over the effectiveness of state programs implementation.

Республика Беларусь, как указано в Конституции, является демократическим социальным правовым государством [1], целью развития которого определено построение социально-ориентированной модели рыночной экономики, обеспечивающей высокое качество жизни и социальной защиты населения. Такая модель характеризуется активной ролью государства в развитии социальной сферы и высокой долей социальных расходов в государственном бюджете. Посредством государственного финансирования социальной сферы обеспечивает развитие человеческого потенциала и повышение уровня жизни населения.

Многоканальная система финансирования позволяет реализовать основные задачи социальной политики государства. Источниками государственного финансирования выступают средства бюджетов всех уровней и средства бюджета

Фонда социальной защиты населения (ФСЗН). Дополнительным источником выступают средства бюджетных организаций от приносящей доходы деятельности и другие внебюджетные источники. *Однако основная масса учреждений социальной сферы финансируется из бюджетов* (рис. 1).

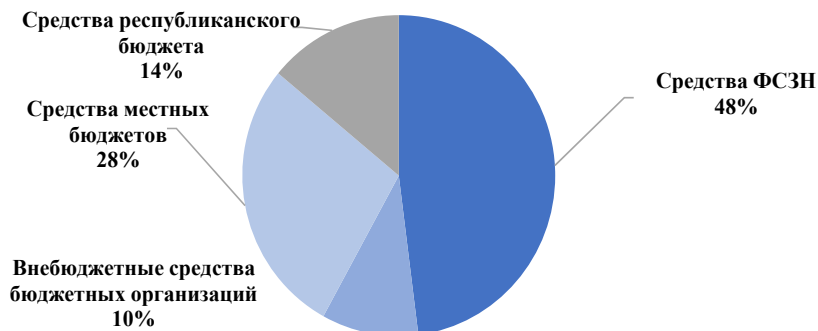

Рис. 1. Источники финансирования социальной сферы в 2019 г.

Источник: собственная разработка на основе [3–6].

В соответствии с бюджетной классификацией расходы на социальную сферу включают расходы на здравоохранение, физическую культуру, спорт, культуру и средства массовой информации, образование и социальную политику.

Величина *расходов консолидированного бюджета* Республики Беларусь на социальную сферу в 2015–2019 гг. составляла около 12 % ВВП (рис. 2). По проекту на 2021 г. предусмотрено направить сюда 12,5 % ВВП.

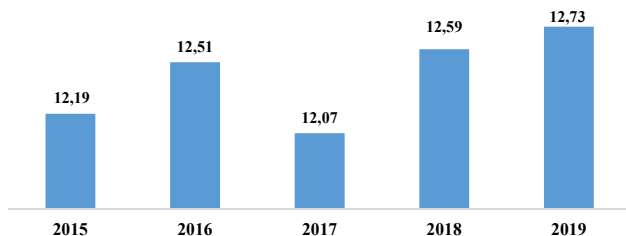

Рис. 2. Расходы на социальную сферу в процентах к ВВП

Источник: собственная разработка на основе [3–5].

Прослеживается положительная динамика расходов в абсолютном выражении (рис. 3).

По предварительной оценке, расходы консолидированного бюджета на отрасли социальной сферы в действующих ценах составили в 2020 г. 17,9 млрд руб., а на 2021 г. прогнозируются на уровне 19,6 млрд руб. В период с 2015 по 2020 г. расходы бюджета в этом направлении выросли на 66 %.

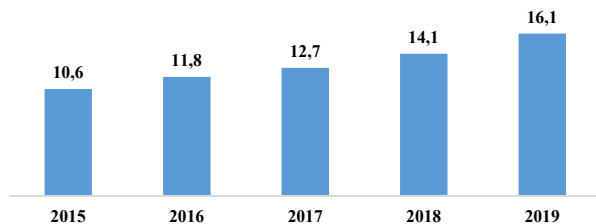

Рис. 3. Расходы консолидированного бюджета на социальную сферу за 2015–2019 гг., млрд руб.

Источник: собственная разработка на основе [3–5].

По отношению к общему объему расходов консолидированного бюджета расходы на социальную сферу составляют более 40 %. Так, в 2019 г. этот показатель достиг 44,3 % от всей совокупности расходов, в 2020 г. – 42,8 % (по результатам предварительного исполнения бюджета) а на 2021 г. прогнозируется на уровне 44,7 % (таблица 1).

В расходах государства на социальную сферу наибольший удельный вес занимают расходы на образование – 16,7–17,5 % и здравоохранение – 14–14,8 %.

Таблица 1

Состав и структура расходов консолидированного бюджета Республики Беларусь на социальную сферу за 2015–2019 гг.

	2015		2016		2017		2018		2019	
	%	млрд руб.	%	млрд руб.	%	млрд руб.	%	млрд руб.	%	млрд руб.
Расходы всего	100	25,0	100	27,3	100	28,7	100	31,8	100	36,4
Расходы на социальную сферу	42,3	10,6	43,2	11,8	44,3	12,7	44,3	14,1	44,3	16,1
в том числе:										
• здравоохранение	14	3,5	14,5	4,0	15	4,3	15	4,8	14,8	5,4
• образование	16,7	4,2	16,8	4,6	17,1	4,9	17,5	5,6	17,5	6,4
• физическая культура, спорт, культура, СМИ	3,1	0,8	3,2	0,9	5,5	1,6	3,3	1,1	3,8	1,4
• социальная политика	8,7	2,2	8,9	2,4	8,5	2,4	8,5	2,7	8,2	3,0

Источник: собственная разработка на основе [3–5].

Из приведенных в таблице данных видно, что в анализируемом периоде обеспечивалось стабильное финансирование всех отраслей социальной сферы.

Однако, анализ данных за 2019–2020 гг. свидетельствует, что *темпы роста расходов на социальную сферу отстают от темпов роста совокупных расходов бюджетной системы страны*. Так, если расходы консолидированного бюджета в 2020 г. выросли по отношению к расходам 2019 г. на 18 %, то расходы на социальную сферу – лишь на 11 %.

Главным критерием целесообразности и эффективности расходов на социальную сферу является повышение таких показателей, как качество жизни, уровень жизни, продолжительность жизни и др. (таблица 2).

Таблица 2

**Некоторые показатели, характеризующие качество жизни населения
за 2015–2019 гг.**

Показатель	2015	2016	2017	2018	2019
Численность населения, тыс. чел.	9 481	9 498	9 505	9 492	9 475
Естественный прирост/убыль населения, тыс. чел.	–1,0	–1,6	–16,7	–26,0	–32,9
Уровень безработицы, %	6,2	5,8	5,6	4,8	4,2
Число больничных коек на 10 000 населения	86,3	84,5	84,2	83,9	80,4
Число учреждений общего среднего образования	3293	3230	3155	3067	3035

Источник: собственная разработка на основе [7].

Анализ данных показывает, что за 2015–2019 гг. *реального улучшения социально-демографических показателей не произошло.*

Несмотря на ежегодный рост расходов на социальную сферу и стабильно высокую долю их в расходах бюджета, происходит снижение ряда показателей, в той или иной мере характеризующих качество жизни населения страны. В частности, за 2015–2019 г. сократилось число учреждений общего среднего образования, уменьшилось количество медицинских учреждений и больничных коек при одновременном росте заболеваемости населения основными видами болезней.

Несмотря на незначительное увеличение средней продолжительности жизни, Беларусь по состоянию на 2020 г. занимает только 85-е место в рейтинге уровня продолжительности жизни по странам мира с показателем 74,6 года [8].

Таким образом, проведенный анализ позволяет определить *проблемное поле в финансировании расходов на социальную сферу:*

1. Расходы несут существенную нагрузку на ВВП страны и государственный бюджет.

2. Темпы роста расходов на социальную сферу отстают от темпов роста общих расходов бюджета.

3. При росте расходов на социальную сферу не достигается положительная динамика ряда показателей, характеризующих качество жизни населения.

В условиях дефицита бюджета и ограниченных возможностей увеличения его доходов в связи с рядом объективных факторов *единственным способом решения этой проблемы является повышение эффективности государственных расходов в социальной сфере.*

Этому способствует развитие в стране программно-целевого бюджетирования – бюджетирования, ориентированного на результат (БОР). *На наш взгляд реализация концепции БОР должна разрабатываться по трем основным направлениям:*

- повышение качества составления программ и планирования расходов в рамках программ;

- финансирование программ с учетом полученных результатов, степени решения поставленных задач и достижения цели программы;
- обеспечение действенного контроля над эффективностью расходов.

Важно акцентировать внимание, что параметры оценки эффективности расходов определяются уже на стадии формирования государственных программ. *Именно поэтому необходимо их научное обоснование и обеспечение качества программы как документа.*

Анализ качества составления программ, реализуемых в социальной сфере в 2015–2020 гг. («Образование и молодежная политика», «О социальной защите и содействии занятости населения», «Здоровье народа и демографическая безопасность Республики Беларусь») показал, что здесь имеются серьезные проблемы. *Рассмотрим их на примере государственной программы «Образование и молодежная политика» на 2015–2020 гг.*

Оценка структуры и содержания государственной программы «Образование и молодежная политика» проводилась по следующим критериям:

1. **Соответствие компонентов ГП установленной структуре** в соответствии с Инструкцией о требованиях к структуре государственной программы и содержанию отчетов о результатах реализации государственной программы, утвержденной Постановлением Министерства экономики Республики Беларусь от 19.08.2016 № 51 (в дальнейшем – инструкции) [9]: программа соответствует требованиям к структуре государственной программы. Однако названия отдельных глав обозначены в интерпретации заказчика и не в полной мере соответствуют названиям, предусмотренным п. 3 указанной инструкции.

2. **Соответствие приложений к ГП установленным формам:** форма № 1 «Комплекс мероприятий государственной программы», предусмотренная инструкцией, как общий документ, не составлялась (можно объяснить наличием большого количества подпрограмм – 11). Форма № 3 – «Сведения о методике расчета сводных целевых показателей и целевых показателей государственной программы» не составлялась. Форма № 4 «Финансовое обеспечение реализации Государственной программы» (отражено в приложении № 2) соответствует предусмотренной форме. Однако собственные средства финансирования не расписаны по источникам.

3. **Соответствие содержания главы «Общие положения» ГП установленным требованиям:** раздел «Общие положения» содержит только информацию о заказчиках и перечень документов, на основании которых разработана Программа. Другой информации, предусмотренной Постановлением СМ РБ 51, в этом разделе нет, в частности нет указаний на приоритеты и цели государственной политики в сфере социально-экономического развития, на достижение которых направлена ГП; нет анализа текущего состояния соответствующей сферы деятельности и прогноза дальнейшего ее развития с учетом мировых тенденций.

4. **Соответствие содержания главы «Структура и заказчики государственной программы» ГП установленным требованиям:** содержание главы 2 соответствует установленным требованиям.

5. **Соответствие содержания главы «Цель (цели) и задачи государственной программы» установленным требованиям (в части комплекса мероприятий ГП (ПП):** содержание главы 3 соответствует установленным требованиям. В то же время *перечень мероприятий по научному обеспечению ГП (пункт 9.5 Указа № 289) не составлялся* [10].

6. **Соответствие содержания главы «Финансовое обеспечение государственной программы» ГП установленным требованиям:** содержание главы «Финансовое обеспечение государственной программы» в основном соответствует требованиям п. 5.4 инструкции. В главе 4 отражается общий объем финансирования ГП и подпрограмм в разрезе источников. В отдельном приложении указаны объемы финансирования по подпрограммам и задачам в разрезе источников финансирования и по годам (в соответствии с п. 5.4 инструкции). *Объемы финансирования в разрезе мероприятий не указаны.*

Форма № 4 требует детализации источников финансирования в разрезе средств республиканского и местных бюджетов. Требуется также конкретизировать источники собственных средств (пояснение к форме № 4). Однако *детализация источников финансирования в отношении средств бюджета и собственных средств не проведена.*

7. **Соответствие содержания главы «Основные риски при выполнении государственной программы. Механизмы по управлению рисками» ГП установленным требованиям:** содержание главы соответствует п. 5.5 инструкции. В частности, имеется описание сценариев развития системы образования в среднесрочной перспективе. Конкретные риски, возможные при реализации каждой подпрограммы, и меры по их минимизации описаны в дополнительных главах (гл. 7–17) ГП.

8. **Соответствие алгоритма оценки эффективности реализации ГП установленным требованиям и наличие подходов к оценке макроэкономического эффекта от реализации ГП:** содержание главы 6 *не в полной мере соответствует* п. 5.6 инструкции. Так, приведенный в главе алгоритм оценки эффективности реализации ГП *не предусматривает оценку макроэкономического эффекта от реализации ГП.* Дополнительных алгоритмов для оценки влияния реализации программы на макроэкономические, финансовые, демографические, социальные и иные показатели в ГП *не разработано.*

Форма № 3 – «Сведения о методике расчета сводных целевых показателей и целевых показателей государственной программы» *не составлялась.*

9. **Общая оценка взаимоувязанности и согласованности основных элементов ГП:** основные элементы ГП: цели, задачи, конечные (ожидаемых) результаты, мероприятия согласованы.

10. **Полнота отражения ГП и подпрограмм в бюджетной документации с учетом программной классификации расходов (оценка проведена по данным за 2018 г.):** Законом о республиканском бюджете на 2018 г. (ст. 4) утвержден перечень ГП, финансирование которых предусматривается за счет средств республиканского бюджета (прилож. 5 к Закону).

Государственная программа «Образование и молодежная политика» включена в утвержденный Законом перечень государственных программ. Объем финансирования ГП, утвержденный в Законе, составляет 87,6 % от соответствующего планового показателя.

Отклонение объема расходов республиканского бюджета на финансирование ГП в 2018 г., предусмотренного в Законе о бюджете, от объема финансирования, предусмотренного в ГП, составляет 12,4 %. В то же время отклонение по подпрограмме (ПП) 11 «Молодежная политика» составляет 62,8 %, по ПП «Развитие системы послевузовского образования» – 26,3 %, ПП 10 «Подготовка кадров для ядерной энергетики» – 28,2 %.

11. Наличие расходов инвестиционного характера (на финансирование капитальных вложений) в рамках ГП: в источниках финансирования ГП не отражены средства на финансирование капитальных вложений, что предусмотрено п. 5.4 инструкции. Вместе с тем, анализ мероприятий отдельных подпрограмм показал, что в них предусмотрены мероприятия, связанные с капитальными вложениями.

12. Степень вклада различных источников финансирования в общее финансовое обеспечение ГП (ПП): основную нагрузку по финансированию расходов несут местные бюджеты, которые финансируют 77,5 % расходов ГП. На долю республиканского бюджета приходится 14, 5 % расходов. За счет собственных средств финансируется 7,7 % расходов ГП. Незначительная часть расходов – 0,3 % – это средства займа Всемирного банка и 0,02 % – средства Европейской комиссии. Средства республиканского и местных бюджетов распределены по годам реализации программы равномерно.

Аналогичные замечания выявлены и в других программах.

Такой анализ создает информационную базу для оценки качества составления ГП в социальной сфере (и не только) и может применяться в практической деятельности Министерства экономики, финансовых и контролирующих органов Республики Беларусь на этапе планирования ГП.

Не менее важно обеспечить мониторинг и контроль эффективности расходов на этапе реализации государственных программ.

В Республике Беларусь сформирована определенная законодательная основа мониторинга и оценки эффективности ГП. В то же время методология и методика проведения контроля эффективности государственных программ в Республике Беларусь отсутствуют.

Исследование международного опыта организации мониторинга, контроля и оценки эффективности государственных программ позволило предложить некоторые меры по совершенствованию контроля над эффективностью расходов в условиях программного бюджетирования в Республике Беларусь. В частности, необходимо: [11]

1. Рассмотреть целесообразность и возможность создания специальной структуры при Администрации Президента Республики Беларусь с функциями оценки и контроля эффективности реализации государственных программ.

2. Привлекать для оценки эффективности госпрограмм неправительственные организации, научные институты, независимых экспертов в соответствующей области.

3. Усилить методологическую и методическую базу проведения мониторинга, контроля и оценки эффективности государственных программ: разработать методические рекомендации по проведению контроля эффективности программ; по оценке эффективности деятельности органов государственного управления; разработать методику ранжирования ГП по результатам оценки эффективности их реализации; разработать критерии и методику оценки эффективности непрограммных бюджетных расходов; разработать методические указания по формированию системы сбора данных для проведения *мониторинга результативности* программ.

3. В обязательном порядке включить в систему показателей оценки эффективности реализации программы показатель оценки эффективности деятельности органов государственного управления.

В системе оценки эффективности реализации госпрограмм использовать показатели, составленные на основании опросов населения о качестве работы органов управления и оказываемых услуг, т. е. включать режим «обратной связи», что позволит оценить уровень эффективности ГП в соответствии с потребностями общества.

4. В целях обеспечения необходимого уровня «прозрачности» вся информация о реализации государственных программ должна быть размещена на Портале государственных программ в информационно-телекоммуникационной сети «Интернет» *в формате, доступном для граждан и содержащем оценку влияния программ на развитие экономики, социальной сферы РБ и качество жизни населения.*

Для получения максимального эффекта предложенные рекомендации должны реализовываться в комплексе.

Список использованных источников

1. Конституция Республики Беларусь [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://pravo.by/pravovaya-informatsiya/normativnye-dokumenty/konstitutsiya-respubliki-belarus/>. – Дата доступа 18.02.2021.

2. Постановление Министерства экономики Республики Беларусь от 19.08.2016 № 51 Об утверждении инструкции о требованиях к структуре государственной программы и содержанию отчетов о результатах реализации государственной программы (в редакции постановления Министерства экономики Республики Беларусь 15.04.2020 № 5) [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.economy.gov.by/uploads/files/gos-programmy/RMin-51-2.pdf>. – Дата доступа 07.02.2021.

3. Бюджет Республики Беларусь на 2019 г. для граждан / Министерство финансов Республики Беларусь [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.minfin.gov.by/upload/bp/budjet/budjet2019.pdf>. – Дата доступа: 12.02.2021.

4. Пресс-релизы об исполнении бюджета [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.minfin.gov.by/ru/budget_execution/analytical_information/. – Дата доступа: 15.02.2021.

5. Закон Республики Беларусь от 29 декабря 2020 г. № 73-З «О республиканском бюджете на 2021 год» [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://minfin.gov.by/upload/bp/act/zakon_291220_73z.pdf. – Дата доступа: 10.02.2021.

6. Фонд социальной защиты населения в 2019 г. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://ssf.gov.by/ru/budget-2019-ru>. – Дата доступа: 10.02.2021.

7. Беларусь в цифрах [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://istmat.info/files/uploads/62683/belarus_v_cifrah_2020.pdf. – Дата доступа: 10.02.2021.

8. Топ-10 Самых Долгоживущих стран мира на 2020 год: На каком месте Россия, Беларусь и Украина? [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://zen.yandex.ru/media/id/5dd8f6b73676ed2b9e75002a/top10-samyh-dolgojivuscih-stran-mira-na-2020-god-na-kakom-meste-rossiia-belarus-i-ukraina-5e6104c86214ec304e2560e2>. – Дата доступа: 15.02.2021.

9. Постановлением Министерства экономики Республики Беларусь от 19.08.2016 № 51 «Об утверждении Инструкции о требованиях к структуре государственной программы и содержанию отчетов о результатах реализации государственной программы» (с изм. и доп. в соотв. с Постановлением М-ва экономики Респ. Беларусь от 15 апр. 2020 г. № 5).

10. Указ Президента Республики Беларусь от 25 июля 2016 г. № 289 «О порядке формирования, финансирования, выполнения и оценки эффективности реализации государственных программ» (с изм. и доп. в соотв. с Указом Президента Респ. Беларусь

от 18 апр. 2019 г. № 151) [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://etalonline.by/document/?regnum=31600289>. – Дата доступа: 15.02.2021.

11. Сорокина, Т. В. Система контроля, мониторинга и оценки эффективности реализации государственных программ: теоретический и практический аспект [Электронный ресурс] / Т. В. Сорокина // Устойчивое развитие экономики: международные и национальные аспекты: электронный сб. ст. IV Междунар. науч.-практ. конф., Новополоцк, 26 нояб. 2020 г. / Полоцкий гос. ун-т. – Новополоцк, 2020.

(Дата подачи: 26.02.2021 г.)

Г. Л. Харевич
Беларусь, Минск

G. L. Kharevich
Belarus, Minsk

УДК 330.12

О СОДЕРЖАНИИ СУЩЕСТВЕННЫХ СВОЙСТВ ОБЩЕСТВЕННЫХ БЛАГ

ON THE CONTENT OF THE ESSENTIAL PROPERTIES OF PUBLIC GOODS

В условиях становления экономики, которая основана на использовании и потреблении знаний одной из задач ставится переосмысления роли общественных благ в формировании условий для развития человека этого общества.

Ключевые слова: общественные блага; классификации общественных благ исходя из теоретических и эмпирических целей; полезность благ; мотивы потребления; «приемлемые» и «неприемлемые» затраты времени; «потенциально эффективное» и «пассивное» время; изменение содержания экономической сущности свойств «неисключаемости» и «несоперничества».

In the context of the formation of an economy that is based on the use and consumption of knowledge, one of the tasks is to rethink the role of public goods in shaping the conditions for human development in this society.

Keywords: public goods; classification of public goods based on theoretical and empirical goals; utility of goods; consumption motives; «acceptable» and «unacceptable» time expenditures; «potentially effective» and «passive» time; changes in the content of the economic essence of the properties of «non-exclusivity» and «non-competition».

Нашей стране для того, чтобы конкурировать в глобальном сообществе и успеть войти в группу стран, экономика которых основана на использовании и потреблении знаний, требуется высокий уровень человеческого капитала. Возможности для его формирования во многом создаются сферой экономики, где осуществляется производство/потребление общественных благ: при рождении и в течение всей жизни человек имеет возможность потреблять бесплатные блага здравоохранения; при достижении определенного возраста – блага дошкольного и школьного образования; в каждом поселении в формировании и поддержании среды жизнедеятельности населения участвуют блага культуры (блага публичных библиотек, музеев, учреждений клубного типа; народных

театров; историко-культурных ценностей; архивов; парков культуры и отдыха; памятников искусства и архитектуры и т. д., которые относятся к общественным (др.); ежедневно, от рождения до смерти жителям поселений необходимы такие блага, как общественный порядок, безопасность страны, городские и сельские дороги, мосты, парки и лесопарки, пляжи рек и озер и т. п., и оканчивая свою жизнь, — благо захоронения на кладбище. Все эти блага играют существенное значение в создании предпосылок для социализации человека, в развитии человеческого капитала жителей каждого поселения, и в условиях становления экономика знаний становится актуальным переосмысления их роли в этом процессе.

Существуют различные классификации общественных благ, в основу которых положено те или критерии их деления, которые могут исходить из теоретических и эмпирических целей.

Теоретические цели основываются на выделении свойств общественных благ «безотносительно к тому, какое значение имеет данное свойство для других предметов», т. е. с целью раскрытия их внутренней природы, где рассматриваются не отдельные виды благ, а некое обобщенное понятие «общественное благо». Так по их: «внутреннему содержанию» к основным признакам общественных благ можно отнести особенности их доступности: «благо является общественным, если будучи даже потребленным одним лицом, оно при этом доступно для потребления другим» [8, с. 119], или общественное это такое благо, «которое при использовании его одним лицом не ведет к снижению его количества потребляемого другим» [10, с. 697] (свойство «неконкурентности»). Предельные издержки на производство таких благ равны нулю (например, производство благ дорог требует равных издержек на одного потребителя независимо от того, сколько раз отдельный индивид в течение определенного периода (например, месяца, года, десятилетия) будет ими пользоваться. При этом они непрерывно, долговременно, бесплатно или за незначительную плату доступны «всем и каждому», которые не могут быть исключены из состава потребителей (свойство «неисключаемости»).

В тех случаях, когда отдельным видам благ присущи и свойство «неконкурентности», и свойство «неисключаемости», их относят к чистым, если же эти свойства проявляется слабо или отсутствуют, то блага относят к смешанным. Смешанным общественным благам присуща «привязка» к месту потребления, в их составе выделяют: клубные блага, доступность к которым ограничена, и для потребления которых установлено право входа; и перегружаемые общественные блага, потребление которых до определенного предела неконкурентно, неизбирательно. Признаки «неконкурентность» и «неисключаемость» — это существенные (родовые) свойства общественных благ, раскрывающие их экономическую сущность (природу) вообще, безотносительно к частной специфике отдельных благ. Подобные классификации позволяют описать и объяснить, чем общественные блага отличаются от других благ.

Эмпирические цели формулируются с учетом «важности, значимости свойств одного предмета для другого предмета, в частности, для удовлетворения тех или иных потребностей человека», т. е. классификация создается для решения какой-то практической задачи. Так, например, в [7] общественные блага классифицируют с позиций активности государства в их предложении и способности общественных благ удовлетворять интерес общества, рассматривая их как

«товары и услуги, производство и потребление которых связано с государственной активностью... чьи особые свойства (неисключаемости и несоперничества) определяют мотивацию государственной активности... В соответствии с ней социальная полезность товаров и услуг – их способность удовлетворять нормативный интерес общества,...служит универсальным мотивом государственной активности. Экономическую политику государства в данном контексте можно рассматривать как деятельность, направленную на реализацию нормативных интересов общества» [7], и исходя из этого делят блага с точки зрения их индивидуальности и социальной полезности (называя их опекаемыми благами), способности удовлетворять интерес общества как такового, когда сам этот интерес – универсальный мотив для вмешательства государства, которое, будучи автономным субъектом рынка, стремится максимизировать свою функцию полезности.

В данном анализе при классификации благ ставится задача исследования механизма их функционирования в процессе потребления, т. е. с процессом их опредмечивания, когда они «становятся социально-культурным, или «человеческим предметом» [5], и предлагаемая классификация исходит из предпосылок: а) возможности получения индивидами не только полезного эффекта от потребления доступных активов этих благ, но и б) выгоды от этого потребления, с учетом той специфики опредмечивания, когда индивиды желают (вынуждены) соответствовать требованиям общества знаний, и эта *выгода* соотносится с теми потенциальными возможностями, которые создаются общественными благами не только для обеспечения жизнедеятельности человека, но и для формированием его как субъекта этого общества, когда в процессе социализации индивида как личности на первый план выдвигается задача формирования его как субъекта определенного нравственного идеала, способного к самоорганизации, самореализации, и, что особенно важно, способного создавать новые знания.

Эти потенциальные возможности необходимо выделять потому, что сегодня в экономике, которая основана на использовании и потреблении знаний, в которой «главным становится управление не материальными объектами, а символами, идеями, образами, интеллектом, и где большинство работающих занято производством, хранением и реализацией информации, особенно ее высшей формы – знаниями... в условиях меняющейся мотивации в отношении понятия «богатство», когда от стремления максимизировать присвоение материальных благ намечается тенденция перехода к стремлению обладать информацией и знаниями лично» [4], наличие таких возможностей становится существенным фактором формирования индивидов. Эти возможности зависят не только от природных предпосылок (задатков), динамики способностей и т. п. индивидов, но также, как от специфики функционирования общественных благ в конкретном поселении, т. е. обеспечения ими необходимых условий для жизнедеятельности населения, так и наличия возможностей у населения для их потребления (необходимого для этого личного времени).

Исходя из этой специфики можно выделить следующие их группы:

- блага, которые выступают в виде «фона». Эти блага относятся к чистым, они сопровождают любую деятельность и действия индивидов (например, блага безопасности страны, охраны общественного порядка, радиостанций и т. д.). Их потребление: не требует со стороны индивидов никаких действий в использовании активов, с помощью которых они производятся; порой само потребление

даже не осознается, и происходит как бы автоматически непрерывно и долго-временно (осознают лишь в тех случаях, когда эти блага производятся или с низким качеством, или вообще не производятся); не требует от индивидов специальных затрат личного времени; все потребители получают равную выгоду;

- блага, которые для потребителей выступают в виде «контекста». Эти блага относятся к смешанным. Они составляют значительную часть среды жизнедеятельности индивидов и составляют тот контекст, т. е. в данном случае те «внешние и внутренние факторы, а также сопутствующие им риски, которые существенны с точки зрения целей» [3] потребления. Это, например, блага дорог, мостов и путепроводов; внутриквартальных проездов, подземных и наземных пешеходных переходов и эстакад; тоннелей; лестниц; городской мебели, посадочных площадок городского пассажирского транспорта, общедоступных мест для занятий физической культурой и т. п. Эти блага характеризуются определенной избирательностью, они полностью соответствуют признакам «неконкурентности» и «неизбирательности» до тех пор, пока нет «перегрузки» в потреблении.

Полезный эффект этих благ ощущается не только в момент их потребления, но и в наличии у индивидов уверенности, что блага будут доступны «всем и каждому» как сегодня, так и в будущем, т. е. непрерывно и долговременно. Отсутствие такой уверенности приводит к неопределенности в планировании своей деятельности в будущем и возможных затратах личного времени. Для данного анализа существенно то, что хотя предлагаемая производителями полезность этих благ регламентируется различными нормативными документами (градостроительными, социальными стандартами), часто она зависит от финансовых возможностей местных органов власти (поставщиков благ), и в тех поселениях, где финансовые возможности малые, блага часто производятся на уровне минимальной полезности. Потому доступная полезность благ в одних поселениях может существенно отличаться от той, которая предлагается в других поселениях (даже в частях одного поселения), и индивиды, соответственно, могут нести различные затраты личного времени, иметь разный комфорт при потреблении, т. е. не имеют возможности получать равную выгоду. Отдельные блага, которые для потребителей выступают в виде «контекста» (к ним можно отнести блага бульваров; набережных; культурно-исторических достопримечательностей (монументы, памятники; фонтаны) и в целом городского ландшафта, можно одновременно отнести к тем, которые для потребителей выступают в виде «запаса»;

- блага типа «запаса», это те блага, полезный эффект которых для индивидов выступает в виде некоего запаса знаний, здоровья, впечатлений и т. п. Эти блага характеризуются определенной избирательностью и относятся к социально значимым смешанным благам (блага бесплатного образования, здравоохранения, часть благ культуры (музеи, стадионы и др.). Полезный эффект этих благ ощущается не только в момент их непосредственного потребления, но и в течение всей жизни. Предлагаемая полезность подобных благ в том или ином поселении также зависит от финансовых возможностей поставщиков благ, что влияет, например, на полезность их активов; на уровень профессионализма работающих там специалистов (она может существенно отличаться в одних поселениях от той, которая предлагается в других поселениях) и, очевидно, что от этого индивидам доступна не равная выгода.

Оценка получаемого конкретными индивидами полезного эффекта осуществляется по тем критериям, которые являются существенным для каждого

из них, но с позиций становления общества знаний можно выделить три важных фактора, влияющих на эту оценку.

Первый фактор определяется «целью» потребления благ. Цели, как и блага бывают конечные и промежуточные, и не всегда они равно значимы для индивидов. Очевидно, что большинство общественных благ типа «контекста» и «запаса» – это промежуточные блага (промежуточные блага – это блага, потребляемые (используемые) при производстве других благ [6]). Будучи промежуточными, они, за исключением отдельных благ типа «запаса» (например, благ музеев, парков, пляжей и т. п.), редко кому нужны сами по себе, и нужда в этих благах у индивидов возникает не из-за целей потребления самих этих благ, а только для достижения возможности своевременно (подготовлено) приступить к предстоящей некой другой их целевой деятельности («иной деятельности»), ради которой они и потребляются. Например, блага дорог необходимы индивидам в том случае, когда они с их помощью перемещаются к месту реализации этой «иной деятельности»; блага военной безопасности и т. п. необходимы индивидам в том случае, когда его отсутствие ставит под угрозу реализацию предстоящей «иной деятельности». Если же таких угроз нет, то и подобное благо не нужно. В то же время для производителей предлагаемые ими общественные блага являются конечными, и здесь возникает проблема согласования их интересов с интересами индивидов, что может влиять на затраты времени и комфорт при потреблении благ.

Второй фактор определяется тем, что предложение общественных благ безальтернативно, т. е. индивиды не имеют выбора и вынуждены потреблять только те блага, и ту их полезность, которую в данном месте предлагают производители. Эту доступную им полезность в одних случаях они могут оценить как удовлетворяющую их, а в других (например, при крайне низкой полезности благ, когда их потребление требует очень высоких затрат времени, противоречащих ожиданиям индивидов, или когда комфорт потребления вызывает неудовольствие т. п.), как не удовлетворяющую. Очевидно, что при наличии выбора, потребление благ с низким уровнем полезности было бы неприемлемо, но в условиях безальтернативного предложения индивиды вынуждены их потреблять (вынужденное потребление).

Третий фактор определяется тем, что при характеристике полезности благ следует различать:

а) полезность, создаваемую определенным набором (количеством) различных общественных благ, отражающую потенциальную возможность для индивидов в местах проживания (предложения) удовлетворять потребности в тех или иных видах благ. Назовем ее полезностью «выгоды», так как в тех поселениях, жители которых имеют возможность потреблять большее количество разнообразных общественных благ, они имеют возможность получить и больше выгод;

б) полезность конкретных (физических) активов того или иного блага, с помощью которых осуществляется удовлетворение потребности. Назовем ее полезность «активов».

Доступная индивидам полезность «выгоды» и полезность «активов» благ в каждом месте их предложения часто сильно различается, так как зависит от финансовых и иных возможностей тех, кто поставяет блага. Поэтому в тех случаях, когда предлагаемая полезность благ очень низкая (или их там вообще не предлагают), то жители поселения (его части) несут дополнительные издержки (денежных средств, личного времени и т. п.) в сравнение с теми, у кого есть

возможность потреблять блага с высоким уровнем полезности (подробнее см. [12]), что порождает проблему неравенства, в том числе и в возможности развития их человеческого капитала.

Поэтому при рассмотрении любых свойств общественных благ следует учитывать выгоды индивидов с позиций издержек на их потребление, т. е. с учетом:

а) полезности «активов», которая позволяет потреблять блага с удовлетворяющими индивидов затратами времени и комфорта, или с не удовлетворяющими затратами времени и комфорта;

б) той полезности «выгоды», которая позволяет потреблять блага по месту жительства, или когда индивидам требуются дополнительные затраты времени и денежных средств для перемещения в другое место потребления;

в) обеспечения ими возможности своевременно (подготовлено) приступить к некой предстоящей «иной деятельности».

Очевидно, что каждое из этих условий значимо само по себе, но возможность своевременно (подготовлено) приступить к некой предстоящей «иной деятельности» выступает как основная цель, на которую направлен конечный интерес индивида, а потребление самих общественных благ, в том числе и предстоящие затраты денежных средств, времени и комфорт (а при высокой настоятельности и вынужденное потребление), выступают как опосредованные, промежуточные цели. Возникновение мотива начинаются с оценки возможности своевременно (подготовлено) приступить к предстоящей «иной деятельности», которая формирует установку, побуждающую к действию в отношении потребления общественных благ. В этой установке достижение возможности своевременно (подготовлено) приступить к предстоящей «иной деятельности» составляют мотивационное обуславливание, а текущее потребление общественных благ составляет мотивационное опосредование. То есть мотивационно обусловленные цели предшествуют мотивационно опосредованным и побуждают индивида к деятельности по потреблению благ, и без этих мотивационно обуславливающих целей их потребление не имеет смысла. Получается, что потребление «промежуточных» общественных благ как бы «встроено» в действие индивида по достижению возможности своевременно (подготовлено) приступить к «иной деятельности», т. е. оно, по сути, являются частью (этапом) этих действий.

При этом при потреблении общественных благ каждому индивиду свойственно использование своего личного время наиболее рационально. И в этом стремлении рационально использовать свое личное время у индивидов проявляются черты свойственные экономическим агентам, действующих в условиях рынка. Суть в том, что в момент потребления индивиды буквально обменивают свое личное время на полезный эффект благ (подробнее см. [14]), и эти затраты могут существенно влиять на суточную структуру затрат их личного времени.

Если рассмотреть эту структуру, то помимо затрат на работу, на непреложные обязанности и использование его по своему усмотрению, есть затраты, которые для любого индивида неизбежны, и которые так или иначе, но влияя на использование всего суточного бюджета. Эти затраты возникают в том числе и при потреблении общественных благ. Они включает затраты времени, связанные с:

1) передвижением к месту потребления благ (например, передвижение к школе, месту работы, больнице, стадиону или в случае, когда в поселении нет школы, больницы и т. п., а если благо по месту жительства не производится, то в другое поселение;

2) ожиданием потребления, которое бывает вызвано или очередью (например, на прием к врачу, или на получение лечебных процедур, или расписанием работы производителя благ и др.);

3) непосредственным использованием активов благ по назначению для получения полезного эффекта.

Все эти неизбежные затраты не могут быть отклонены индивидами и не могут быть использованы ни на какие другие цели. Их можно отнести к «пассивным» затратам личного времени, а оставшееся в суточном бюджете личное время можно отнести к «потенциально эффективному», так как каждый индивид может использовать его таким образом, чтобы его деятельность в это время была связана или с досугом, или способствовала улучшению его благосостояния, или получению знаний, умений навыков, или с действиями по своему усмотрению. Величина «потенциально эффективного» времени становится важным условием для непрерывной реализации процесса познавательной деятельности.

С позиций индивида затраты 1 и 3 в тех случаях, когда они его устраивают, можно отнести к «приемлемым», а в других, когда они его не устраивают, к «неприемлемыми». В дальнейшем остановимся только на анализе «неприемлемых» затрат.

Так как понятиями «устраивают» или «не устраивают» в анализе сложно оперировать, будем исходить из того, что те затраты 2 и затраты 3, которые выше нормативных, т. е. установленных в градостроительных и других стандартах (например, норматив времени на пешеходную доступность школ, поликлиник и т. п.), или превышающие привычные, сформировавшихся за период длительного потребления, следует отнести к «неприемлемыми». Такие же «неприемлемые» затраты возникают в тех случаях, когда по месту жительства отсутствует предложение тех или иных общественных благ, из-за чего индивидам необходимо ехать в другое поселение и т. п., или когда полезность доступных активов благ крайне низкая, и это их состояние или затрудняет или вообще не позволяет пользование ими. Проблема здесь в том, что те затраты личного времени, которые в составе «неприемлемых» затрат превышают нормативные, индивиды вынуждены покрывать за счет перераспределения своего суточного бюджета «потенциально эффективного» времени, и это время для них безвозвратно потеряно. В то же время познавательная модель XXI в. отражает изменения отношения индивида к выделению в структуре бюджета личного времени не свободного времени и времени, занятого на производстве, а доли в нем «потенциально эффективного» времени, так как его величина: а) определяет возможность для индивидов своевременно (подготовлено) приступить к некой предстоящей «иной деятельности»; позволяет им осуществлять потребление благ «в подходящее для них время». Эта возможность становится самостоятельной потребительной ценностью, а величина «потенциально эффективного» времени для индивидов общества знаний становится особым редким ресурсом.

Величина этого редкого ресурса для индивидов в каждом поселении (частях одного поселения) зависит от многих обстоятельств, но проблема здесь в другом. В каждом месте предложения благ при многократном и длительном их потреблении у индивидов формируется представление о полезности каждого блага, в том числе и о необходимых затратах времени (уровне комфорта) на их потребление. Они к этим затратам и уровню комфорта «привыкают», учитывают их в своих планах. Но при сравнении этих их затрат с затратами тех

индивидов, которые живут в других поселениях, где полезность «выгоды» и полезность «активов» благ более высокая, у них, из-за безвозвратных потерь части своего «потенциально эффективного» времени, снижаются возможности использовать его по своему усмотрению, в том числе и для повышения своего человеческого потенциала. И те индивиды, которые имеют возможность ежедневно нести более низкие затраты «пассивного» времени (и соответственно, иметь большие запасы «потенциально эффективного»), как потребители оказываются в исключительном положении по отношению к тем, у которых этой возможности нет (т. е. они владеют определенным монопольным ресурсом), что формирует между ними неравенство. Возникает проблема справедливости. Поэтому в условиях становления общества знаний можно сформулировать следующий моральный принцип: в любом месте предложения общественных благ мера справедливости должна определяться не правом беспрепятственной (равной) *доступности* к ним, но и правом получать *равную выгоду* от потребления этих благ. Эта выгода должна соотноситься не только с теми потенциальными возможностями, которые создаются для индивидов минимизацией затрат «пассивного» времени, но в тех условиях, когда затраты времени сложно или даже невозможно привести к приемлемым, с компенсацией потерь «потенциально эффективного» времени (подробнее см. [12]).

Этот вывод поддерживается и тем, что каждый житель страны, в обмен на поставку государством (муниципалитетом) общественных благ платит налоги по равным, установленным государством (муниципалитетом) ставкам, и, исходя из этого, у него также есть моральное право на получение равного инвестиционного эффекта от использования переданных им в бюджет средств.

Невозможность получения равной выгоды не только приводит к проблеме неравенства, но в условиях, когда неуклонно растет рациональность индивидов высокие затраты «пассивного» времени ведут к нарастанию недовольства условиями их жизнедеятельности, и индивиды будут осознанно или неосознанно считать себя обманутыми. В целом эта ситуация может привести к негативным экономическим последствиям, например, миграции жителей из тех поселений, где затраты времени и комфорта неприемлемы в те, где эти затраты и комфорт устраивают индивидов и, соответственно, к снижению конкурентоспособности поселения, так как она во многом зависит от уровня человеческого капитала жителей и т. п. Поэтому следует признать, что в условиях становления и развития общества знаний важно, чтобы у каждого индивида было наличие такого запаса «потенциально эффективного» времени, использование которого создавало бы для «всех и каждого» равные возможности в том числе и для роста их человеческого капитала (или возможность компенсации потерь). Это требование не всегда возможно реализовать, если не исходить из принципа *повсеместного* (а не только для отдельных регионов или страны в целом) создания такого потенциала общественных благ, при котором у индивидов будут равные возможности для развития человеческого капитала.

Этот вывод становится особенно актуальным в современных условиях, когда: «Дискуссия о модели роста мировой экономики вышла за рамки экономического знания в междисциплинарное пространство...Предметом исследования становится не подсчет производимых товаров и услуг, а управление всем контуром национального богатства, куда в первую очередь входит социальный (человеческий) капитал... Мировой рынок больше не рассматривается нацио-

нальными системами как способ извлечения прибыли (товарная конкуренция). Критерием эффективности становится способность общества масштабировать себя...» [1].

Таким образом, при производстве общественных благ необходимо учитывать, что:

- интересы индивидов в отношении потребления благ связаны не столько с потреблением самих благ, сколько с возможностью своевременно (подготовлено) приступить к некой предстоящей «иной деятельности», ради которой они потребляют общественные блага;
- в поведении индивидов при потреблении общественных благ есть черты свойственные экономическим агентам, действующих в условиях рынка и они должны быть убежденным как в данный момент, так и в будущем, что они будут иметь возможность использовать свой редкий ресурс (личное время) наиболее рационально, и достигнут цели предстоящей «иной деятельности», ради которой они потребляют блага с теми затратами (времени и комфорта), которые их устраивают;
- в каждом конкретном месте предложения благ все индивиды могли бы как в данный момент, так и в будущем иметь возможность получать равную выгоду от обмена этого редкого ресурса на полезность благ;
- исходить из принципа *повсеместного* создания такого потенциала общественных благ, при котором у индивидов будут равные возможности для развития человеческого капитала.

Исходя из этих положений рассмотрим является ли признаки «неконкурентность» и «неисключаемость» «существенными свойствами» общественных благ или это только условия, характеризующее их доступность? Различают «два смысла выражения «существенное свойство»:

1) важность, значимость свойства одного предмета для другого предмета, в частности, для удовлетворения тех или иных потребностей человека;

2) свойство, определяющее характер, природу и направление развития предмета, безотносительно к тому, какое значение имеет данное свойство для других предметов» [11, с. 22].

«Неконкурентность» и «неисключаемость» не объясняет возможность (обеспечение) «удовлетворение тех или иных потребностей человека», и «не определяют характер, природу и направление развития предмета, безотносительно к тому, какое значение имеет данное свойство для других предметов». «Неконкурентность» и «неисключаемость» это формальные признаки, указывающие только на однозначную принадлежность данного блага к общественным, т. е. отражающие те их свойства, по которым их «можно узнать, определить или описать, которая служит его приметой, знаком» [9], безотносительно к реальному положению дел с их поставкой и получаемыми индивидом выгодами.

Эти признаки не приводят к тем следствиям, которые следуют из признаков «конкурентности» («потребление таких благ одним лицом не дает возможности получить выгоду от их потребления другим») и «исключаемости» («потребление частного блага одним лицом делает невозможным его потребление другими лицами, не заплатившими за него») для *частных благ*. Из содержания этих признаков для частных благ достаточно однозначно следует, что получения выгод одним лицом и невозможность получения их другим возможно только в том случае, если у первого есть права определяющие возможности владения,

пользования и распоряжения этим благом, а также существуют юридические возможности защиты этих его прав, а само возникновение прав владения, пользования и распоряжения стало следствием обмена, когда потребительское благо, являющееся собственностью одного участника экономической деятельности становится собственностью другого. Особенности этого обмена является для потребителя то обстоятельство, что он добровольный, и возможен только в том случае, когда потребительные свойства блага соответствуют его предпочтениям, а сам обмен осуществляется на такой эквивалент, который интересуют продавца (деньги). Цель обмена для потребителя – удовлетворение потребности в данных благах, а для продавца, чтобы цена блага не только окупала затраты на его производство, но и позволяет получить прибыль и т. п. То есть в момент потребления частных благ признаки «конкурентности» и «исключаемости» полностью соответствуют сути существенных свойств, которые основаны на праве собственности на благо, возникающего в результате обмена.

Из «неконкурентности» и «неисключаемости» *общественных благ* следует, что эти блага в момент потребления доступны одновременно «всем и каждому» и доступны бесплатно, и никому из потребителей нет экономического смысла присваивать эти блага в собственность, чтобы присвоив, и не изменив их предназначения, потом предлагать их также бесплатно «всем и каждому». В результате обмена на налоги государство осуществляет поставку благ и получение «всем и каждому» возможности бесплатно, многократного и в длительном периоде их потреблять, а уже кто конкретно, когда и как часто будет этой возможностью пользоваться, и будет ли при этом эффективно (не эффективно) использовать личное время индивидов, поставщика благ интересует во вторую очередь.

Но момент поставки благ государством, муниципалитетом в обмен за взимаемые с индивидов налоги в большинстве случаев по времени разорван с моментом потребления и в этот момент не воспринимается как обмен. В момент же потребления происходит другой обмен: обменивается личное время индивидов на полезность благ. Главная цель этого обмена для индивидов не удовлетворение потребности в общественных благах, а в возможности своевременно (подготовлено) приступить к некой предстоящей «иной деятельности», ради которой они и потребляются. И так как при потреблении общественных благ в действиях индивидов есть черты свойственные экономическим агентам, то для них важна не только доступность к благам, но и доступная при этом полезность «выгоды» и полезность «активов», чтобы они имели возможность планировать рациональное использование своего личного времени.

То есть, существующее формулировки признаков «неконкурентности» и «неисключаемости» по своему содержанию соответствуют задачам, решаемых на этапе поставки благ, но не соотносятся как с теми задачами и особенностями, которые становятся существенными для индивидов в момент удовлетворения потребности, так и с ролью общественных благ в становлении и развитии общества знаний. То есть сегодня в своей традиционной формулировке они не отражают их существенные свойства.

Поэтому содержание этих базовых признаков общественных благ следует расширить, отразив в формулировках особенности, свойственные как этапу поставки, так и этапу потребления. Сформулировать их сущность можно следующим образом: «неконкурентность» означает то, что благо будучи даже потребленным одним лицом, оно при этом доступно для потребления другим, и во всех местах

их предложения, как в данный момент, так и в будущем индивидам доступна такая их полезность, которая обеспечивает возможность получения равных выгод; «неисключаемость» означает то, что индивиды включенные в состав некоего сообщества потребителей не могут быть не только исключены из него, но при этом они не могут быть исключены их возможности получения такой полезности благ, которая обеспечивает возможность получения равных выгод.

Список использованных источников

1. Китай вышел на большую дорогу [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://oko-planet.su/politik/politikmir/472044-kitay-vyshel-na-bolshuyu-dorogu.html>. – Дата доступа: 02.01.2019.
2. Колесов, Д. Оценка объекта: черты, свойства, качества [Электронный ресурс] / Д. Колесов. – Режим доступа: http://rl-online.ru/articles/rl01_06/512.html. – Дата доступа: 27.01.2019.
3. Контекст. Материал из Википедии – свободной энциклопедии [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://ru.wikipedia.org/wiki>. – Дата доступа: 27.11.2012.
4. Лукина, Н. П. Информационное общество: состояние и перспективы социально-философского исследования [Электронный ресурс] / Н. П. Лукина. – Режим доступа: <http://huminf.tsu.ru/e-jurnal/magazine/1/lukina.htm>. – Дата доступа: 27.11.2012.
5. Маркс, К. Экономическо-философские рукописи 1844 года [Электронный ресурс] / К. Маркс, Ф. Энгельс // Собр. соч. – 2-е изд. – Т. 42. – С. 121. – Режим доступа: <http://www.uaio.ru/marx/42.htm>. – Дата доступа: 12.01.2020.
6. Общественное производство: сущность, цели и условия организации. Блага, их экономическое содержание и классификация [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://economy-bases.ru/t2r1part8.html>. – Дата доступа: 26.12.2018.
7. Рубинштейн, А. Я. К теории рынков опекаемых благ [Электронный ресурс] / А. Я. Рубинштейн. – Режим доступа: <http://naukarus.com/k-teorii-rynkov-opekaemyh-blag-statya-2-sotsiodinamicheskoe-opisanie-rynkov-opekaemyh-blag>. – Дата доступа: 28.12.2020.
8. Самуэльсон, П. Э. Экономика: учеб. пособие: пер. с англ. / П. Э. Самуэльсон, В. Д. Нордхаус. – 16-е изд. – М.: Изд. дом «Вильямс», 2000. – 688 с.
9. Толковый словарь Ушакова [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://dic.academic.ru/dic.nsf/ushakov/972326>. – Дата доступа: 28.12.2020.
10. Фишер, С. Экономика: пер. с англ. / С. Фишер, Р. Дорнбуш, Р. Шмалензи. – 2-е изд. – М.: «Дело ЛТД», 1993. – 864 с.
11. Формальная логика: учебник. – Ленинград: Изд-во Ленинградского университета, 1977. – 358 с.
12. Харевич, Г. Л. Локальные общественные блага и их роль в формировании бюджета личного и свободного времени человека в постиндустриальном обществе // Г. Л. Харевич // Научные труды Республиканского института высшей школы. – Вып. 14. – Минск: РИВШ: 2015. – С. 363–370.
13. Харевич, Г. Л. Оценка потенциала среды общественных благ / Г. Л. Харевич // Научные труды Республиканского института высшей школы. – Вып. 17. – Минск: РИВШ, 2018. – С. 394–404.
14. Харевич, Г. Л. Специфика обмена в сфере производства/потребления общественных благ / Г. Л. Харевич // Научные труды Академии управления при Президенте республики Беларусь. – Вып. 7. – Минск: Академия управления при Президенте Республики Беларусь, 2009. – С. 288–312.

(Дата подачи: 15.02.2021 г.)

Е. В. Шарпа

Республиканский институт высшей школы, Минск

E. V. Sharapa

Republican Institute of Higher School, Minsk

УДК 334.723

ФОРМЫ И МЕХАНИЗМЫ ГОСУДАРСТВЕННО-ЧАСТНОГО ПАРТНЕРСТВА В СФЕРЕ ПРОФЕССИОНАЛЬНОГО ОБРАЗОВАНИЯ РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ

FORMS AND MECHANISMS OF PUBLIC-PRIVATE PARTNERSHIP IN THE SPHERE OF PROFESSIONAL EDUCATION OF THE REPUBLIC OF BELARUS

В мировой практике существует множество различных подходов к структурированию форм и механизмов реализации проектов государственно-частного партнерства (ГЧП) в сфере профессионального образования. Автором статьи предпринята попытка систематизировать эти подходы, а также разработать объективную типологию форм и механизмов ГЧП в сфере профессионального образования Республики Беларусь на основе передового мирового опыта с учетом особенностей национального законодательства.

Ключевые слова: государственно-частное партнерство (ГЧП); профессиональное образование; формы ГЧП; механизмы ГЧП.

In the practice of organizing various approaches to the structure and implementation of public-private partnership (PPP) projects in the field of professional education. The author of the article made an attempt to systematize these approaches, as well as to use an objective typology of forms and mechanisms for the formation of PPP in the field of professional education of the Republic of Belarus on the basis of advanced world experience, taking into account national legislation.

Keywords: public-private partnership (PPP); professional education; forms of PPP; PPP mechanisms.

ГЧП обеспечивает повышение эффективности расходования бюджетных средств и улучшает качество государственных услуг. Эффективность ГЧП в различных видах экономической деятельности подтверждается в реализации многочисленных проектов по всему миру.

Одной из важнейших сфер применения ГЧП является профессиональное образование, поскольку оно является важнейшим источником формирования кадрового потенциала страны. ГЧП в профессиональном образовании представляет собой систему «средне- и долгосрочных отношений между государством (субъектами его представляющими) и субъектами бизнеса (частного сектора экономики) по реализации проектов в сфере профессионального образования и научно-исследовательской деятельности на основе объединения ресурсов и распределения доходов или неимущественных выгод, расходов и рисков» [1].

Зарубежный опыт ГЧП позволяет сделать вывод, что степень конкретного участия государственного и частного партнёров в таких проектах и условия их сотрудничества могут существенно различаться. В этой связи существует множество различных подходов к структурированию форм и механизмов реализации проектов ГЧП. Неоднородность подходов к определению предпочти-

тельных форм и механизмов ГЧП в сфере профессионального образования, отсутствие в стране реализованных проектов ГЧП и системной стратегии их реализации в этой сфере, дефицит работ отечественных авторов по данной тематике определили актуальность разработки объективной типологии форм и механизмов ГЧП в сфере профессионального образования Республики Беларусь на основе передового мирового опыта с учетом особенностей национального законодательства.

Применительно к ГЧП организационно-правовая *форма* – это юридически закреплённая система отношений между государственным и частным партнёром, регламентирующая их права, обязанности, ответственность и фиксирующая способ использования имущества. В рамках выбранной формы ГЧП *механизмы реализации* представляют собой инструмент взаимодействия, определяющий принципы, правила и последовательность выполнения определенных действий между различными субъектами ГЧП, ограниченный объемом и/или сферой их интересов и нормативно-правовыми актами [2, с. 73].

Наличие определенных форм и механизмов в каждой стране определяется спецификой существующих институциональных условий, а также различными потребностями участников партнерства в рамках отдельного проекта и конкретными задачами, решаемыми с помощью взаимодействия государственного и частного секторов.

Не существует полного перечня и точного описания существующих форм и механизмов ГЧП, от страны к стране их облик может существенно меняться.

Наиболее широкое распространение в мировой практике получило выделение среди всех вариантов сотрудничества государства и бизнеса в рамках ГЧП двух форм: *институциональной* и *контрактной*. Институциональная форма реализуется путем совместного участия государственного и частного партнеров в капитале и иного долевого участия, т. е. создание хозяйственных обществ, совместных предприятий и т. п. Контрактная форма основана на договорных отношениях (контракты на управление, строительство, эксплуатацию объектов, аренда, концессия и т. д.), сохраняющих государством право собственности на объект соглашения.

Данная классификация положена в основу типологии форм ГЧП Европейской экономической комиссией Организации Объединенных Наций (ЕЭК ООН), а также применена на законодательном уровне во многих государствах – членах СНГ, и в том числе, в Республике Беларусь. Так, в соответствии с Законом Республики Беларусь «О государственно-частном партнерстве» от 30.12.2015 № 345-З (далее – закон о ГЧП) ГЧП может быть реализовано в отношении объектов инфраструктуры в договорной (контрактной) форме посредством заключения и исполнения *соглашения о ГЧП*, и институциональной форме посредством создания специальной проектной компании или совместного предприятия, с которыми заключается соглашение ГЧП [3].

Кроме соглашения о ГЧП, инфраструктурные проекты в Республике Беларусь могут быть реализованы в иных формах с признаками ГЧП. К таким формам относятся концессионный договор, инвестиционный договор, договор на право проектирования и строительства. Однако в указанных формах взаимодействия отсутствует ряд признаков, существенных в соответствии с белорусским законодательством для ГЧП:

- государство и частный сектор выступают в качестве равноправных партнеров;

- государство может осуществлять свой вклад в проект ГЧП в виде оцениваемых освобождений от тех или иных обязанностей, установленных для стандартных условий хозяйствования и (или) платежей из бюджета;
- государство выплачивает вознаграждение частному партнеру в рамках проекта ГЧП [4, с. 18].

Таким образом, типология форм ГЧП в Республике Беларусь может быть представлена на рисунке 1.

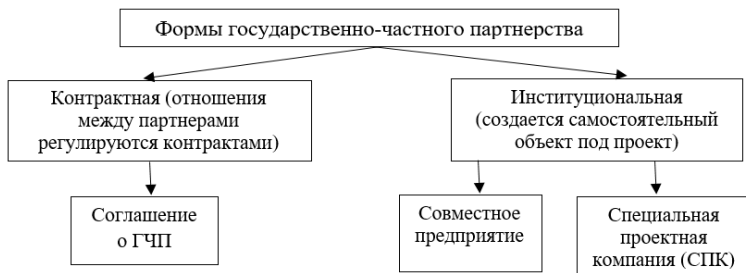

Рис. 1. Типология форм ГЧП в Республике Беларусь

В профессиональном образовании формы и механизмы ГЧП определяются рядом *критериев*, важнейшими из которых являются:

1) объект партнерства, на который направлены действия государственного и частного партнеров. Объектами партнерства в профессиональном образовании могут быть земельные участки, здания, сооружения, оборудование и т. п. При реализации проектов ГЧП в сфере науки объектами партнерства могут быть также продукты интеллектуального и творческого труда, поскольку они являются объектами права собственности [5, с. 121];

2) отношения собственности (владение, пользование, распоряжение), поскольку во многих странах из-за ограничений в законодательстве отсутствует возможность передать бизнесу в постоянное распоряжение собственность учреждений образования;

3) обязательства частного партнера, которые в сфере профессионального образования можно разделить на две группы:

- выполняемые работы по строительству, реконструкции, модернизации, расширению объекта партнерства;
- деятельность (кроме строительных работ) с использованием объекта партнерства (обслуживание, управление, эксплуатация, предоставление услуг).

Эти критерии легли в основу различных подходов к типологизации ГЧП в профессиональном образовании в мировой практике.

Поскольку во многих странах из-за ограничений в законодательстве отсутствует возможность передать бизнесу в постоянное распоряжение объекты инфраструктуры государственных учреждений профессионального образования, преимущественной в мировой практике формой ГЧП в сфере профессионального образования является контрактная форма, в рамках которой возможна реализация различных механизмов.

Так, Всемирным банком выделяется 5 основных механизмов ГЧП в области образования: ваучерные программы, контракты на услуги в сфере образования,

профессиональные и вспомогательные услуги (аутсорсинг), частное управление государственными учреждениями образования, участие частного партнера в создании инфраструктуры [6].

Международной аудиторско-консалтинговой компанией Ernst & Young выделены 4 основных механизма ГЧП в сфере профессионального образования:

1) операционный контракт (краткосрочный или среднесрочный контракт с частным партнером на операционные услуги);

2) долгосрочная аренда объекта образовательной инфраструктуры частной компанией, которая берет на себя обязательства по созданию, эксплуатации и обслуживанию объекта;

3) долгосрочная концессия с частным партнером на строительство, эксплуатацию, обслуживание и финансирование проекта в обмен на ежегодные платежи, подлежащие сокращению за неисполнение;

4) долгосрочная концессия с частным партнером на строительство, эксплуатацию, обслуживание и финансирование проекта в обмен на право получения доходов, связанных с проектом [7].

Ряд ограничений законодательства затрудняют использование институциональной формы и в Республике Беларусь. К таким ограничениям относится, в первую очередь, тот факт, что у государственных учреждений образования отсутствует возможность передать бизнесу объекты инфраструктуры в постоянное распоряжение. Так, в соответствии с Законом Республики Беларусь «Об объектах, находящихся только в собственности государства, и видах деятельности, на осуществление которых распространяется исключительное право государства» от 15.07.2010 № 169-З «объекты инфраструктуры для размещения и обеспечения функционирования государственных учреждений образования, а также организаций, деятельность которых направлена на обеспечение функционирования системы образования, приватизации не подлежат» [8]. Поэтому если речь идет о модернизации и дальнейшей эксплуатации инфраструктуры образовательного учреждения, отношения собственности частного партнера будут определены только как «пользование» и «распоряжение» [9, с. 368]. Кроме того, фактически право на самостоятельное распоряжение имуществом у таких учреждений отсутствует, поскольку им в соответствии со статьей 278 Гражданского кодекса Республики Беларусь предоставлено право распоряжаться имуществом только с согласия собственника (государственных органов), т. е. у самого учреждения профессионального образования имеется только ограниченное вещное право – *право оперативного управления*.

Важным моментом является также тот факт, что «средства, полученные бюджетными организациями от приносящей доходы деятельности, расходуются строго по целевому назначению в соответствии со сметами доходов и расходов внебюджетных средств» [10]. К таким целям относится обеспечение реализации конституционных прав граждан в сфере образования, осуществление социально-культурных и иных функций в сфере образования [11]. Следовательно, такое отношение собственности как «владение» в сфере профессионального образования для частного инвестора интереса не представляет, поскольку, с одной стороны, ограничено фактическим отсутствием прав на самостоятельное распоряжение имуществом учреждения профессионального образования, а с другой стороны – подчинено строгому расходованию средств в соответствии с целями учреждения образования.

На данном этапе экономического развития в сфере профессионального образования Республики Беларусь наиболее целесообразным представляется применение контрактной формы ГЧП. Возможными её механизмами в профессиональном образовании с учетом мирового опыта, особенностей национального законодательства, а также степени вовлечения частного партнера в проект и передачи рисков проекта от государства частному сектору, по мнению автора, могут быть:

1) «Контракт на управление и эксплуатацию» (*Operation and Management Contract – O&M*) – соглашение между государственным учреждением профессионального образования и частной организацией, в соответствии с которым ответственность за управление и эксплуатацию инфраструктурного объекта учреждения профессионального образования передается частному сектору. Контрактный период определяется соглашением о ГЧП. Вознаграждение частному сектору выплачивается на фиксированной или дифференцированной основе, с учетом премий, связанных с достижением конкретных целевых показателей. Финансовые риски несет государство. Этот тип контракта позволит государству увеличить эффективность как самого процесса предоставления услуг потребителям, так и инвестиций в образовательную инфраструктуру. Причиной является большая заинтересованность частного партнера в повышении качества услуг для сокращения общих издержек [12, с. 37].

Примером такого партнерства может быть заключение между учреждением профессионального образования и специализированной компанией контракта на комплексное техническое обслуживание зданий или сооружений учреждения образования, которое может включать в себя электроснабжение, водоснабжение, отопление, водоотведение, вентиляцию, кондиционирование и т. п. Также возможен контракт на услуги по уборке помещений и территории объектов профессионального образования. В настоящее время на рынке представлен ряд компаний, готовых предоставить целый комплекс услуг подобного рода «под ключ»;

2) «Арендный договор» (*Leasing*) – соглашение, при котором частная организация получает доходы, генерируемые инфраструктурным объектом государственного учреждения профессионального образования, в обмен на фиксированные арендные платежи и обязанность эксплуатировать объект, поддерживая его в работоспособном состоянии (эксплуатационной готовности). Поскольку при этом риски спроса принимает на себя частная сторона, то она, безусловно, заинтересована в достижении максимальной эксплуатационной эффективности. Однако данное соглашение может стать прибыльным для частной компании только в том случае, если оказываемые ею при эксплуатации инфраструктурного объекта услуги будут отвечать требованиям, предъявляемым со стороны пользователей этими услугами. У государства при этом остаются строительные риски по модернизации объекта и капитальному ремонту, а также финансовые риски.

Такая модель ГЧП является наиболее подходящей при оказании учреждениями профессионального образования услуг питания и проживания. Объектами инфраструктуры, передаваемыми в аренду частному сектору, в данном случае будут являться студенческие столовые и общежития;

3) *строительство новых объектов инфраструктуры (Greenfield projects).*

Наиболее распространенной в мировой практике вариацией данного механизма является «Строительство, эксплуатация и передача» (*Build, Operate and Transfer – BOT*). В этом случае частный сектор берет на себя ответственность за строительство и эксплуатацию инфраструктурного объекта. Объединение при

этом всех возможных на разных стадиях реализации проекта рисков в рамках одного договора, с одной стороны, не требует от государства значительных бюджетных ассигнований на эксплуатацию объекта, а с другой, – побуждает частную сторону к увеличению эффективности реализации такого проекта. Данный механизм обязывает частную организацию принимать во внимание операционные затраты на этапе строительства, чем стимулирует к лучшему планированию и управлению бизнес-процессами внутри организации. В этом варианте ГЧП государство принимает на себя финансовые риски, однако, в отличие от других механизмов ГЧП, теряет контроль на важных этапах жизненного цикла инфраструктурного объекта. Кроме того, поскольку право собственности на объект передается государству, то спецификация требуемых характеристик объекта (качества предоставляемых услуг) является необходимой, для получения желаемого результата обеими сторонами.

Модель BOT подходит для строительства учебных и производственных корпусов, лабораторий, общежитий учреждений профессионального образования.

Для отражения специфических нужд проекта ГЧП механизм BOT может быть трансформирован в «Строительство, аренда, эксплуатация и передача» (Build, Lease, Operate and Transfer – BLOT) или «Строительство, передача и эксплуатация» (Build, Transfer and Operate – BTO). Также возможен механизм «Проектирование, строительство, финансирование, управление и передача» (Design, Build, Finance, Operate and Transfer – DBFOT), который предполагает ответственность частного партнера не только за строительство и эксплуатацию объекта инфраструктуры, но и за его проектирование и финансирование;

4) *реконструкция, реставрация, ремонт, модернизация существующих объектов инфраструктуры*. По сути, данный механизм схож с предыдущим, однако он предполагает не создание частным партнером нового объекта инфраструктуры, а улучшение имеющегося. Вариациями такого механизма могут быть «Реконструкция, эксплуатация и передача» (Reabilite, Operate and Transfer – ROT) и «Реконструкция, передача и эксплуатация» (Reabilite, Transfer and Operate – RTO).

Таким образом, в соответствии с действующим законодательством ГЧП в Республике Беларусь может быть реализовано в контрактной форме посредством заключения и исполнения соглашения о ГЧП, и институциональной (корпоративной) форме посредством создания специальной проектной компании или совместного предприятия, с которыми заключается соглашение ГЧП.

В сфере профессионального образования Республики Беларусь применение институциональной формы ГЧП на данном этапе экономического развития затруднено. Для развития институциональной формы ГЧП, связанной с участием учреждения профессионального образования в создании юридических лиц, со стороны государства целесообразно определить организационно-правовую форму и цели такого участия; условия участия учреждения профессионального образования в создании других юридических лиц; виды имущества, которое может быть вложено в качестве вклада в уставной капитал вновь создаваемого юридического лица и максимальный объем участия; порядок распределения доходов от деятельности созданного юридического лица.

В настоящее время применение контрактной формы ГЧП в профессиональном образовании Республики Беларусь представляется наиболее целесообразным. Возможными её механизмами с учетом мирового опыта, особенностей национального законодательства, а также степени вовлечения частного партнера в проект и передачи рисков проекта от государства частному сектору могут быть:

контракты на управление и эксплуатацию (О&М); договоры на основе аренды (Leasing); договоры, предполагающие строительство новых объектов инфраструктуры (Greenfield projects); договоры, предполагающие реконструкцию, реставрацию, ремонт, модернизацию существующих объектов инфраструктуры. Внесение в закон о ГЧП перечня возможных форм и механизмов ГЧП с учетом отраслевых особенностей, по мнению автора, будет способствовать успешному принятию решений по ГЧП-проектам.

Список использованных источников

1. *Варнавский, В. Г.* Партнерство государства и частного сектора / В. Г. Варнавский. – М.: Наука, 2005. – 260 с.
2. *Карлина, Е. П.* Государственно-частное партнерство: модели, формы и механизмы реализации / Е. П. Карлина, А. С. Коваленкова, М. А. Григорьев // Вестник АГТУ. Сер. Экономика. – 2018. – № 4. – С. 70–76.
3. О государственно-частном партнерстве [Электронный ресурс]: Закон Респ. Беларусь, 30 дек. 2015 г., № 345-З // Национальный правовой интернет-портал Республики Беларусь. – Режим доступа: <http://www.pravo.by/document/?guid=12551&p0=H11500345&p1=1>. – Дата доступа: 11.02.2021.
4. Практическое руководство для инвесторов «Государственно-частное партнерство в странах Евразийского экономического союза». – М.: Центр развития ГЧП, 2017. – 81 с.
5. *Ефремов, Д. Н.* Типология форм государственно-частного партнерства в сфере образования / Д. Н. Ефремов // Экономический журнал. – 2012. – № 25. – С. 120–128.
6. *Patrinos, H. A.* The Role and Impact of Public-Private Partnerships in Education [Electronic resource] / H. A. Patrinos, F. Barrera-Ororio, J. Guáqueta. – Mode of access: http://www.ungei.org/Role_Impact_PPP_Education.pdf. – Date of access: 12.02.2021.
7. Public Private Partnerships in Higher Education [Electronic resource]: Report by Ernst & Young / ed.: K. Lundy, H. Ladd, R. Gibbs. – Ernst & Young LLP, 2017. – 16 p. – Mode of access: <https://cdn.ey.com/echannel/parthenon/pdf/perspectives/EY-Parthenon-P3s-business-of-Highered.pdf>. – Date of access: 12.02.2021.
8. Об объектах, находящихся только в собственности государства, и видах деятельности, на осуществление которых распространяется исключительное право государства: Закон Респ. Беларусь, 15 июля 2010 г., № 169-З [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://kodeksy-by.com/zakon_rb_ob_obektah_nahodyawihsysa_tolko_v_sobstvennosti_gosudarstva.htm. – Дата доступа: 15.02.2021.
9. *Касперович, С. А.* Концессия как форма управления имуществом учреждений профессионального образования Республики Беларусь / С. А. Касперович, Е. В. Шарапа // Научные труды Республиканского института высшей школы. – 2020. – № 19. – С. 365–373.
10. О внебюджетных средствах бюджетных организаций [Электронный ресурс]: постановление Совета Министров Респ. Беларусь, 19 июля 2013 г., № 641 // ЭТАЛОН. Законодательство Республики Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2021.
11. Кодекс Республики Беларусь об образовании [Электронный ресурс]: 13 янв. 2011 г., № 243-З; принят Палатой представителей 2 дек. 2010 г.: одобр. Советом. Респ. 22 дек. 2010 г.: с изм. и доп. от 23 июля 2019 г., № 231-З // ЭТАЛОН. Законодательство Республики Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2021.
12. *Меркулина, И. А.* Методические материалы к программе обучения сотрудников органов государственного и местного управления «Подготовка и реализация проектов ГЧП: теория и практика» / И. А. Меркулина, В. В. Максимов, Т. Н. Коновалова. – Минск: ТРАНСПРОЕКТ Групп, 2019. – 89 с.

(Дата подачи: 25.02.2020 г.)

СОДЕРЖАНИЕ

ФИЛОСОФСКИЕ НАУКИ

<i>Баньковская Ю. Л.</i> СОЦИОКОММУНИКАТИВНЫЕ ОСОБЕННОСТИ УРЕГУЛИРОВАНИЯ СЕТЕВЫХ КОНФЛИКТОВ	3
<i>Беляева Е. В.</i> О СПЕЦИФИКЕ МОРАЛЬНОГО ДОВЕРИЯ И ЕГО КАТЕГОРИАЛЬНОМ СТАТУСЕ В ЭТИКЕ	8
<i>Головач А. А.</i> ДИНАМИКА ДЕМОГРАФИЧЕСКИХ ПРОЦЕССОВ В МИРЕ В НАЧАЛЕ ХХІ ВЕКА.....	14
<i>Гришкевич Е. В.</i> ФИЛОСОФСКО-МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ И СОЦИАЛЬНО-ТЕХНОЛОГИЧЕСКИЕ ПРЕДПОСЫЛКИ ГРАДОСТРОИТЕЛЬНОЙ РЕКОНСТРУКЦИИ СОВРЕМЕННОГО МЕГАПОЛИСА	21
<i>Клімовіч Г. І.</i> ІНВАРЫЯНТЫ НАЗВАЎ У СХАЛАСТЫЧНАЙ ТРАДЫЦЫІ.....	27
<i>Ксенофонтов В. А.</i> ВОИНСКАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ В КОНТЕКСТЕ НАЦИОНАЛЬНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ.....	33
<i>Мацевич-Духан И. Я.</i> КРЕАТИВНЫЙ КАПИТАЛ КАК ОБЪЕКТ СОЦИАЛЬНО-ФИЛОСОФСКОЙ КРИТИКИ	40
<i>Назаренко С. Д.</i> СОЦИАЛЬНО-КОММУНИКАТИВНЫЕ ПРАКТИКИ УНИВЕРСИТЕТА: ПРАКТИКА НАУЧНОГО РУКОВОДСТВА	45
<i>Наўмаў Д. І.</i> ГІСТАРЫЧНАЯ ПАЛІТЫКА У ГЛАБАЛІЗАЦЫЙНЫМ КАНТЭКСЦЕ: САЦЫЯЛЬНА-ФІЛАСОФСКІ АСПЕКТ	52
<i>Никулина Ю. В.</i> ПАРАДИГМАЛЬНЫЕ МОДЕЛИ НАУЧНОЙ КОММУНИКАЦИИ.....	58
<i>Новицкая Т. Е.</i> КОННЕКТИВНОЕ ДЕЙСТВИЕ В УСЛОВИЯХ МЕДИАТИЗИРОВАННОГО КОНФЛИКТА.....	64
<i>Познякова О. Л.</i> ДРАМА КАК КОГНИТИВНАЯ МЕТАФОРА В ЭКЗИСТЕНЦИАЛЬНО-АНТРОПОЛОГИЧЕСКОМ ИЗМЕРЕНИИ.....	71
<i>Середа Ю. П.</i> РИСКОВЕННАЯ РАЗМЕРНОСТЬ СОЦИОДИНАМИКИ: КОНЦЕПТУАЛЬНО-МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЙ АСПЕКТ	76
<i>Сидоренко И. Н.</i> ЗАРОЖДЕНИЕ И ЭВОЛЮЦИЯ ИДЕИ ИСТОРИЧНОСТИ В КЛАССИЧЕСКОЙ ФИЛОСОФИИ	82

<i>Тетёркин А. А.</i> О СОВМЕСТИМОСТИ УВАЖЕНИЯ К ДОСТОИНСТВУ ЧЕЛОВЕКА И ОЦЕНКИ КАЧЕСТВА ЧЕЛОВЕЧЕСКОЙ ЖИЗНИ В РАМКАХ МЕДИЦИНСКОЙ ПРАКТИКИ	89
<i>Чжэнвэй Фан.</i> РЕЦЕПЦИИ ФИЛОСОФИИ БУДДИЗМА В ТРАДИЦИОННЫХ ПРАКТИКАХ ФИЗИЧЕСКОЙ КУЛЬТУРЫ КИТАЯ.....	95
<i>Филиппович А. В.</i> ЭРА ВОДОЛЕЯ: ФИЛОСОФИЯ ИСТОРИИ НЬЮ ЭЙДЖ	101
<i>Шаврова О. Г.</i> ФИЛОСОФСКАЯ ГЕРМЕНЕВТИКА КАК МЕТОДОЛОГИЯ ГУМАНИТАРНОГО ПОЗНАНИЯ.....	108
<i>Шамякина М. В.</i> ОБРАЗ БУДУЩЕГО В ФИЛОСОФСКОМ АСПЕКТЕ	114
<i>Яскевич Я. С.</i> ВЫЗОВЫ ИНФОРМАЦИОННОГО ОБЩЕСТВА В КОНТЕКСТЕ ГЛОБАЛЬНОЙ КОММУНИКАЦИИ.....	119

ЭКОНОМИЧЕСКИЕ НАУКИ

<i>Архипова Л. И., Медведева Л. Ф.</i> ПРИНЦИПЫ AGILE В ЦИФРОВОЙ ТРАНСФОРМАЦИИ БИЗНЕСА	126
<i>Болтунь Г. С.</i> ПОВЫШЕНИЕ ЭФФЕКТИВНОСТИ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ ТРАНСФЕРТОВ МЕЖДУНАРОДНЫХ ФИНАНСОВЫХ ОРГАНИЗАЦИЙ: ДИАГНОСТИКА ОСНОВНЫХ ПРОБЛЕМ ПРИВЛЕЧЕНИЯ И ОСВОЕНИЯ ТРАНСФЕРТНЫХ ПОТОКОВ	139
<i>Брасс А. А.</i> ВЛИЯНИЕ РАЗНОНАПРАВЛЕННЫХ ФАКТОРОВ НА ДЕМОГРАФИЧЕСКУЮ СИТУАЦИЮ В МИРОВОЙ ЭКОНОМИКЕ И РЕСПУБЛИКЕ БЕЛАРУСЬ.....	146
<i>Вэй Вэнь.</i> ВНЕШНЕТОРГОВЫЕ ОТНОШЕНИЯ КНР И АВСТРАЛИИ	154
<i>Готовцева Е. А.</i> ПРОБЛЕМА ЦЕНТРАЛИЗАЦИИ И ДЕЦЕНТРАЛИЗАЦИИ МАРКЕТИНГОВЫХ ПРОЦЕССОВ ПРИ РАЗЛИЧНЫХ ФОРМАХ МЕЖФИРМЕННЫХ ОБЪЕДИНЕНИЙ	162
<i>Дауки И. А.</i> МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ АНАЛИЗА ВНЕШНЕЭКОНОМИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ ФАРМАЦЕВТИЧЕСКОГО РЫНКА РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ.....	169
<i>Климченя Л. С.</i> ЦИФРОВАЯ ЭКОНОМИКА КАК РЕЗУЛЬТАТ ЦИФРОВОЙ ТРАНСФОРМАЦИИ БИЗНЕС-ПРОЦЕССОВ	178

<i>Макарецакая Т. Д.</i> ЦИФРОВИЗАЦИЯ КАК НОВЫЙ ВЕКТОР ЭКОНОМИЧЕСКОГО РОСТА РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ	186
<i>Мальгина И. В.</i> «ЗЕЛЕННЫЕ» РАБОЧИЕ МЕСТА В МАЛОМ И СРЕДНЕМ ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСТВЕ.....	194
<i>Марцева С. В., Веренич Г. Д.</i> СУЩНОСТЬ И ВЗАИМОСВЯЗЬ ПОНЯТИЙ «ЗАТРАТЫ», «РАСХОДЫ», «ИЗДЕРЖКИ», «СЕБЕСТОИМОСТЬ»	201
<i>Павляк В. Е.</i> КЛАССИФИКАЦИЯ УСЛУГ УПРАВЛЕНЧЕСКОГО КОНСАЛТИНГА	207
<i>Петрашкевич А. К.</i> РОЛЬ ЧЕЛОВЕЧЕСКОГО ПОТЕНЦИАЛА В ИННОВАЦИОННОЙ ЭКОНОМИКЕ	214
<i>Прищепа Д. Н.</i> СОСТАВ И СТРУКТУРА ЧЕЛОВЕЧЕСКОГО КАПИТАЛА ОРГАНИЗАЦИИ.....	221
<i>Сапёлкина Е. И.</i> СОВЕРШЕНСТВОВАНИЕ МЕТОДИЧЕСКОГО И ИНФОРМАЦИОННОГО ОБЕСПЕЧЕНИЯ ОЦЕНКИ КОНКУРЕНТОСПОСОБНОСТИ РЕГИОНА	229
<i>Семак А. В.</i> ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ КОРПОРАТИВНОЙ ИНТЕГРАЦИИ В РЕГИОНАЛЬНЫХ ИНТЕГРАЦИОННЫХ ГРУППИРОВКАХ	234
<i>Сарвіраў Б. У., Баранаў А. М.</i> АДУКАЦЫЯ ЯК ГРАМАДСКАЯ КАРЫСЦЬ У РЫНАЧНАЙ ЭКАНОМІЦЫ	243
<i>Сорокина Т. В.</i> КОНЦЕПТУАЛЬНЫЕ ПОДХОДЫ К ПОВЫШЕНИЮ ЭФФЕКТИВНОСТИ ГОСУДАРСТВЕННЫХ РАСХОДОВ В СОЦИАЛЬНОЙ СФЕРЕ.....	249
<i>Харевич Г. Л.</i> О СОДЕРЖАНИИ СУЩЕСТВЕННЫХ СВОЙСТВ ОБЩЕСТВЕННЫХ БЛАГ	257
<i>Шарана Е. В.</i> ФОРМЫ И МЕХАНИЗМЫ ГОСУДАРСТВЕННО- ЧАСТНОГО ПАРТНЕРСТВА В СФЕРЕ ПРОФЕССИОНАЛЬНОГО ОБРАЗОВАНИЯ РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ.....	268

Научное издание

**НАУЧНЫЕ ТРУДЫ
РЕСПУБЛИКАНСКОГО ИНСТИТУТА ВЫСШЕЙ ШКОЛЫ.
ФИЛОСОФСКО-ГУМАНИТАРНЫЕ НАУКИ**

Сборник научных статей

Основан в 2000 году

Выпуск 20

В двух частях

Часть 2

Ответственный за выпуск *Н. С. Клишевич*

Редактор *И. М. Подоматько*

Компьютерная верстка *Т. В. Лукашинок*

Подписано в печать 02.08.2021. Формат 60×84/16.

Бумага офсетная. Ризография.

Усл. печ. л. 16,2. Уч.-изд. л. 24,9. Тираж 100 экз. Заказ 74.

Издатель и полиграфическое исполнение:

государственное учреждение образования

«Республиканский институт высшей школы».

Свидетельство о государственной регистрации издателя,
изготовителя, распространителя печатных изданий

№ 1/174 от 12.02.2014.

Ул. Московская, 15, 220007, г. Минск.